

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ГУМАНИТАРНЫЕ И ЮРИДИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Научно-теоретический журнал

ISSN 2409-1030

Выпуск № 2 / 2021

Выходит 4 раза в год

Ставрополь
2021

Учредитель

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
«Северо-Кавказский федеральный университет»

Главный редактор

И. В. Крючков – доктор исторических наук, профессор

Заместитель главного редактора

Д. А. Смирнов – доктор юридических наук, профессор

Ответственный секретарь

К. Р. Амбарцумян – кандидат исторических наук

Редакционный совет

Исмаил Тогрул Рафик оглы – д-р ист. наук, д-р экон. наук, профессор (Турция); **Карасик В. И.** – д-р филол. наук, профессор; **Крюссман Т.** – д-р юрид. наук, профессор (Австрия); **Крючков И. В.** – д-р ист. наук, профессор; **Мамонов В. В.** – д-р юрид. наук, профессор; **Мелконян А. А.** – д-р ист. наук, академик НАН Республики Армения; **Мюллер В.** – д-р ист. наук, профессор; **Репина Л. П.** – д-р ист. наук, член-корреспондент РАН; **Саваи Ф.** – д-р ист. наук, профессор (Венгрия); **Смирнов Д. А.** – д-р юрид. наук, профессор; **Фролов Д. Д.** – д-р соц.-полит. наук, научный сотрудник Национального Архива Финляндии.

Редакционная коллегия

Апрыщенко В. Ю. – д-р ист. наук, профессор; **Анисимов А. П.** – д-р юрид. наук, профессор; **Бакаева О. Ю.** – д-р юрид. наук, профессор; **Беликов А. П.** – д-р ист. наук, доцент; **Бредихин С. Н.** – д-р филол. наук, профессор; **Булыгина Т. А.** – д-р ист. наук, профессор; **Гладышев А. В.** – д-р ист. наук, профессор; **Грушевская Т. М.** – д-р филол. наук, профессор; **Гусаренко С. В.** – д-р филол. наук, профессор; **Демченко Т. И.** – д-р юрид. наук, доцент; **Дроздова А. М.** – д-р юрид. наук, профессор; **Клюковская И. Н.** – д-р юрид. наук, профессор; **Клычников Ю. Ю.** – д-р ист. наук, профессор; **Колесникова М. Е.** – д-р ист. наук, профессор; **Краснова И. А.** – д-р ист. наук, профессор; **Ласкова М. В.** – д-р филол. наук, профессор; **Маловичко С. И.** – д-р ист. наук, профессор; **Манаенко Г. Н.** – д-р филол. наук, профессор; **Мехди Хоссейни Тагиабал** – директор Института Кавказских исследований Тегеранского университета (Иран); **Мирошниченко Н. В.** – д-р юрид. наук, профессор; **Мухачёв И. В.** – д-р юрид. наук, профессор; **Навасардова Э. С.** – д-р юрид. наук, профессор; **Позднышев А. Н.** – д-р юрид. наук, профессор; **Попов В. В.** – д-р юрид. наук, профессор; **Рыженков А. Я.** – д-р юрид. наук, профессор; **Серебрякова С. В.** – д-р филол. наук, профессор; **Сумской Д. А.** – д-р юрид. наук, профессор; **Ходус В. П.** – д-р филол. наук, профессор; **Цихорацкий Петр** – профессор Вроцлавского университета (Польша); **Цыбенко В. В.** – канд. ист. наук, доцент; **Чаннов С. Е.** – д-р юрид. наук, профессор; **Чичман Ласло** – д-р полит. наук, профессор Будапештского университета «Корвинус» (Венгрия); **Шаронов С. А.** – д-р юрид. наук, профессор; **Шварц Искра** – д-р филос. наук, профессор Венского университета (Австрия); **Шебзухова Т. А.** – д-р ист. наук, профессор; **Шевчук С. С.** – д-р юрид. наук, профессор; **Шибкова О. С.** – д-р филол. наук, профессор; **Щербакова Л. М.** – д-р юрид. наук, профессор; **Яценко Т. С.** – д-р юрид. наук, доцент.

Научный журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС 77-59452 от 22 сентября 2014 г.

Индекс 94078 «Объединенный каталог. ПРЕССА РОССИИ. Газеты и журналы»

Входит в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

Адрес редакции и издателя:

355017, г. Ставрополь, ул. Пушкина, 1

Телефон: (8652) 75-28-64

ISSN 2409-1030

© ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет», 2021

HUMANITIES AND LAW STUDIES

Scientific bulletin

Founder

Federal State Autonomous Educational Institution for Higher Education
«North-Caucasus Federal University»

Editor-in-Chief

Kryuchkov I. V. – Doctor of History, Professor

Vice Editor-in-Chief

Smirnov D. A. – Doctor of Law, Professor

Executive editor

Ambartsumyan K. R. – PhD in History

Editorial Council

Ismail Togrul – Doctor of History, Doctor of Economics, Professor (Turkey); **Karasik V. I.** – Doctor of Philology, Professor; **Krüssmann T.** – Doctor of Law, Professor (Austria); **Kryuchkov I. V.** – Doctor of History, Professor; **Mamonov V. V.** – Doctor of Law, Professor; **Melkonyan A. A.** – Doctor of History, academician of National Academy of Sciences of Armenia; **Repina L. P.** – Doctor of History, corresponding member of the Russian Academy of Sciences; **Szávai F.** – Doctor of History, Professor of Kaposvár University (Hungary); **Smirnov D. A.** – Doctor of Law, Professor; **Frolov D. D.** – Doctor of Social and political Sciences, scientific officer of the National Archives of Finland.

Editorial Board

Apryschenko V. Yu. – Doctor of History, Professor; **Anisimov A. P.** – Doctor of Law, Professor; **Bakaeva O. Yu.** – Doctor of Law, Professor; **Belikov A. P.** – Doctor of History, Associate Professor; **Bredikhin S. N.** – Doctor of Philology, Professor; **Bulygina T. A.** – Doctor of History, Professor; **Gladyshev A. V.** – Doctor of History, Professor; **Grushevskaya T. M.** – Doctor of Philology, Professor; **Gusarenko S. V.** – Doctor of Philology, Professor; **Demchenko T. I.** – Doctor of Law, Associate Professor; **Drozdova A. M.** – Doctor of Law, Professor; **Klyukovskaya I. N.** – Doctor of Law, Professor; **Klychnikov Yu. Yu.** – Doctor of History, Professor; **Kolesnikova M. E.** – Doctor of History, Professor; **Krasnova I. A.** – Doctor of History, Professor; **Laskova M. V.** – Doctor of Philology, professor; **Malovichko S. I.** – Doctor of History, Professor; **Manaenko G. N.** – Doctor of Philology, Professor; **Mukhachev I. V.** – Doctor of Law, Professor; **Hosseini Mehdi** – Head of Caucasus Studies Institute, Tehran University, (Iran) Professor; **Miroshnichenko N. V.** – Doctor of Law, Professor; **Navasardova E. S.** – Doctor of Law, Professor; **Pozdnyshev A. N.** – Doctor of Law, Professor; **Popov V. V.** – Doctor of Law, Professor; **Ryzhenkov A. Ya.** – Doctor of Law, Professor; **Serebriakova S. V.** – Doctor of Philology, Professor; **Hodus V. P.** – Doctor of Philology, Professor; **Sumskoy D.** – Doctor of Law, Professor; **Tsikhoratskii Petr** – Doctor of History, Professor (Poland); **Tsybenko V. V.** – PhD in History, Associate Professor; **Channov S. E.** – Doctor of Law, Professor; **Chichman Laslo** – Doctor of Political Sciences, Professor of Budapest University «Corvinus» (Hungary); **Sharonov S. A.** – Doctor of Law, Professor; **Iskra Schwartz** – Doctor of History, Professor (Austria); **Shebzukhova T. A.** – Doctor of History, Professor; **Shevchuk S. S.** – Doctor of Law, Professor; **Shibkova O. S.** – Doctor of Philology, Professor; **Shcherbakova L. M.** – Doctor of Law, Professor; **Yatsenko T. S.** – Doctor of Law, Associate Professor.

The scientific journal is registered in the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, And Mass Media (Roskomnadzor).

Certificate of mass medium registration PI № FS 77-59452 of September 22, 2014.

Postal code 94078 «Unified catalog. PRESS OF RUSSIA. Newspapers and magazines».

The journal is on the List of leading peer-reviewed scientific journals recommended for candidate and doctoral thesis publications.

Address of the editorial office and the publisher:

1, Pushkin Street, Stavropol 355017.

Telephone: +7 (8652) 75-28-64

ISSN 2409-1030

© FSAEI HE “North-Caucasus
Federal University”, 2021

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Аверьянов А. В. Особенности работы среди женского населения в этнической среде на Дону, Кубани и Ставрополье в 1920–1930-е гг.	8
Ануприенко И. А. Эпикурейская традиция и её рецепция в историко-культурных и гуманистических взглядах представителей итальянского Возрождения.	15
Вартумян А. А. Территориальное измерение внешней политики Испании на рубеже XX–XXI веков.	23
Вирт Н. Ф. Реакция протестантского духовенства на установление Веймарской республики в Германии.	29
Животич А. Опасность военного вторжения и позиция Югославии в отношении Балканского пакта (1953–1954).	35
Колосовская Т. А. Кавказ в служебной биографии и историко-литературном наследии генерал-лейтенанта Д. И. Романовского (1825–1881)	42
Матвеев О. В. Великое Княжество Литовское в народных исторических представлениях русских и белорусов: общее и особенное	50
Пантюхина Т. В. Американская политика депортации нелегальных мексиканских иммигрантов в начале XXI века: человеческое измерение	60
Птицын А. Н. Чешская диаспора в Петербурге на рубеже XIX–XX веков: статистический обзор	65
Фургалев И. М. Заграничная делегация РСДРП и её роль в попытках объединения российской эмиграции в послевоенный период (1945–1951 гг.)	73
Ткаченко Д. С. Центральный и Северо-Восточный Кавказ в исследовательских практиках Г. С. Гордеева (20–30 гг. XIX в.)	77

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Бычко М. А., Комаревцева И. А. Особенности образовательного процесса в условиях пандемии коронавирусной инфекции (на примере преподавания гражданского права)	84
Гаджиев Т. Ф. Правовой режим инвестиций международных компаний в РФ.	90
Заборовский В. В. Направленность на достижение результата и характер адвокатской деятельности как критерии разграничения понятий «правовая помощь» и «правовая услуга»	96
Иванченко Е. А. Надзор за законностью осуществления фармацевтической деятельности как способ обеспечения органами прокуратуры права граждан на охрану здоровья и медицинскую помощь	103
Мирошниченко Н. В., Максимов В. Ю. Проявления насильственного способа совершения деяния в преступлениях, предусмотренных главами 17–34 УК РФ	113
Ярмонова Е. Н. Основные подходы к исследованию правовой культуры в современной юридической науке	120

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Бредихин С. Н., Котиева Т. Р. Трансляция виртуальных художественных миров в аспекте формирования рецептивной компетенции	127
Вартанова Л. Р. Сохранение прагматического аспекта стилистических средств в переводе научно-популярных текстов современных журналов (на материале текстов the Economist и Scientific American)	138
Марченко Т. В. Прецедентность в дискурсах медиапространства: к проблеме исследования вербальных и невербальных феноменов.	143
Орден И. А. Модификации значений ядерных предикатов в составе семантико-синтаксических фреймов в художественном нарративе	151

Раловец А. В. Полевое моделирование системообразующего концепта «Verbrechen» (на материале немецкого полицейского романа).....	160
Шевякина С. В. Аксиологические основания аргументации в интернет-дискурсе психологии ЗОЖ.....	169

РЕЦЕНЗИИ

Блинников В. А. Серков П. П. Правоотношение (Нравственность современного правового регулирования): монография. М.: Норма, 2020. 688 с.....	177
Романенко С. А., Клочков Р. А. Флоровский А. В. Труды по истории России, Центральной Европы и историографии: Из архивного наследия / под ред. В.Ю. Афиани; вступ. ст. М. В. Ковалева, сост., подг. к публ. и коммент. В. Ю. Афиани, М. В. Ковалева, Е. В. Косыревой, Т. Н. Лаптевой. СПб.: Нестор-История, 2020. 576 с., ил.	179

ЮБИЛЕИ

Кафедре зарубежной истории, политологии и международных отношений скфу – 45 лет.	185
---	-----

НЕКРОЛОГИ

Памяти профессора Сергея Ивановича Маловичко (1960–2021).	193
--	-----

CONTENTS

HISTORY

Averyanov A. Specific features of work among the women population in the ethnic environment on the Don, Kuban and Stavropol region in 1920–1930 s.....	8
Anuprienko I. The Epicurean tradition and its reception in the historical, cultural and humanistic views of the representatives of the Italian Renaissance.....	15
Vartumyan A. Territorial dimension of foreign policy of Spain at the turn of XX–XXI century	23
Virt N. Reaction of protestant clergy to the establishment of the Weimar republic in Germany	29
Zivotic A. Military danger and Yugoslav approach to Balkan pact (1953–1954)	35
Kolosovskaya T. Caucasus in service biography and historical and literary heritage of lieutenant general D. I. Romanovsky (1825–1881).....	42
Matveyev O. The grand principality of Lithuania in the people's historical concepts of Russians and Belarusians: the general and the special.....	50
Pantyukhina T. The us policies of deportation of illegal Mexican immigrants in the early XXI century: human consequences	60
Ptitsyn A. The Czech diaspora in St. Petersburg at the turn of the 19th – 20th centuries: a statistical overview.....	65
Furgalev I. The foreign delegation of the RSDLP and its role in attempts to unite the Russian emigration in the postwar period (1945–1951)	73
Tkachenko D. Central and North-Eastern Caucasus in the explorations of G.S. Gordeev (1820–1830 s).....	77

LEGAL SCIENCES

Bychko M., Komarevceva I. Features of the educational process in the context of the coronavirus pandemic (by the example of teaching civil law)	84
Gadzhiev T. Legal regime of investments of international companies in the Russian Federation.....	90
Zaborovskyy V. The focus on achieving the result and the nature of advocacy as criteria to distinguish between the concepts of «legal aid» and «legal service»	96
Ivanchenko E. Supervision of the legality of pharmaceutical activities as a way to ensure the right of citizens to health protection and medical care by the prosecutor's office	103
Miroshnichenko N., Maksimov V. Manifestations of violent action in crimes under chapters 17–34 of the criminal code of the Russian Federation	113
Yarmonova E. Basic approaches to the study of legal culture in modern legal science	120

PHILOLOGICAL SCIENCES

Bredikhin S., Kotieva T. Translation of virtual fiction worlds in the aspect of receptive competence development.....	127
Vartanova L. Maintenance of the stylistic pragmatic aspect in the translation of popular scientific texts from modern magazines (a case study of texts from the Economist and Scientific American).....	138
Marchenko T. Precedence in media discourses: on the study of verbal and non-verbal phenomena	143
Orden I. Modifications of meanings of nuclear predicates as a part of semantic-syntactic frames in literary narrative	151
Ralovets A. Field modeling of the system-forming concept «Verbrechen» as a reflection of the structure of mass consciousness of modern society (based on German police novel).....	160
Shevyakina S. Axiological grounds of argumentation in the internet discourse of health psychology	169

REVIEW

- Blinnikov A.** Serkov P. P. Legal relationship (Morality of modern legal regulation): monograph. Moscow: Norma, 2020. 688 p.....177
- Romanenko S., Klochkov R.** Florovsky A. V. Works on the history of Russia, Central Europe and historiography: From the archival heritage / Edited by V. Yu. Afiani; introduction by M. V. Kovalev, compilation and commentary by V. Yu. Afiani, M. V. Kovalev, E. V. Kosyreva, T. N. Lapteva. St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2020. 576 p. Illustrations179

ANNIVERSARIES

- The department of foreign history, political science and international relations of North Caucasus federal university is 45 years old185

OBITUARIES

- In memoriam of Professor Sergey Malovichko (1960–2021)193

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК-94 (47-57) 1917/1991
DOI 10.37493/2409-1030.2021.2.1

А. В. Аверьянов

ОСОБЕННОСТИ РАБОТЫ СРЕДИ ЖЕНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ В ЭТНИЧЕСКОЙ СРЕДЕ НА ДОНУ, КУБАНИ И СТАВРОПОЛЬЕ В 1920–1930-е гг.

В статье анализируется проблема организации работы среди женского населения (женрбота) в этнической среде на Дону, Кубани и Ставрополье. В современной историографии при изучении женского вопроса в южнороссийском макрорегионе в 1920–1930-е гг. основное внимание уделяется национальным автономиям Северного Кавказа, в то время как этнические меньшинства, проживавшие за их рамками (т.н. дисперсные этносы), до сих пор остаются вне исследовательского внимания. Актуальность изучения опыта работы среди женской части населения данных этнических сообществ, рассеянных по всей территории Юга России, обусловлена тем, что позволяет осветить многие вопросы государственной политики в дисперсной этнической среде под новым углом зрения. Подчеркивается, что работа среди представительниц этнических меньшинств имело двойное измерение, будучи частью женского вопроса в Советском государстве и неотъемлемой составляющей национальной политики. На основе широкого комплекса архивных документов

выявлены основные задачи, направления и механизмы женрботы в этнической среде. Показана её специфика и особенности проведения на Дону, Кубани и Ставрополье как субрегионе Юга России, или Юго-Востока в терминологии 1920–1930-х гг. Реконструирована система и структура руководства женработой на всесоюзном и региональном уровне, в том числе выделена ключевая роль в этом процессе партийных органов. Выявлены факторы, затруднявшие работу среди женского населения с учетом дисперсного характера расселения этнических меньшинств на Дону, Кубани и Ставрополье, особенностей их социального, культурного и хозяйственного развития. Определены механизмы, компенсировавшие недостатки женрботы среди этнических групп в указанном регионе.

Ключевые слова: женский вопрос, работа среди женского населения, женский актив, этнические меньшинства, национальные меньшинства, дисперсные этносы, Юг России, Северный Кавказ, Дон, Кубань, Ставрополье.

Anton Averyanov

SPECIFIC FEATURES OF WORK AMONG THE WOMEN POPULATION IN THE ETHNIC ENVIRONMENT ON THE DON, KUBAN AND STAVROPOL REGION IN 1920–1930s

The article analyzes the problem of organizing work among the female population in the ethnic environment in the Don, Kuban and Stavropol regions. In modern historiography, in the study of women's issue in the South Russian macroregion in the 1920s-1930s the main attention is paid to the national autonomies of the North Caucasus, while the ethnic minorities living outside them (dispersed ethnic groups) still remain outside research attention. The relevance of studying the experience of work among the female part of the population of these ethnic communities, scattered throughout the South of Russia, is due to the fact that it allows us to highlight many issues of state policy in a dispersed ethnic environment from a new angle. It is emphasized that the work among the representatives of ethnic minorities had a double dimension, being part of the women's issue in the Soviet state and an integral part of national policy. On the basis of a wide range of archival documents, the main tasks, directions and mechanisms

of women's work in an ethnic environment have been identified. The study shows its specificity and features of the Don, Kuban and Stavropol Territories as a sub-region of the South of Russia, or the South-East in the terminology of the 1920-1930s. The system and structure of the leadership of women's work at the all-Union and regional levels has been reconstructed, including the key role of party bodies in this process. The factors that made it difficult for the female population to work were identified, taking into account the dispersed nature of the settlement of ethnic minorities in the Don, Kuban and Stavropol regions, the peculiarities of their social, cultural and economic development. The mechanisms that compensated for the shortcomings of female work among ethnic groups in the specified region have been identified.

Key words: women's issue, women's work, women's asset, ethnic minorities, national minorities, dispersed ethnic groups, the South of Russia, the North Caucasus, Don, Kuban, Stavropol region.

На современном этапе развития российской историографии изучение дисперсной этнической среды на Юге России стало объектом пристального научного интереса. Можно говорить о складывании определённой исследовательской традиции, представленной в работах В. З. Акопяна [1], Н. Ф. Бугай [2], И. Г. Иванцова [14], К. Н. Максимова [15]. Этими и другими авторами были изучены многие аспекты из жизни этнических общин в южнороссийском макрорегионе, в том числе армян, немцев, греков, туркмен, шапсугов, калмыков, которые касались их экономического, политического и культурного развития.

Тем не менее, некоторые вопросы по-прежнему остаются малоизученными, в том числе государственная политика в женской среде. Между тем, указанная гендерная группа, составлявшая половину от численности всех этнических меньшинств, была важнейшей целевой аудиторией государственной политики в регионе. Данное направление работы, которое курировалось партийными органами на самом высоком уровне, считалось одним из важнейших и приоритетных, в том числе на Юге России с его традиционным укладом жизни, особенно на территориях с компактным проживанием этнических, а в терминологии 1920–1930-х гг. национальных меньшинств.

Целью настоящей статьи является выявление основных задач, направлений и специфики политики среди женского населения дисперсных этносов, проживавших на Юге России за рамками национальных автономий, главным образом на Дону, Кубани и Ставрополье.

Специфика государственной и партийной работы среди женщин (женработа) в этнической среде заключалась в том, что она имела двойной контур – гендерный и национальный. Оба направления государственной политики представляли большое значение для молодого Советского государства как в идеологическом, так и в практическом плане. Равенство мужчин и женщин в правах, в том числе обеспечение политического равноправия, было закреплено в первой советской Конституции 1918 г. Женработа в этнической среде, с одной стороны, была встроена в общую повестку решения женского вопроса в Советской России; с другой стороны, приобретала свою специфику, требовавшую особого подхода с учетом традиционных социальных отношений и вытекавшего из этого положения женщины в семье и обществе.

Стремление к раскрепощению женщин – «освобождению от оков домашнего рабства» диктовалось не только гуманистическими, но и практическими соображениями. Женская часть населения после предоставления ей избирательных прав представляла собой значительный электоральный ресурс. В процессе разрушения патриархальных устоев, ассоциировавшихся со старыми общественными порядками, которые

необходимо было преодолеть в ходе социалистического строительства, вовлечение женщин в производство и общественную работу могло обеспечить советской власти значительный кадровый ресурс и многочисленную лояльную социально-политическую опору.

О государственной важности женработы свидетельствовал тот факт, что её руководство возлагалось на специально созданные для этого партийные структуры, в том числе на самом высоком уровне. В сентябре 1919 г. при ЦК РКП(б) был создан Женотдел, который состоял из трех подотделов: организационно-инструкторского, агитационно-пропагандистского и печати, а также сектора по работе среди женщин Востока [18, с. 71].

Женотделу ЦК РКП(б) подчинялись одноименные структуры, созданные на уровне партийных организаций республик, краев, областей (губерний), районов. На Северном Кавказе первоначально женская работа велась подотделом по работе среди женщин, который тесно взаимодействовал с подотделом национальных меньшинств в составе секретариата Юго-Восточного бюро ЦК РКП(б) [16, л. 21]. После административно-территориальных изменений в 1924 г. женская работа стала курироваться Женотделом Северо-Кавказского крайкома РКП(б)-ВКП(б) и одноименными структурами на уровне областей, округов и районов. Важная роль в национальных административно-территориальных образованиях отводилась коренизации аппарата женотделов. На XIII съезде РКП(б) в 1924 г. было принято решение о необходимости их комплектования кадрами из местного населения [18, с. 72].

Приоритет в женской работе в Северо-Кавказском крае отдавался национальным автономиям, в том числе Чечено-Ингушской АО, Северо-Осетинской АО, Кабардино-Балкарской АО и др. Отмечалось, что «горянка живет под игом семейно-бытовых традиций и экономического гнёта» [17, л. 76–76 об]. Экономическое и политическое «освобождение горянки» провозглашалось одной из важнейших задач в этнической среде. С целью завоевания доверия со стороны «националок» считалось необходимым облегчить им условия хозяйственной деятельности, домашнего труда и быта, в том числе через создание трудовых артелей, устройство детей в школы, ясли и детские сады [17, л. 76 об]. В рамках агитационно-пропагандистской работы среди женского населения регулярно проводились женские конференции и съезды, в том числе на краевом уровне, куда делегировались общественные активистки от национальных областей.

Женработа в дисперсной этнической среде в целом исходила из тех же принципов и задач, которые реализовывались в национальных автономиях. На I Краевом совещании армянских секций в 1925 г. отмечалась необходимость объединения

работниц армянок по производственному принципу для облегчения и улучшения условий работы путём организации артелей швей, прачек, ткачих и т.д. [24, л. 11]

В рамках общественно-политической деятельности женщины привлекались на руководящую и техническую работу в составы аппаратов советских органов на местах, в том числе в сельские и районные советы, их президиумы и комиссии. Тем не менее, женрбота в дисперсной этнической среде имела свои особенности и специфику. Она обуславливалась «рассеянным» характером проживания этнических меньшинств, социальной замкнутостью и культурной изолированностью от окружающего, преимущественно восточнославянского населения. Учитывая, что основная часть этнических групп проживала в сельской местности, их отличал высокий уровень консервативного уклада жизни и общественных, в том числе семейно-бытовых отношений.

С целью обеспечения широкого охвата населения и массового характера социальной и идеологической работы в дисперсной этнической среде в 1920-е гг. на территории русских округов Северо-Кавказского края были созданы семь национальных районов. В том числе, Туркменский, Шапсугский, Армянский, Мясниковский, Ванновский, Калмыцкий, Греческий национальные районы [26, с. 66]. Тем не менее, большая часть представителей самых многочисленных этнических общин на Дону, Кубани и Ставрополье – армяне и немцы, а также значительная доля малочисленных этнических групп, среди которых были ассирийцы, калмыки, горские евреи, поляки и другие, проживала за рамками национальных районов. Это обуславливало крайние формы социальной консервации в инокультурном окружении, либо ассимиляцию, особенно в городах, что значительно затрудняло проведение национальной политики, особенно среди женского населения.

Наиболее низкими темпами в дисперсной этносреде осуществлялось партийное строительство по причине политической пассивности «нацмен», нейтрального отношения к советской власти и нехватки политически подкованных активистов. Значительным барьером на пути вовлечения этнических меньшинств в партийную работу было плохое знание или абсолютное незнание русского языка. Наиболее низкие показатели грамотности наблюдались именно среди женской части населения. Так, комиссия по обследованию донских армянских сел будущего Мясниковского национального района в 1925 г., в том числе Чалтыря, Крыма, Больших Салов, Несветая, отмечала, что «все женщины, то есть половина населения не владеет русским языком; исключение составляют единицы» [6, л. 29]. С учетом того, что именно партийные органы руководили женской работой в дисперсной этнической среде, слабость и ма-

лочисленность партийных структур не только на уровне сельсоветов, но и национальных районов замедляла её динамику. В результате окружающие и районные женотделы, уровень коренизации которых был чрезвычайно низким, зачастую игнорировали нужды и потребности женской части населения этнических меньшинств Северо-Кавказского края.

В зоне смешанного проживания этнических общин с русским населением рекомендовалось вовлекать нацменок в женские конференции с русскими крестьянками [4, л. 11]. Особая роль на уровне райкомов партии уделялось созданию курсов подготовки женактива, женских красных уголков, мастерских [25, л. 12]. В условиях «рассеянного» характера проживания этнических общин на Дону, Кубани и Ставрополье большое внимание уделялось расширению сети организаторов работы среди женщин (женорганизаторы), чья деятельность курировалась местными партийными или комсомольскими структурами. Их состав формировался преимущественно из работниц-активисток и комсомолок, которые вели пропагандистскую работу в женской среде, в том числе выступали с лекциями, проводили женские собрания с воспитательными и разъяснительными беседами, занимались организацией курсов по ликвидации неграмотности среди женщин.

Главным показателем успешности женрботы в этнической среде была степень вовлеченности женского населения в общественно-политическую деятельность. Стереотип о социально-политической пассивности женщин оставался довольно устойчивым, в том числе в тех общинах, где уровень женской грамотности был достаточно высок. Так, несмотря на то, что этот показатель среди немок был значительно выше, чем среди женщин из других этнических групп, степень и характер их участия в общественной работе оставался на низком уровне, особенно в дисперсно расположенных колониях. Например, в ходе выборов в Александровский немецкий сельсовет в Донском округе в 1925 г. специальной комиссией, обследовавшей положение национальных меньшинств в регионе, отмечался «неизжитый и глубоко сидящий предрассудок о том, что женщина не годится для общественной работы; несмотря на то, что немки поголовно грамотны, в Сельсовете одна только женщина (учительница). На общегражданских собраниях ... не более 2-3 женщин» [6, л. 94]. На перевыборах в Эбентальский немецкий сельсовет в Терском округе в 1926 г. на вопрос о возможности участия женщин в выборах «...мужчины и часть женщин на это ответили с усмешкой и говорили – работа в совете – не бабье дело... при этом мужчины делали всё время отводы женщинам, мотивируя их неработоспособностью» [4, л. 63].

Ещё более сложная ситуация с вовлечением женщин в общественную работу складывалась в других этнических группах с присущими им мусульманскими культурными традициями (туркмены, шапсуги, черкесы, татары). Большое влияние восточных традиций на гендерные роли было характерно для армянского населения, мигрировавшего на Юг России из Турции, а также донских армян, прибывших в своё время из Крыма и испытавших на себе влияние татарской культуры. Партийные активисты, обследовавшие армянские села Аксайского района в 1925 г., отмечали: «Из бытовых особенностей необходимо отметить забитое положение женщины – следы 600-летнего пребывания армян ... в татарском окружении, которое чувствуется до сих пор;... даже комсомол не в состоянии справиться с этим бытовым явлением... на собраниях РЛКСМ девочки и мальчики сидят отдельно, то же самое на собраниях взрослых, то же и в церкви – мужчины впереди, женщины сзади» [5, л. 90 об]. Ситуация усугублялась низким уровнем грамотности среди женщин, постоянной ответственностью за детей, отсутствием свободного времени для получения образования и саморазвития.

Однако, несмотря на имевшиеся трудности, государственный курс на вовлечение женщин в общественно-политическую работу оставался неизменным. На выборах в сельсоветы выделялись специальные женские квоты. При сельсоветах создавались и функционировали ясли и детские площадки, чтобы на время общественной работы освободить женщин от домашних обязанностей. Во второй половине 1920-х гг. представленность женщин в советских органах власти в национальных районах и сельсоветах Северо-Кавказского края неизменно увеличивалась. Большое внимание уделялось соблюдению классового отбора при выдвижении кандидаток на общественную и руководящую работу – приоритет отдавался представительницам бедняцких и середняцких хозяйств [25, л. 12].

С началом коллективизации женработа активизировалась. В 1929 г. Ванновская районная партийная организация отчиталась об избрании 30 женщин в состав сельсоветов, что составляло 31,5 % от всех членов; 6 женщин стали заместителями председателей. В районном исполнительном комитете заседали 3 женщины, в том числе одна в президиуме [19, л. 68]. Примерно такая же пропорция женского представительства выдерживалась и в ряде других национальных районов. Так, в Мясниковском районе по итогам выборов в сельсоветы 1929 г. доля избранных женщин составила 25 % [11, л. 38]; в Армянском районе в 1931 г. из 211 членов восьми сельсоветов 55 были женщинами, в президиумах 11 из 47 [21, л. 21]. В Греческом районе, образованном позже остальных, данные показатели несколько отставали. Од-

нако если в 1930 г. из 147 членов сельсоветов района женщины составляли 23 человека, то к 1931 г. из 190 работников число женщин увеличилось до 41 [23, л. 28]. Необходимо отметить, что доля представительниц этнических меньшинств в советских органах власти национальных районов составляла хотя и не подавляющую, но все же значительную часть. В ходе политики коренизации, продолжавшейся до второй половины 1930-х гг. этот показатель сохранял положительную динамику.

Аналогичный процесс наблюдался в национальных сельсоветах «русских» районов. В состав Греческого сельсовета Курсавского района Ставропольского округа в 1926 г. было избрано 3 женщины-гречанки (ранее была одна); в состав Дубово-Балковского греческого сельсовета того же округа – одна женщина (до этого женского представительства не имелось). Председателем Подгорненского эстонского сельсовета на Ставрополье был избрана женщина-крестьянка (эстонка), Розовского немецкого сельсовета – женщина-крестьянка (немка), что расценивалось районными властями как весьма крупное достижение [13, л. 51 об].

Однако, несмотря на рост формальных показателей женской представленности в советских органах власти качество их работы в большинстве случаев оставалось на низком уровне. На партийной конференции в Ванновском районе отмечалось, что лишь 20% избранных в сельсоветы женщин регулярно ходили на пленумы; присутствовавшие на заседаниях «молчат, не выступают (в особенности немки). Замы не инициативны» [13, л. 68]. На I партийной конференции Шапсугского района в 1931 г. констатировалось, что «работы с женщинами у нас нет, есть только механическое выдвижение в аппарат и организации» [20, л. 2].

Женработа в значительной степени проводилась по остаточному принципу. Местные советские и партийные органы фиксировали недостаточные темпы работы среди «женщин-националок». Так, в Греческом районе «за весь период 1930/1931 гг. проведена одна районная женконференция... В избах-читальнях работа среди женщин не ведётся, женуголков в колхозах нет» [23, л. 38 – 39]. Зачастую работа среди женщин ограничивалась периодом избирательных кампаний и не носила системного характера.

С начала 1930-х гг. с учетом нужд коллективизации было принято решение вывести женработу на новый уровень. В связи со структурной реорганизацией ЦК ВКП(б) женотделы были упразднены. Вместо них были созданы женские сектора в отделах агитации и массовых кампаний ЦК ВКП(б), краевых, областных, городских и районных комитетов партии, а также в парткомах крупных предприятий. Отмечалось, что новая структура руководства работой среди женского

населения лучше соответствует масштабу политических и хозяйственных задач в условиях коллективизации и индустриализации и позволяет активизировать женработу по советской, профсоюзной, кооперативной, комсомольской линии [18, с. 75].

На II партийной конференции Греческого района в 1932 г. в числе основных задач и направлений работы среди женщин отмечалось: «Женработу необходимо перестроить с таким расчётом, чтобы она способствовала завершению сплошной коллективизации и хозяйственному укреплению колхозов, для чего женсектору, райкому, всем партийным ячейкам, фракциям организаций и правлениям колхозов необходимо приблизить работу женпроизводственных для непосредственного разрешения всех вопросов хозяйственно-политических кампаний на селе, внутреннего переустройства культурно-бытовых условий села и колхоза, путём плановой систематической упорной работы над вопросами улучшения труда и быта женщин, расширяя сеть детплощадок, организации общественного питания и т. д.» [23, л. 39].

Следующим этапом женской работы стало выдвижение женщин на должность председателей сельсоветов. К 1935 г. в Армянском районе было избрано 12,5 % женщин председателей, в Ванновском районе – 20 %, в Мясниковском районе – 7,7 %, в Шапсугском районе – 12,8 %. Однако в Греческом и Калмыцком районе избрать женщин на должность председателей сельсоветов не удалось, что трактовалось региональными властями как значительный неуспех в рамках женработы [12, л. 136].

Наиболее успешно продвигалась работа в области вовлечения женщин в избирательный процесс. В ходе предвыборных кампаний проводилась активная агитационная компания, выпускалась специальная литература на национальных языках, в ряде случаев создавались специальные пункты голосования отдельно для женщин. Степень общественно-политической активности женского населения напрямую увязывалась с культурной работой, прежде всего ликвидацией неграмотности. С этой целью в избах-читальнях создавались женские уголки.

Такая политика в скором времени дала ощутимые результаты. В Мясниковском районе процент женщин, участвовавших в выборах, с 1927 г. по 1929 г. вырос с 31,7 % до 48,8 %, хотя и оставался одним из самых низких по сравнению с другими национальными районами [11, л. 38]. Донские немки в 1927 г. продемонстрировали 75 % явку на выборах в сельсоветы [7, л. 9 об]. В 1929 г. в Ванновском районе явка женщин-немок составила 38,2 %, что было значительно выше показателей годичной давности – 10,7 % [19, л. 90]. В ряде национальных сельсоветов и районов явка женщин на выборы была выше, чем у мужчин. Так, в избирательной кампании 1931 г. в Армян-

ском районе приняло участие 92 % женщин, что превышало среднюю явку (87 %) [21, л. 21]. К середине 1930-х гг. женская явка на выборах сельсоветов достигла своего пика. В Армянском районе этот показатель составлял 85,9 %, в Ванновском районе – 79,4 %, в Греческом районе – 79,8 %, в Мясниковском районе – 92 %, в Шапсугском районе – 90,2 %, в Калмыцком районе – 82,6 %.

Другим важным направлением работы в женской среде было вовлечение женской части населения в производственный процесс. Женщины активно использовались, прежде всего, на сельскохозяйственных работах. В ходе коллективизации ключевое внимание уделялось созданию системы дошкольного воспитания, в том числе открытию широкой сети ясель и детских садов. Они должны были высвободить значительное количество потенциальных женских рабочих рук, которые могли бы быть использованы на производстве. На районной партийной конференции Греческого района в 1930 г. отмечалось, что «организация детских ясель, детплощадок... должна была способствовать вовлечению женщин в советскую общественную работу» [22, л. 6].

Решение данной задачи в этнической среде представлялось затруднительной по целому ряду причин: нехватки средств и финансирования социальной сферы по остаточному принципу, а также традиционных представлений о семье и месте в ней женщин. Однако, несмотря на имевшиеся трудности в 1930-е гг. решение поставленной задачи вышло на новый уровень. Предполагалось, что значительную часть организационных усилий и финансовых затрат возьмут на себя колхозы и совхозы. В резолюции I Донского окружного совещания членов немецких сельсоветов от 22 мая 1930 г. отмечалась необходимость «расширения амбулаторных, акушерских пунктов и организация сети детских яслей и площадок, в первую очередь при колхозах» [10, л. 24]. В Армянском районе к весне 1934 г. планировалось открыть детские ясли и площадки, которые должны были «охватить всех детей поголовно». Процент участия родителей в содержании яслей определялся общим собранием колхозников. Кроме того, колхозы должны были заботиться об обеспечении яслей и детских садов работающим персоналом. Оплата производилась трудоднями [14, с. 35].

В Греческом районе к 1932 г. было организовано 22 ясельных учреждения и 17 детплощадок (детских садов) [14, с. 65]. В Шапсугском районе охват детей от 3 до 7 лет детскими площадками и детсадами увеличился с 80 человек в 1930 г., до 300 человек в 1931 г., что составляло 37 % от общего количества детей [14, с. 74 – 75]. В Мясниковском районе в декабре 1929 г. отмечалась необходимость «расширить ясельную сеть в колхозах, в 1930 году, летом... открыть 2 яслей в крупных колхозах, на что требуется 3 тыс. В Чал-

тыре [планировалось] иметь постоянные детясли, где имеется большое кол-во батраков, бедняков, рабочих, на что требуется 2000 руб.» [8, л. 45 об]. Если в 1929 г. в Мясниковском районе функционировало пять яслей на 150 детей [9, л. 46], то в 1930 г. планировалось иметь уже 13 ясель на 325 мест. Поскольку районных средств для этого не хватало в утверждённой смете на организацию ясель из местного бюджета отводилось 4,8 тыс. рублей, из окружного – 6 тыс. рублей [8, л. 100].

В 1935 г. в Армянском, Греческом и Шапсугском районах при каждом колхозе действовали по две детских площадки и ясли. В отчете заведующей Нацменотделом Президиума Азово-Черноморского крайисполкома Александровой отмечалось, что «невыход женщин на работу благодаря тому, что не с кем оставить ребят, почти не имеет места». В то же время подчеркивалось, что дошкольная сеть детских учреждений «только разрабатывалась» [12, л. 133 об].

Политика коллективизации и индустриализации способствовала увеличению запроса на трудовые ресурсы, в том числе квалифицированные кадры. Развитие профессионального образования представляло собой приоритетное направление в рамках женработы. 18 июля 1927 г. в резолюции совещания женактива, проводимого женотделом Северо-Кавказского крайкома ВКП(б), об увеличении приема женщин в профессиональные, средние и высшие учебные заведения, отмечалась необходимость обратить внимание на «тяжелое положение с привлечением в учебные заведения девушек-националок». Признавалось необходимым уделить этому вопросу особое внимание, а также активнее использовать 10 % норму для женского представительства

в учебных заведениях. Крайпрофобру рекомендовалось активно использовать 10 % женскую квоту на предприятиях, где женский труд до этого мало применялся, но его применение считалось возможным, а также обратить внимание на школы, которые обслуживают предприятия с большим применением женского труда, но где девушек в фабрично-заводских училищах почти нет [3, с. 287–288]. Однако приём представительниц дисперсных этнических групп в средне-специальные и высшие учебные заведения, а также вовлечение в промышленное производство носили ограниченный характер, поскольку подавляющее большинство из них проживало в сельской местности и имело низкий уровень социальной мобильности.

Таким образом, работа среди женского населения в дисперсной этнической среде на Юге России в 1920–1930-е гг. имела двойное измерение: с одной стороны, она являлась частью большого женского вопроса; с другой стороны, была продолжением национальной политики. Её специфика обуславливалась сложностью охвата женской целевой аудитории в силу дисперсного расселения многих этнических общин, основная часть которых проживала на территории русских округов и районов – преимущественно на Дону, Кубани и Ставрополье. Более или менее системную женработу удалось наладить в национальных районах. Недостатки общественно-политической работы среди женской части населения и нехватка квалифицированных национальных кадров компенсировались главным образом за счёт усиления социальной работы в этнической среде, что проявлялось в улучшении бытовых условий проживания и на производстве.

Источники и литературы

1. Акопян В.З. Краткий очерк по истории немцев Северного Кавказа. Пятигорск: ПГЛУ, 2005. – 60 с.
2. Бугай Н.Ф. Кавказ. Этнические меньшинства: прошлое и настоящее. М.: Гриф и К, 2014. 420 с.
3. Великий Октябрь и раскрепощение женщин Северного Кавказа и Закавказья (1917-1936 гг.): Сб. док. и материалов. М.: Мысль, 1979. 370 с.
4. Государственный архив новейшей истории Ставропольского края. Ф. 5938. Оп. 1. Д. 22.
5. Государственный архив Ростовской области (далее – ГАРО). Ф.Р – 64. Оп. 3. Д. 22.
6. ГАРО. Ф.Р – 1798. Оп. 1. Д. 941.
7. ГАРО. Ф.Р – 1798. Оп. 1. Д. 1116.
8. ГАРО. Ф.Р – 1798. Оп.1. Д. 1343.
9. ГАРО. Ф.Р – 1798. Оп.1. Д. 1399.
10. ГАРО. Ф.Р – 2713. Оп. 1. Д. 29.
11. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф.Р – 1235. Оп. 124. Д. 75.
12. ГАРФ. Ф.Р – 1235. Оп. 130. Д. 3.
13. Государственный архив Ставропольского края. Ф.Р – 299. Оп.1. Д. 784.
14. Иванцов И.Г. Советские формы «малой автономии». Национальные районы и сельсоветы на Кубани. 1924-1953 гг. (на материалах Кубани и Северного Кавказа). Краснодар: Альфа-Принт, 2013. – 128 с.
15. Максимов К. Н. Калмыки в составе донского казачества (XVII – середина XX в.). Ростов н/Д.: Изд-во ЮНЦ РАН, 2016. – 576 с.
16. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 65. Оп. 1. Д. 9.
17. РГАСПИ. Ф. 65. Оп. 1. Д. 148.
18. Харитонов С. Б. Создание специального аппарата для работы среди женского населения в 1920-1930-е годы (региональный опыт) // Вестник Чувашского университета. 2007. №3. С. 70 -79.
19. Центр документации новейшей истории Краснодарского края (далее – ЦДНИКК). Ф. 493. Оп. 1. Д. 21.

20. ЦДНИКК. Ф. 656. Оп. 1. Д. 6.
21. ЦДНИКК. Ф. 1415. Оп. 1. Д. 14.
22. ЦДНИКК. Ф. 2662. Оп. 1. Д. 5.
23. ЦДНИКК. Ф. 2662. Оп. 1. Д. 15.
24. ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 165.
25. ЦДНИРО. Ф. 73. Оп. 1. Д. 11.
26. Цуциев А. А. Атлас этнополитической истории Кавказа (1774 – 2004). М.: Европа, 2007. 127 с.

References

1. Akopyan V.Z. Kratkii ocherk po istorii nemtsev Severnogo Kavkaza (A brief essay on the history of the Germans of the North Caucasus). Pyatigorsk: PSLU publ., 2005. 60 p. (In Russian).
2. Bugai N.F. Kavkaz. Etnicheskie men'shinstva: proshloe i nastoiashchee (Caucasus. Ethnic minorities: the past and the present). Moscow: «Grif» and K Publ., 2014. 420 p. (In Russian).
3. Velikii Oktyabr' i raskreposhchenie zhenshchin Severnogo Kavkaza i Zakavkaz'ya (1917-1936 gg.) (Great October and the emancipation of women in the North Caucasus and Transcaucasia (1917 – 1936). Moscow: Mysl' publ., 1979. 370 p. (In Russian).
4. State archive of modern history of the Stavropol region (GANISK). F. - 5938. Inv. 1. D. 22. (In Russian).
5. State archive of the Rostov region (GARO). F.R. - 64. Inv. 3. D. 22. (In Russian).
6. GARO. F.R. - 1798. Inv. 1. D. 941. (In Russian).
7. GARO. F.R. - 1798. Inv. 1. D. 1116. (In Russian).
8. GARO. F.R. - 1798. Inv. 1. D. 1343. (In Russian).
9. GARO. F.R. - 1798. Inv. 1. D. 1399. (In Russian).
10. GARO. F.R. - 2713. Inv. 1. D. 29. (In Russian).
11. State archive of the Russia Federation (GARF). F.R. - 1235. Inv. 124. D. 75. (In Russian).
12. GARF. F.R. - 1235. Inv. 130. D. 9. (In Russian).
13. State archive of Stavropol territory (GASK). F.R - 299. Inv. 1. D. 784. (In Russian).
14. Ivantsov I.G. Sovetskie formy «maloy avtonomii». Natsional'nye rayony i sel'sovety na Kubani. 1924-1953 gg. (na materialakh Kubani i Severnogo Kavkaza) (The Soviet forms of «low autonomy». National districts and village councils in the Kuban. 1924-1953. (on materials of the Kuban and the North Caucasus). Krasnodar: Al'fa-Print, 2013. 128 p. (In Russian).
15. Maksimov K. N. Kalmyki v sostave donsogo kazachestva (XVII- seredina XX v.) (Kalmyks as part of the Don Cossacks (XVII - mid XX century). Rostov-on-Don: YuNTs RAS publ., 2016. 576 p. (In Russian).
16. Russian state archive of socio-political history (RGASPI). F.R - 65. Inv. 1. D. 9. (In Russian).
17. RGASPI. F.R - 65. Inv. 1. D. 148. (In Russian).
18. Kharitonova S.B. Sozdanie special'nogo apparata dlja raboty sredi zhenskogo naselenija v 1920-1930-e gody (regional'nyj opyt) (Creation of a special apparatus for working among the female population in the 1920s-1930s (regional experience) // Vestnik Chuvashskogo universiteta. 2007. No. 3. P. 70 – 79. (In Russian).
19. Center of documentation of modern history of Krasnodar region (TsDNIKK). F. - 493. Inv. 1. D. 21. (In Russian).
20. TsDNIKK. F. - 656. Inv. 1. D. 6. (In Russian).
21. TsDNIKK. F. - 1415. Inv. 1. D. 14. (In Russian).
22. TsDNIKK. F. - 2662. Inv. 1. D. 5. (In Russian).
23. TsDNIKK. F. - 2662. Inv. 1. D. 15. (In Russian).
24. The documentation centre of recent history in Rostov region (TsDNIRO). F. - 7. Inv. 1. D. 165. (In Russian).
25. TsDNIRO). F. - 73. Inv. 1. D. 11. (In Russian).
26. Tsutsiev A. A. Atlas etnopoliticheskoi istorii Kavkaza (1774-2004) (Atlas of the ethnopolitical history of the Caucasus (1774–2004). Moscow: Evropa Publ., 2006. 128 p. (In Russian).

Информация об авторе

Аверьянов Антон Викторович – кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории XX–XXI веков института истории и международных отношений Южного федерального университета (Ростов-на-Дону) / aver18071981@yandex.ru

Information about the author

Averyanov Anton – PhD in history, Associate Professor, Chair of Russian history in XX–XXI, Institute of History and International Relations, Southern Federal University (Rostov-on-Don) / aver18071981@ yandex.ru

УДК 930.85
DOI 10.37493/2409-1030.2021.2.2

И. А. Ануприенко

ЭПИКУРЕЙСКАЯ ТРАДИЦИЯ И ЕЁ РЕЦЕПЦИЯ В ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫХ И ГУМАНИСТИЧЕСКИХ ВЗГЛЯДАХ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ИТАЛЬЯНСКОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ

Настоящая статья посвящена изучению взглядов представителей итальянского Возрождения Г. Кавальканти, Ф. Петрарка, Л. Бруни, Ф. Бьондо, А. Беккаделли, Л. Валла, К. Раймонди и Дж. Ванини. Философы представленной эпохи, стоявшие на позициях эпикуреизма, считали учение Эпикура базисом гуманистической философии. Гуманистические и историко-культурные взгляды итальянских философов позволили возродить интерес к античной философии, почерпнув наиболее значимые идеи, в которых была раскрыты категории «общественного идеала», «общественного блага», «гражданской идентичности». В ходе исследования мы рассматриваем сущность философии эпикурейской школы и ее эволюцию в трудах ярчайших представителей итальянских философов - эпикурейцев эпохи Возрождения.

При разборе концепций представителей эпикурейской школы эпохи Возрождения, акцентируется внимание на эволюцию учения Эпикура и его адаптацию под специфику итальянского общества. Разбирая историко-культурные и гуманистические взгляды группы итальянских философов, развивавших идеи Эпикура и Филодема, анализируется их отражение в концепции «*Studia humanitatis*».

Давая оценку развитию эпикуреизма в историческом и историко-культурном аспектах, возможно, установить взаимосвязь между сущностью гуманистической философии эпохи Возрождения и характером социально-правовой философии эпохи Просвещения. Философия Г. Кавальканти и Ф. Петрарка заложила основу новому восприятию античной культуры. Так как эти философы впервые предложили противопоставить «*Studia humanitatis*» средневековой схоластике, то именно их можно назвать первыми итальянскими эпикурейцами. Л. Бруни и Ф. Бьондо рассматривали значимые общественные проблемы, они привнесли много новых идей в классическое учение Эпикура. А. Беккаделли и Л. Валла полностью сформировали представление о возрожденном учении Эпикура и адаптировали это учение в соответствии с гуманистической концепцией. К. Раймонди интегрировал гуманизм из философского дискурса в политико-правовое и историческое направления. Дж. Ванини завершил процесс трансформации античного эпикуреизма в гуманистическую концепцию эпохи Возрождения.

Ключевые слова: эпикуреизм, эпоха Возрождения, общество, природа, счастье, гуманизм, Италия.

Irina Anuprienko

THE EPICUREAN TRADITION AND ITS RECEPTION IN THE HISTORICAL, CULTURAL AND HUMANISTIC VIEWS OF THE REPRESENTATIVES OF THE ITALIAN RENAISSANCE

The article is devoted to the study of the views of the representatives of the Italian Renaissance: G. Cavalcanti, F. Petrarch, L. Bruni, F. Biondo, A. Beccadelli, L. Valla, C. Raimondi, and J. Vanini. The philosophers of the present epoch, who stood on the positions of Epicureanism, considered the teaching of Epicurus to be the basis of humanistic philosophy. The humanistic and historical-cultural views of the Italian philosophers allowed to revive the interest in ancient philosophy, drawing the most significant ideas, in which the categories of «public ideal», «public good», and «civic identity» were revealed. In the course of the study, we consider the essence of the Epicurean school of philosophy and its evolution in the works of the brightest representatives of the Italian Epicurean philosophers of the Renaissance.

When analyzing the concepts of the representatives of the Epicurean school of the Renaissance, attention is focused on the evolution of the teachings of Epicurus and its adaptation to the specifics of Italian society. Analyzing the historical, cultural and humanistic views of a group of Italian philosophers who developed the ideas of Epicurus and Philodemus, we analyze their reflection in the concept of «*Studia humanitatis*».

Assessing the development of epicureanism in historical and historical-cultural aspects, it is possible to establish the relationship between the essence of the humanistic philosophy of the Renaissance and the nature of the socio-legal philosophy of the Enlightenment. The philosophy of G. Cavalcanti and F. Petrarch laid the foundation for a new perception of ancient culture. Since these philosophers first proposed to contrast the «*Studia humanitatis*» with medieval scholasticism, they can be called the first Italian Epicureans. The Biondos considered significant social problems, they brought many new ideas to the classical teaching of Epicurus. A. Beccadelli and L. Valla fully formed the idea of the revived teaching of Epicurus and adapted this teaching in accordance with the humanistic concept. K. Raimondi integrated humanism from the philosophical discourse into the political, legal and historical directions. Vanini completed the process of transforming ancient epicureanism into a humanistic concept of the Renaissance.

Key words: epicureanism, Renaissance, society, nature, happiness, humanism, Italy.

Значительный интерес к гуманистическим взглядам эпохи Возрождения связан с процессами переосмысления средневековой картины мира и был обусловлен объективными факторами, которые повлияли на создание общекультурных ценностей, социальных и моральных норм, ставших базисом многих философских течений, в частности, классической итальянской философии гуманизма. Идеологические установки в эпоху Возрождения стали отличаться от считающихся традиционными признаков средневекового общества с его иерархичностью. У итальянских гуманистов вырабатывались новые черты социальной психологии, побуждающие пристально анализировать действительность, руководствоваться в своих поступках практическими побуждениями, на рациональных началах воспринимать окружающую действительность. Определенное влияние на происходящие оказывали новые культурные веяния, связанные с ренессансными идеями. Взгляды средневековых мыслителей, негативно оценивавших любое мирское призвание, ставящих монастырское уединение, посвященное молитвам и постам, неизмеримо выше любой деятельности, приходили в противоречие с требованиями жизни. Основные ценности и правила жизни – это поступки, которые принесут счастье и подарят спокойствие, как считали широкие слои образованных горожан итальянского общества конца XIV – начала XV в., а начинаются эти правила с главного – умения дорожить тем, что дано богом.

Актуальность темы исследования заключается в необходимости более детального изучения влияния философии эпикуреизма на развитие историко-культурных и гуманистических взглядов представителей итальянского Возрождения. Детальное изучение трудов итальянских философов-эпикурейцев ценно, прежде всего, с позиции освещения и раскрытия ключевых императивов и ценностных аттракторов современного гражданского общества.

В рамках заявленной проблематики, особый интерес вызывают эпикурейские концепции Г. Кавальканти, Ф. Петрарка, Л. Бруни, Ф. Бьондо, А. Беккаделли, Л. Валла, К. Раймонди и Дж. Ванини, так как в их трудах прослеживалось переосмысление некоторых трудов античных философов эпикурейской школы.

Проблемой изучения историко-культурных и гуманистических взглядов итальянских философов, стоявших на позициях эпикуреизма, занимались отечественные и зарубежные историки. В частности, следует выделить работы немецкого историка и культуролога Г. Фойгта [17; 18], американского историка П. Кристеллера [13], швейцарского историка и философа Я. Буркхардта [3], французского ученого Э. Гарэна [6], а также исследования советского и российского историка-медиевиста С. М. Стама [15].

Г. Фойгт популяризировал учение эпикуреизма в конце XIX – начале XX вв. [17], кроме того, провел комплексный анализ взаимосвязи учения Эпикура и трудов гуманистов Проторенессанса (втор. пол. XIII в. – XIV в.) и Раннего Возрождения (начало XV – конец XV в.) [18]. П. Кристеллер обнаружил семантическую связь между работами Эпикура, Филодема и Г. Кавальканти, который одним из первых заговорил о гуманистических идеях с опорой на эпикуреизм [13, с. 161]. Я. Буркхардт, критикуя Тетрафармакос Филодема, проследил культурную интеграцию работ Г. Кавальканти в императивах итальянского общества третьей четверти XIII в. [3], в результате Я. Буркхардт выступал с критикой влияния киников, скептиков и стоиков на философов Ренессанса. Э. Гарэну удалось обнаружить прямую взаимосвязь между эпикуреизмом Г. Кавальканти и концепцией «*Studia humanitatis*» Л. Бруни, причём, Гарэн не акцентировал внимание на влиянии Марка Туллия Цицерона на ранних гуманистов [6].

Советский историк-медиевист С. М. Стам первым высказал предположение о том, что гуманизм – это эпикуреизм, претерпевший значительные изменения в трудах Г. Кавальканти, Ф. Петрарка и Л. Бруни [15]. Контекстуально изучением развития эпикуреизма занимались отечественные историки Л.М. Брагина [1] и М. Т. Петров [11], а также французский историк, публицист и философ И. Тэн [16]. В работе Л.М. Брагиной и М. Т. Петрова наиболее полно раскрыты гуманистические позиции итальянских эпикурейцев. В исследовании И. Тэна дается характеристика историко-культурных взглядов итальянских эпикурейцев.

Исходя из этого, проблема преемственности эпикурейской традиции остается открытой для дискурса в сфере исследований ученых, которые занимаются изучением различных сторон сложного социокультурного прошлого, поэтому, необходимо переосмыслить целый ряд существующих научных подходов относительно античных идей Эпикура и эллинистических взглядов Филодема.

Эпикуреизм – философская традиция, основоположником которой был Эпикур Самосский. В результате деятельности античных последователей эпикуреизма, в эпоху Эллинизма традиция насчитывала множество сторонников за пределами Атики. В Новое Время эпикуреизм определяется как одна из четырех главенствующих школ эпохи Эллинизма (наряду со школами стоиков, скептиков и киников [13, с. 156].

В контексте работ Эпикура учение предполагало избавление от духовной боли – через отдаление от мира, избавление от физической боли – через отдаление от общества и, выражаясь современным языком, «самозанятость», то есть, труд, благо которого предназначалось исключительно для одного человека. «Отречение» и «безразличие» были ключевыми категориями

в трудах Эпикура, наряду с его императивом счастья. В дальнейшем труды Эпикура получат распространение в трудах философов эпохи Возрождения и будут абсолютизированы мыслителями, принадлежащими к немецкой неклассической философии (иррационализм, позитивизм, неокантианство, философия жизни) [7, с. 67].

Эпикуреизм зародился в эпоху Ранней Античности (конец IV – начало III в. до н.э.) и Эпикур, как основоположник учения, сформировал философский базис, на которые в дальнейшем опирались различные школы, открывшиеся в крупнейших греческих полисах, таких, как: Митилена (классическая школа), Лампсак (радикальная школа) и Афины (прогрессивная школа). В прогрессивной школе новый эпикуреизм уже в эпоху Античности стал неким аналогом итальянского гуманизма, сохранив черты ортодоксального учения [15, с. 78].

Опираясь на дионисовское начало, радикальная школа положила начало кризису античной метафизики, так как все крупнейшие мыслители сочли «болезненную правдивость» эпикуреизма крахом греческой философии на том уровне развития, на котором она находилась. Тем не менее, благодаря пересмотру содержания ортодоксального учения Филодемом Гадарским в эпоху Эллинизма, эпикуреизм приобрёл завершённый вид. В качестве «нравственного идеала» эпикурейца Филодем предложил концепцию «Тетрафармакос» («Четыре лекарства»), что на какое-то время возродило интерес к эпикурейским школам, а школа Филодема стала доминирующей по ряду признаков [17, с. 39].

Л. М. Брагина писала, что этика античного эпикуреизма исходила из ограничения возможности разума в плане познания мира в целом, включая социальные проблемы справедливости, насилия, властолюбия [1, с. 19]. Согласно Эпикуру, сознавая невозможность «исправить общество», построив его на основе разума, людей следует призывать к «внутренней миграции». Мудрец должен понимать свою отчужденность от неразумного социума и воспринимать его как внешнюю среду, которую надо признать и принять. Мудрец должен относиться к бедам спокойно и невозмутимо, «живя и мысля в гармонии с самим собой» [18, с. 57].

Эта мысль получила развитие в концепции «Тетрафармакос» Филодема Гадарского, который сумел кратко и ёмко выразить более чем из 300 трактатов Эпикура в четырёх основных положениях, отвечавших к тому же требованиям времени и духу эпохи Эллинизма. «Четыре лекарства» по Филодему отражали правила «счастливой жизни и уважительного отношения человека к человеку». Первое лекарство должно было исцелить человека от страха перед богами: не бойся богов, единственный настоящий бог – это твой ближний. Второе лекарство исцеляло

от страха смерти: не бойся смерти, все люди умирают, поэтому необходимо уделить как можно больше времени ближнему. Третье лекарство исцеляло от осознания тягот бытия: благо легко достижимо, а человеческий труд – часть жизни, но не самоцель. Четвёртое лекарство исцеляло от общественного зла: зло легко переносимо, и жизнь не следует тратить на размышления о зле и мести [14, с. 69–70].

Так, Филодем заложил основы позитивизма и гуманизма, которые затем станут популярны в эпоху Возрождения. Тем не менее, будучи популярными в эпоху Эллинизма, размышления Филодема не нашли отклика в сознании средневекового человека, даже интеллигенция обошла их стороной. Возвращение к философии Филодема и непосредственно к эпикуреизму произошло лишь в период Раннего Возрождения. Тогда труды Эпикура и Филодема заложили основу для развития многих историко-культурных и гуманистических концепций. Первым же попытку «возродить» эпикуреизм сделал Козимо Раймонди, кремонский правовед. В научном дискурсе он исследовал сущность и структурно-функциональные особенности практик эпикурейцев. Благодаря его вкладу, волна интереса к эпикуреизму распространилась на многие итальянские города. Однако, ещё до него, к идеям Эпикура обратились итальянские философы и поэты Гвидо Кавальканти и Франческо Петрарка [12].

Пометка: собственно термин гуманизм ввел психолог и педагог Ф. Нитхаммер в 1808 году после прочтения двухтомной работы Г. Фогта «Возрождение классической древности и первый век гуманизма» [17; 18]. До этого все итальянские философы опирались на творчество Г. Кавальканти и Ф. Петрарка или пользовались концепцией Л. Бруни «*Studia humanitatis*» [2, с. 45].

О философии Ф. Петрарка нам известно в значительной степени, в то время как философия Г. Кавальканти всегда находилась в тени первого. Гвидо Кавальканти (1255-1300) – итальянский философ и поэт, близкий друг Данте Алигьери, принадлежал к фракции «белых гвельфов», после распада партии на «Черки» и «Донати», Кавальканти бежал в Сарцану [8, с. 1]. По сохранившимся историческим источникам можно судить лишь о раннем творчестве Г. Кавальканти.

Г. Кавальканти первым в эпоху Возрождения обратился к идеям Эпикура. Автор оставил после себя около 30 полных стихотворений, которые на сегодняшний день удалось восстановить. Стихи Г. Кавальканти проникнуты лирическими и гражданско-политическими мотивами. Гуманистические взгляды Г. Кавальканти отражены в его поэтическом творчестве. Несколько раз упоминая философию Эпикура, Г. Кавальканти развивает собственный взгляд на то, какой должна быть «счастливая жизнь» [8, с. 157].

Два самых знаменитых стихотворения Г. Кавальканти «Канцона о любви» и «К Данте» представляют собой традиционный художественно-философский трактат. Изохронная поэтическая форма и символичность позволила Г. Кавальканти добиться признания среди итальянских поэтов, а гуманистический посыл – среди философов [3; 12].

В поэтических сочинениях Г. Кавальканти наблюдается синтез средневекового мистицизма и эпикуреизма. В качестве примера можно привести несколько отрывков из стихотворения «К Данте»: «О если б я любви достоин был, – / Во мне лишь память о любви всевластна, / И дама не была б столь безучастна, / Такой корабль мне стал бы, Данте, мил...» И далее: «...Амор натягивает лук / И, торжествуя, радостью сияет: / Он сладостную мне готовит месть. / Но слушай удивительную весть – / Стрелой пронзенный дух ему прощает / Упадок сил и силу новых мук» [8, с. 112].

Обратимся к работам более известных современников Г. Кавальканти. Одним из его последователей по праву считается Франческо Петрарка (1304 – 1374) – итальянский поэт, в итальянской историографии считается лидером старшего поколения гуманистов. Ф. Петрарка стремился научно и художественно обосновать антропоцентрическую концепцию Платона. В его понимании гуманизм представлялся «ревностным изучением человеческого духа», что было необходимо для достижения «счастья» и «благополучия» общества [9, с. 267].

В противовес религиозной философии Средневековья гуманистическая философия Ф. Петрарка ставила своей задачей изучение человека со всеми его земными и духовными нуждами – что и как может принести ему «счастье». Взамен онтологических вопросов Ф. Петрарка на первый план выдвигает вопросы культурные, этические и эстетические [9, с. 271].

В трактате «Моя тайна, или Книга бесед о презрении к миру» от лица Святого Франциска Ф. Петрарка рассуждает о попытке превзойти своё несчастье, возвыситься над ним: «Или кто так несведущ в человеческих делах или так далек от всякого общения со смертными, чтобы не знать, что нужда, страдания, бесчестье, наконец, болезни и смерть <...> постигают людей против их воли, но никогда по их желанию? Откуда явствует, что очень легко знать и ненавидеть собственное несчастье, а вовсе не свергнуть его, ибо первые два – в нашей власти, третье же – во власти судьбы...» [9, с. 10].

Франциску оппонирует Блаженный Августин: «Как мог ты забыть все эти заявления философов и святых, что те невзгоды, которые ты давеча перечислил, никого не могут сделать несчастным? Ибо если одна только добродетель делает душу счастливой, – что доказали и Марк Туллий,

и многие другие часто самыми вескими доводами, – то совершенно ясно, что ничто другое не удаляет человека от счастья, кроме того, что противоположно добродетели...».

В стихах Ф. Петрарки также явно прослеживаются традиции эпикуреизма, но, при этом, поэт оспаривает «третье лекарство» Филодема. По мнению Ф. Петрарка, благо вовсе не легко достижимо, каждый должен приложить усилия для достижения собственного счастья. С этим посылом Ф. Петрарка критикует положение классического эпикуреизма о незначительной роли труда в жизни человека. В качестве примера можно привести отрывок из Сонета VII: «Обжорство, леность мысли, праздный пух / Погубят в людях доброе начало: / На свете добродетелей не стало, / И голосу природы смертный глух...» [6].

Латентная форма критики также присуща творчеству Ф. Петрарка, так, в Сонете XIX присутствует скрытая критика гедонизма: «Есть существа, которые глядят / На солнце прямо, глаз не закрывая; / Другие, только к ночи оживая, / От света дня оберегают взгляд...» [10]. С точки зрения семантики, данный отрывок можно трактовать так: существа, смотрящие на солнце – это интеллигенция, философы, они работают на благо общества себе во вред, они не могут оторвать взгляд от солнца, даже если это причиняет им боль, а «другие» – это, выражаясь терминологией позитивистов, «толпа», они боятся просто взглянуть на солнце. «Другие» – это «старые» эпикурейцы, трансформировавшие эпикуреизм в гедонизм, а интеллигенция – это «новые» эпикурейцы, которые стараются превратить эпикуреизм в гуманизм.

Историко-культурные взгляды Ф. Петрарка отражены во многих философских и полемических работах. В частности, в трактате «Об уединенной жизни» Ф. Петрарка спорит о единстве человек и общества в историческом пространстве, отвергая божественное происхождение человека и абсолютную власть бога над человеческой волей [11, с. 65]. Тех же, кто, будучи слаб духом, жалуется на своё слабоволие, показательно молится, но не работает над собой, Петрарка безжалостно критикует [11, с. 79]. Пример такой критики мы находим в трактате «Об уединённой жизни»: «Напротив, наш друг никуда не спешит, а когда быстротекущее время наводит его на мысли о вечности и жизни вне времени и смерти, он вновь начинает молиться и просит Господа сделать славным не только день, но и вечер его жизни» [11, с. 76].

Более «практичным» направлением развития эпикуреизма в контексте его трансформации в гуманистическую философию занимался Леонардо Бруни (1370–1444) – итальянский философ, лидер гуманистического движения, отец социального и гражданского гуманизма. Будучи убежденным республиканцем, Л. Бруни часто посвящал

свои работы проблеме республики и ее восприятия итальянским обществом. Так, многие взгляды Л. Бруни имели политический подтекст.

Французский историк И. Тэн писал, что работы Леонардо Бруни охватывают различные области гуманитарных наук: «моральная философия», политическая философия, история, филология, педагогика. Бруни много переводил с греческого на латинский, в том числе, Платона, Плутарха, Демосфена, Ксенофонта, а также «Никомахову этику» и «Политику» Аристотеля. Эти переводы открыли новую страницу в обсуждении вопросов морали и норм общественно-политической жизни, среди которых была и сформулированная философом «*Studia humanitatis*» [16, с. 92].

Леонардо Бруни противопоставил «*Studia humanitatis*» («Изучение человечности») схоластическому познанию общества, человека и природы. Концепция «*Studia humanitatis*» должна была стать противовесом «*Studia divina*». Так, по замечанию Л.М. Брагиной, в трактатах Л. Бруни в качестве своеобразной идеологической концепции развивается гуманизм, часть наработок он заимствовал, в том числе и у Ф. Петрарка [1, с. 52].

Л. Бруни считал, что историческое развитие общества и государства напрямую связано с «деятельными людьми», погруженными в изучение философии и политики. В идеях Эпикура Л. Бруни видел теоретический фундамент для обоснования трех задач гуманизма: 1) создание высоких нравственных установок в обществе; 2) объединение людей, независимо от социального статуса; 3) развитие науки, искусства и светской культуры [2, с. 50].

Итальянский историк-гуманист Флавио Бьондо (1392-1463), известный по определению исторического периода «Средних Веков», во многом был солидарен с учением Филодема. Эллинистический эпикуреизм получил распространение в «Иллюстрированной Италии», где Бьондо подробно расписал Тетрафармакос Филодема. В «Иллюстрированной Италии» Бьондо предпринимает попытку синтезировать этику Филодема и историческую концепцию Страбона, на которого он опирался [20, с. 95]. Ф. Бьондо развивал «*Studia humanitatis*», прежде всего, с исследовательской позиции.

Таким образом, защищая эпикурейскую этику с позиций натурализма, Ф. Бьондо предлагал два аргумента: 1) природой в человеке было заложено стремление к наслаждению; 2) «величайшее наслаждение» для человека может быть только одно – это социальное счастье. Из этих аргументов Бьондо выводит следующее умозаключение: человеку не следует избегать счастья, если счастье противоречит общественному благу, то необходимо подыскать подходящие добродетели для того, чтобы человек стал счастлив не во вред другому человеку или обществу в целом.

Итальянский поэт, хронист и дипломат – Антонио Беккаделли (1394–1471) писал, что историческое и культурное развитие общества находится в прямой зависимости от того, сколько его представителей могут назвать себя «счастливыми» и сколько из них тех, кто приносит действительное благо обществу. Философская категория счастья у А. Беккаделли соотносится с понятиями «сострадания» и «сопричастности». А. Беккаделли писал, что лучшее общество – стоящее на фундаменте гуманизма и нравственности. В существе нравственности отражено абсолютное счастье, лёгкое благо и столь же легко переносимое зло [19, с. 37]. Отсюда следует полагать, что в трудах А. Беккаделли гуманизм приобретает завершённую форму, гуманистическое учение оформляется и становится таким, каким и существует на сегодняшний день в различных философско-правоведческих, социокультурных и бытийных аспектах повседневной жизни современного общества.

Итальянский гуманист и критик Лоренцо Валла (1407–1457), официально состоявший в эрудитской школе, всегда поддерживал позиции эпикурейцев и тех из итальянских философов, кто занимался возрождением эпикуреизма. В отличие от многих современников, никогда не критиковал ортодоксальное учение Эпикура. В диалоге «О наслаждении» Л. Валла отстаивает концепцию Тетрафармакос перед итальянской интеллигенцией, заявляя, что подавленные мотивы, всяческие ограничения духа и плоти, так или иначе, приведут человека ко внутренним противоречиям, которые затем найдут отражение в социальных проблемах – несправедливости, насилии, властолюбию [4, с. 9]. «Элегантии» позволяют нам глубже понять преданность философа классическому эпикуреизму: Л. Валла пишет, что в истории всегда существовали тираны, которые, прикрываясь моралью, совершали аморальные поступки. Придерживаясь эпикурейских взглядов, человек, по крайней мере, не будет мешать главной задаче развития общества – укреплению полноценного человеческого счастья, развития гуманности [4, с. 38].

Итальянский философ и правовед Козимо Раймонди (?–1435) не получил широкой известной на фоне других философов-гуманистов эпохи Возрождения, тем не менее, он в значительной степени повлиял на адаптацию учения Эпикура под требования итальянского общества первой половины XV века. От К. Раймонди осталось несколько писем, а жизнь его завершилась трагически – самоубийством. К. Раймонди занимался дешифровкой одного из кодексов «Оратора» Марка Туллия Цицерона и написал послание о хвале красноречию. Из наследия К. Раймонди наиболее интересно письмо, направленное к Амброджо Тиньози, бывшему последователю учения Эпикура. Данное письмо представляет собой

настоящий трактат, цель которого убедить А. Тиньози возвратиться к учению Эпикура, от которого тот отошёл по этическим соображениям. К. Раймонди возводит в абсолют наслаждение как прямое проявление счастья и пытается на основе этого привлечь внимание А. Тиньози к классическому эпикуреизму: «О, мудрейший человек Эпикур! Действительно, что можно добавить к этой мысли? Есть ли у человека другая радость! Ведь тот, чья душа удручена, не может быть счастливым; чье тело ослаблено страданием – тот несчастен. И право же, пусть никто не считает, что я не имею понятия о тех бедственных обстоятельствах, о которых рассуждаю. Всеми этими рассуждениями мы призываем не действовать, а исследовать вопрос о человеческом благе и мнения философов, которые расходились между собой в этом вопросе...» [14, с. 70].

В сочинении «Речь в защиту Эпикура против стоиков, академиков и перипатетиков» К. Раймонди пишет, что понятие счастья и наслаждения есть не что иное, как влечение к добродетели, что единственная добродетель это «духовное наслаждение», которое доступно человеку творческому и созерцающему. Каждый человек имеет право на земное счастье, и он вправе оспаривать свое счастье, если считает, что так будет лучше для него самого. «Личный интерес» и «польза» по К. Раймонди являются двумя важнейшими двигателями исторического развития [14]. Приведём отрывок из «Речи»: «Итак, Эпикура порицают за то, что он слишком чувственно рассуждал о высшем благе, полагая его в наслаждении и считая необходимым все прочее сводить к нему. Мне же, чем старательнее я изучаю Эпикура, все более нравится эта его мысль, словно высказанная не человеком, но Аполлоном или кем-то иным высшей природы. Эпикур определил высшее благо в наслаждении, потому что в совершенстве постиг сущность природы и понял, что мы рождены и созданы природой так, что более всего нам подобает иметь члены нашего тела здоровыми и целыми, сохранять их в том же состоянии и не ослаблять душевными и телесными невзгодами...» [14, с. 71–72].

Итальянский философ-вольнодумец Джулио Чезаре Ванини (1585–1619), трудился под псевдонимом «Лючилио». Развивая идеи гуманизма, Дж. Ванини утверждал, что мир един, вечен и находится в непрерывном движении, повинуюсь законам исторического развития. Дж. Ванини был противником схоластики, открыто заявляя о необходимости распространения атеистических взглядов в итальянском обществе [5, с. 3]. В своем труде «Амфитеатр вечного провидения» Дж. Ванини излагал взгляды античных атеистов, отвергал бессмертие души и божественную природу Христа, развивал пантеистические идеи, схожие с учением Дж. Бруно. В отличие от мно-

гих итальянских эпикурейцев эпохи Возрождения, никак не оспаривал учение Эпикура, считая его идеальным и законченным даже в виде ортодоксальной теории. Известно, со временем труды Дж. Ванини найдут отзыв у Вольтера, виднейшего французского философа XVIII века, который популяризирует и эпикуреизм, и гуманизм в том числе [5, с. 152].

Э. Гарэн, оценивая деятельность Джулио Чезаре Ванини, считает, что именно его атеистическое восприятие гуманизма способствовало расширению представления итальянских философов о природе гуманности как таковой. Исходя из этого, философию Джулио Чезаре Ванини можно отнести к завершающему этапу трансформации античного и эллинистического эпикуреизма в гуманизм как философское учение и историческое явление в принципе. Атеизм как противовес христианизированному эпикуреизму был необходим, чтобы выделить «чистый» базис для формирования и развития многих философских течений, авторы которых в той или иной степени испытали влияние философов Ренессанса.

Итак, учения Эпикура и Филодема получили распространение в трудах итальянских философов эпохи Возрождения, среди которых к эпикуреизму себя относили Г. Кавальканти, Ф. Петрарка, Л. Бруни, Ф. Бьондо, А. Беккаделли, Л. Валла, К. Раймонди и Дж. Ванини. Благодаря их вкладу в развитие эпикуреизма и гуманизма, позиции эпикурейской философской школы закрепились и получили распространение в ряде других стран, прежде всего, во Франции, Пруссии и некоторых крупных германских княжествах.

Если в концепции гуманизма («*Studia humanitatis*») содержалась гражданская и социокультурная этика, которая, прежде всего, давала определенное истолкование природы человека, счастья, личного блага и достатка. Можно допустить, что именно эпикуреизм оказал наибольшее влияние на развитие гуманистической философии в эпоху Возрождения, так как ни киники, ни скептики, ни стоики не могли предложить идей, которые бы консолидировали общество на уровне эпикурейских идей.

Благодаря анализу источников, можно предположить, что, в соответствии с учениями Эпикура и Филодема, философы эпохи Возрождения обращают внимание на гармонию души и тела, на равнозначность духовного и телесного бытия. Способности, задатки человека рассматриваются ими не только как «данные богом», но и как результат собственных усилий. Теперь развитие человека, общества и природы представляется неделимым в едином историческом процессе. С этим связано и новое восприятие категорий счастья и блага, сущности человека как творческой деятельной личности.

В результате, традиции античного и эллинистического эпикуреизма заложили основу итальянского гуманизма. Трансформация эпикуреизма в гуманизм приходилась на XIII–XVI вв., и если Г. Кавальканти всерьез не стремился к возрождению учений Эпикура и Филодема, то Л. Бруни видел в них основу для формирования «новой морали» итальянского общества. В XVII веке Джулио Чезаре Ванини подтверждает связь эпикуреизма и гуманизма, завершая процесс формирования концепции Л. Бруни «*Studia humanitatis*». В дальнейшем гуманистические и историко-культурные взгляды итальянских гуманистов окажут значительное влияние на французских и немецких философов и социологов, основоположников постклассического эпикуреизма.

Таким образом, результаты нашего исследования позволяют сделать вывод о том, что гуманисты, теоретически осмыслив импульсы, исходящие из городского и природного окружения, выдвинули в качестве ведущего этического императива идеал активной жизни, развивая и переделывая учение Эпикура под специфику существующего итальянского общества. Данный идеал отчасти был основан на обыденных представлениях жителей Рима, Неаполя, Милана, и других крупных городов о том, что такое «философия

жизни» и «изучение человечности». Но, обращенные к нуждам повседневного существования, гуманисты, наряду с купцами и ремесленниками, признавали возможность человека трактовать гуманизм по-своему, они выстраивали вокруг себя рационализированную, подвластную воле индивида реальность. Пристально анализирующие окружающую действительность, приветствующие активную вовлеченность в дела итальянского общества, философы не могли обойти важные для его функционирования явления – общественный идеал, общественное благо, гражданскую идентичность.

Эпикурейские концепции Г. Кавальканти, Ф. Петрарка, Л. Бруни, Ф. Бьондо, А. Беккаделли, Л. Валла, К. Раймонди и Дж. Ванини изменили мировоззрение всего мира: свободомыслие и индивидуализм, уважение к личности человека стали активно обсуждаться в крупнейших европейских университетах, получили распространение в трудах Вольтера, Д. Диро, Дж. Локка, Ж.-Ж. Руссо. Все это в совокупности привело к созданию прочных связей между свободой человека, его творческой деятельностью и смыслом его жизни. Сама жизнь стала пониматься в эпоху Возрождения как «высшая ценность», – идея, некогда высказанная Эпикуром.

Источники и литература

1. Брагина Л. М. Итальянский гуманизм. Этические учения XIV – XV веков. М.: Высшая школа, 1977. 123 с.
2. Бруни Л. Против лицемеров // Итальянские гуманисты XV века о церкви и религии / под ред. М.А. Гуковского. М.: Наука, 1963. С. 45–55.
3. Буркхардт Я. Культура Возрождения в Италии. Опыт исследования. М.: Юристъ, 1996. 591 с.
4. Валла Л. Элеганции // Сочинения итальянских гуманистов эпохи Возрождения (XV в.) / под ред. Л.М. Брагиной. М.: Издательство Московского университета, 1985. 384 с.
5. Ванини Джулио Чезаре. Амфитеатр вечного провидения. М.: Эдитус, 2019. 230 с.
6. Гарэн Э. Проблемы итальянского Возрождения. М.: Прогресс, 1986. 400 с.
7. Гончаров А.С. Очерки о морали, воле, ресентименте и духе неклассической немецкой философии в трудах Фридриха Ницше // Молодой ученый. 2020. № 44 (334). С. 57–69.
8. Кавальканти Г. «О если б я любви достоин был...» к Данте // Стихотворения Гвидо Кавальканти и других итальянских поэтов XIII–XIV вв. в переводе Шломо Крола. Киев: Laurus, 2017. 333 с.
9. Петрарка Ф. Моя тайна // Петрарка Ф. Канцоньер. Моя тайна, или Книга бесед о презрении к миру. Книга писем о делах повседневных. Старческие письма. Вступ. статья и сост. О. Дорофеев. М.: РОССПЭН, 1997. С. 267–400.
10. Петрарка Ф. О средствах против превратностей судьбы // Петрарка Ф. Сочинения философские и полемические. Сост., пер. и комментарии Н. И. Девятайкина, Л. М. Лукьянова. М.: РОССПЭН, 1998. С. 128–218.
11. Петрарка Ф. Об уединенной жизни // Петрарка Ф. Сочинения философские и полемические. Сост., пер. и комментарии Н. И. Девятайкина, Л. М. Лукьянова. М.: РОССПЭН, 1998. С. 61–127.
12. Петров М. Т. Итальянская интеллигенция в эпоху Ренессанса. Л.: Наука, 1982. 217 с.
13. Разин А. В. Идея гуманизма в западной философии // Философия и общество. 1998. № 5. С. 155–177.
14. Раймонди К. Речь в защиту Эпикура против стоиков, академиков и перипатетиков // Эстетика Ренессанса: антология: в 2-х т. Т. 1. М.: Искусство, 1981. С. 69–75.
15. Стам С. М. Культура Возрождения: вопросы содержания, эволюции, периодизации // Вопросы истории, 1977. № 4. С. 75–93.
16. Тэн И. Лекции об искусстве // Характер человека в эпоху итальянского Возрождения. М.: URSS, 1960 – С. 92–94.
17. Фойгт Г. Возрождение классической древности, или Первый век гуманизма / соч. Георга Фойгта; Пер. со 2 нем. изд., передел. авт., И.П. Рассадина; С предисл. [пер.] и алф. указ. Т. 1–2. – М.: К.Т. Солдатенков, 1884–1885. – 2 т.; 23. Т. 1.: Т. 1. – 1884. – [2], 540, VII с.
18. Фойгт Г. Возрождение классической древности, или Первый век гуманизма / Соч. Георга Фойгта; Пер. со 2 нем. изд., передел. авт., И.П. Рассадина; С предисл. [пер.] и алф. указ. Т. 1–2. М.: К.Т. Солдатенков, 1884–1885. – 2 т.; 23. Т. 2.: Т. 2. – 1885. – VI, 455, XXXV с.
19. Beccadelli Antonio. Hermaphroditus. Lexington Books, 2001. 181 p.
20. Biondo Flavio. Italia illustrata. Edizione nazionale delle opere di Biondo Flavio. Voll. 1 e 2 – A cura di A cura di Paolo Pontari. Roma: ISIME – ISTITUTO STORICO ITALIANO PER IL MEDIOEVO, 2011. 586 p.

References

1. Bragina L. M. Ital'janskij gumanizm. Jeticheskie uchenija XIV – XV vekov (Italian humanism. Ethical teachings of the XIV–XV centuries). Moscow: Vysshaja shkola, 1977. 123 p. (In Russian).
2. Bruni L. Protiv licemerov (Against the hypocrites) // Ital'janskije gumanisty XV veka o cerkvi i religii / ed. by M.A. Gukovskii. Moscow: Nauka, 1963. P. 45–55. (In Russian).
3. Burkhardt Ja. Kul'tura Vozrozhdenija v Italii. Opyt issledovanija (Renaissance culture in Italy. Research experience). Moscow: Jurist#, 1996. 591 p. (In Russian).
4. Valla L. Jelegancii (Elegance) // Sochinenija ital'janskijh gumanistov jepohi Vozrozhdenija (XV v.) / ed. By L.M. Bragina. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 1985. 384 p. (In Russian).
5. Vanini Dzhulio Chezare. Amfiteatr vechnogo providenija (Vanini Giulio Cesare. Amphitheater of Eternal Providence). Moscow: Jeditus, 2019. 230 p. (In Russian).
6. Garjen Je. Problemy ital'janskogo Vozrozhdenija (Problems of the Italian Renaissance). Moscow: Progress, 1986. 400 p. (In Russian).
7. Goncharov A. S. Oчерки o morali, vole, resentimente i duhe neklassicheskoi nemeckoi filosofii v trudah Fridriha Nicshe (Essays on morality, will, resentment and the spirit of non-classical German philosophy in the writings of Friedrich Nietzsche) // Molodoj uchenyj. 2020. No. 44 (334). P. 57–69. (In Russian).
8. Kaval'kanti G. «O esli b ja ljubvi dostoin byl...» k Dante («Oh, if I were worthy of love ...» to Dante) // Stihotvoreniya Gvido Kaval'kanti i drugih ital'janskijh pojetov XIII–XIV vv. / Shlomo Krola. Kiev: Laurus, 2017. 333 p. (In Russian).
9. Petrarka F. Moja tajna (My secret) // Petrarka F. Kancon'ere. Moja tajna, ili Kniga besed o prezrenii k miru. Kniga pisem o delah povsednevnyh. Starcheskie pis'ma. / O. Dorofeev. Moscow: ROSSPJeN, 1997. P. 267–400. (In Russian).
10. Petrarka F. O sredstvakh protiv prevratnostej sud'by (On the means against the vicissitudes of fate) // Petrarka F. Sochinenija filosofskie i polemicheskie / N.I. Devjatajkina, L.M. Luk'janova. Moscow: ROSSPJeN, 1998. P. 128–218. (In Russian).
11. Petrarka F. Ob uedinennoj zhizni (About a solitary life) // Petrarka F. Sochinenija filosofskie i polemicheskie. Sost., per. i kommentarii N. I. Devjatajkina, L. M. Luk'janova. Moscow: ROSSPJeN, 1998. P. 61–127. (In Russian).
12. Petrov M. T. Ital'janskaja intelligencija v jepohu Renessansa (Italian intellectuals during the Renaissance). Leningrad: Nauka, 1982. 217 p. (In Russian).
13. Razin A. V. Ideja gumanizma v zapadnoj filosofii (The idea of humanism in Western philosophy) // Filosofija i obshhestvo. 1998. No. 5. P. 155–177. (In Russian).
14. Rajmondi K. Rech' v zashchitu Jepikura protiv stoikov, akademikov i peripatetikov (A speech in defense of Epicurus against the Stoics, Academicians and Peripatetics) // Jestetika Renessansa: antologija: in 2 Vols. Vol. 1. Moscow: Iskusstvo, 1981. P. 69–75. (In Russian).
15. Stam S.M. Kul'tura Vozrozhdenija: voprosy sodержaniya, jevoljucii, periodizacii (Renaissance culture: issues of content, evolution, periodization) // Voprosy istorii, 1977. No. 4. P. 75–93. (In Russian).
16. Tjen I. Lekcii ob iskusstve (Lectures on art) // Harakter cheloveka v jepohu ital'janskogo Vozrozhdenija / I. Tjen. Moscow: URSS, 1960. P. 92–94. (In Russian).
17. Fojgt G. Vozrozhdenie klassicheskoi drevnosti, ili Pervyj vek gumanizma (Revival of classical antiquity, or the first century of humanism). Vol. 1–2. Vol. 1. Moscow: K.T. Soldatenkov, 1884. – [2], 540, VII p. (In Russian).
18. Fojgt G. Vozrozhdenie klassicheskoi drevnosti, ili Pervyj vek gumanizma. (Revival of classical antiquity, or the first century of humanism). Vol. 1–2. Vol. 2. Moscow: K.T. Soldatenkov, 1885. 455, XXXV p. (In Russian).
19. Beccadelli Antonio. Hermaphroditus. Lexington Books, 2001. 181 p.
20. Biondo Flavio. Italia illustrata. Edizione nazionale delle opere di Biondo Flavio. Voll. 1 e 2 – A cura di A cura di Paolo Pontari. Roma: ISIME – ISTITUTO STORICO ITALIANO PER IL MEDIOEVO, 2011. 586 p.

Сведения об авторе

Ануприенко Ирина Алексеевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и методики истории и обществознания Ставропольского государственного педагогического института (Ставрополь) / anupr2014@yandex.ru

Information about the author

Ануприенко Ирина – PhD in History, Associate Professor, Chair of Theory and Methodology of History and Social Studies, Stavropol State Pedagogical Institute (Stavropol) / anupr2014@yandex.ru

УДК 94(460)
DOI 10.37493/2409-1030.2021.2.3

А. А. Вартумян

ТЕРРИТОРИАЛЬНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ ИСПАНИИ НА РУБЕЖЕ XX–XXI ВЕКОВ

Внешняя политика Испании приобрела устойчивый многовекторный характер. Испания активно пытается, с учетом имеющихся ресурсов и амбиций, занять подбажающее место в Европе, Латинской Америке и мире, в целом. В статье раскрываются цели внешней политики Испании: обосновать векторы внешней политики; показать территориальное измерение внешней политики; измерение внешней политики; раскрыть Стратегию внешних действий; обосновать многоуровневую линию взаимодействия между Испанией и США. В статье большое внимание уделено ибероамериканским отношениям. Выписывается внешнеполитическая триада Испании: европейская, североамериканская и латиноамериканская.

Существенное внимание уделяется вопросу о взаимодействии рассматриваемой страны с НАТО, формирования европейской системы ПРО. Анализируется ситуация по спорным территориям, в частности, по Гибралтару. Новым направлением внешней политики Испании являются ее отношения с государствами Вос-

точной Азии. Рассматривается рост инвестиций во Вьетнам и Малайзию. Испания продолжает уделять особое внимание Северной Африке. В статье описаны особые испано-марокканские отношения. Определенный вклад в озабоченность Мадрида на Юге вносят проблемы Статуса Западной Сахары и вопрос о принадлежности Канарских островов. Подчеркивается особая связь со странами Средиземного бассейна в рамках Барселонского процесса. Подвергнуты анализу внутрипартийные дебаты в государстве по поводу военных акций с союзниками по НАТО. Особенностью внешнеполитического курса Испании являются широкие слушания по поводу дальнейшей военной доктрины страны. Утверждается, что страна стремится реализовать свои национальные интересы посредством участия в организациях, в которых она является далеко не ключевым.

Ключевые слова: внешняя политика Испании, европейский вектор, Европейский совет, североамериканский вектор, «Атлантическая ось», латиноамериканский вектор, Барселонская декларация, Сеута, Мелилья.

Arushan Vartumyan

TERRITORIAL DIMENSION OF FOREIGN POLICY OF SPAIN AT THE TURN OF XX–XXI CENTURY

Foreign policy of Spain has acquired a stable multi-vector character. Spain is actively trying, with account of available resources and ambitions, to take a proper place in Europe, Latin America and the world as a whole. The article reveals the goals of foreign policy of Spain: substantiate foreign policy vectors; to show territorial dimension of foreign policy; to uncover strategy of external actions; to substantiate multilevel action line between Spain and the USA. Much attention is paid to Ibero-American relations. The foreign policy triad of Spain is issued: European, North-American and Latin-American.

Considerable attention is paid to the issue of the interaction of the country under consideration with NATO, the formation of a European missile defense system. The article analyzes the situation in the disputed territories, in particular, in Gibraltar. A new direction of Spanish foreign policy is its relations with the States of East Asia.

В XXI в. Испания активизировала свою внешнюю политику, которая приобрела устойчивый многовекторный характер, что закономерно нашло отражение в документах испанского внешнеполитического ведомства. Первый Стратегический план внешнеполитической деятельности Испании был представлен министерством иностранных дел еще в 2000 г. и зафиксировал окончание переходного периода, занявшего послед-

The growth of investments in Vietnam and Malaysia is considered. Spain continues to focus on North Africa. The article describes special Spanish-Moroccan relations. The status of Western Sahara and the ownership of the Canary Islands also contribute to concerns of Madrid in the South. The special connection with the countries of the Mediterranean basin within the framework of the Barsolon process is emphasized. The article analyzes the internal party debates in the state about military actions with NATO allies. A feature of Spanish foreign policy is the wide-ranging hearings on the country's further military doctrine. It is argued that the country seeks to realize its national interests through participation in organizations in which it is far from the key.

Key words: foreign policy of Spain, European vector, European Council, North-American vector, "Atlantic axis", Latin-American vector, Barcelona's declaration.

нюю четверть XX в. и связанного с преодолением Испанией ее внешнеполитической изоляции, и начало нового этапа, характеризующегося поиском Испании своего места в мире с учетом имеющихся у нее ресурсов и внешнеполитических амбиций [1]. К 2008 г. сложилась ситуация, когда абсолютное большинство аналитиков из испанского научного сообщества, т.н. «фабрик мысли» и представителей государственных структур

стали выступать за доктринальное оформление основ внешней политики Испании с выделением ее приоритетов, векторов, целей и средств [2]. Работа на данном направлении продолжалась в течение шести лет и завершилась принятием двух базовых документов:

- Закон «О деятельности и международной службе государства» (подписан королем Испании Х. Карлосом II 25 марта 2014 г.) [3];
- Стратегия внешних действий (утверждена на заседании Совета министров Испании 26 декабря 2014 г., включает в себя собственно Стратегию внешнеполитической деятельности и План действий во внешней политике на 2015–2018 гг.) [4].

В этих документах отражены основные векторы внешней политики Испании, обоснована их значимость для нее. В частности, в Стратегии внешних действий седьмой раздел посвящен именно территориальному измерению испанской политики, в нем выделяются подразделы «Европа», «Средиземноморье и Ближний Восток», «Латинская Америка и Карибский бассейн», «Трансатлантические отношения», «Страны Африки к югу от Сахары» и «Азиатско-Тихоокеанский регион». Рассмотрим, какие именно внешнеполитические векторы выделяются в испанской политике в настоящее время и как соотносятся они по степени значимости между собой [5].

Европейский вектор в испанской политике является ключевым, что подтверждается данными Королевского института Элькано, согласно которым на европейские страны приходится 61,1 % всего испанского экономического, военно-политического и социокультурного присутствия в мире [6] (для сравнения доля стран Латинской Америки – 13,6 %, Северной Америки – 8,4 %, Ближнего Востока и стран Магриба – 7,2 %, Азиатско-Тихоокеанского региона – 7 %, Африки южнее Сахары – 2,7 %). В данном рейтинге учитываются суммарные показатели экспорта и импорта энергоресурсов, всех видов товаров и услуг, инвестиций, присутствия вооруженных сил и военной техники Испании на территории других стран, данные о миграции, масштабах сотрудничества в сферах культуры, туризма, спорта, информационного, технологического, научного и образовательного обмена, об участии Испании в программах регионального развития [7]. Европейский вектор реализуется через участие Испании в работе учреждений в составе Европейского союза, нацеленного на консолидацию стабильной и единой демократической Европы, наделенной собственным голосом на международной арене [8].

Для Испании европейская интеграция имеет исключительное значение, выступает краеугольным камнем ее внешней политики и гарантией обеспечения безопасности ее граждан. Испания отдает явное предпочтение Евросоюзу как плат-

форме для интеграции в глобальный мир. В 2015 г. в Испании отмечалось тридцатилетие с момента подписания Договора о присоединении Испании к Европейскому союзу, которого добился председатель испанского правительства А. Суарес. В июне 1991 г. [9] Испания присоединилась к Шенгенскому соглашению, в декабре 1995 г., председательствуя в Евросоюзе, добилась утверждения единой европейской валюты «евро», став одним из ее учредителей.

Испания неоднократно председательствовала в Европейском совете: дважды во время работы Ф. Гонсалеса (1989 и 1995 гг.), третий – в 2002 г. при Х.М. Аснаре и четвертый – в 2010 г. при Х. Л. Р. Сапатеро, используя этот пост для усиления политической и экономической интеграции внутри Евросоюза и использования его механизмов для продвижения испанских интересов в мире. Европейским парламентом трижды руководили испанцы: Э. Барон (1989-1992 гг.), Х. М. Гил-Роблес (1997-1999 гг.) и Ж. Боррель (2004-2007 гг.); с 1999 г. на протяжении десятилетия Верховным представителем по Общей внешней политике и политики безопасности ЕС (CFSP) был представитель Испании Х. Солана; в составе Европейской комиссии работали испанцы М. Ореха, П. Солбес, Л. де Паласио, А. Матутес, М. Марин, Х. Альмуния и – с 1 ноября 2014 г. – М. Ариас Каньете. О важности европейского вектора для испанской политики свидетельствует и тот факт, что ранее руководивший Европейским парламентом Ж. Боррель в июне 2018 г. был назначен испанским министром иностранных дел.

Испания исторически играла и продолжает играть активную роль в строительстве европейского проекта, участвуя в переговорах по договорам Амстердама (1997), Ниццы (2001), несостоявшегося Конституционного договора (2004 год) и Лиссабона (2009 год), регулярно вносит на рассмотрение и поддерживает региональные программы в таких областях, как политика гражданства, политика сплоченности, поддержка культурного и языкового разнообразия в европейских странах, сотрудничество по линии правоохранительных и судебных органов, борьба с терроризмом, а также выступает в роли посредника и представителя Евросоюза в вопросах, связанных с реализацией европейской политики, ориентированной на Латинскую Америку и южный берег Средиземного моря [10].

Европейский вектор был и остается ведущим во внешней политике Испании ввиду того, что Европейский союз воспринимается её правительством как естественная основа ее политического и экономического развития. Тем не менее, XXI в. ознаменовался выделением и/или интенсификацией внешних связей Испании в рамках еще нескольких внешнеполитических векторов, среди которых несколько менее значимыми, чем евро-

пейский, и имеющими равное значение в сопоставлении друг с другом являются североамериканский и латиноамериканский векторы [11].

Под североамериканским вектором в данном контексте подразумевается, в первую очередь, укрепление всестороннего многоуровневого стратегического партнерства между Испанией и США, поскольку ее сотрудничество с Канадой, хотя и осуществляется и положительно оценивается обеими сторонами, тем не менее, не имеет настолько всеобъемлющего характера и гораздо менее масштабно (оно охватывает взаимодействие в таких секторах, как авиакосмическая промышленность, сельское хозяйство, торговля морепродуктами, фармацевтика, информационно-коммуникационные технологии и финансовые услуги; Испания выступает посредником при заключении торговых договоров между Канадой и Евросоюзом; Испания и Канада сотрудничают в области инноваций через Национальный исследовательский Совет Канады (NRC) и Национальный исследовательский Совет Испании (CSIC); между этими двумя странами подписано более 100 соглашений, стимулирующих академическую мобильность и способствующих образовательным обменам) [12].

Соединенные Штаты рассматриваются Испанией как дружественная страна, военно-политический союзник и стратегический партнер во внешней политике, вопросах укрепления обороны, безопасности, экономического и технологического развития, с которым имеются крепкие исторические, культурные и языковые связи, общие демократические ценности и геостратегические интересы. Испаноязычное сообщество в Соединенных Штатах уже достигло численности 57,5 млн. человек и в настоящее время составляет 17,4% населения (к 2060 г. США станут лидером в мире по числу говорящих на испанском языке). Испанская община, проживающая в этой стране, также растет и превосходит 100000 человек, которые занимают видные позиции в деловой, научной, технологической, образовательной, культурной и спортивной сферах американского общества. Испания имеет девять генеральных консульств в городах Нью-Йорк, Бостон, Майами, Чикаго, Хьюстон, Лос-Анджелес, Сан-Франциско, Сан-Хуан в Пуэрто-Рико и в Вашингтоне, округ Колумбия [13].

Испано-американские двусторонние связи интенсивно развиваются с момента подписания в 1976 г. в Вашингтоне Договора о дружбе и сотрудничестве между Соединенными Штатами и Испанией, их укреплению в значительной степени способствовало вступление Испании в НАТО в 1982 г. и в Европейский союз в 1985 г., подписание в 1988 г. первой версии Соглашения о сотрудничестве в области обороны между США и Испанией, которое впоследствии было изменено три раза (по-

следний – 17 июня 2015 г.). Этот новый внешнеполитический вектор привел к тому, что в 1995 г. в год своего председательства в Европейском совете Испания положила начало новой трансатлантической повестки дня для стимулирования отношений между Европейским союзом и Соединенными Штатами.

Теракты в США 11 сентября 2001 г. придали новый импульс двусторонним отношениям между заинтересованной в борьбе с терроризмом Испанией и Соединенными Штатами, в результате чего в декабре 2001 г. руководители внешнеполитических ведомств двух стран Х. Пике и М. Олбрайт подписали историческую Совместную декларацию (т.н. «Мадридская декларация»), предусматривающую углубление двусторонних связей не только на политическом уровне, но также и в области обороны и безопасности, поддержку экономического, финансового, научного, промышленного, технологического и культурного сотрудничества. В последующие годы были достигнуты важные соглашения, касающиеся сотрудничества в области юстиции, проведены многочисленные обмены визитами на высшем и высоком уровне. «Атлантическая ось» официально стала вторым из основных векторов внешней политики Испании в 2012 г., что на практике проявилось в виде интенсификации двусторонних политических связей с США: встреча двух лидеров состоялась в Вашингтоне в январе 2014 г., министры иностранных дел и торговли двух стран обменялись многократными визитами и провели переговоры по всем направлениям сотрудничества, а кульминацией стал исторический визит короля Испании в США в сентябре 2015 г. [14].

Смена власти в США в 2017 г., вступление в должность президента Д. Трампа положительно отразилось на динамике двусторонних отношений между Испанией и США: по приглашению Д. Трампа премьер-министр Испании М. Рахой совершил официальный визит в США в сентябре 2017 г., министр иностранных дел А. Дастис трижды посещал эту страну в 2017 г. и председательствовал на XXII Испанско-Американском форуме в Уильямсбурге, штат Вирджиния. Эти визиты подтвердили приверженность сторон к развитию взаимодействия по линии правоохранительных органов, совместной борьбе с терроризмом и радикальным исламом, укрепления торговых связей. Таким образом, значимость североамериканского вектора в политике Испании обусловлена, прежде всего, интересами обороны и безопасности: Испания видит в США надежного союзника в борьбе с терроризмом, от проявлений которого регулярно страдают испанские граждане [15].

Латиноамериканский вектор во внешней политике Испании обладает сопоставимой значимостью с североамериканским и определяет ее

отношения с т. н. Иbero-Америкой. Ценность Иbero-Америки для испанского правительства базируется на следующих положениях:

- Иbero-Америка исторически была и остается приоритетом для внешней политики Испании в силу исторических, социальных, культурных, политических, экономических и языковых связей;
- отношения Испании с иberoамериканскими странами уникальны по богатству и разнообразию и поддерживаются правительствами во всех сферах, при этом Испания ведет политический диалог со всеми странами региона вне зависимости от степени политической близости;
- Испания является одним из основных инвесторов в Латинской Америке, обеспечивая свое заметное присутствие в таких секторах, как банковское дело, энергетика, связь, строительство и управление инфраструктурой, туризм и сфера услуг;
- испаноязычная культура в Латинской Америке достигла высокого уровня качества во всех ее проявлениях и пользуется заслуженной популярностью во всем мире;
- Испания нацелена на постоянное обновление исторически сложившихся отношений с латиноамериканскими странами с учетом новых вызовов и возможностей, она выступает за развитие политического и экономического диалога и видит этот регион одним из двигателей восстановления мировой экономики.
- роль Испании в Иbero-Америке также подкрепляется ее участием в различных латиноамериканских многосторонних организациях в качестве наблюдателя и в Иberoамериканском сообществе наций в качестве одного из основателей и участника.

Европейский, североамериканский и латиноамериканский векторы испанской внешней политики образуют триаду, в которой европейский вектор составляет первый уровень значимости, североамериканский и латиноамериканский векторы можно разместить на втором. Вместе с тем, этими тремя векторами в XXI веке внешняя политика Испании не исчерпывается, в ней усиливается влияние еще четырех внешнеполитических векторов: средиземноморского, африканского, азиатско-тихоокеанского и ближневосточного, каждый из которых заслуживает отдельного рассмотрения [16].

Средиземноморский вектор сохраняет свою значимость для Испании ввиду того, что стабильность и процветание данного региона оказывают прямое влияние на стабильность и процветание самой Испании, являющейся частью Средиземноморья, и на стабильность и процветание Европейского союза, в чем, как было отмечено ранее, она также заинтересована [17]. Отношения меж-

ду Испанией и средиземноморскими странами характеризуются не просто как добрососедские, но еще и как взаимозависимые, что не в последнюю очередь связано с обострившейся в последние годы проблемой миграции. Средиземноморский вектор внешней политики Испании реализуется на двух уровнях и подразумевает:

- а) развитие двусторонних связей с каждым государством по отдельности;
- б) взаимодействие с ними через многосторонние форматы – как через структуры Европейского союза, так и за счет участия Испании в инициативах регионального сотрудничества (Союз для Средиземноморья, «Диалог 5+5», ОБСЕ, ОЭСР и пр.) [18].

Наиболее значим для Испании Союз для Средиземноморья – созданная 13 июля 2008 г. ассоциация, объединяющая 42 страны с общей численностью 750 млн человек. Она была предложена президентом Франции Н. Саркози для имеющих выход к Средиземному морю стран, однако именно Испания настояла на том, чтобы одним из участников ассоциации стал весь Европейский союз. В Испании же в Барселоне была подписана Барселонская декларация с основной заявленной целью превратить Средиземноморье в мирный, стабильный и безопасный регион путем активизации политического диалога и создания новых возможностей в области экономического и культурного сотрудничества [19]. В Барселоне регулярно проходят совещания министров иностранных дел стран-участниц союза, на последней из которых (в январе 2017 г.) участники утвердили «Дорожную карту» на ближайшие годы, выделив в качестве приоритетов содействие инклюзивному росту, программы для молодежи и женщин, поддержание региональной стабильности и стимулирование региональной интеграции.

В Магрибе за Марокко прочно закрепился статус союзника США и Франции, а также «исламскую угрозу» в Европе и нынешнюю слабость Мадрида, которую оно активно использует, относительно вопроса о Сеуте и Мелилье. Действительно, сегодня у Испании много проблем: сепаратистские движения, экономический кризис, внутрипарламентские противоречия и т.д. Это не может не оказать влияние на «равнодушие» Франции и США в внешнеполитических проблемах Испании. К тому же, находящееся у власти до 2011 г. социалистическое правительство в Испании, совершило ряд опрометчивых шагов в отношении Сеуты и Мелильи, сократив в них гарнизоны и проводя неоднозначную политику в отношении статуса этих территорий [20].

Еще одной проблемой, связанной с Сеутой и Мелильей, является иммиграция. Число марокканцев в городах неуклонно растёт. Это даёт основание полагать, что решение их статуса произойдёт «естественным образом», когда марокканцы

составят большинство населения в них. Тем не менее, рост численности марокканцев сегодня не влияет на изменение юридического статуса этих городов как интегральной части Испании.

Политические силы в Марокко стремятся как можно быстрее приблизиться к изменению статуса Сеуты и Мелильи, настаивая на создании зоны безопасности в Гибралтарском проливе. Предполагается, что она будет находиться под контролем трёх государств: Испании, Марокко, Великобритании и, таким образом, объединит решение проблем Гибралтара, Сеуты и Мелильи.

Такое предложение не может удовлетворить Испанию, настаивающую на том, что эти две проблемы не могут быть объединены. Аргументируется это тем, что Королевство Испания не проводила колониальную политику в отношении Сеуты и Мелильи и эти города никогда не были включены ООН в список территорий, подлежащих деколонизации, в отличие от Гибралтара. Поэтому, претензии Рабата, относительно этих городов не могут быть юридически обоснованными, поскольку они являлись испанскими до того, как Марокко стало независимым государством [21]. Мадрид чётко разделяет эти две проблемы, указывая, что

Гибралтар был частью Испании до того, как Великобритания получила его в результате войны за испанское наследство (1701–1714 гг.) [22].

Позиция Испании такова: во-первых, нет юридических оснований для передачи Сеуты и Мелильи Марокко; во-вторых, для постановки проблемы отсутствуют исторические основания; в-третьих, необоснованно и безосновательно объединять две указанные проблемы в одну. Тем не менее, эти три критерия, являются главной политической целью Рабата в контексте испано-марокканских отношений. Однако следует отметить, что и в ООН на сегодняшний день нет определённого видения, относительно перспектив разрешения этого спора, длящегося уже более пятидесяти лет [23].

Между тем, несмотря на территориальные разногласия, отношения между Марокко и Испанией активно развиваются. Следует отметить, что государство активно сотрудничают в сфере экономики и культуры, проводят совместные антитеррористические мероприятия, борются с нелегальной миграцией и наркотрафиком, что служит примером конструктивного подхода в межгосударственных отношениях.

Источники и литература / References

1. Chislett W. Global Spain: the country's economic, military and soft presence. July 2017 // Fundación Real Instituto Elcano, URL: <http://www.realinstitutoelcano.org/wps/wcm/connect/57d01e71-349f-413d-8c6e-cd0f3863d534/WP8-2017-Chislett-Global-Spain-economic-military-soft-power.pdf?MOD=AJPERES&CACHEID=57d01e71-349f-413d-8c6e-cd0f3863d534> (Дата обращения: 21.01.2021).
2. Canada – Spain Relations: Fact Sheet // Embassy of Canada to Spain, URL: http://www.canadainternational.gc.ca/spain-espagne/bilateral_relations_ (Дата обращения: 21.01.2021).
3. Cooperación, URL: <http://www.exteriores.gob.es/Portal/en/PoliticaExteriorCooperacion/Iberoamerica/Paginas/Inicio.aspx> (Дата обращения: 21.01.2021).
4. Estatal Boletín Oficial del Estado URL: <https://www.boe.es/buscar/act.php?id=BOE-A-2014-3248> (Дата обращения: 21.01.2021).
5. El Gobierno aprueba la Estrategia de Acción Exterior // España Exterior, URL: <http://www.espanaexterior.com/noticias/el-gobierno-aprueba-la-estrategia-de-accion-exterior/> (Дата обращения: 21.01.2021).
6. Estrategia de Acción Exterior // Ministerio de Asuntos Exteriores y de Cooperación URL: <http://www.exteriores.gob.es/Portal/es/SalaDePrensa/Multimedia/Publicaciones/Documents/ESTRATEGIA%20DE%20ACCION%20EXTERIOR%20castellano.pdf> (Дата обращения: 21.01.2021).
7. España y Estados Unidos // Ministerio de Asuntos Exteriores, Unión Europea y Cooperación URL: <http://www.exteriores.gob.es/Portal/es/PoliticaExteriorCooperacion/Espa%C3%B1ayEEUU/Paginas/Inicio.aspx> (Дата обращения: 21.01.2021).
8. España y Estados Unidos // Ministerio de Asuntos Exteriores, Unión Europea y Cooperación, URL: <http://www.exteriores.gob.es/Portal/es/PoliticaExteriorCooperacion/Espa%C3%B1ayEEUU/Paginas/Inicio.aspx> (Дата обращения: 21.01.2021).
9. ExteriorCooperacion/Mediterraneo/Paginas/Inicio.aspx; Otras Iniciativas // Ministerio de Asuntos Exteriores, Unión Europea y Cooperación, URL: <http://www.exteriores.gob.es/Portal/es/PoliticaExteriorCooperacion/Mediterraneo/Paginas/OtrasIniciativas.aspx> (Дата обращения: 21.01.2021).
10. Foreign Affairs and Cooperation: Ibero-America URL: <http://www.exteriores.gob.es/Portal/en/PoliticaExteriorCooperacion/Iberoamerica/Paginas/Inicio.aspx> (Дата обращения: 21.01.2021).
11. Mediterráneo // Ministerio de Asuntos Exteriores, Unión Europea y Cooperación URL: <http://www.exteriores.gob.es/Portal/es/PoliticaExteriorCooperacion/Mediterraneo/Paginas/Inicio.aspx> (Дата обращения: 21.01.2021).
12. Ministerio de Asuntos Exteriores, Unión Europea y Cooperación URL: <https://www.lamoncloa.gob.es/Paginas/index.aspx> (Дата обращения: 21.01.2021).
13. Mediterránea: del proceso de Barcelona a la Unión por el Mediterráneo URL: <http://www.exteriores.gob.es/Portal/es/PoliticaExteriorCooperacion/Mediterraneo/Paginas/PartenariadoEuroMediterraneo.aspx> (Дата обращения: 21.01.2021).
14. Exteriores, Unión Europea y Cooperación URL: <http://www.exteriores.gob.es/Portal/es/PoliticaExteriorCooperacion/> (Дата обращения: 21.01.2021).

15. Ley 2/2014, de 25 de marzo, de la Acción y del Servicio Exterior del Estado // Agencia Olivie I., Gracia M., Gomariz M. Spain in the world: an analysis of the Elcano Global Presence Index 2016 // Fundación Real Instituto Elcano, URL: http://www.realinstitutoelcano.org/wps/portal/rielcano_en/contenido?WCM_GLOBAL_CONTEXT=/elcano/elcano_in/zonas_in/spanishforeignpolicy/ari103-2017-olivie-gracia-gomariz-spain-in-the-world-analysis-elcano-global-presence-index-2016 (Дата обращения: 21.01.2021).
16. La Unión Europea // Ministerio de Asuntos Exteriores, Unión Europea y Cooperación, URL: <http://www.exteriores.gob.es/Portal/es/PoliticaExteriorCooperacion/UnionEuropea/Paginas/Inicio.aspx> (Дата обращения: 21.01.2021).
17. Otros procesos: Diálogo 5+5 y Foromed URL: <http://www.exteriores.gob.es/portal/es/politicaexteriorcooperacion/mediterraneo/paginas/otrosprocesos.aspx> (Дата обращения: 21.01.2021).
18. Molina M. Estrategia de Acción Exterior: logro, 'ma non troppo' // Estudios de Política Exterior URL: <https://www.politicaexterior.com/articulos/politica-exterior/estrategia-de-accion-exterior-logro-ma-non-troppo/> (Дата обращения: 21.01.2021).
19. Moa P. Ceuta, Melilla y Marruecos. – Libertad Digital, 2010 URL: <http://www.libertaddigital.com/opinion/pio-moa/ceuta-melilla-y-marruecos-55864> (Дата обращения: 21.01.2021).
20. Trust and Non-Self-Governing territories – the United Nations and Decolonization, 1945–1999 URL: <http://www.un.org/en/decolonization/nonselfgov.shtml> (Дата обращения: 21.01.2021).
21. Radio Qroo. Mapas de Google causa conflicto entre naciones, 2010 URL: <http://radioquintanaroo.com/mapas-de-google-causa-conflicto-entre-naciones> (Дата обращения: 21.01.2021).
22. Ángel Pérez. Ceuta y Melilla en el marco de las relaciones hispano-marroquíes, 2004 URL: <http://ribei.org/477/1/ARI-89-2004-E.pdf> (Дата обращения: 21.01.2021).
23. Gold P. Europe or Africa? A contemporary study of the Spanish North African Enclaves of Ceuta and Melilla. Liverpool, 2000.

Сведения об авторе

Вартумян Арушан Арушанович – доктор политических наук, профессор кафедры зарубежной истории, политологии и международных отношений Гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета, заместитель директора по научной работе и инновационной деятельности Пятигорского института (филиал) Северо-Кавказского федерального университета / pragpu@mail.ru

Information about the author

Arushan Arushanovich Vartumyan, Doctor of Political Science, Professor, Foreign History, Political Science and Foreign Affairs Department, North-Caucasus Federal University, Deputy Director for Research and Innovation, Institute of Service, Tourism and Design, North-Caucasus Federal University (branch in Pyatigorsk) / pragpu@mail.ru

УДК 94(41/99)
DOI 10.37493/2409-1030.2021.2.4

Н. Ф. Вирт

РЕАКЦИЯ ПРОТЕСТАНТСКОГО ДУХОВЕНСТВА НА УСТАНОВЛЕНИЕ ВЕЙМАРСКОЙ РЕСПУБЛИКИ В ГЕРМАНИИ¹

Статья посвящена рассмотрению процесса реакции евангелических церквей Германии на Ноябрьскую революцию и последовавшее за ней установление республиканского строя. В начале статьи раскрываются процессы, которые происходили в церковной среде Германии на фоне политических и социальных изменений, вызванных поражением в Первой мировой войне и революционными событиями 1918–1919 гг. Церковь теряет прежнее положение в государственной системе страны. Проводимая социал-демократическим правительством политика секуляризации, отделяет церковь от государства. В ответ на это евангелические церкви проводят несколько церковных конгрессов, на которых формируется Немецкий евангелический церковный союз, призванный отстаивать интересы 28 региональных протестантских церквей. В статье рассматриваются основные направления антиреспубликанской и антидемократической деятельности протестантского духовенства. Уделяется внимание описаниям реалий Веймарской республики в работах протестантских теологов и функционеров евангеличе-

ских церквей. Рассматривается важность для церковных организаций отделения от государственных структур и идеологическое обоснование этого процесса. Раскрываются взгляды протестантского пастора и богослова Отто Дибелиуса на цели и задачи построения независимой единой евангелической церкви. Выделяются основные причины и характер сопротивления демократическим процессам внутри церкви. Также в статье анализируется отношение к республике со стороны либеральных кругов евангелических христиан Германии. Характеризуются особенности восприятия демократических преобразований в Германии протестантским населением. В заключении делаются выводы об антиреспубликанской и антидемократической деятельности евангелических церквей, которая во многом оказала влияние на правый поворот в политической жизни Веймарской Германии второй половины 20-х гг. XX в.

Ключевые слова: протестантизм, Евангелическая церковь, Веймарская Германия, республика, Ноябрьская революция.

Nikolay Virt

REACTION OF PROTESTANT CLERGY TO THE ESTABLISHMENT OF THE WEIMAR REPUBLIC IN GERMANY

The article deals with the process of reaction of evangelical churches in Germany to the November Revolution and the subsequent establishment of the republican system. At the beginning of the article the processes taking place in the church environment in Germany against the background of political and social changes caused by the defeat in the First World War and the revolutionary events of 1918 – 1919 are revealed. The Church loses its former position in the state system of the country. The secularization policy pursued by the Social Democratic government separates church and state. In response, the Evangelical churches hold several church congresses, at which the German Evangelical Church Union is formed to defend the interests of 28 regional Protestant churches. The article examines the main directions of anti-republican and anti-democratic activities of Protestant clergy. Attention is paid to descriptions of the realities of the Weimar Republic in the works of Protestant theologians and functionaries of

evangelical churches. The importance of separation from state structures for church organizations and the ideological justification of this process are considered. The views of Protestant pastor and theologian Otto Dibelius on the goals and tasks of building an independent, united evangelical church are revealed. The main causes and nature of resistance to democratic processes within the church are highlighted. The article also examines the attitude towards the republic on the part of the liberal circles of evangelical Christians in Germany. The peculiarities of the perception of the democratic transformation in Germany by the Protestant population are characterized. The author makes a conclusion about the anti-republican and anti-democratic activities of the Evangelical churches, which largely influenced the right-wing turn in the political life of Weimar Germany in the second half of the 1920s.

Key words: Protestantism, Evangelical Church, Weimar Germany, Republic, November Revolution.

Ноябрь 1918 г. стал переломным моментом в истории Германии. 8 ноября представители Германской империи начали переговоры с представителями Антанты о перемирии, а уже 9 ноября провозглашается Германская республика. С этого момента начинается процесс строительства

нового республиканского государства. Получившее власть социал-демократическое правительство начинает реформирование всех областей государственной жизни, а немецкое общество делиться на сторонников и противников республики.

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ, проект №20-39-90025 «Веймарская республика в восприятии протестантских церквей и теологов».

В это же время наступают серьезные перемены для евангелических церквей Германии. С 1871 г. – провозглашения Германской империи – протестантские церкви играли роль идеологической опоры трона. Для них, как и для всего государства, свержение монархии имело тяжелые последствия. Вместе с потерей легитимности прежней власти произошла потеря легитимности церковных властей и всей церковной структуры, встроеной в господствующую внутриполитическую модель Германской империи. Потеря места в государственной структуре подорвала исторические основы евангелической церкви, всегда опиравшейся на сильную королевскую, а впоследствии императорскую власть.

В стране господствовали революционные, в значительной степени антицерковные настроения не только в среде социал-демократов, пришедших к власти в первые дни Ноябрьской революции, но и среди либералов и иных представителей партий и движений демократического спектра. Поэтому будущие государственно-церковные отношения вызвали озабоченность у представителей протестантских церквей. Стоит отметить, что первоначально протестанты встретили новую власть с готовностью сотрудничества. 18 ноября 1918 г. Синод прусской церкви заявил, что «Церковь не зависит от определенной политической формы», и призвал своих членов «сделать все, чтобы способствовать порядку и порядочности, миру и спокойствию» [7, p. 428]. Несмотря на то, что церковные заявления ноябрьских дней в целом делались в духе союза с республикой, большинство духовенства встретило падение монархии негативно. Многие пасторы были убежденными сторонниками монархии, причем они базировали свои взгляды на политической теологии Мартина Лютера. «Их политические взгляды остались такими же, какими они были до революции: монархическими, антиреволюционными, антисоциалистическими, антиреспубликанскими, антидемократическими» [1, s. 12]. Поэтому ни от кого из них нельзя было ожидать приверженности, зарождающейся республике или демократии в целом. Тем более, что меры, которые стали предпринимать социалисты в некоторых землях Германии в скором времени изменили отношение протестантов к новой власти в худшую сторону. Именно жесткая политика социалистов, а также боязнь того, что в Германии возможно проведение антиклерикальной политики по образцу большевистской России, дополнительно способствовали формированию консервативных настроений среди евангелических христиан.

Однако реальность происходивших в стране событий не оправдала худших ожиданий церкви. Уже в январе 1919 г. представители евангелического Церковного совета, среди которых были церковный историк Адольф Гарнак и Готфрид

Трауб, получили сведения о том, что подготовленная новая Конституция не затронет существующих прав церквей. Грядущее демократическое правительство было заинтересовано в сохранении роли церквей в обществе, а также в том, чтобы отделение церкви от государства распространялось только на те области, на независимость которых претендует сама церковь [10, s. 374]. Одним из пунктов программы социал-демократов и 136 статьей Конституции являлось заявление о свободе вероисповедания на территории Германской республики. Этот пункт привел к изменениям в жизни католиков и протестантов, причем последних он коснулся сильнее всего. Церковь отделялась от государства, школа отделялась от церкви. Соответственно само устройство евангелических церквей должно было претерпеть значительные изменения. Лишаясь постоянного финансирования со стороны местных князей и имперских властей, евангелические церкви Германии были вынуждены искать способы формирования новой жизнеспособной церковной организации. Она должна была быть максимально независимой и сплоченной.

Для решения вопросов будущего устройства церкви было решено созвать Конгресс евангелических церквей в сентябре 1919 г. в Дрездене. Подготовка и управление созывом Конгресса находились в руках Комитета немецкой евангелической церкви, созданного еще в 1903 г. и объединявшего под своим началом несколько евангелическо-лютеранских церквей по всей территории империи. Общее настроение делегатов Конгресса оставалось консервативным. Райнхард Мёллер – церковный юрист и монархист – открывая Конгресс отмечал, что с падением монархического государства в стране исчезла «слава Германской империи»: «Мечта наших отцов, гордость каждого немца, исчезла. Вместе с ней ушел и высокий носитель германской власти, государь и правящий дом, который мы так любили и почитали как знаменосца германского величия. Протестантская церковь Германии глубоко пострадала от этого события. В протестантских церквях нашего отечества были самые тесные связи с государственной властью со времен Реформации. Иначе, чем здесь, мы не можем торжественно засвидетельствовать, какое богатое наследие вышло из прежних тесных связей между государством и церковью, как в отношении государства, так и в отношении церкви...» [2, s. 53-54]. Р. Мёллер утверждал, что глубокая благодарность, которой немецкие церкви были обязаны своим бывшим покровителям-государям, «будет жить в евангелическом народе» [11, s. 227]. Его взгляды оказались особенно близки главам церковных объединений, традиционно тесно связанных с правителями тех, земель, где они располагались.

При рассмотрении вопроса о будущем церковном устройстве и избирательном праве звучали заявления против любых форм демократии в церковной среде. Генеральный суперинтендант Вильгельм Цёльнер говорил: «Наши народные массы живут в заблуждении, что они могут создать новое поколение, если установят свой порядок и свою конституцию. Мы противопоставляем этому Евангелие спасения через Господа нашего Иисуса Христа» [10, s. 375]. Именно апеллирование к Евангелию и трудам М. Лютера явилось одним из основных идеологических построений церковных консерваторов.

Для всех тех немногих, кто возлагал надежды на внутрицерковные реформы в демократическом духе, Церковный Конгресс стал глубоким разочарованием. Эрнст Трёльх писал в отчете о Конгрессе: «Консерваторы потеряли власть в государстве, в церкви они хотят ее получить. Их идеал заключается в том, чтобы сделать церковь крепостью своего рода контрреволюции. Это естественное следствие политико-социального развития на сегодняшний день. Церковь сегодня – это настоящая консервативная музыка, в которой многочисленные, совершенно бессильные либералы ничего не могут поделать» [11, s. 233]. Видя падение старого мира, консерваторы стремились всеми силами сохранить в неприкосновенности церковь, как последнюю опору традиционной Германии.

Церковный Конгресс в Дрездене, проходивший 1-5 сентября 1919 г. установил курс на будущее устройство церкви: «28 немецких протестантских региональных церквей, сохраняя полную независимость в исповедании, уставе и управлении, объединились для защиты и представления своих общих интересов, для выработки общего сознания немецкого протестантизма» [8]. Это была победа консерваторов и церковных ортодоксов. С помощью хорошо функционирующего административного механизма церковного управления «опасность» строительства новой демократической церкви предотвращается. Но помимо этого желание создать единую всегерманскую церковь также осталось мечтой. Вопрос церковного единства и в дальнейшем обсуждался на Конгрессе в Штутгарте (1921 г.). Необходимость объединения усилий в борьбе с республикой и демократией привели к основанию в 1922 г. в Виттенберге Немецкого евангелического церковного союза, объединившего 28 автономных протестантских региональных церквей. Но все же данный союз являлся организацией с довольно большой автономией различных региональных церквей и не представлял собой единого церковного организма.

Для евангелических церковных функционеров было очень важным, чтобы демократический дух времени не имел слишком большого влияния на церковь. По их мнению, демократия не соот-

ветствовала характеру христианской общины и противоречила христианским догматам. Таким образом, церковные синоды стали ответственны за сохранение консервативных традиций германского евангелизма. Эти новые «народные церкви» («Volkskirchen») становились не более чем продолжением прежних национальных церквей с претензией быть законными носителями религиозной власти над всем евангельским населением Германии [10, s. 376]. Подобное стремление породило церковную и культурно-политическую тенденцию, приведшую церкви в сферу политики. В 1924 г. редактор официального издания церкви «Церковного Ежегодника» («Kirchliches Jahrbuch») писал следующее: «Только лишь независимый епископат отошел на второй план, но его права спасены и находятся в целостности и сохранности... Дипломатическое руководство церкви, тихое и незаметное, было одновременно безупречным, примирительным и энергичным. Рассудительные люди за рубежом с широким кругозором открыто говорили нам, что ничто в растерянной Германии не производит на них большего впечатления, ни политика, ни экономика, а только работа церкви» [10, s. 376].

Что касается отношения к событиям, происходившим вне церковной среды, например, в оценке поражения Германии 1918 г., церкви следовали взглядам антидемократических и антиреспубликанских кругов – вплоть до поддержки так называемой «легенды об ударе ножом в спину» [10, s. 377]. Неприкрыто проявляя симпатию к монархическому прошлому, церкви искали поддержки у правых партий, к которым принадлежала значительная часть теологов, многие из них являлись членами многочисленных националистических партий и организаций. Часть церковных деятелей оказалась тесно связана с Немецкой национальной народной партией. Возник, по утверждению немецкого теолога Карла Дама: «дикий пасторский национализм» [10, s. 377]. Некоторые пасторы принадлежали к немецкому националистическому движению «Стальной шлем» («Stahlhelm»), проводили так называемые «полевые службы» на полувоенных собраниях, где звучали монархические лозунги и давались клятвы верности родине.

Ряд пасторов в своих проповедях неприкрыто критиковали республиканские устои и напоминали своей пастве о пороках демократии. Под руководством своего президента, бывшего придворного проповедника Бруно Дёринга, Евангелический союз превратился в настоящую национально-протестантскую организацию [9, s. 114]. С церковных кафедр происходила пропаганда консервативных, националистических и иных правых идей. Значительная часть прихожан становилась электоральной базой для правых партий.

Одним из основных мероприятий, которые провели социал-демократы в первые годы после установления своей власти, стала секуляризация,

полное отделение церкви от государства в наиболее важных областях общественной жизни. Интересно, что именно в отделении церкви от государства евангелические теологи и пасторы нашли путь антиреспубликанской борьбы. К 1921 г. протестантские церкви в Германии стали мощными бастионами политической и социальной реставрации [1, s. 16]. Они смогли стать такими, потому что традиционные институты и лидеры в них не только остались нетронутыми, но и в некоторых отношениях смогли значительно укрепить свои позиции и влияние.

Часть церковных деятелей призывала к тому, чтобы враждебность церкви к республиканскому правительству и конституции была открытой и бескомпромиссной. Подобные взгляды исповедовали бывшие придворные проповедники, военное духовенство, а также многие члены консисторий. Они видели в революции только нарушение присяги, измену и преступление. Для них 9 ноября 1918 г. стало днем в истории Германии, когда «все было перевернуто вверх дном, троны свергнуты, короны растоптаны в пыль, все, что называется авторитетом и почтением, подорвано» [6, s. 94]. Однако, люди, которые открыто выступали против республики и дистанцировались от участия в политической жизни, потеряли возможность влиять на дальнейший ход событий.

Другая же часть церковных деятелей, хоть и думала о республике в том же ключе, действовала более скрытно, нападая на республиканские устои напрямую. Обычно даже не нужно было читать между строк их речей и публикаций, чтобы понять, что они являлись врагами республики. Они не скрывали, что желают и надеются на восстановление дореволюционных порядков во многих сферах общественной жизни. Даже позже они без малейшего стеснения объясняли социал-демократическому правительству Веймарской республики, что они остаются монархистами [12, s. 294]. Видимо поначалу они ничего не ожидали от лобовой атаки на республику, а возможно, даже считали ее несвоевременной и излишней.

В отличие от большинства людей старшего поколения в церковном руководстве, некоторые молодые богословы уже в ноябре 1918 г. признали, что лучший способ сохранить традиционный порядок в церквях – это взять на вооружение лозунг «отделения церкви от государства» и наполнить его контрреволюционным содержанием. Данное требование полностью совпадало с требованиями, как либералов, так и социал-демократов, стремившихся отделить светское начало от церковного.

Наиболее ощутимые аргументы в пользу разделения государства и церкви выдвигаются протестантским богословом Адольфом Штёккером еще во второй половине XIX в. Его целью было создание церкви, освобожденной от руководства государственной бюрократией, которая, во главе

с сильным епископством будет проводить консервативную политику, и выступать против либерализма, демократии и рабочего движения, против парламентаризма. Однако, согласно А. Штёккеру церкви необходимо пережить обновление. Он считал, что старая имперская церковь слаба, духовенство находится в состоянии бессилия, а миряне не видят примеров христианской жизни. Реальное влияние евангелической церкви слабо из-за ее полной подчиненности светским властям. Только полностью независимая и самодостаточная церковь, по мнению А. Штёккера, будет иметь гораздо больше власти и влияния. Только «свободная народная церковь» может стать защитником «христианского государства», по крайней мере, «политически и церковно консервативной Германии» [1, s. 19]. Враги веры, в понимании А. Штёккера – это все неконсервативные силы в обществе: «Социализм и либерализм, с тем, и с другим нужно бороться одинаково, экономически, политически, религиозно. Нам нужна реакция в здоровом смысле, общее противодействие порядка против чрезмерной свободы и разнузданности, веры против неверия, как против ненависти к Богу. В этом наша церковь должна будет оказать свои услуги» [13, s. 103].

Именно концепция развития евангелической церкви в сторону ее усиления и расширения независимости воспринимается и поддерживается представителями консервативных кругов в церкви в период Веймарской Германии. Подобную концепцию невозможно было реализовать до 1918 г., несмотря на то, что она была лояльна имперской германской власти. Церкви до конца Первой мировой войны были настолько сросшены с государством, что даже помыслить об отделении от него было невозможно. Революция изменила ситуацию в корне, не только фактически, но прежде всего психологически.

Теолог Отто Дибелиус позже писал о предпосылках, на основании которых он сам и многие другие церковные деятели решительно встали на позицию отделения церкви от государства: «Поскольку настроения в церкви в подавляющем большинстве враждебны республике, церковь очень сдержанно относится к новому государству. Традиционная лояльность правительству сменяется самостоятельным отношением Церкви к властям государства» [3, s. 75]. Теперь нужна независимая церковь, потому что нужна церковь, чуждая республике или даже откровенно враждебная ей – однородная, мощная, влиятельная, а также выступающая против всех внутрицерковных реформаторских усилий, за которыми подозревались симпатии к демократическим или даже социалистическим идеям.

О. Дибелиус был одним из самых решительных сторонников такой церкви. В конце ноября 1918 г. он стал руководителем Попечительского советом

Прусских государственных церквей. Уже в начале 1919 г. О. Дибелиус активно выступал против так называемых свободных объединений, настаивавших на духовном обновлении и фундаментальных структурных изменениях церкви. По мнению О. Дибелиуса время не благоприятствовало изменениям. Однако после революции открылись возможности для «возрождения церкви» и для активизации церковного народа к «борьбе за смерть и жизнь» [5, s. 204]. Под этим понималась борьба за общественное положение церкви, за ее права и влияние.

В 1928 г. О. Дибелиус подводил итог правильности курса, который избрала евангелическая церковь в период установления республиканской власти. Он писал, что церковь должна понимать 9 ноября 1918 года, как «день, в который сотни тысяч пренебрегли своей присягой и долгом и оставили целый народ беззащитным перед врагом, не подлежащим никакому сомнению», а именно «что силы, разрушившие старое государство в то время, когда народ боролся за существование и не существование, были силами тьмы». Однако, с другой стороны, 9 ноября 1918 г. для пастора – «день рождения свободной, независимой протестантской церкви в Германии» [4, s. 101]. Революция сломала прежний порядок устройства церковной жизни Германии, но при этом дала серьезную возможность укрепить саму церковную организацию.

Коротко можно сказать, что путь избранный скрытыми противниками республиканского устройства Германии в евангелической церкви оказался успешным. Реформирование церкви в сторону ее независимости и консервации традиций за несколько лет привело к очевидному результату, которым мог быть доволен даже последний ультрареакционер [1, s. 22]. Церковь осудила революцию. Люди, возглавлявшие ее, в лучшем случае холодно дистанцировались от государства, созданного революцией, но в большинстве своем они были настроены резко враждебно и пренебрежительно. Несмотря на это церковные организации получали от правительства Веймарской республики крупные финансовые пожертвования, которыми они могли свободно распоряжаться. И в годы Веймарской Германии государственные пособия были, безусловно, самой большой статьей в доходных бюджетах всех немецких протестантских церквей. Церковь буквально стала «государством в государстве» [1, s. 22]. То есть сама республика в надежде на союз с церковью, фактически финансировала силу, способствовавшую ослаблению позиций умеренно левых и центристских партий, составлявших фундамент республиканской политической системы.

После смерти первого президента Веймарской Германии Фридриха Эберта церковными деятелями особенно отмечалось, что СДПГ не удалось

выставить из своих рядов достойного приемника. Это воспринималось как еще одно доказательство несостоятельности демократии и республиканского устройства государства. Прихожанам протестантских церквей прямо рекомендовалось голосовать за Пауля фон Гинденбурга, ставшего кандидатом в президенты страны от консервативного лагеря. Именно приход к власти в 1925 г. П. Гинденбурга, окончательно завершил поворот германской политики вправо, а евангелические церкви Германии внесли свою значительную лепту в данный процесс.

Однако не все представители евангелически-лютеранских религиозных объединений являлись консерваторами. Кроме религиозных деятелей, настроенных антиреспубликански, в церковной среде Веймарской Германии сформировалось еще одно направление, выработавшее свое отношение к республиканскому строю. Оно сформировалось из разрозненных групп немецких интеллектуалов, которые были убежденными республиканцами или же имели либеральные взгляды и смотрели на республику, как на возможность построения нового государства без милитаристских устремлений. Многие из тех, кто стал симпатизировать республике в 1919 г., до этого являлись монархистами и поддерживали внешнеполитическую экспансию Германской империи. Однако проигрыш в войне и революционные события заставили их изменить свои взгляды.

Еще одним аргументом в пользу поддержки республики для них был сам ее характер. Напуганные возможным установлением в стране режима схожего с большевистским, некоторые религиозные деятели и прихожане поддерживали стремление социал-демократов остановить революцию. Для них Веймарская республика стала дамбой, противостоявшей новой пролетарской революции в Германии [1, s. 33]. Однако представители республиканских религиозных кругов оставались не только малочисленными, но и не были представлены в ведущих органах власти и на руководящих постах в церкви, что ограничивало возможности влияния на паству и общество в целом.

Многие либерально настроенные протестанты принадлежали к «Народной лиге за свободу и Отечество», основанной в конце 1917 г. Фридрихом Майнеке и Эрнстом Трельчем. Основная цель организации заключалась в скорейшем завершении войны. Однако либералы хотели, чтобы война окончилась миром на условиях статуса-кво, без репараций и аннексий, и без серьезных изменений в расстановке сил на мировой арене. Это во многом свидетельствует о том, что либералы в религиозной среде оставались патриотически настроенными гражданами, отличавшимися от консерваторов осознанием необходимости реформирования Германской империи. Именно поражение германского милитаризма и монархии

в Первой мировой войне сделали многих немцев стихийными республиканцами. Но после того как революция завершилась вчерашние республиканцы стали радикализироваться и также переходили на политические позиции правых националистических партий [1, s. 37]. Во многом на изменение их политических взглядов повлияли провалы социально-экономических преобразований, проводимых социал-демократами и их союзники по коалиции в парламенте.

Таким образом, в заключении стоит сделать следующие выводы. События ноября 1918 г. сильнейшим образом повлияли на евангелические церкви Германии. Пережив недолгий период растерянности после революционных событий 1919 г., представители евангелических церквей Германии начали предпринимать активные действия, направленные против республики. Одним из важных аспектов такой деятельности стало создание Немецкого евангелического церковного союза, ставшего проводником консервативной антиреспубликанской политики. Другим важным шагом явилось намеренное отделение церковных организаций от государственных структур Веймарской республики. Подобные меры позволили евангелическим церквям проводить абсо-

лютно независимую политику, направленную против государства. Именно секуляризация, которая была проведена социал-демократами на начальном этапе демократических преобразований, позволила евангелическим церквям стать рупором консерватизма и правых идей.

Помимо консервативного направления в среде религиозных интеллектуалов сложились и либеральные, республиканские группы. Они видели в республиканском строе возможность построения новой свободной Германии, созданной на принципах либерализма и демократии. Но количество либеральных протестантских деятелей было невелико, поэтому они не могли влиять на магистральное направление внутрицерковной политики. К тому же неудачи веймарского правительства привели к тому, что многие республиканцы из либерального лагеря стали переходить на более правые позиции.

Консервативно настроенные церковные круги во многом способствовали краху республиканской идеи в Веймарской Германии. Евангелическо-лютеранские церкви оказались оплотом правых политических идей, которые все более радикализировались и набирали популярность среди населения на протяжении 20-х гг. XX в.

Источники и литература / References

1. Bredendiek W. Zwischen Revolution und Restauration: Zur Entwicklung im deutschen Protestantismus während der Novemberrevolution und in der Weimarer Republik. Hefte aus Burgscheidungen Nr. 171. Berlin: Union verlag, 1969. 54 s.
2. Bredendiek W. Kirchengeschichte von «links» und von «unten». Studien zur Kirchengeschichte des 19. und 20. Jahrhunderts aus sozialhistorischer Perspektive. Berlin: Leonhard-Thurneysser-Verlag, 2011. 370 s.
3. Dibelius O. Das Jahrhundert der Kirche. Geschichte, Betrachtung, Umschau und Ziele. Berlin: Furche-Verlag, 1926. 258 s.
4. Dibelius O. Nachspiel. Eine Aussprache mit den Freunden und Kritikern des «Jahrhunderts der Kirche». Berlin: Furche-Verlag, 1928. 113 s.
5. Dibelius O. Volkskirchenräte, Volkskirchenbund, Volkskirchendienst // Revolution und Kirche. Zur Neuordnung des Kirchenwesens im deutschen Volkstaat. Berlin, 1919. S. 201-213.
6. Doehring B. Mein Lebensweg. Zwischen den vielen und der Einsamkeit. Güterloh: Bertelsmann, 1952. 189 s.
7. Gordon F.J. Protestantism and Socialism in the Weimar Republic // German Studies Review, 1988. Vol. 11. №3. P. 423-446.
8. Käßmann M. Zur Geschichte des Deutschen Evangelischen Kirchentages. Hannover 2005. Vortrag im Niedersächsischen Landtag, 17. Mai 2005. URL: https://upload.wikimedia.org/wikipedia/commons/a/ae/Zur_Geschichte_des_Deutschen_Evangelischen_Kirchentages.pdf (Datum der Bewerbung: 03.05.2021).
9. Kupisch K. Die deutschen Landeskirchen im 19. und 20. Jahrhundert. Göttingen: Vandenhoeck und Ruprecht. 1966. 175 s.
10. Kupisch K. Strömungen der evangelischen Kirche in der Weimarer Republik // Archiv für Sozialgeschichte 11. 1971. S. 373-415.
11. Mehnert G. Evangelische Kirche und Politik 1917-1919. Düsseldorf: Droste-Verlag, 1959. 254 s.
12. Spiero H. Schicksal und Anteil. Ein Lebensweg in deutscher Wendezeit. Berlin: Volksverband der Bücherfreunde/Wegweiser-Verlag, 1929. 580 s.
13. Stoecker A. Die Freiheit der Kirche als Bedingung ihrer Kraft // Stoecker A. Wach auf Evangelisches Volk! Aufsätze über Kirche und Kirchenpolitik. Berlin: Buchhandlung der Berliner Stadtmission, 1893. 624 s.

Сведения об авторе

Вирт Николай Федорович – аспирант кафедры зарубежной истории, политологии и международных отношений гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / v575@bk.ru

Information about the author

Virt Nikolay – postgraduate student, Chair of Foreign History, Political Science and International Relations, Institute of Humanities, North-Caucasus Federal University (Stavropol) / v575@bk.ru

УДК 94 (497)
DOI 10.37493/2409-1030.2021.2.5

А. Животич

ОПАСНОСТЬ ВОЕННОГО ВТОРЖЕНИЯ И ПОЗИЦИЯ ЮГОСЛАВИИ В ОТНОШЕНИИ БАЛКАНСКОГО ПАКТА (1953–1954)

В статье автор, привлекает широкий спектр военных и дипломатических источников, которые призваны показать связь между существованием прямой военной опасности и югославским подходом к Балканскому пакту. Работа содержит обзор военно-стратегической ситуации, также в статье проанализированы угрозы национальной безопасности Югославии и их влияние на создание военно-политического союза на реальную военную ситуацию на Балканах.

Впервые с опорой на архивные источники исследуется детально советско-югославский конфликт, который помещается в более широкий контекст международных отношений, сложившихся вокруг Балкан.

Советско-югославское противостояние выросло из межпартийного столкновения и превратилось в межгосударственный конфликт. Одной из главных проблем статьи является вопрос о подготовке советской агрессии

в отношении Югославии. Планы СССР автором детально проанализированы с использованием разведывательные данные югославского штаба. Слабость и плохая техническая оснащенность югославской армии планировалось компенсировать партизанской войной. Однако, и этого было недостаточно. Властям Югославии пришлось вступить в переговоры с США, которые планировали использовать республику в борьбе против СССР. После переговоров Югославии была предоставлена значительная помощь – военная и экономическая. В контексте этих же событий был создан Балканский пакт, что привело к росту военных поставок с Запада для югославской, греческой и турецкой армий, чтобы они могли противостоять возможному нападению Советского Союза и его союзников.

Ключевые слова: Югославия, СССР, Балканский пакт, холодная война, НАТО, военная опасность.

Aleksandar Zivotic

MILITARY DANGER AND YUGOSLAV APPROACH TO BALKAN PACT (1953-1954)

With the reference to a wide range of military and diplomatic sources, the author shows the connection between the existence of a direct military threat and the Yugoslav approach to the Balkan Pact. The work contains an overview of the military-strategic situation. The article also analyzes the threats to the national security of Yugoslavia and their impact on the creation of a military-political alliance on the real military situation in the Balkans.

For the first time, relying on archival sources, the author investigates in detail the Soviet-Yugoslav conflict, which is placed in the broader context of international relations that developed around the Balkans.

The Soviet-Yugoslav confrontation grew out of an inter-party clash and turned into an inter-state conflict. One of the main problems of the article is the question of preparing the Soviet aggression against Yugoslavia. The

plans of the USSR are analyzed in detail by the author using the intelligence data of the Yugoslav headquarters. It was planned to compensate for the weakness and poor technical equipment of the Yugoslav army with a partisan war. However, this was not enough. The authorities of Yugoslavia had to enter into negotiations with the United States, which planned to use the republic in the fight against the USSR. After the negotiations, Yugoslavia was provided with significant assistance - military and economic. In the context of these same events, the Balkan Pact was created, which led to an increase in military supplies from the West for the Yugoslav, Greek and Turkish armies so that they could withstand a possible attack by the Soviet Union and its allies.

Key words: Yugoslavia, USSR, Balkan pact, Cold War, NATO, military danger.

After the end of the Second World War, Yugoslav state and society were under dominant soviet influence. That influence affected the formation of socialist, economic and cultural relations. The construction of socialist society by soviet model was accompanied by complete following of soviet foreign political course. In addition, Yugoslav army was organized by soviet model and equipped with soviet armament and military equipment. Large number of Yugoslav officers was educated in different military schools and academies, while soviet military advisors were present in all commands, units and institutions of Yugoslav army. A few conflicts occurred between Yugoslav

and soviet side on the matter of reconstruction of Yugoslav armed force. That conflict culminated in summer 1948. The conflict between two nomenclatures of the party turned into inter-party conflict, and then into inter-state conflict between Yugoslavia and USSR and their allies, the countries of COMINFORM¹. One of the consequences of that conflict was the suspension of soviet military help and retraction of soviet military instructors from Yugoslavia. Because of the denial of soviet military help and without developed domestic military industry, Yugoslav army found itself in very

¹ About the conflict between Yugoslavia and COMINFORM countries see more in: [1; 3; 4; 5; 6; 7; 8; 11; 25; 28; 29; 45; 47;].

difficult position. Frequent incidents on borders with countries of COMINFORM and the presence of great number of soviet solders in neighboring countries put Yugoslavia in front of the danger of Soviet military intervention with its allies.

In modern historiography literature, the matter of potential military intervention of Soviet Union and its allies is solidly processed. The most important paper about this subject wrote Hungarian general and historian Bela Kiralji. This paper possesses historiography and source value because it was created as a result of memories of witnesses and participants of the event [30]. Very important data about the certain aspects of this problem can be found in the studies of Dragan Bogetic [2], Bojan Dimitrijevic [26], Loraine Lis [32] and Darko Bekic [17]. The most important source data are kept in the funds of Military History Archive of Serbia [33], while smaller parts of the sources are in Archive of Yugoslavia [12] and Diplomatic Archive of Federal Ministry of Foreign Affairs [19]. Important part of archive sources is published in special collection of documents [16].

In modern historiography, the question about that whether a military aggression on Yugoslavia was being prepared is often imposed. Since soviet sources about that problem are not available, this question can be answered only by using the Yugoslav intelligence sources and a series of individual statements of participants in those events. Karel Kaplan, high functionary of Czechoslovakian Communist party said in his memoirs that J.V. Stalin had announced in January 1951, the beginning of reckoning with capitalist countries. In addition, similar statements gave soviet marshal Rokossovskiy in his dialogues with leaders of Italian communist party [17]. Marshal Zukov spoke about that with representatives of Yugoslav army during its visit to Yugoslavia in 1957. After the normalization of Yugoslav-Soviet relations in 1955. About the place and role in general war between USSR and its allies on one side and western countries on other, in most eloquent way spoke Hungarian general, Bela Kiraly, who escaped to west after Hungarian revolution in 1956. He emphasizes that in Hungary in 1951, headquarter war games took place. During them was practiced the possibility of action of Hungarian army against Yugoslav army forces [30, p.284]. The military preparation for attack on Yugoslavia had already started in 1949. When the reorganization of Hungarian military forces was conducted [30, p.284]. At the same time, on all command posts of other armies of Soviet allies were placed soviet generals or generals whose loyalty to USSR¹ was not suspected

in. Complete war plan was not delivered to Hungarian side. It was only suggested that in action against Yugoslavia, Romanian, Bulgarian, Albanian and Soviet troops and smaller contingents of Polish and Czechoslovakian army would participate. According to his statement, main forces of Hungarian army in coordination with Romanian army consisted strike echelon whose assignment was to take over the space between the Tisa and Danube and to form bridgehead on peaks of the Fruska gora. In that case, soviet troops would take over Belgrade. The other half of Hungarian forces would attack in direction of Ljubljana, previously forcing the Drava. In addition, Romanian forces would attack in two directions: with smaller parts of army, they would attack Banat and with larger number of forces, they would attack from Vlaska, in coordination with Bulgarian forces towards the valley of the Velika Morava. The rest of the Bulgarian forces would attack in several directions towards Skoplje in order to cut Yugoslav forces in two. The other strike echelon would represent powerful soviet motorized and armor-mechanized division, which would have had the assignment to break Yugoslav forces into more isolated groups.

Available intelligence sources of Yugoslav headquarters, which were presented during the negotiations with American military delegations and dialogues with the representatives of Greek and Turkish headquarters, confirm Kiralji's statement. According to the data, 50 infantry and 7 armor divisions, which belonged to soviet allies, 12 soviet armor and motorized divisions and 2000 planes were orientated towards Yugoslavia [34]. The Yugoslav war plans were based on the assumption that the main attack will be directed to three directions: Northeastern towards Zagreb, Central towards Belgrade, and Eastern towards Skoplje. The operative base for attack on Yugoslavia would have been consisted of territories of Hungary, Bulgaria and Romania while most of the military effectives these countries would have been engaged in attack on Yugoslav territory. It was being assumed that attack in direction of "Ljubljanska vrata" ("Ljubljana gate") would have been conducted by soviet forces from the territory of Soviet occupational zone in Austria. It was evaluated that main strategic goals during the first phase of the attack were the occupation of Belgrade, Zagreb, and Skoplje. During the second phase, the attack would have been directed at Trieste, central parts of Yugoslavia in order to come to the Mediterranean see and Albania and make continental connection with this soviet ally [41].

Confronted with the possibility of military intervention, Yugoslav army tried to adjust its war plans to potential danger. However, Yugoslav army was in very difficult position. There was the deficiency of large quantities of artillery weapons of bigger caliber, canons and tanks. Yugoslav air force, also, did not possess jet planes. It had few radar systems and not

1 In Hungary the nomination of Mihajl Farkas for minister of defense, for his substitute was named Sandor Nogradu, who came to Hungary together with the Red Army in 1944. In Poland for minister of defense was named soviet marshal K.K. Rokossovskiy. In Bulgaria, for chef of general staff was named soviet general Trojanovski, under the false name Asen Grekov.

all units had enough means of transport and trucks. Besides this, there was great deficiency of munitions of all calibers. Food reserves were also, very small [40]. Weapons and military equipment, which lacked, could not have been produced in domestic factories and could not have been bought on West either, because of political and financial reasons.

In extremely unfavorable geopolitical conditions, Yugoslav headquarters was planning elastic and complete defense on three fronts. War plans included the maximal use of advantages of mountain and hill fields of the central areas of Yugoslavia, which were almost completely impenetrable for large armor and mechanized divisions. Besides this, Yugoslav headquarters evaluated that Yugoslav armed force does not have capacities to confront manifold superior enemy forces by frontal combat, so they decided to plan zonal line defense. It was planned gradual retreat in confrontation with superior forces of border front towards the third line of defense in mountain area of country where should have been organized final defense. On Eastern front, towards Bulgaria, from the Danube to Yugoslav-Greek border would have been concentrated three corpuses, one armor division, five mountain brigades, one armor brigade, two cavalry regiments, six artillery regiments, two anti-aircraft regiments, six engineer battalions, and one battalion for signal and one for supply. Three corpuses, two armor brigades, two cavalries, seven anti-tank and four engineer regiments would have defended the Central front, towards Hungary and Romania. On Northwestern front, partly towards Hungary and partly towards Soviet occupational zone in Austria, would have been concentrated three corpuses, one armor division, one mountain and one armor brigade, one cavalry regiment, six anti-tank regiments, one anti-aircraft regiment, five artillery and engineer regiments. In high strategic reserve of Supreme command were two corpuses, one armor division, eight mountains and one armor brigade, eight artilleries, five anti-aircraft and six engineer regiments, and also one signal and one supply regiment. Those forces would have taken echeloned arrangement across the depth of the territory. The organization of defense was planned in three lines since Yugoslav forces did not possess appropriate means for efficient resistance to powerful soviet armor and mechanized units on plain field of north parts of Yugoslavia. The first line would have spread from Yugoslav-Bulgarian border to the Danube and then the Danube, Drava and Mura to Yugoslav-Austrian border. The second line would have spread by the Vardar, South and Great Morava, it would have turned near Arandjelovac towards the Sava and then by the Sava to Zagreb and further towards Maribor and by the Mura to Austria. The third line would have started near Bitolj and continued via the Shar-planina, the Ibar, Maljen, Medvednik, and Spreca, and then from Banja Luka across Karlovac, Zumberk, Zidani most and Mozirje to Dravograd [15].

The war plan contained the real evaluation of strategic situation and the range of its powers. However, the level of military danger was so high that the quality war plan nor the extremely high moral of the army and the moral of complete population could not have guaranteed the defense of the territory without strong strategic partners and high quality armors and military equipment. The evaluation of Yugoslav General headquarters was that Yugoslav forces with existing weapons and military equipment could not endure very longin confrontation with Soviet units and its East- European allies. The extreme flexibility of Yugoslav war plans could not have compensated the technical inferiority, which included the advantage of configuration of Yugoslav theater of operations and achieved inner cohesion on the matter of confrontation to the possible aggressor. The possibility of guerilla war against aggressor was taken in consideration as one of components of total resistance so Headquarters of Partizan Units was formed. The commander was the head of the Political department of Ministry of People's Defense, General Svetozar Vukmanovic Tempo. The Presidium of National Assembly of FPRY [Federal People's Republic of Yugoslavia] brought secret edict about the state of readiness of the country. War locations of federal institutions were determined and confidential archive sources were packed and brought in the inner parts of the state. Most of the Yugoslav social productions were spent on the support of armed force. The army had the priority in the supply with food. The efforts on the matter of organization of defense were complicated by extremely difficult state of the economy. Catastrophic drought in 1950, brought the country to the verge of hunger. The most important part of the military industry was transferred in the central part of the country, before all in the area of Bosna and Herzegovina. On inner plan, they took series of measures, in order to improve state in the army. However, extreme efforts of domestic industry could not have supplied army with elementary needs in case of war, since Yugoslav resources were not enough, for successful confrontation to the aggressor. Border incidents were occurring very often and large number of Yugoslav border solders died in them. These incidents raised the fear of possible military intervention. The general non-readiness of the country for efficient defense conditioned the change of foreign political course. Since the normalization of relations with Soviet Union and its allies was impossible in Yugoslav state and party leadership appeared the idea of approach to West, whose public opinion was mentioning the possibility of Soviet invasion, was appearing very often.

Confronted with possible war, unready for efficient resistance to the attacker, Yugoslav government found itself caught in the middle between ideological prejudices and political pragmatism. The approach to West meant the repression of firmed political and

ideological views on capitalist world. On the other hand, West suspected the honesty of Yugoslav leadership in conflict with COMINFORM. However, the loss of China in 1949, and the beginning of war in Korea, encouraged American diplomats to think about the role of Yugoslavia in potential conflict with USSR. They concluded that Yugoslavia could have had very important role in that conflict. The strategy of wedge¹, which included western geopolitical penetration on the space of soviet interest zone, enabled strategic advantage to western forces [32, p. 121–139]. Yugoslav territory enabled western powers to have higher operative profundity during the potential conflict and tighter continental connection with their allies: Greek and Turkey. In order to exploit Yugoslav geopolitical position in the most efficient way, it was necessary to strengthen Yugoslav defense power.

Even though that it was confronted with terrible state of its own armed forces and serious military threats, Yugoslavia refused the possibility of accepting western military help emphasizing the insisting on neutrality in possible war. However, the culmination of situation on Yugoslav borders influenced the change of Yugoslav attitude. In the beginning of 1951, Yugoslav emissary in Washington, Vladimir Velebit [17, p. 251–255], opened the series of dialogues. The negotiations resulted by arrangement of visit of the chief of Yugoslav headquarters, general, Koca Popovic to Washington in May 1951. In July in 1951, Popovic met general Eisenhower in Paris. During August 1951, Yugoslav military delegation visited USA and made first arrangements about American military aid to Yugoslavia [19]. During the negotiations, Yugoslav officers left very favorable impression on American hosts by its expertise and readiness to confront soviet military intervention [25, p. 21]. Political opening to west was followed by media and cultural opening to western world. Therefore, large number of Yugoslav officers was sent in school centers of western armies in order to get education and improvement.

After the visits of Yugoslav political and military delegations to Western countries, and the visits of their delegations to Yugoslavia at the end of 1950, and the beginning of 1951, Yugoslavia received important military and economic aid. This continued up to 1957. Yugoslav army got large amounts of artillery weapons, tanks, different armor vehicles, trucks and radars. Yugoslav air force received large number of planes. The important part of that contingent was jet planes. Anti-aircraft and anti-armor component were improved. Firepower of defensive component of Yugoslav army was enlarged in armor and air force units. The cooperation with Western countries and the delivery of necessary equipment helped in strengthening the capacities of domestic military industry. This led to the radical modernization of Yugoslav army.

The deliveries of military equipment had the function to enable the creating of conditions for efficient defense of the Mediterranean. In war plans of NATO command, Yugoslavia had very important role. The Mediterranean region represented a very sensitive area in potential war because of the possibility of swift and easy Soviet interruption of communication between West and Middle and Near east [21]. Yugoslav inclusion in defense of southern wing of NATO, according to military evaluations had extreme significance. However, Yugoslav military and political leadership excluded the possibility of approach to NATO. Reasons for this kind of attitude were multiple and manifold. They included mostly political and ideological dogmas, and less about the complete bonding for one out of two confronted sides. Yugoslav side insisted on organization of collective defense without close ties for military and political structures of NATO [32, p. 128–133].

However, this involvement of Yugoslavia in NATO war planes led across the integration on regional basis. Greek and Turkey became members of NATO in 1952. During the preparations for defense of the Mediterranean, Greek and Turkish forces would have had the assignment to form the collective front against the potential aggression of USSR and its allies. Therefore, military and political negotiations over the creation of Yugoslav-Greek-Turkish alliance started in 1952, with the mediation of Western countries. The negotiations were opened by mutual visits of political delegations and were continued by dialogues between military delegations. During the visit of Turkish military delegation to Belgrade, in December 1952, the modalities of mutual military cooperation were arranged with necessary strategic observations [35]. At the end of the same month, the delegation of Yugoslav General Headquarters visited Athens. The negotiations were more concrete since Yugoslavia and Greece were neighboring countries which would have had common front towards Bulgaria in potential war. They talked about the characteristics of border front towards Bulgaria, the strength of enemy military forces and forms of common organization of defense, the possibilities of common military operations and the size of necessary military forces for performance of military operations [34]. It was especially emphasized the necessity of organization of common Balkan front in possible war in order to avoid the possibility of break of continental connections between Balkan countries which would reduce the chances for successful defense. They especially considered the matter of Albania. They left the possibility of common preventive military action against Albania in case that governments of Balkan allies do not succeed to ensure the neutrality of Albania.

The frame arrangement about friendship and cooperation between the three countries was signed in Ankara on February 28, 1953 [22]. The negotiations

¹ About the strategy of wedge, see more in: [27, P.56 – 64].

about the creation of political alliance were preceded by tripartite Yugoslav-Greek-Turkish military negotiations which took place in Ankara between 17-20 February 1953. During these negotiations were defined the creation of common front and frame strategic priorities [38]. By special instruction to all diplomatic branches Balkan Pact was defined as an alliance which represents wide range and solid base for enlargement and deepening of cooperation between three countries on the matter of common safety [14]. Yugoslav political and military leadership thought that this way it succeeded to ensure the contra balance to soviet aggressive approach and national safety. In spite of all this, the danger of soviet military intervention still existed. That is why the necessity for continuance of further military and political negotiation on the matter of mutual connections between Balkan allies, imposed itself. Further military negotiations had the purpose to define common priorities, coordinate military plans and to precise the tasks of individual military groups and to coordinate the organization of system of common supply from western allies and mutual communications [39]. Besides this, the matter of equipping of ally armies by arms and military equipment of mostly of American origin was imposed. The organization of common front consisted of unification of armament of ally military forces. The creation of Balkan Pact led to intensifying of donations of western military help to Yugoslav, Greek and Turkish army which brought to enlargement of operative powers of all three armies and armies itself were enabled to confront the possible attack of Soviet Union and its allies.

Mutual military attachment imposed the necessity of deepening of whole interstate cooperation between ally countries. Military needs imposed precise definition of existing alliance. Therefore, the question of new agreement forms of alliance. Further negotiations, common interests, and necessity for strengthening of the existing cooperation brought to deepening and widening of the frame of Ankara agreement. This is the reason why it was made new Agreement about the alliance, political cooperation and mutual help which was signed on the Bled, on August 9, 1954 [36]. The agreement had extremely important military significance. The agreement defines obligations of ally countries which includes that in case of war they act together since attack on one member was considered as an attack on all three members. That way the military alliance of three countries was completely defined which brought to intensifying of the level of their national safety. The dialogues followed political negotiations between three headquarters, which were about military cooperation in case of a war. They also defined collective war aims and the ways of cooperation and certain common operative zones. These matters were solved during the conference on which participated chiefs of headquarters of ally armies in Athens [37]

from 4 to 12 November 1954. Since the matter of political and legal frame of alliance was solved by Bled agreement, the base for further military connections was made. During the conference, series of questions of strategic and operative significance were considered. Great attention was paid to questions of conduction of mutual plans of coactions in case of a war, cooperation of air force and the matters of organization of logistics, signals and exchange of maps. In addition, the intensive exchange of intelligence data. In strategic observations, great attention was paid to evaluation of enemy war plans. They concluded that there is great danger of separating of common forces from the main NATO forces in Europe. In that context, the role of Yugoslav army got on its significance since one their priority was the protection of continental connection between Balkan allies and NATO forces in Italy. Two priorities and the directions of high importance, according to the agreement were "Ljubljanska vrata" (the closest communication between Hungary and Trieste, where the Italian territory would have been in danger in case of intercepting) and the area of Macedonia as an area, which connects common front. In that context, the importance of Bulgaria, as possible operative base for attack on all three countries, which were members of Balkan Pact, was emphasized. The common plans included occupation of Albanian territory in order to ensure the provision of sea ways to Yugoslavia. Yugoslav navy had important strategic assignment. Yugoslav naval forces were planned to ensure the undisturbed supply of Yugoslav army by sea routes from USA and countries of western Europe with all necessary means. Yugoslav air force besides the assignment to support continental forces and anti-aircraft protection of territory, was in charge to protect from air convoys which would supply Yugoslav army.

From Yugoslavia's point of view, the duration of Balkan Pact was limited by potential military danger. After Stalin's death, first signs of improvement in Yugoslav-Soviet relations appeared, and, therefore, that meant the end of military danger, too. Yugoslav-Soviet relations started to normalize, during 1955 [13]. The pacification of that conflict coincided with Turkish-Greek conflict with regarding the status of Cyprus [22]. Yugoslavia turned to cooperation with the third world countries since 1954, making an alliance with Egypt and India as the foundation of wider movement of nonaligned countries¹. The Suez Crisis also, had an influence on repression of cooperation. Yugoslavia stopped receiving American military aid in 1957, and that marked the end of whole action [24].

Yugoslavia approached alliance with Greek and Turkey with Western assistance in conditions of complete military danger. In that moment,

¹ About Yugoslav Approach to Nonaligned movement see more in: [42; 43; 44; 46].

Yugoslavia and west had same interests. Defense capacities of Yugoslavia were very weak. The exit from this very difficult situation was only the finding of strong strategic partner, such as NATO. The program of military help brought to strengthening and radical modernization of Yugoslav army. That way Yugoslavia enlarged its defense capacity. The Balkan cooperation was limited by the duration of military danger. The Yugoslav-Soviet reconciliation and progressive change of foreign political course of Yugoslav state, brought to slow reduction of cooperation between the members of Balkan Pact and the suspension of military aid from USA and its allies¹.

Direct military danger, endangerment of national safety, catastrophic economic situation and impossibility of modernization of armed force suppressed ideological dogmas, stereotypes and prejudices. Yugoslav state leadership was in dilemma between real political approach to west and ideological, and political convictions. The real political attitude dominated with maximal distance from policy of western allies, as much as possible in conditions of complete dependence on western military and economical help. Besides this, the restraint from complete dedication to one of confronted blocks was conditioned by the fear of possible change of Yugoslav political and social system by principles of western democracy, but also, by negative experience which was a consequence of Yugoslav bonding with Soviet Union between 1945. and 1948. During

this period new Yugoslav foreign political doctrine of remoteness from block organization which was being rudimentary created. This doctrine was fully expressed during the creation of wider movement of nonaligned non engaged countries on the base of peaceful coexistence and it was created during 1954, and Tito's trips to India, Burma, Egypt and meetings of Broz, Nasser and Nehru on the Bryonies in July 1956, when the foundations of future Yugoslav policy were made.

On the matter of Balkan integrations, conflicts between Balkan states and their political and military relations during the second half of Twentieth century, can be said freely, that historical science has not even approximately given answers to series of complex questions which are the results of Balkan foreign political chaos. Did Yugoslavia approach to Balkan Pact just because of unfavorable safety circumstances? Did the integration with western countries influence decisively on preservation of its independence? Did Yugoslav political and military leadership see Balkan Pact as a means of defense of the country? Was Balkan pact limited by the duration of military danger? How much the experiences from past can be applied on actual geopolitical situation on Balkan? How military situation dictates political necessities and how the political necessities define security situation? Finally, is the military alliance a guarantee of preservation of peace? These are just some of questions, on which for now cannot be given answer based on historical researches of direct sources. At the same time, that is the courses of future researches.

1 About relations between Yugoslavia and Western countries: [1; 6; 17; 18; 31; 32].

Список сокращений

AY, 836 – CPR – Archive of Yugoslavia (AY), Cabinet of the President of the Republic.
AY, 507/III – Archive of Yugoslavia (AJ), Politburo of the Yugoslav Communist Party.
MA, JNA – Military Archive Belgrade, fond Yugoslav Peoples Army.
FRUS – Foreign Relations of the United States, volume IV, part 2, Washington, 1985.

Источники и литература / References

1. Аникеев А. С. Как Тито от Сталина ушел: Югославия, СССР и США и начальный период холодной войны (1945–1957). М., 2002.
Anikeev A. S. Kak Tito ot Stalina ushel: Yugoslaviya, SSSR i SShA i nachal'nyy period kholodnoy voyny (1945–1957) (How Tito left Stalin: Yugoslavia, the USSR and the USA and the initial period of the Cold War (1945–1957). Moscow, 2002. (In Russian).
2. Гибианский Л. Я. К истории советско-югославского конфликта 1948–1953: Секретная советско-югославо-болгарская встреча в Москве 10 февраля 1948 года // Славяноведение. 1991 №3. С.12 – 23.
Gibianskiy L.Ya. K istorii sovetско-yugoslavskogo konflikta 1948-1953: Sekretnaya sovetско-yugoslavo-bolgarskaya vstrecha v Moskve 10 fevralya 1948 goda (On the history of the Soviet-Yugoslav conflict of 1948–1953: Secret Soviet-Yugoslav-Bulgarian meeting in Moscow on February 10, 1948) // Slavyanovedenie. 1991. No. 3. P.12 – 23. (In Russian).
3. Гибианский Л. Я. К истории советско-югославского конфликта 1948–1953: Секретная советско-югославо-болгарская встреча в Москве 10 февраля 1948 года // Славяноведение. 1991 №4. С.4 – 36.
Gibianskiy L. Ya. K istorii sovetско-yugoslavskogo konflikta 1948-1953: Sekretnaya sovetско-yugoslavo-bolgarskaya vstrecha v Moskve 10 fevralya 1948 goda (On the history of the Soviet-Yugoslav conflict of 1948–1953: Secret Soviet-Yugoslav-Bulgarian meeting in Moscow on February 10, 1948) // Slavyanovedenie. 1991. No. 4. P.4 – 36. (In Russian).
4. Гибианский Л. Я. К истории советско-югославского конфликта 1948–1953: Секретная советско-югославо-болгарская встреча в Москве 10 февраля 1948 года // Славяноведение. 1992 №1. С.42 – 56.
Gibianskiy L. Ya. K istorii sovetско-yugoslavskogo konflikta 1948-1953: Sekretnaya sovetско-yugoslavo-bolgarskaya vstrecha v Moskve 10 fevralya 1948 goda (On the history of the Soviet-Yugoslav conflict of 1948–1953: Secret Soviet-Yugoslav-Bulgarian meeting in Moscow on February 10, 1948) // Slavyanovedenie. 1992. No. 1. P.42 – 56. (In Russian).

5. Гибианский Л. Я. К истории советско-югославского конфликта 1948-1953: Секретная советско-югославо-болгарская встреча в Москве 10 февраля 1948 года // Славяноведение. 1992 №3. С. 35–51.
Gibianskiy L. Ya. K istorii sovetско-yugoslavskogo konflikta 1948-1953: Sekretnaya sovetско-yugoslavo-bolgarskaya vstrecha v Moskve 10 fevralya 1948 goda (On the history of the Soviet-Yugoslav conflict of 1948–1953: Secret Soviet-Yugoslav-Bulgarian meeting in Moscow on February 10, 1948) // Slavyanovedenie. 1992. No. 3. P. 35–51. (In Russian).
6. Животић А. Вашингтонска конференција 1951. Југословенско приближавање САД. Београд, 2014.
Zivotich A. Vashingtonska konferentsija 1951. Jugoslovensko približavanje SAD (Washington Conference 1951. Yugoslav Approach to the United States). Beograd, 2014. (In Serbian).
7. Крамер М. Советско-југославски конфликт, советска војна политика о покушци Сталина вратити себи контролу над Југославијом: переоценка // Историја сталинизма: истраживања. Москва, 2011. С. 256–274.
Kramer M. Sovetsko-yugoslavskiy konflikt, sovetская voennaya politika o popytki Stalina vernut' sebe kontrol' nad Yugoslaviej: pereotsenka (Soviet-Yugoslav conflict, Soviet military policy on Stalin's attempts to regain control of Yugoslavia: a reassessment) // Istoriya stalinizma: itogi problemy izucheniya. Moscow, 2011. P. 256–274. (In Russian).
8. Петрановић Б. Југославија на размеђу (1945–1950). Подгорица, 1998.
Petranovich B. Jugoslavija na razmechu (1945–1950) (Yugoslavia at the Crossroads (1945 – 1950). Podgoritsa, 1998. (In Serbian).
9. Петрановић Б., Велика шизма. Четрдесетосма, Подгорица, 1999.
Petranoviћ B., Velika shizma (The Great Schism. Forty-eighth). Chetrdesetosma, Podgoritsa, 1999. (In Serbian).
10. Улунян А. А. Балканы. Горячий мир холодной войны 1945 – 1960. М., 2001.
Ulunyan A. A. Balkany. Goryachiy mir kholodnoy voyni 1945 – 1960 (Balkans. Hot World of the Cold War 1945–1960). Moscow, 2001. (In Russian).
11. Улунян А. А. СССР, страны народной демократии и революционное движение в Греции 1944–1950. М., 1988.
Ulunyan A. A. SSSR, strany narodnoy demokratii i revolyutsionnoe dvizhenie v Gretsii 1944–1950 (USSR, People's Democracies and the Revolutionary Movement in Greece 1944 – 1950). Moscow, 1988. (In Russian).
12. Archive of Yugoslavia (further – AY). F. 837 – Cabinet of Yugoslav President (further – CPR). 1951, 1952, 1953 и 1954.
13. AY, 836 – CPR. I – 3 – a/245.
14. AY. 836-CPR. Document number I – 5 – c.
15. AVIIVSCG. AJNA. GŠ – 2. B. 16. F. 2. Register number 1 / III.
16. Balkanski pakt 1953 / 1954 / ed by M. Terzić. Beograd, 2005.
17. Bekić D. Jugoslavija u Hladnom ratu. Odnosi s velikim silama 1949 – 1955, Zagreb, 1988.
18. Bogetić D. Jugoslavija i Zapad 1952 – 1955. Jugoslovensko približavanje NATO – u. Beograd, 2000.
19. Diplomatic Archive of Federal Ministry of Foreign Affairs, (further – DASMIP), Political archive (further – PA) (1951). F. 78. Document number 410840.
20. DASMIP, PA—strictly confidential years: 1951, 1952, 1953 and 1954.
21. DASMIP, PA (1952). F. 68. Document number 49137.
22. DASMIP, PA (1953). F. 69. Document number 429736.
23. DASMIP, PA (1955). F. 68. Document number 43807.
24. DASMIP, PA (1957) – strictly confidential. F. II. Telegram number 369
25. Dedijer V. Izgubljena bitka Josifa Visarionoviča Staljina, Sarajevo, 1968.
26. Dimitrijević B. Jugoslavija i NATO (1951 – 1957). Beograd, 2003.
27. Dobson A. P., Marsh S. US Foreign Policy Since 1945. London, 2001.
28. Đilas M. Vlast. London, 1983.
29. Đilas M. Razgovori sa Staljinom. Beograd, 1990.
30. Kiraly B. K. The Aborted Soviet Military Plans Against Tito's Yugoslavia // At the Brink of War and Peace. The Tito – Stalin Split in a Historic Perspective / ed by W. Vucinich. New York 1982. P.273 – 278.
31. Laković I. Zapadna vojna pomoć Jugoslaviji 1951 – 1958. Podgorica, 2006.
32. Lis L. Održavanje Tita na površini. Sjedinjene Države, Jugoslavija i Hladni rat. Beograd, 2003.
33. Military Archive of Serbia (further – MA), Archive of Yugoslav People's Army (further – AJNA). Fund GŠ– 2.
34. MA, AJNA. GŠ– 2. B. 14. F. 8. Register number 3 / I.
35. MA, AJNA, GŠ – 2. B. 14. F. 8. Register number 3 / II.
36. MA, AJNA, GŠ – 2. B. 18. F. 4. Register number 1 / III.
37. MA, AJNA, GŠ – 2. B. 18. F. 5. Register number 1 / 48.
38. MA, AJNA, GŠ– 2. B. 15. F. 1. Register number 1 / I.
39. MA, AJNA, GŠ– 2. B. 15. F. 1. Register number 1 / II.
40. MA, AJNA. GŠ – 2. B. 16. F. 2. Register number 1 / I.
41. MA, AJNA. GŠ – 2. B. 16. F. 2. Register number 1 / II.
42. Mates L. Međunarodni odnosi socijalističke Jugoslavije. Beograd, 1976.
43. Mates L. Nesvrstanost – teorija i suvremena praksa. Beograd, 1970.
44. Rubinstein A., Yugoslavia and Nonaligned World. Princeton, 1970.
45. Štrbac Č. Svedočanstva o 1948. Beograd, 1989.
46. Tadić B. Istorijski razvoj politike nesvrstavanja, 1946 – 1966. Beograd, 1968.
47. Vykoukal J., Litera B., Tejchman M., Východ, vznik, vývoj a pozpad sovětského bloku 1944-1989. Praha, 2000.

Сведения об авторе

Животић Александар – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Югославии факультета философии Белградского университета (Белград, Сербия) / aleksandar.zivotic@f.bg.ac.rs

Information about the author

Zivotic Aleksandar – PhD in History, Associate Professor, Chair of History of Yugoslavia, Faculty of Philosophy, Belgrade University (Belgrad, Serbia) / aleksandar.zivotic@f.bg.ac.rs

УДК 930.1(470.6)
DOI 10.37493/2409-1030.2021.2.6

Т. А. Колосовская

КАВКАЗ В СЛУЖЕБНОЙ БИОГРАФИИ И ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНОМ НАСЛЕДИИ ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТА Д. И. РОМАНОВСКОГО (1825–1881)¹

Статья подготовлена в контексте активно изучаемого в исторической биографии феномена «историописатели второго плана». На основе биографического метода анализируется кавказский период жизненного пути и творческой деятельности генерал-лейтенанта Д. И. Романовского (1825–1881). Опираясь на воспоминания современников и архивные документы раскрывается роль Кавказа в становлении его как военного деятеля и ученого. Особое внимание уделяется анализу историко-литературных произведений военного исследователя, посвященных кавказской тематике. Показывается их влияние на формирование официального имперского нарратива Кавказской войны и становление исторического направления отечественного кавказоведения.

Служба в Отдельном Кавказском корпусе, а также талант и прекрасные литературные способности, определили включение Д. И. Романовского в сложный процесс изучения и «открытия» Кавказа для всего русского общества. Он пытался понять и объяснить широким слоям общественности причины, ход и историческое значение событий, участником которых являлся сам. По объему и разноплановости подго-

товленных им трудов, Романовского вряд ли можно включить в число профессиональных историков, которые внесли неоценимый вклад в развитие русской исторической мысли. Тем не менее, результаты его творческой деятельности и, прежде всего, его произведение «Кавказ и Кавказская война», стали первыми попытками обобщения и публичного представления сведений об этнокультурном многообразии и геополитическом значении Кавказа. Они отражали исторические события, в ходе которых регион стал частью Российского государства, знакомили с их главными действующими лицами. Высказанные Романовским положения об отправной точке начала Кавказской войны, причинах затянувшегося военного противостояния и цивилизаторской миссии России на Кавказе оказали влияние на формирование имперской концепции русско-кавказских отношений и ее отражение в официальных нарративах рубежа XIX–XX вв.

Ключевые слова: Д. И. Романовский, историческая биография, военная историография, Российская империя, Кавказская война, русско-кавказские отношения, «историописатели второго плана».

Tat'yana Kolosovskaya

CAUCASUS IN SERVICE BIOGRAPHY AND HISTORICAL AND LITERARY HERITAGE OF LIEUTENANT GENERAL D. I. ROMANOVSKY (1825–1881)

The paper is performed in the view of the concept of the historical biography of “less prominent people”. We study the Caucasus life time and investigator activity of the General D. I. Romanovsky with the reference to the biography studies method. Based on contemporary memoirs and archive documents the study intends to show the role of the Caucasus in his evaluation as a military activist and a scientist. We pay specific attention to his historical and literature manuscripts analysis dedicated to the Caucasus issues. We show their impact on the foundation of narratives collections together with the history studies of the Caucasus studies.

Romanovsky's service in the Caucasus Military Corps together with his talents and literature gifts determined his contribution into the complex process of the Caucasus studies and its popularisation for the whole Russian society. He tried to interpret the reasons of some historical events he participated in and explain them to the public.

Исследование жизненного пути отдельных исторических личностей является важной составляющей европейской историографии с античных времен. На рубеже XX–XXI вв., в условиях пер-

He could be hardly marked as a professional historian consider his main papers. Then again the results of his activity and his main book “Caucasus and the Caucasus War” were the first example on generalisation and introduction to the public the data on ethnic and cultural diversity and geopolitical significance of the region. They showed the historical events when the region became an integrated part of the Russian state together with making a reader acquainted with the main participants of the process. The ideas told by Romanovsky about the starting point of the Caucasus War, reasons for the clash and civilisation mission of Russia influenced the foundation of the Imperial concept of Russian-Caucasus attitudes and their assumptions in the official narrative at the turn of XIX–XX cc.

Key words: D. I. Romanovsky, historical biography, military historiography, Russian Empire, Caucasus War, Russian-Caucasus relations.

сонализации предмета истории, историческая биография в России пережила новый подъем [12]. При этом в фокус рассмотрения и анализа часто попадали жизненные траектории тех, кого

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-09-00037 «Военные кавказоведы Российской империи: исторические портреты, исследовательские практики и научное наследие».

нельзя отнести к выдающимся историческим деятелям, в том числе и самим историкам. Сюжеты, находящиеся на пересечении историографического и биографического жанров, образовали отдельную проблематику исследований и привели к необходимости осмысления такого явления как «историописатели второго плана» [11, с. 27]. Его теоретические аспекты вызвали дискуссию в исследовательских кругах и попытки анализа в ретроспективной форме, «позволяющей целенаправленно охарактеризовать отдельные этапы исторической эволюции рассматриваемого феномена» [19, с. 30]. Поскольку разработка темы продолжается, обратимся к фактологической стороне проблемы и попытаемся показать ее на материалах одного из военных исследователей Кавказа Дмитрия Ильича Романовского (1825–1881).

Его имя входит в число офицеров Русской императорской армии, причастных к изучению Кавказа и военно-политических событий, которые там проходили в XIX столетии. В дореволюционный период осмыслить и дать оценку его творческой деятельности не успели, ограничившись лишь статьей в «Русском биографическом словаре» [16]. В советский период обращение к теме военной истории Кавказа и ее изучению в имперский период не приветствовалось. В ставшей хрестоматийной работе Л.Г. Бескровного по развитию отечественной военной историографии Романовский даже не упоминается [2]. Хотя отрывочные сведения о результатах его исследовательских практик всё-таки находили свое отражение в обобщающих трудах по истории изучения Кавказа в русской науке [9, с. 229].

Интерес к жизни Романовского активизировался на рубеже XX–XXI вв. в контексте обращения к имперскому опыту изучения и освоения восточных окраин России [1, с. 206; 7, с. 216; 18, с. 254–256]. Тем не менее, отдельные эпизоды его служебной биографии и творческой деятельности остались разработанными слабо, нуждаются в уточнении и дополнении.

В рамках настоящего исследования, не претендуя на всестороннее освещение жизненного пути Д. И. Романовского, остановимся на характеристике периода его деятельности, связанного с Кавказом. Особое внимание уделим анализу его историко-литературных произведений, посвященных кавказской тематике, их влиянию на формирование официального нарратива военной истории Кавказа и становление исторического направления отечественного кавказоведения. Материалами для этого нам послужат архивные документы, в первую очередь сведения из послужного списка Д.И. Романовского, его некролог, воспоминания о нем современников и историко-литературные труды военного исследователя, посвященные Кавказу. Последние нередко включают в

себя сведения автобиографического характера, поскольку описывают события, участником которых Романовский непосредственно являлся.

Будущий генерал родился 25 февраля 1825 г. в православной дворянской семье Тверской губернии. Военное образование получил в Главном инженерном училище в Санкт-Петербурге, в которое поступил 4 сентября 1839 г. 8 августа 1843 г. был произведен в полевые инженер-прапорщики, с оставлением в училище для продолжения обучения на офицерском отделении [17, л. 1].

В 1844 г. Романовский с отличием завершил обучение и в чине поручика был зачислен в Санкт-Петербургскую инженерную команду. Затем был переведен в Киевскую инженерную команду, а в 1846 г. отправился на Кавказ в связи с переводом в Грузинский инженерный округ. 19 июля 1847 г., по собственному желанию, штабс-капитан Романовский перешел на службу в Егерский генерал-адъютанта князя Чернышева (в дальнейшем 80-й пехотный Кабардинский) полк под командованием князя А.И. Барятинского [17, л. 2 об.].

Полковая штаб-квартира «кабардинцев» располагалась в то время в крепости Внезапной, на передовой линии столкновений с «немирными» горцами. По прибытии к новому месту службы Романовский принял участие в военных действиях в Малой Чечне. В ноябре - декабре 1847 г. он участвовал в движении отряда под начальством генерал-лейтенанта Р.К. Фрейтага из крепости Грозной, в рубке леса, в военных действиях против Джархан-Юртовских хуторов и аула Гелен-Гойты, в январе 1848 г. в перестрелке с чеченцами на реке Валерик. Летом того же года, входил в состав отряда полковника Веревкина, в его движении из укрепления Герзель-аула к аулу Ахмет-тала, в атаке, овладении и истреблении этого аула. За боевые отличия был награжден орденами св. Анны 3-й степени с бантом и св. Владимира 4 ст. с бантом [17, л. 2 об.].

Для продолжения военного образования 4 августа 1848 г. Романовский был отправлен в Императорскую военную академию (впоследствии Николаевская академия Генерального штаба). Здесь у него появилась возможность приобщиться к кавказской тематике с аналитической точки зрения. Он стал одним из слушателей курса лекций по военной статистике Кавказского края, разработанного Д. А. Милютиным и предназначенного для подготовки офицеров к службе на Кавказе. По итогам успешного завершения обучения Романовский был награжден малой серебряной медалью, произведен в капитаны и прикомандирован к Образцовой (впоследствии Учебной) пешей батарее, для фронтального образования.

Столь блистательная военная карьера молодого офицера Генерального штаба была прервана нелепой дуэлью. «За противозаконные

проступки» высочайшим приказом от 12 октября 1851 г. он был отправлен в отставку. В дальнейшем вернуться на службу Романовский мог только рядовым [17, л. 3 об.]. Неприятности не сломили молодого человека. Он не опустил руки и для восстановления своей служебной карьеры отправился на Кавказ, в действующую армию, где в те времена, по оценке современников, у него было гораздо больше шансов продвинуться по службе, чем даже оставаясь не разжалованным где-нибудь внутри России [4, с. 285].

8 июня 1852 г. Дмитрий Ильич определился в Ставропольский пехотный полк рядовым. Затем проходил службу в Дагестанском и Апшеронском пехотных полках. В 1853 г., с 4 января по 14 марта, участвовал в зимней экспедиции на левом фланге Кавказской линии и за проявленные в ней мужество и храбрость, 17 февраля 1853 г., получил знак отличия военного ордена [17, л. 3 об.]. Участие Романовского в Крымской войне на Кавказском театре военных действий (отличился в сражениях при Баш-Кадыкляре, Кюрюк-Дара, штурме Карса) позволило ему вернуть офицерский чин и снова стать причисленным к Генеральному штабу [17, л. 3 об.].

Он находился на хорошем счету у начальства. Главнокомандующий на Кавказе генерал-адъютант Н.Н. Муравьев предполагал на случай возобновления военных действий, назначить Романовского начальником штаба войск, предназначенных для действий в долине р. Риона [13, с. 299]. 1 марта 1856 г. он был командирован в Турецкую армию под начальством Омер-Паши для переговоров о перемирии. Поручение с успехом было исполнено, конвенция о перемирии заключена на выгодных для России условиях [17, л. 18].

В этом же году Романовскому довелось выполнить еще одно поручение главнокомандующего. До императора дошли сведения, что мирные чеченцы были сильно взволнованы слухами о том, что будто российское правительство разрабатывает планы их переселения в Россию на р. Маныч. Романовскому предстояло отправиться на Северо-Восточный Кавказ, в Чечню, и принять немедленные меры к прекращению таких слухов. Ему следовало заверить горцев, что новый император Александр II не желает в чем-либо сокращать ранее дарованные им льготы. Офицер не только успешно справился с заданием, но и с помощью начальника Левого фланга генерала Н. И. Евдокимова и начальника Кумыкской плоскости барона Л. П. Николаи собрал самые точные сведения. Эта командировка дала Романовскому случай пообщаться с боевыми генералами, узнать их мнение о характере Кавказской войны и тем самым почерпнуть обширный материал для своих будущих сочинений по военной истории региона [13, с. 300–301].

После служебной командировки в Чечню Романовского отпустили в краткосрочный отпуск. В это время главнокомандующим на Кавказе был назначен генерал-адъютант князь А.И. Барятинский, который первоначально приблизил к себе талантливого офицера. 2 августа 1856 г. Романовский был назначен начальником его военно-походной канцелярии, 17 сентября 1856 г. получил чин подполковника, в апреле – мае 1857 г. находился при главнокомандующем при осмотре правого и левого крыла Кавказской линии, при этом участвовал в перестрелках, происходивших при проезде князя А.И. Барятинского через Большую Чечню и при рекогносцировке аула Зандак [17, л. 18 об.].

В 1857 г., Романовский, как доверенное лицо главнокомандующего, был частым посетителем дома начальника штаба Кавказской армии Д. А. Милютин в г. Тифлисе [10, с. 42]. В своих воспоминаниях последний характеризует Романовского как одного из лучших офицеров Генерального штаба, с которыми ему довелось служить на Кавказе [10, с. 193]. «Близость к столь всемогущему тогда князю Барятинскому, при наилучшем расположении Д. А. Милютин, считавшего долгом вообще протектировать всем офицерам Генерального штаба, давала Романовскому полное право рассчитывать на самую блестящую карьеру, – вспоминал современник, – но, по пословице: «чем ближе к солнцу, тем больше жжется», – произошло нечто совсем противное» [4, с. 286].

Романовского перевели в Ширванский пехотный полк. Как поясняет Д. А. Милютин, офицер рассчитывал получить полк в командование. Вместо этого, командиром был назначен полковник Кононович, а Романовский «вследствие неверно понятых им слов главнокомандующего... обратился к нему лично с неуместными объяснениями, после чего не мог оставаться на Кавказе» [10, с. 193–194]. Он был отправлен курьером в Петербург с письмом к генерал-квартирмейстеру барону Ливену, которого Барятинский просил дать своему адъютанту новое назначение.

Больше на Кавказ Романовский не возвращался. 14 апреля 1858 г., он был определен на службу в Департамент Генерального штаба. С 11 июля по 8 ноября 1858 г. находился в командировке по сбору сведений для составления стратегического обзора Западного пограничного края, в том числе Царства Польского и губерний: Киевской, Минской, Гродненской, Волынской, Подольской, Полтавской, Екатеринославской и Бессарабской области. 30 августа 1858 г. Романовский был произведен в полковники, а 13 декабря того же года назначен управляющим временным отделением Департамента Генерального штаба по войскам в Кавказском, Оренбургском и Сибирском краях, расположенных [17, л. 19 об.].

Шесть лет, проведенные Романовским на Кавказе, позволили ему принять самое живое участие в развернувшейся в то время при Военном министерстве работе по написанию кавказской военной истории. Затянувшееся на десятилетия вооруженное противостояние в регионе приковывало к себе внимание русского общества и перед властью стояла задача объяснить почему и какой ценой Кавказ вошел в состав Российской империи. Одним из популяризаторов кавказской тематики стал Д. И. Романовский.

В 1860 г. в Петербурге, зале Пассажа, Дмитрий Ильич прочел публичные лекции, целью которых было познакомить общество с Кавказом в военном отношении в целом и с Кавказской войной в частности. Лекции получили большой общественный резонанс, а печать много говорила об этом событии. В том же году материалы Романовского были опубликованы отдельной книгой под названием «Кавказ и Кавказская война».

Источниками для этого сочинения выступили: 1) курс лекций по военной статистике Кавказа Д. А. Милютин; 2) военно-статистические описания отдельных частей Кавказского края, в частности Ставропольской и Эриванской губерний, Кутаисского генерал-губернаторства и восточного берега Черного моря; 3) разрозненные описания местностей, кавказского быта, эпизодов военных действий, опубликованные на страницах периодических изданий; 4) архивные документы по военной истории Кавказа, собранные Д. Х. Бушеном [14, с. 2–8].

Значительную роль в подготовке издания сыграло тесное общение Романовского с современниками описываемых им событий и, прежде всего с князем А. И. Барятинским и Д. А. Милютиным. Это позволило автору отразить в своей работе их взгляды на Кавказскую войну и политику властей в регионе. Заведующий осенью 1859 г. азиатской частью в Главном штабе, Романовский имел случай неоднократно встречаться и беседовать с пленным Шамилем. «Занятый в то время подготовлением материалов для публичных лекций о Кавказе, – напишет впоследствии Романовский, – я, конечно, пользовался его объяснениями, в особенности в тех случаях, которые тогда еще для всех были не ясны» [13, с. 286].

По вопросам этнографии Кавказа Романовский консультировался с П. К. Усларом, специально занимавшимся разработкой этого вопроса. Наконец, большое значение в подготовке истории Кавказской войны сыграл и личный опыт Романовского, как непосредственного участника военных действий на Кавказе.

Сочинение было разделено автором на десять чтений. На систематизацию и изложение материала большое влияние оказали военно-статистические обозрения как исследовательский жанр, практиковавшийся офицерами Генерального

штаба в XIX в. В первом чтении Романовский дает общую характеристику географии, этнографии и истории всего Кавказа, характеризует причины и сущность Кавказской войны в целом. В последующих чтениях материал излагается по основным географическим отделам Кавказа: Закавказский край или Закавказье, северная часть Кавказского края или Кавказская линия и Дагестан. В ходе подробного обзора каждой из этих частей Романовский излагает также главные военные действия в них проходившие, с начала Кавказской войны и до окончания Крымской войны.

Интересно отметить, что само начало Кавказской войны Романовский связывает с присоединением к России Грузии, после чего «обязанность усмирить и успокоить этот край сделалась неизбежным подвигом, отступить перед которым было бы несовместно с достоинством России и не согласо с ее исторической и политической судьбой» [14, с. 46]. И хотя в дальнейшем военные историки называли иные отправные точки, напр., Персидский поход Петра Великого, русско-турецкую войну 1768 – 1774 гг. и т.д., в официальных нарративах, издаваемых штабом Кавказского военного округа, предложенная Романовским датировка стала одной из самых популярных. Впрочем, споры о хронологических рамках Кавказской войны и, прежде всего, дате ее начала, не утихают в историографии и по сей день.

Отдельные чтения Романовский посвятил рассмотрению мюридизма, как идеологии «немирных» горцев и анализу различных систем действий, употреблявшихся на Кавказе в разное время по умиротворению региона и установлению здесь русского доминирования. Автор убедительно доказывал тезис о том, что обращение к силовым методам подчинения жителей Кавказа носило вынужденный характер и употреблялось в исключительных случаях. «При малейшей же возможности, – подчеркивает исследователь, – правительство всегда старалось избегать кровопролития» [14, с. 368].

В последних двух чтениях Романовский излагает перечень главнейших событий на Кавказе за 1856–1859 гг., в том числе на северо-восточном и северо-западном театрах военных действий и их результаты. В конечном итоге, автор приходит к выводу о том, что трудный вопрос умиротворения Кавказа можно считать разрешенным, а предложения кавказской администрации по экономическому развитию региона (учреждение пароходства, устройство железных дорог и новых портовых городов) являются залогом процветания его в будущем.

Изначально ставя перед собой задачу популяризации для широкой общественности сведений о Кавказе, Кавказской армии и людях, участвовавших в военно-политических событиях в регионе, Романовский вполне добился ее решения.

«Верными и ясными очерками, – отмечается в рецензии современника, – автор обрисовал различные части Кавказского края, его природу и свойства, его население, характер и быт этого разнообразного населения и затем в последовательных очерках изложил главнейшие события Кавказской войны, проследив все фазисы умиротворения Кавказа, причем весьма ясно и рельефно указал на те особенности и характерные черты, которыми отличалась война, и на те разнообразные системы ведения войны, которые были принимаемы в различные времена шестидесятилетней борьбы» [6, с. 381].

В поисках ответа на вопрос, почему вооруженное противостояние на Кавказе затянулось на десятилетия, Романовский обращает внимание на недостаточность сведений о регионе, которыми располагали в Петербурге, при чрезвычайной трудности его изучения. «Недоступная, своеобразная местность этого края, – писал Романовский, – его разнородное воинственное народонаселение, особые условия Кавказской войны и ее самобытный характер требовали основательного и глубокого изучения. Между тем, источники для правильного изучения Кавказа, в особенности в военном отношении, как мы знаем, и по настоящее время весьма ограничены. В таких обстоятельствах для ознакомления с Кавказским краем оставалось одно средство – изучение на месте» [14, с. 352–353]. А это, при чрезвычайном разнообразии края, представляло большие трудности и требовало много времени.

Отсутствие точных и достоверных сведений о регионе приводило к появлению различных мнений о способах покорения Кавказа, нередко противоположных по своей сути. В то время, когда одни настаивали на применении силовых методов, другие обосновывали вред употребления оружия и утверждали, что главным средством должны служить мирные и торговые контакты с горским населением, развитие в местном населении потребностей в роскоши и смягчение их нравов.

Проанализировав опыт использования различных систем (мирные и торговые сношения, поселения, устройство сообщений, рубка просек и постройка передовых укреплений, военные действия) Романовский пришел к заключению о том, что добиться успеха можно было только путем сочетания нескольких способов, руководствуясь при этом особенностями местных условий различных частей Кавказа. «...По обширности и разнообразию театра войны, какие представляет Кавказский край, – отмечает автор, – для успешного хода дела необходимо было представить главным местным начальникам некоторую самостоятельность и достаточные средства. Необходимо было, чтобы каждый из них имел право и возможность пользоваться обстоятельствами, бла-

гоприятствовавшими какому-либо из указанных главных способов, так, например: произвести набег, вырубить просеку и т.п.» [14, с. 378–379]. Тем самым, Романовский развивал идею Д. А. Милютина, высказанную им в его «Курсе военной статистики Кавказа», реализация которой на практике привела к формированию общей системы действий с учетом специфики отдельных частей Кавказа и к завершению Кавказской войны [8]. При этом, как человек военный, Романовский подчеркивал важность усиления военного присутствия в регионе и решительных силовых действий, без которых «перерождение края никаким образом не могло бы совершиться» [14, с. 458].

Опираясь на исторические факты, автор обстоятельно объясняет, почему Россия с древнейших времен была связана с Кавказом и почему постепенно распространяла здесь свое влияние. «Прежде чем установился государственный порядок в русской земле, молодечество и удаль, водившие предков наших на Царьград, водили их так жена Кавказ, – пишет исследователь. – Слова касоги (черкесы) и Тмутаракань (Тамань) встречаются на первых страницах наших летописей. Тяжкое время владычества монголов окончилось присоединением к России царств Казанского и Астраханского, и распространением нашей власти до подножия Кавказа» [14, с. 44]. Романовский подчеркивает, что связь с кавказскими народами еще более усилилась, когда после падения Византийской империи грузинские цари стали регулярно обращаться к московским царям с просьбой о покровительстве. «С тех пор, как внутреннее развитие России дозволило ей принять действительное участие в судьбе Кавказского края, – продолжает автор, – это участие уже не прекращалось» [14, с. 44]. Так автор обосновывал тезис о постепенном и исторически предопределенном движении России на Кавказ. Положение, которое стало одним из основополагающих в формирующейся в то время официальной исторической концепции российско-кавказских отношений.

Красной нитью через работу Романовского проходит мысль о выполнении России на Кавказе своей цивилизаторской миссии: «Каковы бы ни были жертвы, которые Россия должна принести Кавказу, во всяком случае нет сомнения, что эти жертвы будут потомством достойно оценены, прежде всего потому, что торжество России в войне с кавказскими горцами составит торжество цивилизации над самым упорным варварством» [14, с. 47–48]. «Если Петр Великий основанием Петербурга прорубил окно, сквозь которое Россия взглянула на Европу, то в наше время умиротворением Кавказа прорубается окно для целой западной Азии, для Персии, Армении, Месопотамии... Сквозь это окно взглянут они на Европу, – пишет автор, и если взглянут не без пользы для себя, в чем нельзя не сомневаться, то великий

долг, лежащий на России относительно цивилизации, будет честно и достойно выплачен» [14, с. 48]. Такими доводами Романовский вносил свою лепту в формирование одного из ключевых положений официального имперского нарратива истории российско-кавказских отношений.

В целом, написанное на фактах, очевидцем которых был сам Романовский и на мнениях людей, хорошо изучивших край, сочинение военного историка получило положительные отклики российской общественности. Вместе с тем военная тематика в историческом произведении явно преобладала, а все остальные сведения географического, этнографического, социально-экономического характера носили лишь вспомогательный характер, более рельефно показывая те усилия, которые затронула армия на Кавказе. Поэтому, отдавая дань уважения труду Романовского, в полной мере справившегося с поставленной перед ним задачей, современники указывали, что общая история Кавказа, все-таки должна быть разработана «с большею подробностью и в более обширном объеме» [6, с. 397].

Это понимал и сам Романовский, подчеркивая, что историку еще предстоит оценить по достоинству и историческое значение Кавказской войны и историческую роль ее главных деятелей [14, с. 458]. Пока же, труд Романовского, вместе с включенными в него отрывками из неопубликованных документов, планами сражений и укрепленных горских аулов, картой Кавказского края с обозначением военно-административного деления на 1860 г., лишь закладывал ту эмпирическую основу, опираясь на которую могли действовать последующие поколения историков.

Романовский позиционировал себя не в роли историка, а в качестве современника событий, при этом горячо любящего Кавказ. Это находило проявление не только в его творческой деятельности. В Петербурге он участвовал в организации «кавказских вечеров», посвященных исключительно воспоминаниям о кавказской боевой жизни. На таких мероприятиях, ежегодно, 4 февраля, в гостинице «Демут», собиралось от 50 до 90 человек «старых кавказцев». Вечера проходили в радужных и непринужденных беседах, прерываемых лихими казачьими песнями, грузинской музыкой и знаменитой «лезгинкой», а ужин, с обильным возлиянием «кахетинского», сопровождался тостами и речами [10, с. 395].

Служебная деятельность Романовского не мешала ему заниматься исследовательскими практиками. В 1861 г. он был избран действительным членом Императорского Русского географического общества и своими сообщениями активно содействовал его развитию.

В 1862 г. Романовский возглавлял редакцию «Русского инвалида» – официального печатного органа Военного министерства. После польского

восстания 1863 г. его размеры и характер приобрели черты большой политической газеты, принимавшей участие в борьбе с ложью иностранной прессы о России. Редактирование политических статей в «Русском инвалиде» было делом нелегким, требовало большого такта и осторожности. Романовский, по оценке Д. А. Милютин «человек испытанной честности и одушевленный искренним русским патриотизмом» [10, с. 253], каждый вечер приходил к нему с корректурными оттисками и заготовленными статьями.

Дальнейшая служебная карьера Романовского не была связана с Кавказом. 20 апреля 1865 г. он был отчислен от должности главного редактора газеты «Русский инвалид» с оставлением при Военном министре. В том же году за отличие по службе был произведен в чин генерал-майора. 4 июня 1866 г. был назначен военным губернатором Туркестанской области с оставлением в Генеральном штабе, 12 ноября 1866 г. назначен в свиту его императорского величества, 26 ноября 1867 г. – начальником штаба Казанского военного округа, а в 1877 г. – членом Военно-Ученого Комитета Главного штаба. В 1878 г. Романовский был произведен в генерал-лейтенанты [16].

О последних годах военного исследователя Кавказа, как, впрочем, и о его частной жизни, известно мало. Из послужного списка узнаем, что он был женат первым браком на Ольге Федоровне в девичестве Ермоловой, дочери отставного гвардии полковника Ф.И. Ермолова. У них было двое детей: дочь Мария, родившаяся 2 марта 1870 г. и сын Николай, родившийся 2 февраля 1872 г. [17, л. 10 об.].

В 1867 г. Романовский для лечения выезжал за границу, где в Женеве встречался с бывшим Кавказским наместником А. И. Барятинским. После его смерти в 1879 г., несмотря на имевшиеся ранее между ними разногласия, Романовский написал о покойном князе проникновенный некролог, а в феврале 1881 г. на страницах «Русской старины» была опубликована его статья «Князь А. И. Барятинский и Кавказская война» [13].

Статья, представлявшая собой опыт цельной биографии «покорителя Кавказа», вновь затрагивала сюжеты, к которым обращался Романовский 20 лет назад. Однако на этот раз в центр повествования была поставлена фигура А. И. Барятинского. Именно ему Романовский отводил главные заслуги в завершении Кавказской войны, и, в частности, составление решительного плана покорения Кавказа, принесшего успех в 1859 г. Это положение оказалось не бесспорным и привело к появлению критических замечаний по поводу справедливости такого вывода. Знакомый Романовского по организации «кавказских вечеров» в Петербурге И. Ф. Золотарев упрекал его за преувеличение роли князя А. И. Барятинского в ущерб его предшественникам и, главным образом,

князю М. С. Воронцову [5, с. 680]. По мнению А. Л. Зиссермана, текст Романовского содержал множество фактических неточностей и, хотя автору делало честь, что «он, забыв личные отношения, посвятил князю Барятинскому целый панегирик...; но не совсем хорошо, что с точки зрения действительности этот панегирик грешит весьма сильно и что автор как-то преимущественно выдвинул в нем себя, так даже, что и вся статья выходит написанной как бы для возможности выставить себя некоторым образом влиявшим на судьбы Кавказа» [4, с. 287].

В апреле 1881 г. в журнале «Русская старина» была опубликована статья Романовского «Князь М. С. Воронцов и князь А. И. Барятинский» опровергающая доводы И.Ф. Золотарева [15]. Вступить в полемику с А.Л. Зиссерманом исследователь уже не мог. 16 мая 1881 г. его не стало. Он умер в Казани, в госпитале, после болезни [3, с. 3].

Таким образом, Д.И. Романовский относился к тем государственным и военным деятелям России, профессиональное становление которых было неразрывно связано с Кавказом. Служба в рядах Отдельного Кавказского корпуса позволила ему проявить свои военные и дипломатические способности. Одновременно, близкое знакомство с регионом и участие в происходивших там военно-политических событиях, а также талант и прекрасные литературные данные, определили его включение в сложный процесс изучения и «открытия» Кавказа для всего рус-

ского общества. Он пытался разобраться сам и объяснить широким слоям общественности причины, ход и историческое значение присоединения Кавказа к России.

Конечно, по объему и разноплановости подготовленных им трудов, Романовского вряд ли можно включить в число профессиональных историков, которые внесли неоценимый вклад в развитие русской исторической мысли. Тем не менее, результаты его творческой деятельности и, прежде всего, его произведение «Кавказ и Кавказская война», стали первыми попытками обобщения и публичного представления сведений об этнокультурном многообразии и геополитическом значении Кавказа и, главное, о тех исторических событиях в ходе которых регион стал частью Российского государства. Скорее не как историк, а как современник, Романовский познакомил общественность с главными действующими лицами кавказской эпопеи, военными экспедициями и мирными способами закрепления в регионе. Тем самым, он формировал почву для дальнейшего изучения темы, но уже в другом масштабе и другой глубине осмысления. Высказанные Романовским положения об отправной точке начала Кавказской войны, причинах затянувшегося военного противостояния и цивилизаторской миссии России на Кавказе оказали влияние на формирование имперской концепции русско-кавказских отношений и ее отражение в официальных нарративах рубежа XIX–XX вв.

Источники и литература

1. Басханов М. К. Русские военные востоковеды до 1917 г. Библиографический словарь. М.: «Восточная литература», 2005. 296 с.
2. Бескровный Л. Г. Очерки военной историографии России. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1962. 319 с.
3. Генерал-лейтенант Романовский: некролог // Русский инвалид. 1881. №114. С. 3–4.
4. Зиссерман А. Л. Двадцать пять лет на Кавказе // Русский архив. 1885. №2. С. 273–298.
5. Золотарев И. Ф. Князь М. С. Воронцов // Русская старина. 1881. Т. 30. №3. С. 680.
6. Кавказ и Кавказская война полковника Романовского. Рецензия. // Военный сборник. 1860. №10. С. 375–413.
7. Колесникова М. Е. Северокавказская историографическая традиция: вторая половина XVIII – начало XX века. Ставрополь: Изд-во СГУ, 2011. 496 с.
8. Колосовская Т. А. «Руководствоваться многолетнею опытностью предшественников»: Д.А. Милютин и изучение истории Российской политики на Кавказе (1840-е годы) // Новый исторический вестник. 2016. №1 (47). С. 6–19.
9. Косвен М. О. Материалы по истории этнографического изучения Кавказа в русской науке // Кавказский этнографический сборник. М.: Наука, 1958. Вып. 2. С. 139–274.
10. Милютин Д. А. Воспоминания. 1863–1864 / Под ред. Л.Г. Захаровой. М.: РОССПЭН, 2003. 688 с.
11. Мининков Н. А., Корневский А.В., Иванеско А.Е. Человек «второго плана» в контексте современной историографии: пять лет спустя // В тени великих: образы и судьбы: Сборник научных статей. / Отв. ред. Л.П. Репина. СПб.: Алетей, 2010. С. 19–28.
12. Репина Л. П. Личность и общество, или история в биографиях // История через личность: Историческая биография сегодня / Под ред. Л. П. Репиной. 2-е изд. М.: Квадрига, 2010. С. 5–16.
13. Романовский Д. И. Генерал-фельдмаршал князь А.И. Барятинский и Кавказская война, 1815–1879 гг. // Русская старина. 1881. Т.30. №2. С. 249–318.
14. Романовский Д. И. Кавказ и Кавказская война. СПб., 1860. 440 с.
15. Романовский Д. И. Князь М.С. Воронцов и князь А.И. Барятинский (по поводу заметки И.Ф. Золотарева) // Русская старина. 1881. Т.30. №4. С. 908 – 911.
16. Романовский, Дмитрий Ильич // Русский биографический словарь / Под ред. А. А. Половцева. Т. 17. Пг., 1918. С. 9–18.
17. Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 409. Оп. 2. 1873 г. Д. 39110.
18. Ткаченко Д.С., Колосовская Т.А. «Мы на Кавказе воевали не для того, чтобы разбить неприятеля и уйти...» Социокультурная деятельность Кавказской армии (по воспоминаниям и исследованиям современников). Ставрополь: СГУ, 2011. 304 с.

19. Трапш Н. А. «Историк второго плана» в структуре персональной историографической иерархии (на примере развития дореволюционной исторической науки) // В тени великих: образы и судьбы: Сборник научных статей. / Отв. ред. Л. П. Репина. СПб.: Алетейя, 2010. С. 29–40.

References

1. Baskhanov M. K. Russkie voennye vostokovedy do 1917 g. Bibliograficheskii slovar' (Russian military orientalists before 1917. Bibliographic Dictionary). Moscow: «Vostochnaya literatura», 2005. 296 p. (In Russian).
2. Beskrovnyi L. G. Ocherki voennoi istoriografii Rossii (Essays on the military historiography of Russia). Moscow: Akademii nauk SSSR Publ., 1962. 319 p. (In Russian).
3. General-leitenant Romanovskii: nekrolog (Lieutenant General Romanovsky: obituary) // Russkii invalid. 1881. No. 114. P. 3–4. (In Russian).
4. Zisserman A. L. Dvadsat' pyat' let na Kavkaze (Twenty-five years in the Caucasus) // Russkii arkhiv. 1885. No. 2. P. 273–298. (In Russian).
5. Zolotarev I. F. Knyaz' M. S. Vorontsov (Prince M.S. Vorontsov) // Russkaya starina. 1881. Vol. 30. No. 3. P. 680. (In Russian).
6. Kavkaz i Kavkazskaya voina polkovnika Romanovskogo. Retseziya (The Caucasus and the Caucasian War of Colonel Romanovsky. Review). // Voennyi sbornik. 1860. No. 10. P. 375–413. (In Russian).
7. Kolesnikova M. E. Severokavkazskaya istoriograficheskaya traditsiya: vtoraya polovina XVIII – nachalo XX veka (North Caucasian historiographic tradition: the second half of the 18th - early 20th centuries). Stavropol: SSU Publ., 2011. 496 p. (In Russian).
8. Kolosovskaya T. A. «Rukovodstvovat'sya mnogoletneyu opytnost'yu predshestvennikov»: D.A. Milyutin i izuchenie istorii Rossiiskoi politiki na Kavkaze (1840-e gody) ("One Should Be Guided by Predecessors' Many Years Experience": D. A. Milyutin and Research on the History of Russian Policy in the Caucasus (1840s) // Novyi istoricheskii vestnik. 2016. No 1 (47). P. 6–19. (In Russian).
9. Kosven M. O. Materialy po istorii etnograficheskogo izucheniya Kavkaza v russkoi nauke (Materials on the history of ethnographic study of the Caucasus in Russian science). // Kavkazskii etnograficheskii sbornik. Moscow: Nauka, 1958. Vol. 2. P. 139–274. (In Russian).
10. Milyutin D.A. Vospominaniya. 1863–1864 (Memories. 1863-1864) / Pod red. L.G. Zakharovoi. Moscow: ROSSPEN, 2003. 688 p. (In Russian).
11. Mininkov N. A., Korenevskii A. V., Ivanenko A. E. Chelovek «vtorogo plana» v kontekste sovremennoi istoriografii: pyat' let spustya (Second Planner in the Context of Contemporary Historiography: Five Years Later) // V teni velikikh: obrazy i sud'by: Sbornik nauchnykh statei (In the shadow of the great: images and destinies: Collection of scientific articles). / ed. by L.P. Repina. St. Petersburg: Aleteiya, 2010. P. 19–28. (In Russian).
12. Repina L. P. Lichnost' i obshchestvo, ili istoriya v biografiiakh (Personality and society, or history in biographies) // Istoriya cherez lichnost': Istoricheskaya biografiya segodnya (History through Personality: A Historical Biography Today) / ed. by L. P. Repina. 2-e izd. Moscow: Kvadriga, 2010. P. 5–16. (In Russian).
13. Romanovskii D. I. General-fel'dmarshal knyaz' A.I. Baryatinskii i Kavkazskaya voina, 1815–1879 gg. (General-Field Marshal Prince A. I. Baryatinsky and the Caucasian War, 1815-1879) // Russkaya starina. 1881. Vol. 30. No 2. P. 249–318.
14. Romanovskii D. I. Kavkaz i Kavkazskaya voina (Caucasus and Caucasian War). St. Petersburg, 1860. 440 p.
15. Romanovskii D. I. Knyaz' M.S. Vorontsov i knyaz' A.I. Baryatinskii (po povodu zametki I.F. Zolotareva) (Prince M. S. Vorontsov and Prince A. I. Baryatinsky (on the note by I.F. Zolotarev) // Russkaya starina. 1881. Vol. 30. No. 4. P. 908–911.
16. Romanovskii, Dmitrii Il'ich (Romanovsky, Dmitry Ilyich) // Russkii biograficheskii slovar' (Russian biographical dictionary) / Edited by. Vol. 17. Petrograd, 1918. P. 9–18.
17. Russian State Military Historical Archive. F. 409. Inv. 2. 1873. D. 39110.
18. Tkachenko D. S., Kolosovskaya T. A. «My na Kavkaze voevali ne dlya togo, chtoby razbit' nepriyatela i uiti...» Sotsiokul'turnaya deyatel'nost' Kavkazskoi armii (po vospominaniyam i issledovaniyam sovremennikov) ("We fought in the Caucasus not to defeat the enemy and leave ..." Sociocultural activities of the Caucasian army (according to the memoirs and research of contemporaries). Stavropol: SSU Publ., 2011. 304 p.
19. Trapsh N. A. «Istoriik vtorogo plana» v strukture personal'noi istoriograficheskoi ierarkhii (na primere razvitiya dorevolutsionnoi istoricheskoi nauki) («Historian of the Second Plan» in the structure of personal historiographic hierarchy (on the example of the development of pre-revolutionary historical science)) // V teni velikikh: obrazy i sud'by: Sbornik nauchnykh statei (In the shadow of the great: images and destinies: Collection of scientific articles). / ed. by L.P. Repina. St. Petersburg: Aleteiya, 2010. P. 29–40.

Сведения об авторе

Колосовская Татьяна Александровна – доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / tkolosovskaia@ncfu.ru

Information about the author

Kolosovskaya Tat'yana – Doctor of Historical Sciences, Professor, Chair of Russian History, Institute of Humanities, North-Caucasus Federal University (Stavropol) / tkolosovskaia@ncfu.ru

УДК 94(474.5) «2/14»
DOI 10.37493/2409-1030.2021.2.7

О. В. Матвеев

ВЕЛИКОЕ КНЯЖЕСТВО ЛИТОВСКОЕ В НАРОДНЫХ ИСТОРИЧЕСКИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ РУССКИХ И БЕЛОРУСОВ: ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ¹

Статья посвящена сравнительному анализу исторических представлений русских и белорусов о Великом княжестве Литовском. Автор приходит к выводу, что исторические представления соседних народов носили двойственный характер. В русской исторической культуре Великое княжество Литовское выступало как один из центров собирания русских земель, и, в то же время, устойчиво ассоциировалось с иноземным нашествием с Запада. У белорусов в рамках княжества стала оформляться белорусская идентичность, однако происходит духовный раскол, причем граница цивилизационного противостояния прошла не между народами, а между нобилитетом и низшими сословиями. Поэтому народные версии истории, не отягощенные точностью хроник и образностью сарматской идеологии, во многом отражали альтернативный взгляд, в котором своеобразно преломлялись социальные симпатии и антипатии. В статье представлена мозаика образов и устойчивых эпитетов, связанных с историческими условиями сосуществования русских и белорусов в рамках пограничных государств. Сближало средневековое мировосприятие двух народов, имевших общее древнерусское и православное наследие, противопоставление язычеству, а впоследствии и католицизму Литвы. В русских текстах автор выявил отражение династические и военно-политические связи Литовского и Русского государств, событий русско-литовских войн, симпатий к отдельным союзным литовским князьям, последствий «литовского разорения» и некоторых характеристик «культурных героев», приписываемых «Литве». В белорусской исторической куль-

туре развернутый образ Великого княжества Литовского обнаруживается лишь в письменной культуре знати, оказавшейся в орбите иной цивилизации и постепенно терявшей духовную связь со своим народом, а также среди городского населения, отстаивавшего свои статусные права. Анализ текстов позволил установить, что для народных представлений белорусских крестьян не характерно прославление войн и князей, не обязательны исторические подробности, зато важны переживания простых людей, на долю которых выпали испытания разорительных вторжений, плена, вынужденной разлуки с семьей. Поэтому содержание белорусских баллад во многом тождественно русским песням о татарском полове. Попытки «реконструкции» белорусского героического эпоса в духе фэнтези-рыцарства, опирающиеся на национально-мифологические фальсификации, имеют мало общего с подлинными произведениями народного творчества. Отдельные белорусские предания о князе Витовте либо «заземляют» его происхождение, вписывают его в ожидания народного правителя, либо наделяют ролью «культурного героя», преобразующего местный ландшафт. Последняя находит аналогии и в русских топонимических преданиях, однако по другую сторону границы был более важен образ Витовта-врага, олицетворявшего «литовское разорение».

Ключевые слова: народные исторические представления, русские, белорусы, Великое княжество Литовское, этническое сознание, народная память, эпос, предания, легенды, топонимия, историческая культура, средневековое сознание.

Oleg Matveyev

THE GRAND PRINCIPALITY OF LITHUANIA IN THE PEOPLE'S HISTORICAL CONCEPTS OF RUSSIANS AND BELARUSIANS: THE GENERAL AND THE SPECIAL

The article is devoted to a comparative analysis of the historical ideas of Russians and Belarusians about the Grand Duchy of Lithuania. The author comes to the conclusion that the historical views of the neighboring peoples were of a dual nature. In Russian historical culture, the Grand Duchy of Lithuania acted as one of the centers of gathering Russian lands, and, at the same time, was steadily associated with a foreign invasion from the West. The Belarusians began to form Belarusian identity within the principality, however, a spiritual split took place, and the border of civilizational confrontation did not pass between peoples, but between the nobility and the lower classes. Therefore, folk versions of history, not burdened with the accuracy of the chronicles and the imagery of Sarmatian ideology, largely reflected an alternative view, in which social sympathies and antipathies were refracted in a peculiar way.

The article presents a mosaic of images and stable epithets associated with the historical conditions of the coexistence of Russians and Belarusians within the border states. The medieval worldview of the two peoples, who had a common ancient Russian and Orthodox heritage, and opposition to paganism, and subsequently to the Catholicism of Lithuania, brought them closer together. In Russian texts, the author revealed the reflection of dynastic and military-political ties between the Lithuanian and Russian states, the events of the Russian-Lithuanian wars, sympathy for individual allied Lithuanian princes, the consequences of the «Lithuanian ruin» and some characteristics of «cultural heroes» attributed to «Lithuania». In the Belarusian historical culture, the expanded image of the Grand Duchy of Lithuania is found only in the written culture of the nobility, who found themselves in the orbit of another civilization and

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 20-59-00017 «Историческая культура белорусов и россиян: формирование представлений о национальном и общем прошлом»

gradually lost their spiritual connection with their people, as well as among the urban population, who defended their status rights. The analysis of the texts made it possible to establish that the glorification of wars and princes is not characteristic of the folk ideas of the Belarusian peasants, historical details are not required, but the experiences of ordinary people, who were exposed to devastating invasions, captivity, and forced separation from their families, are important. Therefore, the content of the Belarusian ballads is largely identical to the Russian songs about the Tatar area. Attempts to «reconstruct» the Belarusian heroic epic in the spirit of fantasy chivalry, based on national mythological

falsifications, have little in common with genuine works of folk art. Some Belarusian legends about Prince Vitovt either «ground» his origin, fit him into the expectations of the people's ruler, or endow him with the role of a «cultural hero» transforming the local landscape. The latter finds analogies in Russian toponymic legends, however, on the other side of the border, the image of Vitovt the enemy, who personified the «Lithuanian ruin», was more important.

Key words: folk historical representations, Russians, Belarusians, the Grand Duchy of Lithuania, ethnic consciousness, folk memory, epos, traditions, legends, toponymy, historical culture, medieval consciousness.

Великое княжество Литовское (ВКЛ) с XIII столетия и вплоть до вхождения в состав Речи Посполитой являлось полиэтническим и поликонфессиональным государственным образованием, значительную часть которого составило древнерусское население. В русской исторической культуре ВКЛ оставило противоречивую память. С одной стороны, княжество выступало одним из центров собирания русских земель, в состав ВКЛ входили продолжительное время Смоленск, Брянск и другие русские города. Не случайно на знаменитом памятнике 1862 г. М. О. Микешина «1000-летие России» в Новгороде среди выдающихся деятелей русской государственности изображены и литовские великие князья Гедимин, Ольгерд, Витовт, Кейстут и Довмонт. С другой стороны, в народной памяти русских понятие «Литва» устойчиво ассоциировалось с иноземным нашествием с Запада, разорением, которые несли пришельцы [6, с. 266].

Двойственная природа исторических представлений о княжестве характерна и для белорусов. С одной стороны, в рамках ВКЛ начинает оформляться белорусское этническое сознание, появляются такие мыслители как Франциск Скорина, Микола Гусовский, Сымон Будный, Василий Тяпинский, внесшие огромный вклад в становление белорусской идентичности, возникает книгопечатание на старобелорусском языке [5, с. 264]. С другой стороны, белорусы в этот период начинают терять свою элиту, происходит духовный раскол, причем граница цивилизационного противостояния в ВКЛ оформляется не между народами, а между нобилитетом и низшими сословиями. Поэтому народные версии истории, неотягощенные точностью хроник и образностью сарматской идеологии, во многом отражали альтернативный взгляд, в котором своеобразно преломлялись социальные симпатии и антипатии. В статье предпринята попытка выявить общее и особенное в народных исторических представлениях русских и белорусов о ВКЛ.

В представлениях русских крестьян слово «литва» увязывалось с обобщенным образом иноземных захватчиков. В.К. Соколова, посвятившая долгие годы изучению русских народных преданий, отмечала: «Широкое распространение

получил в преданиях термин «литва», который обозначает отнюдь не жителей Литовского княжества, предков современных литовцев, а служит общим наименованием всех пришельцев с Запада» [27, с. 33]. Память о «литовском разорении» в преданиях крестьян Карелии, Вологодской и Калужской областей, Верхней Волги, Смоленщины и др. предстает как катастрофа («светопрестваление»), в результате которой было уничтожено древнее население края и сформировался тот мир, в котором живут современные крестьяне. Неудивительно при этом, что образ врагов-иноземцев приобретает в народных рассказах характеристики «культурных героев», правда, с апокалиптическими коннотациями [29, с. 179]. В одном из преданий Русского Севера говорится: «В Семиозере также ездили литовские паны для грабежей и разбоев, они не щадили ни часовен, ни церквей. Но следов нашествия не осталось, кроме одной могилы, которую называют могилу панов» [15, № 312].

Вместе с тем, в период существования ВКЛ отражение «литовского разорения» в народных представлениях русских Псковщины и Смоленщины имело реальную историческую почву. Эти земли в XIII – XIV вв. были объектом активной военной экспансии со стороны ВКЛ. Как отмечают специалисты, в этот период «литовские дела занимали второе место по количеству записей в новгородских летописях после внутренних событий» [18, с. 359].

В.К. Соколова отмечала родство русских богатырских преданий о борьбе с «литовским разорением» с белорусскими преданиями об осилках-волотах, сражавшихся с иноземными захватчиками [27, с. 39]. Однако, если в русских преданиях «Литва разоряла нас, а богатыри бились с нею» (Псковщина), богатыри во времена «литовинского разорения» сражаются и побеждают «литовскую тучу» (Смоленщина), то в белорусских преданиях літоўцы нередко сами предстают в образе мифических осилков-богатырей. В предании деревни Чернооки Верхнедвинского района говорится: «Я чула, што старыя расказывалі, што калісь даўно, гавораць, былі прыйшоўшы літоўцы сюды, за тое назвалі Літоўкай гэту гару. Дык гавораць, што літоўцы тыя – бальшыя людзі очэнь

былі, асілкі. Яны ж, як тут ваявалі, дык з гэтай гары кідаліся каменнымі малаткамі. А мы малыя яшчэ сьмяяліся, што малатком ваявалі. І тыя малаткі, а яны ж цяжкія, гэтыя даўнія людзі закідвалі аж на Заточынскую гару. А гара тая ў Дабраплёсе, за ракой, за Свольнай» [18, с. 359]. В. А. Лобач обратил внимание, что направление перебрасывания каменных молотов в этом предании – гора Литовка-Заточинская гора, идёт с юго-запада на северо-восток, в сторону псковских рубежей и в целом соответствует направлению походов литовских дружин [18, с. 359]. Не исключено, что в белорусском предании отразился средневековый перелом в исторических представлениях преданиях, когда население русских земель ВКЛ должно было участвовать в военных походах литовских князей.

Название «Литва» до сих пор носят некоторые белорусские деревни, среди белорусов имеют место фамилии Литвин. Литвинка, Литвинович. Как фамилия политоним Литвин зафиксирована в старобелорусском языке с XIV в. Так называли всех жителей ВКЛ независимо от их языка и религии [10, с. 163].

В исторической памяти белорусской шляхты ВКЛ предстает как легитимный правопреемник Древней Руси, как «свое» государство. Все события трактуются в рамках формирования единого литовско-русинского политического народа, которое происходит в середине – второй половине XV в. [19, с. 541]. Об этом говорят данные белорусско-литовской летописи 1446 г. – компиляции, составленной на основе Смоленской хроники, «Похвалы Витовту», продолжения Великого Летописца Князей Литовских и кратких записей про события 1432–1445 гг.

М.М. Кром, изучавший настроения городских слоев Литовской Руси конца XV – первой трети XVI в., не обнаружил в источниках этого времени «недовольства своим пребыванием в Великом княжестве Литовском или стремления присоединиться по доброй воле к Русскому государству» [16, с. 258]. Позиция городов в период русско-литовских войн определялась их статусом и отражалась на ходе и характере этих войн.

В народных исторических представлениях белорусских крестьян не нашли отражение войны ВКЛ с Московским государством. Правда, известна песня «О, воскресное утро», воспевающая победу войск ВКЛ и их предводителя «господина Острожского» под Оршей в 1514 г. Этот текст некоторые белорусские историки и публицисты провозгласили «старинной белорусской народной песней, написанной в XVI веке» [17, с. 92]. Песня сегодня стала популярной, благодаря клипам группы белорусской средневековой музыки «Стары Ольса». Поскольку мелодии оригинала не сохранилось, участники группы провели «реконструкцию», выбрав музыку другой песни

из сборника фольклориста М. Федоровского [31, с. 765–803]. Чтобы совместить текст с музыкой, исполнителям пришлось немало потрудиться, отбросив концовку и добавив свои авторские строчки. Сам текст был впервые опубликован известным белорусским общественным и политическим деятелем В.У. Ластовским, не раз уличенным в фальсификации текстов [8, с. 82–87]. Текст был опубликован Ластовским на латинице в следующем виде: «Pra bitwu pad Oršaj / Oj ŭ niadzielku paranieńko, / Uzyjšto soniejko chmarnieńko, / Uzyjšto soniejko nad boram, / Panad Sieleckim taboram. / A ŭ tabory truby hrajuć, / Da wajackaje parady zazywajuć. / Stali rądy adbywaci, / Atkul Woršy dabywaci: / A ci s pola, a ci z lesu, / A ci z rečki niewialički!? / Ani s pola, ani z lesu, / Tolki z rečki niewialički! / A ŭ niadzielu paranieńku / Stali chłopcy-piatyhorcy / Kala rečki na pryhorcy: / Hućać razam s samapałou, / S siamipiadych ad zapałou; / Bjuć paūsotkaju z harmatoŭ... / Maskwa stała narekaci, / Miesto Woršu pakidaci; / A jak z Woršy uciekali, / Rečku niewialičku praklinali: / «Badaj ty, rečka, sto let wysychała, / Jak našaja sława tutka prapała; / Badaj wysychała da skančeńnia świetu, / Što našaj sławańki ŭžo nietu!» Sława Woršy ŭžo nia horša, / Słaŭsia, pan Astrožski!» [33, с. 55].

Как убедительно показал белорусский историк и литературовед О. В. Лицкевич, этот текст написан не в XVI в., не рассказывает о реальных событиях Оршанской битвы и не является произведением белорусского народного творчества [17, с. 94]. В. У. Ластовский не привел ссылок на первоисточник: когда, где и от кого он услышал и записал песню. В сборниках белорусских народных песен, многие десятки которых были изданы в XIX – XX вв., нет ни одной подобной песни или ее варианта. Текст В.У. Ластовского не соответствует белорусским песням по духу, интонации и сюжету. И хотя его первая публикация не соответствовала правилам фольклористики, но имела гриф Наркомпроса БССР и поэтому приобрела соответствующий «академический» статус. После сворачивания политики «белорусизации» и ареста В.У. Ластовского об этом тексте белорусские фольклористы не вспоминали. Лишь националистические авторы приводили его как аргумент в пользу того, что белорусский народ якобы хранил память о борьбе с Московским государством. В 1944 г. песня была перепечатана в книге Я. Найдюка «Беларусь вчера и сегодня», которая задумывалась нацистскими властями как школьный учебник для оккупированных белорусских территорий. Всю свою жизнь В.У. Ластовский мечтал создать белорусский героический эпос как основу нового национального мифа «кривичей»-белорусов. Даже в саратовской ссылке он не отказался от этой идеи и в одном из писем 1934 г. отметил: «Я хочу выдвинуть нашу эпос, создав род Калевала». Но настоящий белорус-

ский фольклор для этого мало подходил. Поэтому Ластовскому пришлось придумывать новые «исторические песни» [17, с. 93].

В целом ряде русских былин упоминаются Литва, действие происходит в Литовском королевстве, имена некоторых героев восходят к литовским князьям: Мануил сын Ягайлов, Жиман, Сухман Домантьевич. Етмануйло Етмануйлович). В других былинных сюжетах упоминаются Мануил сын Ягайпов, литовский король Жиман. С живой литовской речью правомерно связывать имя Этмануйло Этмануйлович и Етмануйло Етмануйлович, встречающееся в Сборнике Кирши Данилова. Вероятнее всего, оно образовано от литовского нарицательного имени существительного «etmonas». Отдаленная параллель Ячман король Ячманайлович обнаруживается в одном из вариантов былины «Наезд литовцев», записанной в Русском Устье на реке Индигирке (Восточная Сибирь) [22, с. 19].

В былине «Князь Роман и братья Витники» («Наезд литовцев») запечатлен образ Романа Михайловича Брянского, который во второй половине XIII в. вел успешную борьбу с экспансией литовских князей. В былине упоминается рубежная река Березина (приток Днепра, а не Немана), по которой в средние века действительно проходила граница между русскими землями и Великим Княжеством Литовским. В печорских записях город, которым правит князь Роман, именуется Бранском, Обранском и даже Брянском [22, с. 20]. Интересно, что в этой былине архаичные по своим корням элементы повествования сосуществуют с реалиями позднего средневековья. Так князь Роман, подобно Волху Всеславьевичу (в котором видят прототипа Всеслава Полоцкого), изображается как князь-оборотень, превращающийся в зверей и птиц. Это позволяет ему незаметно проникнуть в лагерь неприятеля, испортить оружие и покалечить коней литовских королевичей: «Как сам обернулся черным вороном, / Полетел он по чисту полю <...> / Стоит там литва поганая, / Развернуты шатры белополотняны, / Спущены добры кони <...> / Обернулся он серым волком, / Добрых коней по чисту полю порозгонял, / У иных горлышко повырывал, / А иных вогнал во реку Березину; / Обернулся тонким белым горностаем, / Заскакивал в шатры белополотняны; <...> / У тугих луков тетивочки повыкусывал, / У сабелек острийца повыщепал, / У оружицев кремешки повывертел» [7, с. 306].

«Наезд литовцев» — единственная былина, в которой почти все сказители упоминают огнестрельное оружие, Наличие ружей, у которых князь-оборотень вывернул кремневые замки, а также упоминание похода литовцев на Москву, говорит о сравнительно позднем оформлении былинного сюжета. В.Я. Пропп связывал исторический фон этой былины с Ливонской войной XVI в.

[24, с. 410]. Нам представляется более реалистичной позиция Ю. А. Новикова, который видит в былине «Наезд литовцев» отражение противостояния с ВКЛ эпохи Романа Брянского. Во время Ивана Грозного военные действия велись далеко на западе, не угрожали не только Москве, но и Брянску. В XIII–XIV столетиях литовцы под руководством Гедимина, Кестутиса, Витовта и других князей неоднократно совершали походы против Брянского княжества, а полки Альгирдаса стояли под стенами московского Кремля. Не исключено, что именно это обстоятельство послужило причиной упоминания Москвы в чисто былинном по характеру сюжете [22, с. 22].

Образ захватчиков в средневековом сознании демонизировался эпитетом «Литва поганая». Особое значение в мировосприятии русских по обе стороны границы имела языческая религия Литвы, противопоставлявшая последнюю христианскому населению и сближавшую с «нечистыми народами», не знавшими христианства. Еще в христианизированном Полоцком княжестве, отмечал Л. В. Алексеев, «всякое зло-наваждение связывалось с нечистой силой, идущей из соседней языческой Литвы» [2, с. 250]. Даже в XIX в., по свидетельству Н.И. Костомарова, образы нечистой силы отождествлялись у белорусов с представлениями о литовцах [14, с. 214, 239]. Подобные представления имели место и у русских. В свадебном обряде ряда казачьих областей при выкупе невесты исполнялась песня «Не приступай, Литва», где партия жениха уподоблялась вражескому войску. Интересно, что у терских казаков ст. Екатериноградской «Литва» заменялась демоническим существом «Лютра». Девушки из партии невесты пели: «Не приступай, лютра, / Будем с тобой драться, / Будем воевать, / Сестрицу не давать». По словам жителей ст. Екатериноградской, «лютра — вроде бабы-яги или колдуньи» [28, с. 88].

В то же время в былинных текстах, записанных на Русском Севере, часто встречается словосочетание «Литва хоробая» [22, с. 19]. В эпическую Литву нередко уезжают богатыри, чтобы послужить королю. В русских балладах нередко используется формула: «Гулял молодец из орды в орду, / Загулял молодец к королю в Литву». Туда же отправляется былинный Дунай Иванович, который сватает за киевского князя Апраксу-королевичну, а сам женится на ее сестре Настасье. Эти тексты отражают реальные вассальные, династические, культурные, военно-политические, существовавшие между Московским государством и ВКЛ. Исследователь русского былинного эпоса В.Г. Мирзоев справедливо отмечал, что былина «Дунай» рассказывает о «мирных и военных отношениях между Русью и Литвой. Былина эта позднего времени, когда Москва стала уже серьезной силой на Западе, с которой считается Литва, когда-то сама

нападавшая на Русское государство. <...> Нет сомнения в том, что эти персонифицированные былиной отношения между Русским и Литовским государствами передают реальные политические комбинации» [20, с. 51–52].

Об отдельных литовских князьях, защищавших русские города или действовавших в союзе с московским великим князем, в исторических представлениях россиян сохранилась добрая память. Так, выдающийся русский эпосовед В. Ф. Миллер считал, что отчество былинного богатыря Сухмана Домантьевича (Одихмантьевича) связано с именем литовского князя Довмонта, княжившего в Пскове во второй половине XIII столетия [21, с. 170–171]. В былине, отправляясь к Непре-реке исполнить обещанную трудную службу князю Владимиру, Сухман замечает татар, устаивавших «мосточки калиновы», чтобы напасть на Киев. С одной лишь «дубиночкой-вязиночкой» Сухман Домантьевич вступает с татарами в бой, разбивает вражеское войско, однако и богатыря настигают три «стрелочки каленые». Заткнув кровоточащие раны «листочками маковыми», Сухман Домантьевич возвращается в Киев. Князь Владимир гневается на Сухмана за то, что не выполнил обещания – не принес ему «белу лебедь живьем», не верит ему, что причина – бой с татарами, приказывает посадить богатыря в погреб и посылает Добрыню Никитича «проведать заработки Сухмантьевы». Добрыня на месте побоища застал «сорок тысяч татаровой поганых» и привез в качестве доказательства изломанную о головы врагов «дубиночку Сухмантьеву». Поверив, что Сухман Домантьевич действительно спас Отечество, Владимир освобождает богатыря из погреба и обещает награды и почести. Однако герой их отвергает: «Выдергивал листочки маковые / Сам Сухмантий приговаривал: / «Потеки, Сухман-река, / От моей от крови от горячия, / От горячия крови, от напрасны!»» [7, с. 284].

«Отчество Домантьевич. – отмечал В. Ф. Миллер, – может восходить к имени знаменитого Псковского князя, литвина Домонта (или Довмонта) конца 13-го столетия, принявшего в крещении имя Тимофея и причисленного к лику святых. В истории Пскова Домант самая крупная фигура, всего более близкая к типу эпического героя. Псковские летописцы с увлечением останавливаются на его подвигах, прославляя, и, вероятно, преувеличивая их» [21, с. 170].

Когда немцы («поганая латынь») опустошили окрестности Пскова, разорили несколько монастырей и осадили город, Домант отважно выступил против них, напал на врагов на реке Великой 4 марта 1299 г. и разбил их на голову. «Из приподнятого тона летописного и житийного повествования о Доманте, из невероятной несоразмерности сил, с которыми он поражает иногда в десять раз

более многочисленных врагов, – писал В. Ф. Миллер, – видно, что личность Доманта производила на современников сильное впечатление, впечатление какого-то былинного богатыря, избивающего целые полчища врагов. Летописец сравнивает его с греческим Акритом: «И бысть побежая, говорит он и не бе победим, яко же и Акрита, един побежая полки в крепости силы своя». Понятно, что память о героическом князе Доманте, или св. Тимофее долго жила в псковском населении, что ближайшие к нему поколения ещё знали рассказы о его подвигах, конечно, разукрашенные фантазией, а дальнейшие – знали его имя как героя древности. Память о нём была связана с Довмонтовой стеною, выстроенной им, примыкающей к Псковскому Кремлю с южной стороны и образующей четверугольную продолговатую площадь, о Доманте вспоминала его гробница в Троицком соборе и висевший близ неё его меч» [21, с. 172].

В. Ф. Миллер указал на черты, сближавшие былинного Сухмана Домантьевича с преданиями о подвигах псковского Довмонта: «Сухан истребляет татар при реке Непре, Домант многократно разбивал врагов на реках (Двине, Киголе, Мироповне. Великой) и топил их в воде; как Сухан после поражения татар в Непре умирает, так самый славный подвиг Доманта, спасший Псков от немецких полчищ, произошёл на реке Великой близ города и связан с его кончиной. Спасению Киева от татар соответствует спасение Пскова от немцев» [21, с. 172–173].

В «Задонщине», все списки которой восходят к устным произведениям XIV – XV вв., подвергшимся лишь незначительной литературной обработке [1, с. 48], нарисованы величественные образы героев Куликовской битвы братьев Ольгердовичей: «Сыновья Литвы храбрые, кречеты в ратное время и полководцы прославленные, под звуки труб их пеленали, под шлемами лелеяли, с конца копья они вскормлены, с острого меча вспоены в Литовской земле. Молвит Андрей Ольгердович своему брату: «Брат Дмитрий, два брата мы с тобой, сыновья Ольгердовы, а внуки мы Гедиминовы, а правнуки мы Сколомендовы. Соберем, брат, любимых панов удалой Литвы, храбрых удалцов, и сами сядем на своих борзых коней и поглядим на быстрый Дон, напьемся из него шлемом воды, испытаем мечи свои литовские о шлемы татарские, а сулицы немецкие о кольчуги басурманские!» [25, с. 94].

По мнению советского белорусского исследователя А.П. Игнатенко, Великие князья Литовские в устном творчестве белорусов «или вообще не упоминались, или подавались как отрицательные персонажи» [12, с. 71]. А. П. Игнатенко прав в том плане, что тексты с подробным описанием реальных исторических событий и исторических деятелей не характерны для белорусского фольклора, за исключением некоторых солдатских

песен XVIII – XIX вв. веков. Для белорусских народных текстов типичны больше баллады, которые не описывают конкретные исторические факты, а преломляют их через индивидуальные человеческие судьбы. Такой, например, предстает песня «Ой, літаў-пылітаў ды сівы гарол», которую считают откликом на Клецкую битву 1506 г. О ходе самого сражения, тем более о его герое князе Михаиле Глинском здесь никакой речи не идет, реалии передают лишь строчки, в которых «над широкий ракой кыля Клеціўска» татары делят добычу: «Там агні ыраць, там катлы кыпяць / І татары стыяць, палон дзелючы, / Палон дзелючы, пыдзяляючы, / Дзіцей з маткамі разлучаючы. / Дысталася сістра брату пытурчаніну, / Сістра брату, цешча зяцу бысурманіну» [3, с. 175].

Народная песня не имеет ничего общего с песней о Клецкой битве, исполняемой ансамблем белорусской средневековой музыки «Стары Ольса», где действительно главным персонажем является Михаил Глинский: «Там за рэчкай, за ракой не дужа глыбокай / Ды нямала ў берагах ў берагах шырокай

ў берагах шырокай / Войска лютае татар пачало спыняцца / Каб літве пашкодзіць да ракі пра-брацца / Міхал Глінскі бачыў мост ужо гатовы / Да літвы прамовіў гэтакія словы / «Каб Айчыну-маці мужа ратавалі / Ды татараў лютых мужа ваявалі!» / мужа ваявалі / Нашы як ударылі раптам на татараў / Звон і гром нясецца неба ліецца жарам / неба ліецца жарам / Там з атрадам Глінскі ўласным прытаіўся / Ад падстрэлу другі конь пад ім заваліўся пад ім заваліўся / Ён на іншага ўскачыў не зважаў ні мала /

Так як гетману і ўсім рыцарам прыстала рыцарам прыстала <...> / Так Літва татараў біла мардавала / Аж да Цапры да ракі да ракі загнала» [32]. Автором этого текста был польский историк, поэт и католический священник Матей Стрыйковский (1547–1593). Руководитель группы «Стары Ольса» Дмитрий Сосновский адаптировал этот текст к народным напевам белорусских баллад, однако к народным историческим представлениям белорусов это произведение не имеет никакого отношения.

Зато в русских народных песнях о татарском полоне мы встречаем прямые аналогии белорусским балладам. Например, в песне, записанной в Симбирской губернии, говорится: «Не они горят, не котлы кипят, / В чистом поле все Татары, / Все Татары полон делят / Все Татары полон делят: / Доставалася дочь с матерью» [23, с. 204] и т.д. Таким образом, даже откликаясь на события битв ВКЛ, народная история белорусов встраивала смутные упоминания «Клецкі староны» в традиционную для восточных славян схему. Здесь приоритет отдавался не прославлению побед ВКЛ, а драматическим человеческим ситуациям, близким понятным белорусам.

В то же время нельзя согласиться с утверждением А. П. Игнатенко о полном отсутствии упоминаний Великих князей Литовских в белорусском народном творчестве. В исторической памяти белорусского народа сохранялось имя князя Витовта, правда в весьма своеобразном преломлении. В белорусском предании этот государь-воитель связан своим происхождением с народом. Для выбора короля в Польше решили пустить богатырского коня, который выбирает вьющего верёвки сельского старика, откуда и имя, происходящее от слова «вить»: «Слядили за лошадыю, у след ехали, а яе пустили, два месяца за ёю слядили. Приходить лошадь у дзярэню и пашла прямо з дзярэню на гумно, и віў там старик абрыўкі за авиным. Лошадь, как ишла, пала перед стариком на калена, и находят слядетели услед за лошадыю: стаить лошадь на каленках.

– Ну, яны сказали: ты наш круль-царь – тибе признала лошадь и мы. Як ты абрыўкі віў, будь краль Витыўт» [26, с. 378]. По мнению Ю. Гурской, «селянское» происхождение князя отвечает свойственной белорусской мифологии «заземленности» персонажей, низкому уровню сакрализации власти, а происхождение имени увязывается с магическим действием – витьем веревки, что актуализирует символику связи, объединения, позволяет провести параллель с мудрой объединительной политикой Витовта [9].

В предании перед смертью Витовт завещал, что в случае нападения на страну врагов его надо разбудить. Но словам короля не поверили и разбудили просто так, чтобы проверить завещание: «Сабрали музыку всіе духавую, пашли на яво магилку, на Витаву каралеву. Заиграла музыка. Устаеь кароль с таво свету.

– Аб чом, дети, мне будить? Хто вас абиждаить?.

А яны яму атказують:

– Кароль Вытыў, нас нхто не абижаить, а мы думали, ти праўда ета, што ты казаў, што ўстанішь.

– Ну, дети мае, ня гневайтись! Вы мени с това свету збунтували – будья вы прокляты ат мене и век вешный бунтуйтесь!.

С тех пор и пашли бунты у Польщи» [26, с. 378].

Отчеством Витовтович (Вытовцевич) наделяется «царь» Владимир в некоторых белорусских вариантах духовных стихов «Голубиной книги», созданной в процессе фольклоризации апокрифических сочинений, где в форме вопросов и ответов даются сведения о происхождении мира, людей, сословий, географические, естественно-научные и другие сведения [4, с. 287].

В песенном фольклоре белорусов имя Витовта не нашло отражения. Правда, ансамбль белорусской средневековой музыки «Стары Ольса» в своих «реконструкциях» пытается представить текст, введенный в оборот тем же

В. У. Ластовским, народной песней. Этот текст, как показал О. В. Лицкевич, основан на польской военной песне XV века, из которой сохранились только две строчки: «Idzie Witold po ulicy, / Za im piosą dwie szablidy». В. У. Ластовский «перевел» эти строки на белорусский язык и довольно неудачно попытался стилизовать собственное произведение под белорусский фольклор. Сложно представить, отмечает исследователь, чтобы белорусский народ мог на протяжении нескольких столетий петь такие строки: «Гукнуў-пукнуў у падковы: / «Гэй, шыхуйся, пан кашовы. / Стаўляй войска ў бітным ладзе, / Гэй, паслужым, брацця, праўдзе. / Ударым у бубны, бразнем у мечы, / Усцелем поле трупам нейчым» [17, с. 98].

Имя Витовта представлено в белорусской топонимии: Витов Мост, Витовы камни, Витовтова дорога и др. Топонимическое предание название местечка Лошница возводит к концу XIV – началу XV веков, связывая с князем Витом (Витоком), которому во время одного из его походов воины на верхушке горы устроили ложе (постель). В память об этом событии гору называли Ложницей (или Витогорьем), а ручей Ложей. Предание не противоречит историческому факту: в 1395 г. Витовт предпринял поход из Вильно в Оршу против Свидригайлы, совершить который он мог только через Борисовский уезд [9]. На западной Смоленщине в 20 км ниже Велижа около Двины до сих пор сохранились названия Витова Гора и Витов Мост.

В русской исторической топонимии имя Витовта встречается на Псковщине. Фольклористы Псковского государственного университета записали в 2011 г. от нескольких информантов предание о Витовт-ключе с целебной водой, образовавшемся от удара меча литовского князя [13, с. 24]. Л. А. Юрчук отметила, что появление родника близ д. Идрица Себежского района связано с пребыванием на Псковской земле в 1414 г. великого князя литовского Витовта [30, с. 80].

Помимо народной топонимии имя князя Витовта связывается с некоторыми образцами русского фольклора малого жанра. Так, память об осаде Смоленска сохранилась в русской поговорке «К кому Богородица, а к нам Литва». К этой поговорке В. И. Даль сделал следующее примечание: «Икона спасла Москву от Тамерлана, а Витовт ограбил Смоленск» [11, с. 434]. Согласно летописному преданию, Москву в 1395 г. от нашествия Тамерлана спасла икона Владимирской Божьей Матери, перенесенная по просьбе великого князя в столицу Русского государства. В то время, когда москвичи встречали чудотворный образ, Тамерлану приснился вещий сон, предрекавший беду, и полководец увёл свои войска на юг. В это же время Смоленск осадил Витовт Великий. Воспользовавшись распрями и междоусобицами между русскими князьями и воеводами, литовский князь почти без боя овладел городом. Обиженные на

судьбу жители Смоленска выразили отношение к известию о чуде под Москвой соответствующей поговоркой [22, с. 17]. С походом Витовта на Порхов связана русская пословица «Яганова пушка своих побивает». Так говорили о ситуациях, когда чрезмерные усилия оборачивались потерями для своих же. В. И. Даль сделал к этой пословице следующее примечание: «У Витовта, при осаде Порхова 1431 г. разорвало большую пушку» [11, с. 622]. При осаде литовцы использовали огромную пушку, отлитую немецким мастером Яганом (Иоганном). Первым выстрелом литовцам удалось разрушить одну из башен Порхова, однако саму пушку разорвало на куски, причем осколками были убиты многие воины Витовта и мастер Яган [22, с. 17].

Таким образом, народные представления русских и белорусов о ВКЛ обнаруживают целую палитру образов и устойчивых эпитетов, связанных с историческими условиями сосуществования в рамках пограничных государств. Сближало средневековое мировосприятие двух народов, имевших общее древнерусское и православное наследие, противопоставление язычеству, а впоследствии и католицизму Литвы. В русских текстах нашли отражение династические и военно-политические связи Литовского и Русского государств (былина «Дунай Иванович»), события русско-литовских войн (былина «Наезд литовцев», топонимические предания), симпатии к отдельным союзным литовским князьям (Довмонт, братья Ольгердовичи), последствия «литовского разорения» и некоторые черты «культурных героев», приписываемых «Литве». В белорусской исторической культуре развернутый образ ВКЛ представлен лишь в письменной культуре знати, оказавшейся в орбите иной цивилизации и постепенно терявшей духовную связь со своим народом, а также у городского населения, отстаивавшего свои статусные права. Для народных представлений белорусских крестьян не характерно прославление войн и князей, не обязательны исторические подробности, зато важны переживания простых людей, на долю которых выпали испытания разорительных вторжений, плена, вынужденной разлуки с семьей. Поэтому содержание белорусских баллад во многом тождественно русским песням о татарском полоне. Попытки «реконструкции» белорусского героического эпоса в духе фэнтэзи-рыцарства, опирающиеся на национально-мифологические фальсификации (песни о князе Витовте, Оршанской и Клецкой битвах) имеют мало общего с подлинными произведениями народного творчества. Отдельные белорусские предания о князе Витовте либо «заземляют» его происхождение, вписывают его в ожидания народного правителя, либо наделяют ролью «культурного героя», преобразующего местный ландшафт. Последняя находит аналогии и в русских топонимических преданиях, однако по другую сторону границы был более важен образ Витовта-врага, олицетворявшего «литовское разорение».

Источники и литература

1. Азбелев С. Н. Куликовская битва в народной памяти. Литературные памятники куликовского цикла и фольклорная традиция. СПб.: Дмитрий Буланин, 2011. 312 с.
2. Алексеев Л. В. Полоцкая земля: (Очерки истории Северной Белоруссии в IX–XIII вв.) / АН СССР Ин-т археологии. М.: Наука, 1966. 295 с.
3. Беларускі эпас / под ред. П. Ф. Глебке, І. В. Гутарау. Минск: Выдавецтва АН БССР, 1959. 318 с.
4. Белорусский сборник. Вып. 5. Заговоры, апокрифы и духовные стихи / Собр. Е. Р. Романов. Витебск: Типо-литогр. Г. А. Малкина, 1891. 450 с.
5. Боярчук Т. Н. Влияние исторического прошлого на менталитет белорусов // Исторические и политические исследования. 2012. №1 (49). С. 261–272.
6. Буганов А. В. Личности и события в массовом сознании русских крестьян XIX – Начала XX в.: Историко-этнографическое исследование. М.: Принципиум, 2013. 296 с.
7. Былины / Сост., вст. ст., подг. текстов и коммент. Ф. М. Селиванова. М.: Сов. Россия, 1988. – 576 с. (Б-ка русского фольклора, Т. 1).
8. Гронский А. Кастусь Калиновский: конструирование героя // Беларуская думка. 2008. №2. С. 82–87.
9. Гурская Ю. Образ князя Витовта в народной культуре белорусов // <https://krmilfor.wordpress.com/2017/02/09> (дата обращения 12.11.2020).
10. Гурская Ю. А. Фамилии отэтонимического происхождения на территории Великого княжества Литовского // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. 2010. №3. С. 160–165.
11. Даль В. И. Пословицы русского народа. Сборник пословиц, поговорок, речений, присловий, чистоговорок, прибауток, загадок, поверий, пр. Владимира Даля. СПб.-М., 1879: Изд-е М. О. Вольфа. Изд-е 2-е. Т. I. 685 с.
12. Игнатенко А. П. Борьба белорусского народа за воссоединение с Россией (вторая половина XVII – XVIII в.). Минск: Изд-во БГУ им. В. И. Ленина, 1974. 192 с.
13. Казакова Л. А. Топонимические предания Псковской области (по материалам фольклорного архива ПсковГУ) // Вестник Псковского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные и психолого-педагогические науки. 2012. № 1. С. 19–26.
14. Костомаров Н. И. Русские инородцы. М.: Чарли, 1996. 608 с.
15. Криничная Н. А. Предания Русского Севера. – СПб.: Наука, СПб. отделение, 1991. 328 с.
16. Кром М. М. Меж Русью и Литвой. Пограничные земли в системе русско-литовских отношений конца XV – первой трети XVI в. 2-е изд., испр. и доп. М.: Квадрига; Объед. ред. МВД России, 2010. 320 с.
17. Ліцкевіч А. «Слава Воршы ўжо не горша...» // Беларуская думка. 2009. № 3. С. 92 – 99.
18. Лобач В. А. Богатыри, осилки и девы-воительницы в топонимических преданиях восточных славян // Балто-славянские исследования – XX. Сб. науч. трудов. М.: Изд-во Инс.-т славяноведения РАН, 2019. С. 350 – 383.
19. Марзалюк И. Великое княжество Литовское в исторической памяти белорусов-русинов: от средневековья к модерну // Ab imperio. Казань, 2004. № 4. С. 539–560.
20. Мирзоев В. Г. Былины и летописи – памятники русской исторической мысли. М.: Мысль, 1978. 256 с.
21. Миллер Вс. Ф. Очерки русской народной словесности. Т. III. Былины и исторические песни. М.-Л.: Гос. изд-во, 1924. 351 с.
22. Новиков Ю. А. Литва в русском фольклоре // Художественный текст: Восприятие. Анализ. Интерпретация. Вильнюс, 2008. № 6. С. 17–25.
23. Песни, собранные П. В. Киреевским. Изданы Обществом любителей российской словесности. М.: Тип. Лазарев. инст. вост. яз., 1864. Вып. 6–7. 583 с.
24. Пропп В. Я. Русский героический эпос. М.: Лабиринт, 1999. 636 с.
25. Сказания и повести о Куликовской битве: Древнерус. тексты и пер. / Изд. подгот. Л. А. Дмитриев, О. П. Лихачева. Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1982. 422 с.
26. Смоленский этнографический сборник / сост. В. Н. Добровольский. Ч. 1. СПб: Тип. Е. Евдокимова, 1891. 716 с.
27. Соколова В. К. Русские исторические предания. М.: Наука, 1970. 288 с.
28. Тхамокова И. Х. Традиционная казачья свадьба (по материалам Кабардино-Балкарии) // Мир культуры. 1990. Вып. 1. С. 70–101.
29. Штырков С. А. Предания об иноземном нашествии: крестьянский нарратив и мифология ландшафта (на материалах Северо-Восточной Новгородчины). СПб.: Наука, 2012. 226 с.
30. Юрчук Л. А. Псковские предания об исторических лицах (по материалам фольклорного архива ПсковГУ) // Вестник Псковского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2015. №2. С. 75–83.
31. Federowski M. Lud białoruski na Rusi Litewskiej. Materiały do etnografii słowiańskiej zgromadzone w latach. – Kraków, Warszawa, 1958. – T. V. Piesni milosne, weselne, rodzinne, doroczne i inne z okolic Wolkowyska, Lidy, Grodna, Slonima, Białegostoku, Sokolki, Pruzany, Nowogrodka i Slucka. 920 s.
32. Клецкая битва 1506 г. URL: <https://staryolsa.com/ru/lyrics/kleckaja-bitva-1506> (Дата обращения. 12.01.2021).
33. Wypisy z białoruskaj literatury. Časć I / Złazyŭ i wydaŭ W. Łastoŭski. Wilnia, 1918. 80 с.

References

1. Azbelev S. N. Kulikovskaya bitva v narodnoy pamyati. Literaturnie pamyatniki kulikovskogo cikla i folklornaya tradiciya (The Battle of Kulikovo in the people's memory. Literary monuments of the Kulikovo cycle and folklore tradition). St.Petersburg: Dmitry Bulanin, 2011. 312 p. (In Russian).
2. Alekseev L. V. Polockaya zemlya: (Ocherki istorii Severnoy Belorussii v IX–XIII vv. (Polotsk land: (Essays on the history of Northern Belarus in the IX–XIII centuries) / USSR Academy of Sciences. Institute of Archeology. Moscow: Nauka, 1966. 295 p. (In Russian).

3. Belarusski epas (Belarusian epas) / ed. P.F. Glebka, I.V. Gutarau. Minsk: Publishing House of the Academy of Sciences of the BSSR, 1959. 318 p. (In Belorussian).
4. Belarusski sbornik (Belarusian collection). Issue. 5. Conspiracies, apocrypha and spiritual verses. Vitebsk: G.A. Malkin, 1891. 450 p. (In Belorussian).
5. Boyarchuk T. N. Vliyaniye istoricheskogo proshlogo na mentalitet belorusov (The influence of the historical past on the mentality of Belarusians) // Historical and political studies. 2012. No. 1 (49). P. 261–272. (In Russian).
6. Buganov A. V. Lichnosti i sobitya istorii v massovom soznanii russkikh krestyan XIX – nachale XX vv.: istoriko-etnograficheskoe issledovanie (Personalities and events of history in the mass consciousness of Russian peasants of the XIX – early XX centuries: Historical and ethnographic research). Moscow: Principium, 2013. 296 p. (In Russian).
7. Bilini (Epics) / Comp., Entry. Art., prepared. texts and comments. F.M. Selivanov. Moscow: Sov. Russia, 1988. 576 p. (Library of Russian folklore; Vol. 1). (In Russian).
8. Gronskey A. Kastus Kalinovsky: konstruirovaniye geroya (Kastus Kalinovsky: construction of a hero) // Belaruskaya dumka. 2008. No. 2. P. 82–87. (In Russian).
9. Gurskaya Y. Obraz knyazya Vitovta v narodnoy culture belorusov (The image of Prince Vitovt in the folk culture of Belarusians) // <https://krmilfor.wordpress.com/2017/02/09> (date of treatment 11/12/2020). (In Russian).
10. Gurskaya Yu. A. Familii otetnonimicheskogo proishogdeniya na territorii velikogo knyagestva Litovskogo (Surnames of ethnonymic origin on the territory of the Grand Duchy of Lithuania) // Bulletin of the Kostroma State University named after ON. Nekrasov. 2010. No. 3. P. 160–165. (In Russian).
11. Dal V. I. Poslovici russkogo naroda. Sbornik polovic, pogovorok, recheniy, prisloviy, chistogovorok, pribautok, zagadok, poveriy, pr. Vladimira Dalya (Proverbs of the Russian people. Collection of proverbs, sayings, pure phrases, jokes, riddles, beliefs, etc. Vladimir Dal). Vol. I. St. Petersburg – Moscow: Publishing house of M.O. Wolf, 1879. 685 p. (In Russian).
12. Ignatenko A. P. Borba belarusskogo naroda za vossoedineniye s Rossiey (vtoraya polovina XVII – XVIII v.) (The struggle of the Belarusian people for reunification with Russia (second half of the 17th – 18th centuries)). Minsk: Publishing house of BSU named after Lenin, 1974. 192 p. (In Russian).
13. Kazakova L. A. Toponimicheskie predaniya pskovskoy oblasti (po materialam folklornogo arhiva PskovGU) (Toponymic legends of the Pskov region (based on the materials of the Pskov State University folklore archive)) // Bulletin of the Pskov State University. Series: Social-humanitarian and psychological-pedagogical sciences. 2012. No. 1. P. 19–26. (In Russian).
14. Kostomarov N. I. Russkie inorodci (Russian foreigners). Moscow: Charlie, 1996. 608 p. (In Russian).
15. Krinichnaya N. A. Legendy Russkogo Severa (Legends of the Russian North). SPb.: Science, SPb. department, 1991. 328 p. (In Russian).
16. Krom M. M. Mesh Rusyu i Litvoy. Pogranichnie zemli v sisteme russko-litovskikh otnosheniy konca XV – pervoy trety XVI v. (Between Russia and Lithuania. Borderlands in the system of Russian-Lithuanian relations at the end of the 15th – first third of the 16th century). Moscow: Quadriga; Ed. ed. Ministry of Internal Affairs of Russia, 2010. 320 p. (In Russian).
17. Litskevich A. «Slava Vorshi vsho ne gorsha...» («Glory to Vorshy, but not bitter ...») // Belarusian thought. 2009. No. 3. P. 92–99. (In Belorussian).
18. Lobach V. A. Bogatiri, osilki i devi-voitelnici v toponimicheskikh predaniyakh vostochnih slaviyan (Bogatyr, donkeys and warrior maidens in toponymic legends of the Eastern Slavs) // Balto-slavyanskyye issledovaniya – XX. Sbornik nauchnih trudov. Moscow: Publishing house of the Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences, 2019. P. 350 – 383. (In Russian).
19. Marzalyuk I. Velikoye knyashestvo Litovskoye v istoricheskoy pamyati belorusov-rusynov: ot srednevekovyaya k modernu (The Grand Duchy of Lithuania in the historical memory of Belarusians-Rusyns: from the Middle Ages to modernity) // Ab imperio. Kazan, 2004. No. 4. P. 539–560. (In Russian).
20. Mirzoev V. G. Bilini i letopisi – pamyatniki russkoy istoricheskoy misli (Epics and chronicles are monuments of Russian historical thought). Moscow: Mysl, 1978. 256 p. (In Russian).
21. Miller Vs. F. Ocherki russkoy narodnoy slovesnosti. Vol. III. Bilini i istoricheskie pesni (Essays on Russian folk literature. Vol. III. Epics and historical songs). Moscow-Leningrad: State. publishing house, 1924. 351 p. (In Russian).
22. Novikov Yu. A. Liva v russkom folklоре (Lithuania in Russian folklore) // Fiction text: Perception. Analysis. Interpretation. Vilnius, 2008. No 6. P. 17–25. (In Russian).
23. Pesni, sobrannye P. V. Kireevskim. Izdani Obchestvom lubiteley rossiyskoy slovesnosti (Songs collected by P.V. Kireevsky. Published by the Society of Russian Literature Lovers). Issue. 6-7. Moscow: Type. Lazarev Institute of Eastern Language, 1864. 583 p. (In Russian).
24. Propp V. Ya. Russkiy geroicheskiy epos (Russian heroic epic). Moscow: Labyrinth, 1999. 636 p. (In Russian).
25. Skazaniya i povesti o Kulikovskoy: Drevnerus. teksti i per. (Legends and stories about the Battle of Kulikovo: Drevnerus. texts and transl.) / Ed. prepare L. A. Dmitriev, O. P. Likhacheva. Leningrad: Science, Leningrad. department, 1982. 422 p. (In Russian).
26. Smolenskiy etnograficheskiy sbornik (Smolensk ethnographic collection) / Comp. V.N. Dobrovolsky. Part 1. St. Petersburg: E. Evdokimov, 1891. 716 p. (In Belorussian).
27. Sokolova V. K. Russkie istoricheskie predaniya (Russian historical legends). Moscow: Nauka, 1970. 288 p. (In Russian).
28. Tkhamokova I. Kh. Tradicionnaya kazachya svadba (po materialam Kabardino-Balkarii) (Traditional Cossack wedding (based on materials from Kabardino-Balkaria)) // World of Culture. 1990. Issue. 1. P. 70–101. (In Russian).
29. Shtyrkov S. A. Predaniya ob inozemnom nashestvii: krestyanskiy narrative i mifologiya landshafta (na materialah Severo-Vostochnoy Novgorodchiny) (Legends about a foreign invasion: peasant narrative and landscape mythology (based on materials from the North-Eastern Novgorod region)). St. Petesburg, 2012. 226 p. (In Russian).
30. Yurchuk L. A. Pskovskie predaniya ob istoricheskikh licah (po materialam folklornogo arhiva PskovGU) (Pskov legends about historical figures (based on the materials of the folklore archive of Pskov State University)) // Bulletin of the Pskov State University. Series: Social Sciences and Humanities. 2015. No 2. P. 75–83. (In Russian).

31. Federowski M. Lud białoruski na Rusi Litewskiej. Materiały do etnografii słowiańskiej zgromadzone w latach. (Belarusian people in Lithuania. Materials for Slavic ethnography collected in). Kraków, Warszawa, 1958. – T. V. Piesni miłosne, weselne, rodzinne, doroczne i inne z okolic Wolkowyska, Lidy, Grodna, Slonima, Białegostoku, Sokolki, Pruzany, Nowogrodka i Slucka. 920 s. (In Poland).
32. Kletska bitwa 1506 g. (Klets battle, 1506) URL: <https://staryolsa.com/ru/lyrics/klieckaja-bitva-1506> (Date of access. 12.01.2021). (In Belorussian).
33. Wypisy z białaruskaj literatury. Čaść I / Złazyŭ i wydaŭ W. Łastoŭski (Excerpts from the Belarusian literature. Čaść I / Złazyŭ and published by W. Łastoŭski). Wilnia, 1918. 80 c. (In Poland).

Сведения об авторе

Матвеев Олег Владимирович – доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Кубанского Государственного университета (Краснодар) / vim12@rambler.ru

Information about the author

Matveyev Oleg Vladimirovich – Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Russian History, Kuban State University (Krasnodar) / vim12@rambler.ru

УДК 32.327
DOI 10.37493/2409-1030.2021.2.8

Т. В. Пантюхина

АМЕРИКАНСКАЯ ПОЛИТИКА ДЕПОРТАЦИИ НЕЛЕГАЛЬНЫХ МЕКСИКАНСКИХ ИММИГРАНТОВ В НАЧАЛЕ ХХІ ВЕКА: ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

В статье освещается политика депортаций, осуществляемых властями США с целью обуздания нелегальной иммиграции мексиканцев, что не являлось предметом исследования в отечественной историографии. Иммиграционные законы, принятые конгрессом в 1986–2001 гг., обеспечили законодательную базу для ареста, задержания и высылки из страны. Был расширен список правонарушений и преступлений, являющихся основанием для депортации, что повлекло резкое увеличение числа депортируемых. Миллионы мексиканских нелегалов проживают в стране в течение долгого времени, образовав семьи «смешанного статуса» (супруг с американским гражданством и родившиеся в США дети). В статье освещаются социальные, правовые и экономические последствия депортаций для семей «смешанного статуса». К таковым относятся насильственное разделение семей, ухудшение финансового положения остающихся в США

родственников, нарушения эмоционального, физического и психического характера у детей депортированных родителей. В то же время американскими властями были предприняты некоторые меры в поддержку наиболее уязвимого сегмента иммигрантского населения – молодежи. Правительственная программа DACA, действующая с 2012 г., предоставляет иммигрантам, которые нелегально прибыли в США в детском возрасте, временную отсрочку от депортации, подключение к программам социального страхования и разрешение на работу. Другая программа – DREAM Act – предусматривает трехступенчатый процесс получения американского гражданства для той же категории молодых людей. DREAM Act находится на рассмотрении американского конгресса с 2001 г., однако он до сих пор не принят.

Ключевые слова: депортация, нелегальная иммиграция, мексиканцы, США, миграционная политика.

Tat'yana Pantyukhina

THE US POLICIES OF DEPORTATION OF ILLEGAL MEXICAN IMMIGRANTS IN THE EARLY XXI CENTURY: HUMAN CONSEQUENCES

The paper features the US deportation practices aimed to curb illegal Mexican immigration, which has not been a subject of research in Russian historiography. The Acts of 1986–2001 addressing illegal immigration empowered the executive branch in terms of arrest, detention and deportation. The main target of deportation policy is illegal immigrants of Mexican origin who make up the largest segment of unauthorized population in the USA. Millions of them are long-term US residents with mixed-citizenship families (a spouse and children with US citizenship). The paper highlights social, legal, and economic consequences for deportees' families posed by deportations. These include family separation, substantial economic disadvantages for remaining family members, damaging impact on children's mental and physical

health. At the same time, some measures have been taken to protect undocumented immigrant youth, the most vulnerable segment of illegal immigrant population. The Deferred Action for Childhood Arrivals (DACA) program of 2012 provides temporary relief from deportation, Social Security numbers and two-year work authorization to immigrants who were brought to the USA as children. Another program – Development, Relief, and Education for Alien Minors (DREAM) Act – has been discussed in the Congress since 2001. It has been designed to provide undocumented young people who came to the USA as children with a pathway to US citizenship. Up to now, the bill has not become a law.

Key words: deportation, illegal immigration, Mexicans, the USA, immigration policy.

Illegal immigration has been in the focus of heated political and public debates in the USA for a long time. The reason for that is a rapid growth of numbers of unauthorized immigrants, which started in the 1990-s and reached its peak of 12,2 mln. in 2007. By now the figure has dropped to 10,5 mln. The significant proportion of illegals is of Mexican origin. At present there are 4,9 mln. illegal Mexicans in the USA, which is 2 mln. lower than in 2007, when there were 6,9 mln. illegal Mexicans [7].

A massive influx of immigrants to the USA from the neighboring country is caused by a number of reasons, the main of which is unsustainable economic development and inadequate social programs for economically disadvantaged population in Mexico.

The other main reason is high demand for unskilled labour force in the USA which cannot be met in the American labour market.

The US leadership first addressed the issue of illegal immigration in mid-80-s, and a major turn in immigration policy was made. Illegal immigration was framed as a threat to national security and was called "invasion" by then president R. Reagan [13]. In 1986 the congress passed "Immigration Reform and Control Act" (IRCA). It was the first act in the US history which addressed illegal immigration [11].

Since mid-90-s the congress has passed a number of laws that empower the executive branch in terms of arrest, detention and deportation of unauthorized persons. During the Clinton administration, the

issue of immigration reform became framed within the politics of the War on Crime. In 1996 president Clinton initiated two laws: "Illegal Immigration Reform and Immigrant Responsibility Act" (IIRIRA) and "Anti-Terrorism and Effective Death Penalty Act" (AEDPA) [10; 3]. In 2001 president J. Bush signed the "USA PATRIOT" Act [1]. The three Acts collectively heralded the end of the immigration policy traditionally favorable for immigrants and their families.

The IIRIRA of 1996 enlarged the grounds for deportations, which were now politically correctly referred to as "removals". The Act increased the number of categories of undocumented population subject to detention and deportation. As well as that, the list of offenses for which a noncitizen had to be removed was expanded. Although murder or drug trafficking have always been grounds for deportation, IIRIRA expanded the definition of aggravated felonies and included 28 more offenses such as crimes of "moral turpitude," a crime punishable by more than one year in prison. In 1998 another offence – driving while intoxicated – was added to the list of aggravated felonies. Under the IIRIRA an immigrant can be prohibited from reentry into the USA from 5 years to life, depending on the grounds for deportation [10].

The IIRIRA и AEDPA virtually deprived the deportees of the right to protection by the law. Prior to the Acts an order of deportation usually underwent a judicial review and a judge was authorized to waive the deportation provided a person was a lawful permanent resident. Moreover, an immigration judge could take into consideration the fact that many of them established families ties with US citizens while staying in the USA. As a rule, a judge could forgo the deportation of such a person provided that it posed hardship for a deportee's US spouse or children born in the USA. The IIRIRA и AEDPA virtually did away with judicial procedure for deportees, triggered fast-track removals and eliminated the legal barriers that previously protected them [10; 3].

The new immigration policy led to an unprecedented increase in numbers of deportations, although it is difficult to collect exact figures as Department of Homeland Security does not use the term "deportation". Enforcement actions are classified as either removals or returns. "Removal" refers to deportations based on a formal court order and can include additional criminal penalties and prohibitions from re-entering the USA. "Returns" do not involve a formal court order nor carry additional penalties [23].

Before the mid-90-s deportation figures had been stable for a long period of time. On average, 20 000 people had been deported annually during the period from the early XX-th century until the 1990-s. The figure rose up to 40 000 people a year in the first half of the 1990-s. After the IIRIRA was enacted

the numbers of deportations soared. From 1996 until 2005, 180 000 people per year were deported. During J. Bush presidency (2001-2008) 2 mln. people were deported. President Barack Obama's administration (2009-2016) sent out of the country another 3 mln., a record number of deportations when compared with previous presidents. Those figures led critics of Obama's policy to nickname him as "a deporter-in-chief" [21]. The removals reached its peak in 2012–2014, when over 400 000 people were deported annually [2; 17].

During the election campaign of 2016 D. Trump announced his plan "to deport "millions and millions of undocumented immigrants." He referred to them as "removable criminal aliens" [21]. D. Trump's main removal target was illegal Mexicans. "When Mexico sends its people, they're not sending their best," Trump said. "They're sending people that have lots of problems, and they're bringing those problems with us. They're bringing drugs. They're bringing crime. They're rapists." He admitted that some of them were good people though [21]. In fact, for three years of his presidency the total number of deportees was under 1 mln.: 287 093 people in 2017, 328 716 people in 2018 and 359 885 people in 2019 [2]. Although the statistics of 2020 has not been released by the time the paper is being completed, it seems highly unlikely that the figure will differ considerably from the previous ones.

Under D. Trump the majority of deportees were people without criminal records or nonviolent offenders, including for traffic and immigration offenses. For instance, for the first five months of 2020, 52 % of those removed from the country had no criminal record. The figure is up from about 40 % in each of the previous three years of Trump presidency [15].

While implementing the harsh immigration policy American officials justify it as a mechanism of fighting crime. Some researchers find this approach futile and point out that deportations are ineffective in the fight against crime. Innumerable studies into relation between immigration and crime based on the statistics for a period over a century have confirmed that high rates of immigration have nothing to do with high rates of violent crime and property crime [6]. Studies suggest that native-born Americans are more likely to commit serious crimes or be incarcerated than immigrants. This refers to both legal and illegal immigrants irrespective of their country of origin. Therefore, most immigrants are not "criminal aliens".

Unfortunately, as the authors of special report released by American Immigration Council in 2015 point out, immigration policy is not based on empirical evidence. It is often shaped by fear and stereotype. For this reason, immigrants bear the stigma of "criminals" attributed to them by immigration laws and administrative mechanisms. New categories of "felonies" have been made which apply to immigrants

alone. All in all, the policies aimed to put an end to illegal immigration have been made punitive rather than rational and practical [6].

The immigration policies have a detrimental effect on illegal immigrants with strong family ties and long tenure in the USA. This conclusion is made by a number of recent studies [5; 9; 12; 16]. As well as border apprehensions, the immigration law enforcement agencies conduct interior removals. Not only are those who illegally cross the border apprehended and sent back, but also long-term residents nationwide are arrested and removed.

Most illegal immigrants have made their lives in the new destination. Before mid-1980-s, Mexican migrant workers followed a pattern of circular migration: they left their families in Mexico, found work in the USA, sent remittances back home, built savings, returned to their families in Mexico, and eventually returned to the United States. However, the IRCA of 1986 disrupted circular migration flows by intensified border security measures. As many migrants could no longer reliably return to the United States, they relocated their families to the USA. Moreover, the IRCA granted legal amnesty to millions of undocumented migrants. As a result, many of those who formerly had circulated legalized and settled in the USA.

The share of undocumented population who resides in the country for long periods has increased. Of the nearly 11 mln. US unauthorized immigrants, 1.9 mln. have lived in the country for at least 20 years, 1.6 mln. for 15 to 19 years, and 3.1 mln. for 10 to 14 years [12, p.232]. As a rule, having settled in a new place an immigrant starts the second family although continues to send remittances back home in order to support their Mexican families. These long-term residents are likely to have a spouse with a US citizenship as well as children who are American citizens by birth. An analysis of official Mexican data (2012) found that 61,4 % of deportees who had spent at least a year in the USA had a child in the United States. An equal percent had a US resident wife or husband [12, p.234]. To put it another way, they have deep connections to the USA.

Immigration enforcement practices has huge impact on the American family of a deportee as he/she can be barred from reentry into the USA from 5 years to life under the IIRIRA. Deportations unsettle families, separate husbands and wives, parents and children, create single-parent households leaving children without a parent or an adult without a spouse. What is more, the deportations, and even the immigration-related arrest or detention of a family member have significant short- and long-term financial implications. After a primary provider is removed, remaining family members could face substantial economic disadvantages as their median household income goes down, financial resources available to support the US-born children until

maturity diminish. The family income drops by 45 %, according to the recent report released by the Center for Migration Studies, New York [18]. For 908,891 "mixed-citizenship" families with at least one native born child the prospect of breadwinner's removal means a risk of falling below poverty level. The families which once were self-sufficient would have to rely on social welfare programs in order to survive [18]. Many households experience food insecurity, which is exacerbated by federal restrictions limiting immigrants' access to Supplemental Nutrition Assistance Program (SNAP) benefits [16]. In many cases a deportee has to leave dependents with special needs in the American family. These include pregnant wives, children with autism, cancer, or mothers and fathers with serious diseases.

After income-earner's deportation family members have to take on new roles to earn their living. As an overwhelming majority (90%) of deportees are men, it leads to burden and strain on mothers remaining with their children in the USA after a spouse is deported. They face challenges finding a job to support their families, have to work long hours, having little time for communication with children. Mothers remaining in the USA are at an elevated risk of depression and social isolation after a spouse's deportation, which may impair the well-being of children in their care. Older children often have to become primary caregivers of younger siblings and must work to support the family. A survey of Latinas in Los Angeles whose spouses were deported found that many lost a vehicle or homes or were forced to move, and older children often fell behind or dropped out of school in order to earn money for family [16].

Latino Ministry for the Catholic Church in the United States highlighted the social, legal, and economic consequences for mixed-status families posed by US immigration policies. These include the constant fear of deportation, family separation, interference with life plans like marriage and children, detention, lack of access to social benefits and to effective protections in the workplace, fear of reporting crime, and denigration by the press and public officials, including the president. These realities cause isolation and prevent immigrant families from fully participating in the life community [12, pp.238-9].

Immigration enforcement actions have significant repercussions for millions of children. There were 6,1 mln. children in mixed-status families in 2018. Multiple studies have documented devastating emotional, physical, and behavioral consequences that affect small children and adolescents. After their parent's detention and deportation, many of them suffer "depression, anxiety, fears of separation, social isolation, self-stigma, aggression, withdrawal and negative academic consequences" [12, p.231]. They lose interest at school and their academic performance declines. Some shut themselves off

from friends and lose interest in normal activities. Moreover, children experience fear and shame regarding deportation, which impacts their sense of self and well-being.

Research into the medical aspects of the issue suggest damaging impact of deportations on children's mental and physical health. When suddenly separated from their parents, they experience toxic stress which negatively influences brain development. Such children are also at greater risk of developing chronic mental illnesses like depression and post-traumatic stress disorder, as well as serious physical diseases like cancer, stroke, diabetes, and heart disease [22, p.2]. Even before birth, detention and deportation of a family member can put a child's health at risk. A study of immigration enforcement actions found a link between immigration-related arrests and premature and underweight births, complications that put babies at risk for infant death or long-term health problems [22, p.3].

In addition, the broader community suffers negative consequences of immigration-related arrests and removals. Community members often become more fearful and mistrustful of public institutions, they seem less likely to get involved in religious, educational or cultural activities. They are more reluctant to report crime to the police.

Among a wide range of immigration-related issues one of the most urgent is the one concerning undocumented immigrant youth. Due to immigrant-rights campaigns some measures have been taken to protect the most vulnerable segment of illegal immigrant population. In 2012 the Obama administration introduced the Deferred Action for Childhood Arrivals (DACA) program – an enforcement policy that temporarily defers deportations to immigrants who were brought to the USA as children [4]. "Deferred action" provided for an estimated 1.9 mln. eligible undocumented youth and young adults temporary relief from deportation, temporary Social Security numbers and two-year work authorization. However, DACA does not provide either a permanent legal status or a path to a green card and citizenship. It must be renewed every two years. To qualify for DACA status, young people have to meet certain requirements. They are supposed to have come to the United States at the age under 16, be under age 31, have continuously resided in the United States between 2007 and 2012; is currently enrolled in secondary school or have high school diploma, have no criminal records, etc. [4].

DACA has broadened the educational and work opportunities for almost 800,000 undocumented young people. The program has enabled them to work legally, attend school, and plan their lives without the constant threat of deportation. DACA improved their access to public universities, trade schools, and scholarship opportunities. With work

permit, they could get more stable jobs with higher pay, better benefits, and less stressful working conditions.

In 2017 the Trump administration attempted to terminate DACA. Homeland Security announced a "wind down" of the program. However, in 2020 the US Supreme Court ruled that the termination of the program was unlawful. Following the Supreme Court's decision, the DACA program was technically restored [20]. Six weeks after the Supreme Court's decision, Homeland Security announced several major changes to the operation of DACA. The program recipients can continue to apply to renew their status but the validity period for the DACA status has been reduced to one year. US Citizenship and Immigration Services (USCIS) will reject all pending and future initial DACA requests from people who are eligible for DACA but have not previously participated in the program [20].

Another program designed to protect undocumented young people – Development, Relief, and Education for Alien Minors (DREAM) Act – has been discussed in the congress for two decades. That is why young undocumented immigrants have since been called "Dreamers." The Dream Act was introduced in the congress in 2001 for the first time. Over the last 20 years, at least ten versions of the Dream Act have been introduced in congress. Up to now, none bill has become law [20].

With some key differences in various versions of the Dream Act, they all would have provided undocumented youth who came to the USA as children with a pathway to US citizenship. The Act outlines a three-step process. Firstly, a person could get conditional permanent resident (CPR) status for up to 10 years as well as work permit. Then a person could obtain lawful permanent residence (LPR status or a "green card") provided they completed at least 2 years of higher education, or 2 years of military service or have been employed for a period of 3 years. After maintaining LPR status for 5 years, an individual can apply for US citizenship through the naturalization process [19]. According to the Migration Policy Institute, 2.31 mln. young people would qualify for conditional permanent resident status under the 2019 version of the Dream Act, which could put them on a path to citizenship [8].

States cannot grant legal status to persons but they address some illegal immigration-related issues. All 50 states permit people with DACA status to obtain driver's licenses. A number of states enacted legislation to help Dreamers overcome barriers to higher education and employment. Many Dreamer students may be able to attend state universities and qualify for in-state tuition or financial aid.

Colleges and universities have their own policies about admission. Some deny admission to undocumented students, while others allow them to attend. Even when Dreamers are allowed to attend college, however, they face financial challenges as

the tuition is often expensive. Students without legal residency status in a state must pay the much higher out-of-state or international-student tuition fees. Furthermore, undocumented students do not qualify for federal student loans or other financial assistance. As a result, undocumented students could hardly afford to attend public universities.

As for job possibilities, many professional areas such as medicine, education, or cosmetology – require license to practice. Under federal law, undocumented immigrants are barred from receiving a professional license, unless state legislation within individual states permits their issuance. Thirteen states allow receiving certain professional licenses by undocumented immigrants.

Источники и литература \ References

1. An Act to deter and punish terrorist acts in the United States and around the world, to enhance law enforcement investigatory tools, and for other purposes URL: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/BILLS-107hr3162enr/pdf/BILLS-107hr3162enr.pdf> (Accessed: 2.01.2021).
2. Aliens Removed or Returned: Fiscal Years 1892 to 2019 // 2019 Yearbook of Immigration Statistics URL: <https://www.dhs.gov/immigration-statistics/yearbook/2019/table39#wcm-survey-target-id> (Accessed: 2.01.2021).
3. Anti-Terrorism and Effective Death Penalty Act of 1996 URL: <https://www.congress.gov/104/plaws/publ132/PLAW-104publ132.pdf> (Accessed: 2.01.2021).
4. Deferred Action for Childhood Arrivals Q&A Guide. August 17, 2012. https://www.americanimmigrationcouncil.org/sites/default/files/research/deferred_action_for_childhood_arrivals_qa_081712.pdf (Accessed: 2.01.2021).
5. DeWaard, J., Nobles, J., Donato, K.M. Migration and Parental Absence: A Comparative Assessment of Transnational Families in Latin America // *Popul Space Place*. 2018. Vol. 24. No.7. URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC6530928/?report=classic> (Accessed: 2.01.2021).
6. Ewing W., Martinez D.E., Rumbaut R.G. The Criminalization of immigration in the United States. Special Report. American Immigration Council. July 13, 2015. [HTTPS://WWW.AMERICANIMMIGRATIONCOUNCIL.ORG/RESEARCH/CRIMINALIZATION-IMMIGRATION-UNITED-STATES](https://www.americanimmigrationcouncil.org/research/criminalization-immigration-united-states) (Accessed: 2.01.2021).
7. Facts on U.S. immigrants, 2018 URL: <https://www.pewresearch.org/hispanic/2020/08/20/facts-on-u-s-immigrants/> (Accessed: 2.01.2021).
8. Gelatt J. "More than a DREAM (Act), Less than a Promise." Migration Policy Institute, March 2019, <https://www.migrationpolicy.org/news/more-dream-act-less-promise>. (Accessed: 2.01.2021).
9. Hagan, J. & Eschbach, K. & Rodriguez, N. U.S. Deportation Policy, Family Separation, and Circular Migration // *The International Migration Review*. 2008. Vol. 42. No. 1. PP. 64-88. (Accessed: 2.01.2021).
10. Illegal Immigration Reform and Immigrant Responsibility Act of 1996 URL: <https://www.congress.gov/104/crpt/hrpt828/CRPT-104hrpt828.pdf> (Accessed: 2.01.2021).
11. Immigration Reform and Control Act of 1986 URL: <https://www.congress.gov/bill/99th-congress/senate-bill/1200> (Accessed: 2.01.2021).
12. Kerwin, D., Alulema, D., Nicholson, M. Communities in Crisis: Interior Removals and Their Human Consequences // *Journal on Migration and Human Security*. 2018. Vol. 6. No. 4. P. 226 – 242.
13. Maddux T. R. Ronald Reagan and the Task Force on Immigration, 1981 // *Pacific Historical Review* 2005. Vol. 74. No. 2. P. 195–236.
14. Martinez Flores, F. The effects of enhanced enforcement at Mexico's southern border: evidence from Central American deportees // *Demography*. 2020. Vol. 57. No. 5. P.1597–1623.
15. New York Times. September 12. 2020.
16. Ojeda V.D., Magana C., Burgos J.L., Vargas-Ojeda A.C. Deported men's and father's perspective: the impacts of family separation on children and families in the U.S. // *Front Psychiatry*. 2020. Vol.11.
17. Pew Research Centre. Fact-Tank. 20.08.2020 URL: <https://www.pewresearch.org/fact-tank/2020/08/20/key-findings-about-u-s-immigrants/> (Accessed: 2.01.2021).
18. Preston, J. A The true costs of deportation // *The Marshall Project*. June, 18, 2020. URL: <https://www.themarshallproject.org/2020/06/22/the-true-costs-of-deportation> (Accessed: 2.01.2021).
19. Statement on the effects deportation and forced separation on immigrants, their families, and communities // *American Journal of Community Psychology*. 2018. Vol.62. Issue 1-2. <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/full/10.1002/ajcp.12256> (Accessed: 2.01.2021).
20. The Dream Act, DACA, and Other Policies Designed to Protect Dreamers. American Immigration Council. August 27, 2020. https://www.americanimmigrationcouncil.org/sites/default/files/research/the_dream_act_daca_and_other_policies_designed_to_protect_dreamers.pdf (Accessed: 2.01.2021).
21. The Washington Post. November 14. 2016.
22. U.S. Citizen Children Impacted by Immigration Enforcement. Fact Sheet. American Immigration Council. November 22, 2019. <https://www.americanimmigrationcouncil.org/research/us-citizen-children-impacted-immigration-enforcement> (Accessed: 2.01.2021).
23. U.S. Department of Homeland Security. Yearbook of Immigration Statistics. Washington, DC: U.S. Department of Homeland Security; (2019). <https://www.dhs.gov/immigration-statistics/yearbook> (Accessed: 2.01.2021).

Сведения об авторе

Пантюхина Татьяна Викторовна – кандидат исторических наук, доцент кафедры зарубежной истории, политологии и международных отношений Гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / panyukhina@rambler.ru

Information about the author

Pantyukhina Tat'yana – PhD in History, Associate Professor, Foreign History, Political Science and Foreign Affairs Department, Institute of Humanities, North-Caucasus Federal University (Stavropol) / panyukhina@rambler.ru

УДК 94(47).05(436)
DOI 10.37493/2409-1030.2021.2.9

А. Н. Птицын

ЧЕШСКАЯ ДИАСПОРА В ПЕТЕРБУРГЕ НА РУБЕЖЕ XIX–XX ВЕКОВ: СТАТИСТИЧЕСКИЙ ОБЗОР

В статье анализируется проблема переселения чехов в российскую столицу в дореволюционный период. На основе опубликованных источников и архивных материалов автором показаны процесс формирования чешской диаспоры в Петербурге и ее место среди других иммигрантских общин. Показан постепенный и устойчивый рост этой диаспоры, которая с 1869 г. по 1910 г. увеличилась в 5,5 раз. Накануне Первой мировой войны чехом был каждый четвертый австро-венгерский подданный, проживавший в этом городе. Большинство иммигрантов находились там на протяжении длительного времени, что свидетельствовало о постоянном составе переселенческой общины. Впервые подробно рассмотрена демографическая, гендерная и социально-профессиональная структура чешской переселенческой общины в городе на Неве. Установлено преобладание среди переселенцев лиц трудоспособного возраста, преимущественно молодых, что указывало на трудовой характер чешской иммиграции. Об этом же свидетельствовали и гендерные диспропорции, заключавшиеся в заметном превышении числа мужчин над числом женщин. На основании переписей населения определен социально-профессиональ-

ный состав чешской общины Петербурга. Чехи выступали преимущественно в качестве квалифицированных специалистов и работников. Их основная часть была занята на промышленных и ремесленных предприятиях – в качестве техников, инженеров, квалифицированных рабочих и служащих, некоторые чехи являлись их владельцами и управляющими. Ряд чехов был занят в торговле и сфере услуг. Отдельные группы иммигрантов составляли учителя, музыканты и артисты. Постоянный характер проживания чехов в Петербурге и устойчивый рост их численности свидетельствовал об их успешной адаптации. Этому способствовала и деятельность Чешского вспомогательного общества, игравшего роль организационного центра чешской диаспоры. Об успешной интеграции чехов в российский социум свидетельствовали многочисленные факты перехода их в российское подданство и принятия православия. Однако большинство иммигрантов по разным причинам сохраняло свое прежнее подданство и вероисповедание.

Ключевые слова: чехи, иммиграция в Россию, иностранцы в России, чешская диаспора, население Петербурга.

Andrey Ptitsyn

THE CZECH DIASPORA IN ST. PETERSBURG AT THE TURN OF THE 19th – 20th CENTURIES: A STATISTICAL OVERVIEW

The article analyzes the problem of resettlement of Czechs to the Russian capital in the pre-revolutionary period. On the basis of published sources and archival materials, the author shows the process of formation of the Czech diaspora in St. Petersburg and its place among other immigrant communities. The study shows a gradual and steady growth of this diaspora, which from 1869 to 1910 got 5.5 times bigger. On the eve of the First World War, every fourth Austro-Hungarian citizen who lived in this city was Czech. Most of the immigrants stayed there for a long time, which shows the permanent composition of the resettlement community. For the first time, the demographic, gender and socio-professional structure of the Czech resettlement community in the city on the Neva is considered in detail. The predominance of people of working age among the migrants, mainly young, was established, which indicated the labor nature of Czech immigration. This was also evidenced by gender disparities, which consisted in a noticeable excess of the number of men over the number of women. On the basis of population censuses, the socio-

professional composition of the Czech community in St. Petersburg was determined. Czechs acted primarily as qualified specialists and skilled workers. Most of them were employed in industrial and craft enterprises - as technicians, engineers, qualified specialists and office workers, some Czechs were owners and managers of those enterprises. A number of Czechs were employed in trade and services. Separate groups of immigrants were teachers, musicians and artists. The permanent nature of the residence of Czechs in St. Petersburg and the steady growth of their number testified to their successful adaptation. This was also facilitated by the activities of the Czech Auxiliary Union, which played the role of the organizational center of the Czech diaspora. The successful integration of Czechs into Russian society was evidenced by numerous facts of their transfer to Russian citizenship and the acceptance of Orthodoxy. However, the majority of immigrants, for various reasons, retained their former citizenship and religion.

Key words: Czechs, immigration to Russia, foreigners in Russia, Czech diaspora, population of St. Petersburg.

На протяжении всего имперского периода среди населения Петербурга была высока доля иностранцев, что объяснялось как его ролью «окна в Европу», так и многообразными потребностями столицы в квалифицированных специалистах и рабочих в условиях «догоняющей» модернизации.

На рубеже XIX – XX вв. иностранные подданные составляли почти 2% жителей города на Неве. Доминировали среди них выходцы из Германии, хотя их доля постепенно сокращалась – с 60,6 % в 1881 г. до 45,7 % в 1910 г. Процент граждан других европейских держав за тот же

период, наоборот, возрос: Франции – с 8,9 % до 11,7 %, Великобритании – с 6,7 % до 9,9 %, Австро-Венгрии – с 5,8 % до 8,4 % [15, с. 27].

Австро-венгерская община была четвертой по численности среди зарубежных диаспор в российской столице. За период с 1869 г. по 1910 г. она выросла в 1,8 раза – с 1079 до 1923 человек [5, с. 281; 8, с. 119]. Ее особенностью был многонациональный характер, отражавший сложную этническую структуру Габсбургской монархии. В составе этой переселенческой общности преобладали немцы, на втором месте шли чехи, затем следовали поляки, венгры, словаки, русины, итальянцы и др.

Чехи образовали в Петербурге собственную национальную общину, сведения о которой были достаточно подробно зафиксированы российской статистикой. В российской столице первые выходцы из Богемии и Моравии поселились еще в XVIII в. – это были музыканты, артисты, врачи. В XIX столетии к ним стали добавляться представители других профессий: учителя, офицеры, ремесленники, торговцы, инженеры, техники, рабочие, служащие и другие [6]. Вплоть до 60-х гг. XIX в. масштабы чешской диаспоры в городе на Неве оставались незначительными, измеряясь лишь десятками человек одновременно. Ее бурный рост начался лишь в пореформенный период, и продолжался, хотя и неравномерно, вплоть до начала Первой мировой войны.

Численность чешской диаспоры в российской столице, динамику ее прироста, социально-профессиональную и демографическую структуру позволяют определить материалы переписей населения: городских, проводившихся в Петербурге в рассматриваемый период примерно раз в 10 лет, и единственной всероссийской переписи 1897 г.

При этом в материалах городских переписях чехи всегда выделялись в отдельную группу, а в таблицах всероссийской переписи они были объединены с другими родственными народами. В ряде таблиц переписи 1897 г. чехи были включены в общую рубрику вместе со словаками, и там они составляли подавляющее большинство (так, по данным ближайшей по времени петербургской переписи 1900 г. чехи составляли 86 % от общей численности чехов и словаков в городе) [11, с. 160–167]. В других таблицах всероссийской переписи чехи и словаки были объединены в одну категорию с другими зарубежными славянами под рубрикой «Остальные славянские языки». Всего в нее по Петербургу было включено 688 человек: 414 чехов и словаков, 155 сербов и словенцев, а также 119 болгар. Чехи и словаки сообща составляли здесь 60%, а собственно чехи – примерно половину [4, с. 52–53].

Данные о численности чешской диаспоры и австро-венгерской иммиграции в Петербурге в целом, составленные на основе городских переписей, приведены в Таблице 1.

Таблица 1

Численность австро-венгерских иммигрантов в Петербурге по данным городских переписей [5, с. 278–281; 8, с. 77, 119; 9, с. 242–243, 253; 10, с. 49–52; 11, с. 160–167]

Год		1869	1881	1890	1900	1910
Чехи	Всего	93	243	220	351	512
	Мужчин	62	159	138	223	308
	Женщин	31	84	82	128	204
Словаки	Всего	24	93	98	58	70
Венгры	Всего	19	67	41	126	143
Австро-венгерские подданные	Всего	1079	1533	1325	1779	1923

Таким образом, чешская миграция в российскую столицу росла опережающими темпами по сравнению с австро-венгерской миграцией в целом. За четыре десятилетия с 1869 г. по 1910 г. чешская диаспора там увеличилась в 5,5 раз, а количество габсбургских подданных выросло только в 1,8 раза.

Доля чехов среди всех австро-венгерских подданных в Петербурге за 40 лет выросла в 3 раза. По данным таблицы 1 она составляла: в 1869 г. – 8,6 %, в 1881 г. – 15,9 %, в 1890 г. – 16,6 %, в 1900 г. – 19,7%, в 1910 г. – 26,6% (вероятно, эти цифры следует несколько скорректировать в сторону уменьшения, т.к. часть чехов со временем меняла свое подданство с австрийского на рос-

сийское). Городские переписи показали также существенный рост численности венгров – в 7,5 раз, а вот количество словаков в городе на Неве было подвержено значительным колебаниям. К сожалению, численность представителей других народов дуалистической монархии российские переписи не показывали, объединяя всех проживавших в городе немцев, поляков, сербов и т. д. в единые группы на основании языка, независимо от их подданства.

Прирост численности чешской общины Петербурга по десятилетним временным отрезкам был неравномерным. Наиболее значительным он был в 1870-е гг. (в 2,6 раза), затем в следующем десятилетии наблюдалась стабилизация (некоторое

сокращение показателей 1890 г. связано с тем, что эта перепись, в отличие от других, не учитывала население пригородов). В последнем десятилетии XIX в. количество чешских иммигрантов вновь стало увеличиваться, хотя и в меньших масштабах (в 1,6 раза), этот процесс продолжился и в первом десятилетии XX в. (рост еще в 1,5 раза). Приток чехов в Петербург продолжался вплоть до самого начала Первой мировой войны.

Представители чешской диаспоры проживали в разных частях Петербурга и пригородных местностях, но в основном тяготели к центральным и близким к центру районам. По данным переписей, чехи концентрировались в следующих городских частях столицы: Казанской, Спасской, Адмиралтейской, Васильевской, Петербургской и Нарвской. В этих районах были сосредоточены административные, образовательные и культурные учреждения столицы, а также торговые заведения, там же находились многие промышленные предприятия. Небольшая часть иммигрантов селилась в пригородных селах и поселках, где располагались фабрики и заводы. В 1881 г. на пригородных участках проживали 18 чехов (7 %), в 1900 г. – 47 (13 %), в 1910 г. – 38 (7 %) [5, с. 277; 9, с. 253; 11, с. 159].

В материалах некоторых городских переписей были приведены сведения о длительности пребывания иммигрантов в Петербурге, правда, они относились не только к чехам, а включали всех австро-венгерских подданных. По данным переписи 1900 г., четверть из них родилась уже в этом городе (25,5 %). Каждый пятый провел в российской столице менее года (19,3 %), столько же –

от 1 до 5 лет (20,2 %). Таким образом, недавние переселенцы составляли среди габсбургских подданных около 40%. Треть иммигрантов (32,5 %) жили в городе на Неве на протяжении длительного времени: 9,3 % – от 6 до 10 лет, 10,7 % – от 11 до 20 лет, 8,5 % – от 21 до 30 лет, 4 % – более 31 года (не имелось сведений о времени приезда 2,5 % переселенцев) [11, с. 192-195].

Таким образом, австро-венгерская община в Петербурге состояла из трех основных групп: старожилов (около трети), детей иммигрантов, родившихся в этом городе (около четверти) и недавних переселенцев (около 40 %). Такая структура указывает на постоянный и долговременный характер австро-венгерской иммиграции.

В гендерной структуре чешской общины, как и во многих других иммигрантских сообществах, ощущался заметный перекося в пользу мужчин. Процент женщин в ее составе, согласно расчету, на основе данных Таблицы 1, составлял: в 1869 г. – 33,3 %, 1881 г. – 34,6 %, в 1890 г. – 37,3 %, в 1900 г. – 36,5%, в 1910 г. – 39,8 %. Для сравнения: доля женщин во всем населении Петербурга на рубеже веков равнялась 45 % [11, с. 23]. Гендерный дисбаланс в среде иммигрантов объяснялся, главным образом, более высокой социальной мобильностью мужчин в то время. Однако с течением времени доля женщин в составе чешской диаспоры постепенно возрастала, что свидетельствовало о сдвигах в данной области.

Материалы городских переписей позволяют определить не только гендерную, но и возрастную структуру чешской переселенческой общины (Таблица 2).

Таблица 2

Возрастная и гендерная структура чешской диаспоры Петербурга в 1900 г.
[11, с. 160–167]

Возраст	Мужчины		Женщины		Всего	
	чел.	%	чел.	%	чел.	%
До 10 лет	21	9,4	20	15,6	41	11,7
11-20 лет	15	6,7	21	16,4	36	10,3
21-30 лет	56	25,1	38	29,7	94	27,3
31-40 лет	48	21,5	15	11,7	63	17,9
41-50 лет	46	20,6	16	12,5	62	17,7
51-60 лет	23	10,3	11	8,6	34	9,1
61-70 лет	9	4	5	3,9	14	4
Свыше 70 лет	4	1,8	2	1,6	6	1,7
Неизвестен	1	0,5	-	-	1	0,3
Всего	223	100	128	100	351	100

Данные таблицы свидетельствуют о преобладании мужчин над женщинами во всех возрастных группах чешской диаспоры, за исключением возраста 11-20 лет (вероятно, это было связано

с повышенной смертностью среди мальчиков, а также с распространенной в чешских семьях практикой отправки детей для обучения на родину, которая затрагивала в основном мальчиков).

Также на основании приведенных данных можно сделать вывод о заметном преобладании в составе диаспоры людей трудоспособного возраста. Мужчины и женщины в возрасте от 21 до 60 лет составляли в составе диаспоры почти три четверти (72 %). Почти половину среди чешских иммигрантов составляли люди в самом активном возрасте от 20 до 40 лет. При этом каждый четвертый чех и каждая третья чешка имели от роду от 20 до 30 лет.

Дети и молодежь до 20 лет составляла среди петербургских чехов только пятую часть (22 %). Примечательно, что среди всех жителей Петербурга этот показатель в то время равнялся 36% [11, с. 20, 23]. Таким образом, доля детей и молодежи у чехов была в 1,6 раза меньше, чем в среднем по городу. Процент же маленьких детей в возрасте до 6 лет у чехов колебался, по материалам городских переписей, в пределах 4–8 % от общей численности диаспоры. В целом по городу она была несколько выше – 9,2 % [11, с. 124–125, 129].

Пожилых людей старше 60 лет среди чехов было мало – около 6%. При этом в целом по городу пожилых людей было еще меньше – лишь 4 % [11, с. 124–125, 129], что было связано с общими демографическими тенденциями того времени, низкой средней продолжительностью жизни, а также бурным ростом населения города в пореформенный период за счет молодых возрастов.

Соотношение между тремя основными возрастными группами – детьми и молодежью до 20 лет, трудоспособными взрослыми от 21 до 60 лет и пожилыми старше 60 лет выглядит более сбалансированным у чешских женщин по сравнению с мужчинами. У первых она представляла собой пропорцию: 32 %: 62,5 %: 5,5 %. У мужчин соотношения трех возрастных групп были больше смещены в сторону взрослого трудоспособного населения, характеризуясь пропорцией: 16,1 %: 77,5 %: 5,8 %. Таким образом, гендерная и возрастная структура чешской диаспоры четко указывает на трудовую характер иммиграции.

Точных сведений о семейном положении петербургских чехов имеющаяся статистика не содержит. В материалах всероссийской переписи 1897 г. есть подобные сведения только об объединенной группе «остальных славян», половина из которых была чехами. Для мужчин в возрасте старше 19 лет из этой группы семейное состояние было таким: 49 % состояли в браке, 46 % были холостыми, 4 % – вдовцами (еще 1 мужчина был разведен и 3 не указали своего семейного статуса). Для женщин старше 19 лет картина выглядела следующим образом: 55 % были замужем, 30 % составляли незамужние, 15 % – вдовы [4, с. 120]. Таким образом, лишь половина взрослых иммигрантов состояла в браке, причем это касалось как мужчин, так и женщин.

В метрических книгах крупнейшего в Петербурге католического костела Святой Екатерины содержится ряд записей о заключении браков австрийскими подданными, в том числе чехами, относящихся к концу 90-х гг. XIX в. На их основании можно сделать вывод, что чехи и чешки чаще заключали браки с людьми своей национальности, чем с представителями других народов. При этом иногда невеста, или реже, жених, были жителями не Петербурга, а других регионов Российской империи. В одном случае петербургский чех женился на невесте, приехавшей к нему непосредственно из Праги. Межнациональные браки среди чехов заключали как мужчины, так и женщины, но первые чаще. Партнерами чехов и чешек в межнациональных браках были как католики, так и протестанты (поляки, словаки, немцы, финны, скандинавы) [13].

В ряде случаев чехи и чешки ступали в брак с православными – преимущественно русскими. Тогда венчание, как правило, проходило по православному обряду, а родившиеся дети автоматически записывались в православную веру (например, дети знаменитого чешского оперного певца, протестанта Осипа Осиповича Палечека и его русской жены Евгении Алексеевны, урожденной Харитоновой, дочери сенатора) [12].

Материалы метрических книг костелов содержат также информацию о смертности среди иностранных переселенцев. Она в то время по России в целом, и по Петербургу в частности, была довольно высокой для всех групп населения, включая и иммигрантов. Ежегодно в Петербурге умирало, вероятно, несколько десятков габсбургских выходцев, среди которых были и чехи. Например, в 1893 г. только в метрических книгах костела Святой Екатерины была зафиксирована смерть 18 австрийских подданных (11 мужчин, 5 женщин и 2 младенцев). Среди умерших было 4 стариков (от 69 до 79 лет), 8 человек в возрасте 40–50 лет и 4 молодых людей 20–30 лет от роду. Среди причин смерти чаще всего (в трети случаев) указаны заболевания легких (чахотка либо воспаление), развитию которых способствовал петербургский климат, затем идут болезни сердца и других органов, а также «старческая дряхлость» [14, л. 238–342]. Впрочем, встречаются и записи такого рода: «1890 года августа 30 дня в С.-Петербурге скончался от острого алкоголизма Андрей Марек (судя по фамилии, чех – А.П.), бывший австрийский подданный 35 лет от роду» [14, л. 170].

Социально-профессиональную структуру чешской и словацкой общин Петербурга можно установить на основании материалов всеобщей переписи 1897 г. (таблица 3).

Таблица 3
Виды занятий чехов и словаков в Петербурге по данным Всероссийской переписи 1897 г. [4, с. 212]

Группы занятий	Самостоятельные				Члены семей	
	Мужчины		Женщины		Муж.	Жен.
	чел.	%	чел.	%		
Администрация, суд, полиция, вооруженные силы	10	3,9	1	2		2
Учебная и воспитательная деятельность	13	5,1			1	8
Наука, литература и искусство	22	8,6	3	6,1	2	9
Деятельность и служба частная, прислуга, поденщики	11	4,3	10	20,4	3	3
Доходы с капитала, недвижимости, средства родственников	22	8,6	12	24,5	5	8
Средства от казны, учреждений и частных лиц	4	1,6	5	10,2		1
Производство всего, в том числе	116	45,5	9	18,4	9	40
обработка дерева	7	2,7				5
обработка металлов	57	22,4	1	2	3	13
химическое	4	1,6			1	2
винокурение, пивоварение и прочие напитки	8	3,1			3	1
полиграфическое	4	1,6				2
изготовление инструментов, часов и игрушек	5	2	1	2		1
ювелирное дело, предметы роскоши	7	2,7			1	3
изготовление одежды	15	5,9	7	14,3		7
прочие производства	9	3,5			1	8
Торговля всего, в том числе	35	13,7	1	2	4	9
предметами домашнего обихода	6	2,3				
предметами роскоши и искусства	4	1,6	1	2		2
развозная и разносная	6	2,3			1	
прочие виды торговли	19	7,5			3	7
Трактиры и гостиницы	5	2	3	6,1		
Железные дороги	4	1,6	1	2		1
Прочие занятия	4	1,6	3	6,1		5
Неопределенные занятия и не указавшие занятия	9	3,5	1	2		
Всего	255	100	49	100	24	86

Составители Всеобщей переписи разделили 414 петербургских чехов и словаков на две группы: самостоятельных (имевших собственный источник дохода и/или живших отдельно) и членов семей (бывших на иждивении своих родственников). К первой группе принадлежали почти три четверти переселенцев (73 %), что опять-таки подчеркивает трудовой характер иммиграции. При этом среди мужчин, судя по приведенным данным, самостоятельную экономическую деятельность вели практически все (91%), за исключением детей, но включая часть подростков и стариков. Среди женщин этот показатель составлял чуть больше трети (36%), а остальные, согласно традициям того времени, были сосредоточены на роли жены, матери, дочери.

Чешские и словацкие переселенцы были заняты во всех основных сферах экономики Петербурга, концентрируясь в нескольких из них. Для мужчин основными были промышленное производство (116 человек), торговля (35), культурная сфера (22), затем шли образование (13), государственное управление (10) и работа в качестве прислуги (11). Женщины работали, в основном, на производстве (9) и в качестве прислуги (10), а также были заняты в гостиничной и культурной сферах (по 3). По несколько мужчин и женщин были заняты в прочих отраслях (железные дороги, садоводство, кредитные учреждения, медицина, а одна чешка была зарегистрирована в качестве проститутки). Не были заняты в общественном производстве, хотя и указаны в качестве самостоятельных хозяев, чехи и словаки, жившие

на доходы от капитала, недвижимости и на средства родственников (22 мужчины и 12 женщин), а также получавшие стипендии, пенсии и пособия (4 и 5 соответственно).

Таким образом, петербургские чехи и словаки были заняты преимущественно в фабричном и ремесленном производстве (почти половина мужчин и пятая часть женщин). Больше всего мужчин (пятая часть) трудились в металлообрабатывающей отрасли, но в ней доминировали словацкие ремесленники (так называемые дротари, изготавливавшие посуду и проволочные изделия). Второе место у мужчин и первое у женщин занимала работа в мастерских по изготовлению одежды. Также чехи-мужчины специализировались в пивоварении, обработке дерева (изготовление мебели и экипажей) и ювелирном деле.

Чехи, занятые на столичных предприятиях, были, как правило, квалифицированными работниками различных категорий: рабочими, ремесленниками, инженерами, техниками, конторскими служащими. Некоторые из них были владельцами или управляющими предприятий. Чешским владельцам принадлежали в Петербурге несколько небольших фабрик и мастерских, где зачастую концентрировались и рабочие из числа их соотечественников (перчаточная фабрика Ф. Гросса, кондитерская фабрика К. Бездеки и др.) [6, с. 124].

Чешские и словацкие торговцы, занимавшие второе место по занятости среди мужчин (35 человек), также были представлены различными категориями: владельцами собственных торговых фирм, комиссионерами заграничных и российских компаний, служащими в магазинах и лавках, разносчиками и развозчиками товаров (это был традиционный бизнес словаков). В качестве известных торговых заведений петербургских чехов можно назвать семейный торговый дом Вельцов (оптовая торговля москательными товарами и участие в нескольких акционерных обществах), магазин богемского стекла и фарфора графа Я. Гарраха (весь его персонал состоял из чехов), ювелирные магазины А. Контлера и З. Реймана [6, с. 119, 122–126].

Чехи, и в меньшей степени, словаки были представлены в отраслях нематериального производства: культуре (22 мужчины и 3 женщины), образовании (13 мужчин) и государственном управлении (10 мужчин и 1 женщина). На службе у частных лиц (прислуга, поденщики) состояло 11 мужчин и 10 женщин.

Среди чехов, занятых в культурной сфере, доминировали музыканты и артисты. Они работали в придворных, военных и прочих оркестрах, театрах, преподавали музыку в консерватории и других учебных заведениях. Некоторые из них сыграли выдающуюся роль в развитии российского музыкального и театрального искусства (Э. Ф. Направник, О. О. Палечек, В. И. Главач и др.) [6, с. 20–30].

Чешские педагоги были представлены преимущественно учителями древних языков, которых в массовом порядке приглашало на службу российское министерство народного просвещения в конце 1860-х – начале 1880-х гг. Все они в течение нескольких месяцев, а иногда и лет, проходили переподготовку в специально созданном в Петербурге Институте славянских стипендиатов, а уже затем получали назначение в гимназии. Всего через этот институт прошло более сотни чешских педагогов [7].

Непосредственно в петербургских гимназиях и прогимназиях в разное время работало полтора десятка «славянских стипендиатов» из числа чехов. Трое из них со временем дослужились до директорских должностей в столичных гимназиях (И. Ф. Шрамек, И. Ф. Фарник и И. В. Седлатый), несколько человек были назначены директорами гимназий в провинции [7]. И. А. Шебор стал профессором столичного Историко-филологического института. В 1900-е гг. российские средние учебные заведения, в том числе столичные, стали массово приглашать чешских учителей сокольской гимнастики [6, с. 116–117].

Занятые в сфере государственного управления чехи служили в многочисленных столичных учреждениях. Так, значительные должности в ведомстве государственного контроля занимал В. Шрут, в экспедиции по заготовлению государственных бумаг – Г. Франк, в управлении Петербургского учебного округа – Ф. Зборил и т. д. [1, с. 205, 552, 660; 2, с. 14].

Материальное положение петербургских чехов было разным. Лучшие позиции по сравнению с другими занимали предприниматели и высококвалифицированные специалисты. В целом, это положение было вполне благоприятным, на что указывают как долгие сроки проживания иммигрантов в столице, так и постоянный рост численности диаспоры.

Для помощи недостаточно обеспеченным членам общины и новым иммигрантам в 1877 г. в Петербурге было создано Чешское вспомогательное (благотворительное) общество. Со временем она стало центром жизни иммигрантской общины, и помимо своих основных задач, выполняла другие функции: организовала праздники и концерты, подыскивала желающим иммигрировать места для трудоустройства и т. д. Общество благополучно просуществовало вплоть до Первой мировой войны. Если в первые годы существования его членами были несколько десятков человек, то в 1914 г. их число достигло трех сотен [3].

Об успешной адаптации и интеграции иммигрантов в России свидетельствовали факты смены их первоначального подданства на российское. Процент российских подданных среди петербургских чехов рос постепенно. В 1869 г. он равнялся лишь 13 % [8, с. 124–127]. В 1897 г.

в группе «остальных славян», половину из которых составляли чехи, российскими подданными были уже 23% [4, с. 232-233].

Процесс перемены подданства, однако, тормозили жесткие российские законы: от претендентов требовался 5-летний срок проживания в стране, полицейское свидетельство о «благонадежности» и т.д. В то же время, правовое положение иностранцев в России в то время было вполне благоприятным, и особо не отличалось в социально-экономической и гражданско-правовой сферах от положения собственно российских подданных. Поэтому многие чехи десятилетия проживали в нашей стране, не меняя подданства. В массовом порядке они стали делать это уже после начала Первой мировой войны, чтобы выйти из-под действия репрессивных законов, введенных российским правительством против подданных «враждебных держав».

После перемены подданства иммигранты причислялись к одному из сословий российского общества (иностранцы представляли собой как бы особое сословие). По данным переписи 1897 г., группа «остальных славян» в Петербурге, наполовину состоявшая из чехов, имела следующую сословную структуру: 76,9 % составляли иностранные подданные, 9,6 % – дворяне и приравненные к ним чиновники (они почти поровну делились на потомственных дворян и личных дворян с приравненными к ним чиновниками), 5,7 % – мещане, 2,2 % – крестьяне, 2,2 % – почетные граждане, 2% – купцы, 1,4% – прочие [4, с. 232–233].

Данные цифры свидетельствуют о том, что принимать российское подданство были более склонны те иммигранты, которые затем рассчитывали войти в состав привилегированных сословий. Переход же собственно в мещанство переселенцам мало что давал по сравнению со статусом иностранного подданного. Обращает также на себя внимание высокий процент дворян среди иммигрантов. В основном, они получили дворянство путем службы, достигнув определенных чинов, или будучи награжденными орденами (чины и ордена тогда получали не только чиновники и офицеры, но и штатные работники государственных учреждений, в том числе образовательных и культурных).

По своей конфессиональной принадлежности подавляющее большинство осевших в России чехов были католиками, меньшинство – протестантами. Со временем часть из них перешла в православие, что также можно считать свиде-

тельством успешной адаптации и интеграции. Процент католиков среди петербургских чехов постепенно сокращался. В 1869 г. он достигал 92 %, в 1881–1900 гг. составлял 86–89 %, а в 1910 г. упал до 81 %. Доля протестантов колебалась: в 1869 г. она составляла 8 %, в 1881–1900 гг. – 4–5 %, в 1910 г. – 11 %. В 1869 г. православных среди петербургских чехов не было вообще, в 1881 г. их было 14 человек (6 %), в 1890 г. – 21 (10 %), в 1900 г. – 26 (7 %), в 1910 г. – 33 (6 %) [5, с. 266–269; 8, с. 124–127; 9, с. 253; 10, с. 78–79; 11, с. 152–159]. Таким образом, хотя весь период количество православных чехов в Петербурге выросло в два с лишним раза, но их удельный вес в составе диаспоры изменился не сильно.

Чехи были одним из самых образованных народов Австро-Венгрии, и выделялись в этом плане в России еще больше. Неграмотных среди петербургских чехов, как мужчин, так и женщин, были лишь единицы (4–8 % по данным городских переписей). Всеобщая перепись 1897 г. зафиксировала, что в Петербурге в группе «остальных славян» треть получили образование выше начального (222 мужчины и 4 женщины) [4, с. 90–91], и подавляющее большинство здесь составляли как раз чехи. В целом же среди жителей столицы в то время таким образованием могли похвастаться лишь несколько процентов.

Таким образом, в последней трети XIX в. в результате массовой иммиграции в Петербурге сформировалась чешская диаспора, насчитывавшая несколько сотен человек. В начале XX в. ее рост продолжался вплоть до начала Первой мировой войны. Диаспора состояла, главным образом, из мужчин и женщин трудоспособного возраста, шире всего в ней были представлены молодые мужчины.

Чешские иммигранты приезжали в Петербург, главным образом, с целью трудоустройства, иногда для открытия собственного дела, порой присоединялись к переехавшим ранее родственникам. Они выступали преимущественно в качестве квалифицированных специалистов и работников, и были заняты на промышленных и ремесленных предприятиях, а также в торговле, культурной и образовательной сферах. Адаптация и интеграция переселенцев в российской столице протекала, в основном, успешно, о чем свидетельствовал постоянный характер проживания большинства из них на новом месте, а также распространенная практика принятия ими российского подданства и православия.

Источники и литература

1. Весь Петербург: Адресная и справочная книга г. Санкт-Петербурга на 1898 год. СПб.: Издание А. С. Суворина, 1898. 750 с.
2. Отчет чешского вспомогательного общества в С.-Петербурге за 1897 и 1898 гг. СПб.: Типография СПб. Т-ва печ. изд. дела «Труд», 1899. 15 с.
3. Отчет чешского вспомогательного общества в Петрограде за 1913 и 1914 год. Пг.: Типография «Научное дело», 1915. 65 с.

4. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. XXXVII. Город С.-Петербург. Тетрадь 2. СПб.: Типография Т-ва худож. печати, 1903. 261 с.
5. Петроград по переписи населения 15 декабря 1910 г. Население. Ч. I. Пг.: Городская типография, б.г. 339 с.
6. Порочкина И. М., Инов И. В. Чехи в Санкт-Петербурге, 1703-2003. СПб.: Глобус, 2003. 158 с.
7. Российский государственный исторический архив. Ф. 733. Оп. 169. Д. 230. Л. 1-36.
8. Санкт-Петербург по переписи 10 декабря 1869 г. Вып. 1. СПб.: Типография министерства внутренних дел, 1872. 127 с.
9. С.-Петербург по переписи 15 декабря 1881 г. Т. 1. Население. Ч. 1. СПб.: Типо-литография А. Перотт, 1883. 255 с.
10. С.-Петербург по переписи 15 декабря 1890 года. Ч. 1. Население. Вып. 1. СПб.: Типография Шредера, 1891. 387 с.
11. С.-Петербург по переписи 15 декабря 1900 года. Население. Вып. 1. СПб.: Типография Шредера, 1903. 201 с.
12. Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (далее – ЦГИА СПб). Ф. 19. Оп. 126. Д. 200. Л. 25.
13. ЦГИА СПб. Ф. 347. Оп. 1. Д. 92.
14. ЦГИА СПб. Ф. 347. Оп. 1. Д. 133.
15. Юхнева Н. В. Этнический состав и этносоциальная структура населения Петербурга. Вторая половина XIX – начало XX века. Статистический анализ. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1984. 223 с.

References

1. Ves' Peterburg: Adresnaya i spravoch'naya kniga g. Sankt-Peterburga na 1898 god (All Petersburg: Address and reference book of St. Petersburg for 1898). St. Petersburg: A.S. Suvorin, 1898. 750 p. (In Russian).
2. Otchet cheshskogo vspomogatel'nogo obshchestva v S.-Peterburge za 1897 i 1898 gg. (Report of the Czech charitable society in St. Petersburg for 1897 and 1898). St. Petersburg: Trud, 1899. 15 p. (In Russian).
3. Otchet cheshskogo vspomogatel'nogo obshchestva v Petrograde za 1913 i 1914 god (Report of the Czech charitable society in Petrograd for 1913 and 1914). Petrograd: Nauchnoe delo, 1915. 65 p. (In Russian).
4. Pervaya vseobshchaya perepis' naseleniya Rossiiskoi imperii 1897 g. (The first general census of the population of the Russian Empire in 1897). Vol. XXXVII. S.-Peterburg city. Part 2. St. Petersburg: Printed House Partnership of art print, 1903. 261 p. (In Russian).
5. Petrograd po perepisi naseleniya 15 dekabrya 1910 g. Naselenie (Petrograd according to the census of December 15, 1910. Population). Vol. 1. Petrograd: City Printed House, 339 p. (In Russian).
6. Porochkina I.M., Inov I.V. Chekhi v Sankt-Peterburge, 1703-2003 (Czechs in St. Petersburg, 1703-2003). St. Petersburg: Globus, 2003. 158 p. (In Russian).
7. Russian State Historical Archives (RGIA). F. 733. Inv. 169. D. 230. (In Russian).
8. Sankt-Peterburg po perepisi 10 dekabrya 1869 g. (St. Petersburg according to the census of December 10, 1869). Vol. 1. St. Petersburg: Tipografiya ministerstva vnutrennikh del, 1872. 127 p. (In Russian).
9. S.-Peterburg po perepisi 15 dekabrya 1881 g. (St. Petersburg according to the census of December 15, 1881). Vol. 1. Population. Part 1. St. Petersburg: A. Perott, 1883. 255 p. (In Russian).
10. S.-Peterburg po perepisi 15 dekabrya 1890 goda (St. Petersburg according to the census of December 15, 1890). Vol. 1. Population. Part. 1. St. Petersburg: Shreder's printed house, 1891. 387 p. (In Russian).
11. S.-Peterburg po perepisi 15 dekabrya 1900 goda. Naselenie. (St. Petersburg according to the census of December 15, 1900. Population). Vol. 1. St. Petersburg: Shreder's printed house, 1903. 201 p. (In Russian).
12. Central State Historical Archive of St. Petersburg (TsGIA SPb.). F. 19. Inv. 126. D. 200. (In Russian).
13. Central State Historical Archive of St. Petersburg (TsGIA SPb.). F. 347. Inv. 1. D. 92. (In Russian).
14. Central State Historical Archive of St. Petersburg (TsGIA SPb.). F. 347. Inv. 1. D. 133. (In Russian).
15. Yukhneva N.V. Etnicheskii sostav i etnosotsial'naya struktura naseleniya Peterburga. Vtoraya polovina 19 – nachalo 20 veka. Statisticheskii analiz (Ethnic composition and ethnosocial structure of the population of St. Petersburg. Second half of the 19th - early 20th century. Statistical analysis). Leningrad: Nauka, Leningradskoe otd-nie, 1984. 223 p. (In Russian).

Информация об авторе

Птицын Андрей Николаевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры зарубежной истории, политологии и международных отношений Гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / ptiandr@gmail.com

Information about the author

Ptitsyn Andrey – PhD in History, Associate Professor, Chair of Foreign History, Political Science and Foreign Affairs, Institute of Humanities, North-Caucasus Federal University (Stavropol) / ptiandr@gmail.com

УДК 94(47).084.8
DOI 10.37493/2409-1030.2021.2.10

И. М. Фургалев

ЗАГРАНИЧНАЯ ДЕЛЕГАЦИЯ РСДРП И ЕЕ РОЛЬ В ПОПЫТКАХ ОБЪЕДИНЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ЭМИГРАЦИИ В ПОСЛЕВОЕННЫЙ ПЕРИОД (1945–1951 гг.)

Данная статья посвящена малоизученному в отечественной и зарубежной историографии эпизоду истории российских социал-демократов в эмиграции – участию Заграничной Делегации РСДРП в попытках создания единого центра русской эмиграции в первые послевоенные годы (1945–1951 гг.). На основании протоколов заседаний Заграничной Делегации и материалов периодической печати автором дается анализ дискуссии, которая велась меньшевиками по вопросу их участия в таком объединении. Особое внимание в работе автор акцентирует на дискуссии между меньшевиками из состава Заграничной Делегации о «невозвращенцах» и бывших «власовцах», составлявших значительную часть второй волны эмиграции. Дается детальный

анализ взглядов членов Заграничной Делегации на эту часть эмиграции, рассматриваются разногласия, возникшие внутри Заграничной Делегации по вопросу о совместном с бывшими «власовцами» и «невозвращенцами» участии в работе эмигрантских организаций. В рамках статьи раскрывается, как данная дискуссия отразила существовавшие в среде меньшевиков разногласия по вопросам дальнейшей тактики борьбы за установление демократического режима в СССР и какую роль данные противоречия сыграли в итоговом самороспуске Заграничной Делегации.

Ключевые слова: заграничная делегация, эмиграция, холодная война, «власовцы», «Социалистический вестник».

Ivan Furgalev

THE FOREIGN DELEGATION OF THE RSDLP AND ITS ROLE IN ATTEMPTS TO UNITE THE RUSSIAN EMIGRATION IN THE POSTWAR PERIOD (1945-1951)

This article is devoted to an episode in the history of Russian Social Democrats in emigration, little studied in domestic and foreign historiography – the participation of the Foreign Delegation of the RSDLP in attempts to create a single center for Russian emigration in the early post-war years (1945-1951). On the basis of the minutes of the meetings of the Foreign Delegation and materials from the periodicals, the author analyzes the discussion that the Mensheviks had on their participation in such an association. The author focuses special attention on the work on the discussions between the Mensheviks from the Foreign Delegation about the «defectors» and the former «Vlasovites» who made up a significant part of the second

wave of emigration. A detailed analysis of the views of the members of the Foreign Delegation on this part of the emigration is given, the disagreements that arose within the Foreign Delegation on the issue of joint participation with the former «Vlasovites» and «defectors» in the work of emigrant organizations are considered. The article reveals how this discussion reflected the disagreements that existed among the Mensheviks on the further tactics of the struggle for the establishment of a democratic regime in the USSR and what role these contradictions played in the final self-dissolution of the Foreign Delegation.

Key words: foreign delegation, emigration, Cold War, «vlasovtsy», «Sotsialisticheskii vestnik».

Завершение Второй мировой войны и начавшаяся Холодная война ознаменовали начало нового этапа в деятельности членов Заграничной делегации (ЗД) РСДРП. В первую очередь это было связано с новой волной эмиграции, состоявшей преимущественно из «невозвращенцев» – бывших военнопленных, «остарбайтеров» и бывших «власовцев», не вернувшихся в Советскую Россию. Данное поколение эмигрантов формировалось в условиях, принципиально отличавшихся от тех, в которых прошла «политическая юность» участников Заграничной делегации РСДРП. На данном этапе происходило формирование ряда эмигрантских организаций, включавших в себя представителей разных волн эмиграции, которых, однако объединяло неприятие большевизма, при одновременном различии представлений о будущем России.

Вторым важным событием, оказавшем влияние на деятельность Заграничной Делегации РСДРП, стало начало Холодной войны и противостояние СССР и США, и их союзников. В данных условиях, руководители США были заинтересованы в консолидации русской эмиграции на базе антикоммунистических взглядов. В конце 40-х – начале 50-х гг. было предпринято несколько попыток такого объединения. В данном контексте роль Заграничной Делегации представляет, на наш взгляд, особый интерес. Представители Заграничной Делегации РСДРП традиционно мыслили себя частью общеевропейского социализма и в довоенный период принимали активное участие в деятельности социалистических организаций, в первую очередь Рабочего Социалистического интернационала (РСИ). Однако в послевоенный период Заграничная Делегация, переместившись

в США, оказалась оторвана от поддержки социал-демократических партий и организаций, которой она пользовалась в довоенный период [1, р. 247]. На данном этапе своего существования, ЗД предстояло взаимодействовать с такими эмигрантскими организациями, члены которых разделяли политические взгляды, значительно отличавшиеся от тех, носителями которых было большинство членов Заграничной Делегации.

После завершения Второй мировой войны взаимодействие Заграничной Делегации с представителями новой волны русской эмиграции выражалось главным образом в оказании помощи «невозвращенцам» - эмигрантам, которые по тем или иным причинам не имели возможности вернуться в Советский Союз. Впервые этот вопрос был поставлен на заседании ЗД РСДРП, состоявшемся 2 января 1946 г. и практически не вызвавшем разногласий среди членов делегации. Вместе с тем, по мере возрастания числа эмигрантов, прибывавших с США, стали увеличиваться и противоречия внутри Заграничной Делегации по вопросу о дальнейшем взаимодействии с ними. И наиболее остро данный вопрос стоял в отношении т. н. «власовцев».

Впервые об отношении к власовской части эмиграции упоминается в контексте заседания комиссии Заграничной Делегации по урегулированию конфликта между двумя участниками ЗД – С. М. Шварцем и Б. И. Николаевским. В ходе конфликта, произошедшего на заседании ЗД 8 января 1947 г., С. В. Шварц обратил внимание на то, что некоторые статьи, предлагаемые к печати в «Социалистическом Вестнике» «отдают власовским духом». В этом заявлении Б. И. Николаевский усмотрел попытку обвинить его в том, что он пытается дать место на страницах Социалистического Вестника «элементам власовской идеологии» [4, с. 226–227].

Данный конфликт отразил разногласия, возникшие у представителей Заграничной Делегации, по вопросу отношения к бывшим «власовцам», составивших значительную часть новой волны эмиграции. Так, Б. И. Николаевский указывал на возможность сотрудничества с ними, мотивируя это тем, что многие из них стремились в первую очередь к свержению большевизма в Советском Союзе и пособничество А. Гитлеру не было их основной целью. В противоречие ему, С. В. Шварц полагал, что Заграничная Делегация не должна каким-либо образом связывать себя с «власовцами», указав на существовавшие в их среде в годы войны пораженческие тенденции и их связь с нацистами. Несмотря на то, что данный конфликт был в итоге улажен, он положил начало долгой дискуссии внутри Заграничной Делегации об отношении к бывшим «власовцам».

Дальнейшее нарастание разногласий внутри Заграничной Делегации по вопросу взаимодействия с другими эмигрантскими организациями

приходится на начало 1948 года, когда в среде эмигрантов стали нарастать тенденции к объединению. 13 января 1948 г. на заседании ЗД со стороны Б. И. Николаевского поступило предложение о создании центра демократической эмиграции, который должна была бы возглавить Заграничная Делегация. Такой центр, по его мнению, должен был выполнять определенные политические функции, и выступать в качестве представителя русской эмиграции в целом. Вновь поднимая вопрос об отношении власовцам Б. И. Николаевский, согласился с тем, что этот вопрос не следовало включать в платформу центра, мотивируя тем, что многие политически активные элементы новой эмиграции так или иначе были вовлечены в коллаборационизм в годы войны, поэтому не следовало акцентировать на этом внимание. Позицию Николаевского поддержали в первую очередь Д. Ю. Далин и Р. А. Абрамович, в то время как С. М. Шварц, Б. Л. Гуревич и Г. Я. Аронсон считали необходимым включение в платформу такого центра положение о власовцах, поскольку, по их мнению, демократический центр эмиграции не должен был связывать с собой с профашистскими элементами. Вместе с тем, Д. Ю. Далин указывал на то, что демократическое направление эмиграции, к он относил и Заграничную Делегацию, должно привлечь на свою сторону которому активных представителей новой эмиграции, и любое упоминание об их прошлом могло оттолкнуть их в сторону правой части русской эмиграции [4, с. 252–253]. Итогом данной дискуссии стало принятие принципа «нейтралитета» в отношении «власовцев» который позволял членам Заграничной Делегации взаимодействовать с ними в рамках работы Лиги борьбы за народную свободу. Кроме того, принцип «нейтралитета» предполагал отказ от публикации на страницах «Социалистического Вестника» статей, которые содержали какую-либо оценку прошлого «власовцев» с моральной и политической точки зрения». Однако, данное решение не прекратило дискуссию о «власовцах» внутри Заграничной Делегации.

Говоря о попытках объединения российской эмиграции и участия в них Заграничной Делегации РСДРП, необходимо также отметить и то, что немалую роль в активизации деятельности Заграничной Делегации в данном направлении, на наш взгляд, сыграл разрыв Заграничной Делегации с социалистическими партиями Восточной Европы, которые оказались в советской сфере влияния. Несмотря на то, что Заграничная Делегация продолжала поддерживать контакты с бывшими участниками Рабочего социалистического интернационала, в целом минимизация контактов с социалистическими организациями вынудила Заграничную Делегацию акцентировать внимание на налаживании контактов с представителями новой волны эмиграции.

Еще одним важным фактором, способствовавшим тому, что Заграничная Делегация стала уделять большее внимание налаживанию контактов с другими эмигрантскими организациями, стала поддержка ее со стороны американских правительственных организаций и частных лиц. Наиболее активно велась поддержка редакции «Социалистического Вестника», который являлся авторитетным изданием как в среде российских эмигрантов, так и среди европейских социалистов. Так, именно в декабре 1947 г. создатель так называемого Фонда вольной русской прессы М.М. Карпович предложил Заграничной Делегации сотрудничество в сфере периодической печати, которое предусматривало материальную поддержку «Социалистического Вестника». Интерес, проявленный со стороны американских правительственных организаций к ЗД, был не случаен. Члены ЗД были одними из наиболее последовательных критиков Советского союза в среде русской эмиграции. С момента своего прибытия в США они призывали к решительным действиям против СССР на международной арене, полагая, что имперская политика Советского союза не оставляет места для компромисса и взаимного сосуществования с ним [7, р. 249], что нашло отражение и на страницах «Социалистического вестника». Характерным примером такой позиции ЗД в отношении СССР является статья «Бег на месте», вышедшая в сентябрьском номере «Социалистического вестника» в 1947 году, под авторством Р. Абрамовича. Анализируя работу Совета Безопасности ООН, Абрамович указывал на то, что в руках Советского союза, право вето стало «инструментом саботажа мира и увековечивания хаоса на земле», фактически парализовав работу ООН [6, с. 158]. Столь решительная позиция членов ЗД также вселяла и в ряд американских политиков уверенность в том, что можно объединить различные организации российской эмиграции на базе антибольшевизма, преодолев при этом их фундаментальные политические разногласия.

Таким образом, к 1949 году сложились основные предпосылки для участия Заграничной Делегации в Лиге Борьбы за народную свободу – организации, в состав которой должны были войти представители различных направлений российской эмиграции. Для Заграничной Делегации, которую в Лиге представлял Б.И. Николаевский, одним из наиболее острых вопросов оставалось участие в работе Лиги бывших «власовцев». Несмотря на то, что члены Заграничной Делегации, как было указано нами выше, допускали свое совместное с «власовцами» участие в работе Лиги борьбы за народную свободу, они продолжили начатую ранее дискуссию о резолюции по «власовцам». На наш взгляд, данная дискуссия отразила фундаментальное противоречие, су-

ществовавшее внутри Заграничной Делегации относительно второй волны эмиграции. С одной стороны, члены ЗД стремились принимать максимально активное участие в политической жизни русского зарубежья и к объединению антибольшевистских сил русской эмиграции. Вместе с тем, они опасались и того, что взаимодействие с бывшими «власовцами» дискредитирует Заграничную Делегацию. Разногласия по этому вопросу не прекращались в течение всей дальнейшей работы Лиги и, как будет показано в дальнейшем, сыграли существенную роль в расколе и окончательном распаде Заграничной Делегации.

Одна из первых попыток объединения российской эмиграции, участие в которой принимали, и представители ЗД РСДРП, состоялась в январе 1951 года, когда по инициативе Американского комитета по освобождению народов России, в городе Фюссен состоялась конференция нескольких эмигрантских организаций, результатом которой должно было стать создание единого фронта борьбы против большевизма. При этом на саму конференцию были приглашены организации, придерживавшиеся самых различных политических взглядов – Лига Борьбы за народную свободу, участие в работе которой принимали и члены ЗД, Национально-трудовой союз российских солидаристов и Союз борьбы за освобождение народов России, который состоял из бывших участников власовского движения

Главным камнем преткновения в ходе начавшегося обсуждения стал национальный вопрос. Все участники были согласны с утверждением принципа равенства в правах всех народов России, однако итоговая формулировка данного принципа стала предметом бурных дебатов. Так, Лига борьбы за народную свободу, Союз борьбы за освобождение народов России и Союз борьбы за свободную Россию настаивали на формировании свободного содружества народов России. Данная формулировка вызывала протесты представителей Национально-трудового союза («солидаристов»), полагавших что ее необходимо дополнить тезисом о единстве российского государства, для предотвращения распада Советской России по национальному признаку [1, с. 262]. В итоге «солидаристы» покинули конференцию в следствие острого несогласия по национальному вопросу. Впрочем, как отмечалось на состоявшемся 30 января 1951 г. заседании ЗД по данному вопросу, американцы не рассчитывали на дальнейшее участие «солидаристов» и надеялись на то, что они «выпадут» в ходе обсуждения национального вопроса [4, с. 368–369].

Дальнейшее участие представителей ЗД РСДРП в попытках объединения российской эмиграции связано с совещанием в Штутгарте, состоявшемся в августе 1951 г. Изначальный проект образования единого Совета по освобождению

народов России предполагал следующую схему: от пяти организаций, составлявших ядро объединения (Лига Борьбы за народную свободу, Национально-трудовой союз, Российское народное движение (под руководством А. Ф. Керенского), Союз борьбы за освобождение народов России, Союз борьбы за свободную Россию), по 4 человека; от других эмигрантских организаций, поддерживавших политическую платформу Совета освобождения народов России, до 20 человек; в таком же количестве персональные приглашенные независимо от их национальности: представители общественности, военных кругов, казачества и видные деятели культуры, разделяющие платформу Совета освобождения народов России. Главным достижением представителей ЗД РСДРП на данном собрании, стало решение пригласить в совет представителей национальностей, входящих в состав СССР. Данное решение, принятое в рамках Нью-Йоркской группы РСДРП вместе с тем имело и значительные последствия для самой Заграничной Делегации, так как еще больше усилило ее внутренний раскол, выразившийся в совместном заявлении Б. Двинова, Г. Аронсона и Б. Сапира от 5 ноября 1951 г. По их мнению, данное решение дискредитировало Заграничную Делегацию, связав ее с профашистскими и тоталитарными политическими течениями, предав

при этом принцип «нейтралитета» в отношении власовцев, который позволял меньшевикам принимать участие в работе Лиги Борьбы за народную свободу [4, с. 372-373]. В итоге, это событие сыграло важную роль в окончательном распаде Заграничной Делегации РСДРП.

Таким образом, Заграничная Делегация РСДРП сыграла заметную роль на первоначальном этапе становления российской эмиграции в условиях начавшейся холодной войны. При этом члены Заграничной Делегации сыграли заметную роль в демократизации взглядов русской эмиграции на данном этапе. Несмотря на то, что внутри Заграничной Делегации существовали различные взгляды на «власовцев» и их место в политической жизни русского зарубежья, в целом Заграничной Делегации удалось сохранить свою приверженность концепции демократического социализма, что вызарилось в их отказе от совместной работы с бывшими «власовцами», которых большинство членов ЗД считали профашистскими и антидемократическими элементами русской эмиграции. Вместе с тем, фундаментальные противоречия, существовавшие как внутри самой Делегации, так и в отношениях с другими эмигрантскими объединениями сыграли определенную роль в ее итоговом самороспуске.

Источники и литература

1. Антошин А. В. Российские эмигранты в условиях «холодной войны». Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2008. 659 с.
2. Базанов П. Н. «Лига борьбы за народную свободу»: политическая и издательская деятельность // История российского зарубежья. Эмиграция из СССР-России, 1941 -2001. М.: Институт российской истории РАН, 2007. С. 159-171.
3. Горидько М. И. Проблема природы и противоречий национальных отношений в творческом наследии мыслителей Русского зарубежья (20-40-е гг. XX в.): автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 2000. 27 с.
4. Меньшевики в эмиграции. Протоколы Заграничной делегации РСДРП. 1922-1951 гг. в 2 ч. Ч.2. М.: РОССПЭН, 2010. 526 с.
5. Попов А. В. Мюнхенский институт по изучению истории и культуры СССР и «вторая волна» эмиграции // Новый исторический вестник. 2004. №10. С.54—71
6. Социалистический вестник. 1947 № 9.
7. Andre Liebich. Mensheviks Wage the Cold War // Journal of Contemporary History. 1995. Vol. 30. No. 2. P. 247–264.

References

1. Antoshin A. V. Rossijskie emigranty v usloviyah «holodnoj vojny» (Russian immigrants during the Cold War). Ekaterinburg: USU publ., 2008. 659 p. (In Russian).
2. Bazanov P. N. «Liga bor'by za-narodnuyu svobodu»: politicheskaya i izdatel'skaya deyatel'nost' (League of struggle for people's freedom: political and publishing activities) // Istoriya rossijskogo zarubezh'ya. Emigraciya iz SSSR-Rossii, 1941–2001. Moscow.: IRH of SA publ., 2007. P. 159-171. (In Russian).
3. Gorid'ko M.I. Problema prirody i protivorechij nacional'nyh otnoshenij v tvorcheskom nasledii myslitelej Russkogo zarubezh'ya (20-40-e gg. XX v.) (The problem of the nature and contradictions of national relations in the creative heritage of the thinkers of the Russian Diaspora): abstract of thesis. Moscow, 2000. 27 p. (In Russian).
4. Men'sheviki v emigracii. Protokoly Zagranichnoj delegacii RSDRP. 1922-1951 gg. In 2 Parts. Part.2. (Mensheviks in exile: Minutes of the Foreign Delegation of the RSDLP). Moscow: ROSSPEN, 2010. 526 p. (In Russian).
5. Popov A.V. Myunhenskiy institut po izucheniyu istorii i kul'tury SSSR i «vtoraya volna» emigracii (Munich Institute for the Study of History and Culture of the USSR and the second wave of emigration) // Novyj istoricheskij vestnik. 2004. No. 10. P. 54–71. (In Russian).
6. Socialisticheskij vestnik. 1947. No. 9. (In Russian).
7. Andre Liebich. Mensheviks Wage the Cold War // Journal of Contemporary History. 1995. Vol. 30. No. 2. P. 247–264. (In Russian).

Сведения об авторе

Фургалев Иван Михайлович – аспирант кафедры отечественной истории XX–XXI веков института истории и международных отношений) Южного федерального университета (Ростов-на-Дону) / furgalevivan@mail.ru

Information about author

Furgalev Ivan Mikhailovich – post-graduate student, Chair of Russian History of the XX–XXI Centuries, Institute of History and International Relations, Southern Federal University (Rostov on Don) / furgalevivan@mail.ru

УДК 947(470.6)
DOI 10.37493/2409-1030.2021.2.11

Д. С. Ткаченко

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ И СЕВЕРО-ВОСТОЧНЫЙ КАВКАЗ В ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ ПРАКТИКАХ Г. С. ГОРДЕЕВА (20–30 гг. XIX в.)¹

Статья посвящена изучению начального этапа становления российского Кавказоведения и этнографических описаний в регионе на примере деятельности Г. С. Гордеева. В ней показана эволюция научных интересов и исследовательских практик типичного представителя военно-разведывательного изучения Кавказа, принадлежащего к сословию мелкопоместных и незнатных дворян, строивших свою карьеру на гражданской и военной службе в Закавказье.

Основываясь на архивных источниках, опубликованных работах исследователя и материалах периодических изданий XIX в. автор показывает вклад Г. С. Гордеева в составление этнографических описаний осетин, хевсуров, тушин и отчасти, народов нагорной полосы Дагестана, а также изучения региона с точки зрения военной топографии. В статье показана связь географического и этнографического изучения Кавказа с военными и политическими требованиями имперских властей, которая определяла, как направления сбора материала военным разведчиком, так и тональность его публикаций.

Материалы, собираемые Г.С. Гордеевым для руководства Кавказского корпуса, показывают то, как по мере интеллектуального освоения региона изменялся взгляд на проживающие в нем народы от их романтического восприятия до попыток выработки научных подходов к описаниям этнических реалий.

Статья также фокусирует внимание на том, что в научном наследии Г.С. Гордеева можно проследить и основные идеи формирующегося в Российской империи ориентализма: представление о цивилизационной отсталости жителей региона, повышенный интерес к их древней истории и этнокультурным традициям, тезис о первичности на Кавказе Христианства по сравнению с Исламом.

Автор приходит к выводу, что весь жизненный путь Г. С. Гордеева, погибшего в ходе одной из своих разведывательных миссий в Нагорном Дагестане, был посвящен целям интеллектуального освоения Кавказа и включению региона в состав Российской империи.

Ключевые слова: Кавказоведение, этнография Кавказа, Осетия, Хевсурия, Нагорный Дагестан, Авария, военно-статистические описания, интеллектуальное освоение Кавказа, Отдельный кавказский корпус.

Dmitry Tkachenko

CENTRAL AND NORTH-EASTERN CAUCASUS IN THE EXPLORATIONS OF G. S. GORDEEV (1820–1830s)

The paper explores the ethnography and region studies foundation in the Caucasus in the case of G.S. Gordeev. It shows the evaluation of choosing the scientific plot and practical activities of a typical representative of the military survey branch of the Caucasus studies. Gordeev belonged to the sort of a common nobleman who made his career via military and civil service in Transcaucasia.

Based on the archive primary sources, published papers of the investigator and a lot his articles taken from the periodical newspapers of the early XIX c. the author shows the input of G.S. Gordeev into the foundation of the ethnographical descriptions of the Ossetians, Chevsurians, Tushines and people of the Highland Dagestan together with studying of the region from the point of military topography. The paper emphasises the genuine unity of geographical and ethnographical studies with the military and political demands of the Imperial power that structured the direction

of collecting data by the researcher. The materials collected by Gordeev for the commanding staff of the Caucasus either show some evaluation of the insight on Caucasus people from Romanticism to serious scientific studies.

The article highlights that at the case of Gordeev's scientific heritage one can see the base ideas of the Orientalism: the statements of the Caucasus people backwardness, the urge to study ancient history and ethnic cultural traditions together with the idea of the Christian religious priority against the Islam in the Caucasus.

The author concludes that the whole life of Gordeev, killed in his final scout expedition in the Highland Dagestan, was dedicated to the intellectual exploration of the Caucasus and its inclusion into the Russian Empire.

Key words: Caucasus studies, Caucasus ethnography, Ossetia, Chevsuria, Highland Dagestan, Avaria, military-statistical descriptions, intellectual exploration, Caucasus military corpus.

На рубеже 20-30-х гг. XIX в. российское командование на Кавказе пришло к пониманию необходимости тщательного исследования региона для успешной организации как его военного присоединения, так и последующего освоения. Командовавшие в это время Кавказским корпу-

сом И.Ф. Паскевич, а затем Г.В. Розен стали первыми организаторами разведки неисследованных территорий, предполагая использовать для этого находившихся в их распоряжении офицеров. Деятельность некоторых из них, – таких как Г. В. Новицкий и Ф. Ф. Торнау в силу как удачного

1 Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта №19-09-00037 «Военные кавказоведы Российской империи: исторические портреты, исследовательские практики и научное наследие»

стечения обстоятельств, так и литературного таланта авторов, получила широкую известность, а описания их разведывательных миссий переиздаются и сейчас [11]. Однако, большая часть разведчиков, отправленных в горы, не была столь удачлива и участники исследовательских экспедиций, оставив в лучшем случае несколько заметок на страницах периодических изданий своего времени, выпали из сферы общественного внимания. Одним из таких людей стал Григорий Сергеевич Гордеев: военный исследователь, автор топографических и этнографических зарисовок центрального и Северо-восточного Кавказа.

Будучи выходцем из мелкопоместного, незнатного дворянства [10, Л. 218 об – 219]. Г.С. Гордеев стал типичным представителем формирующейся региональной интеллигенции, связанной с гражданской и военной службой. Его послужной список сообщает, что, получив образование в Первом Кадетском корпусе и прослужив короткое время в Польше, молодой офицер в ноябре 1817 г. был переведен в Тифлисский артиллерийский гарнизон отдельного Кавказского корпуса [10, л. 218 об – 219].

Во время поездки в Грузию Гордеев составил травелог, опубликовав позднее отрывки из него в виде литературного очерка [10]. Свои описания Кавказа автор начал с Моздока, который в первые десятилетия XIX в. являлся обыкновенным уездным городом [7, №18, с. 4]. О военном прошлом напоминали только остатки земляного вала, которые «приходили к совершенному разрушению, но по банкету его находится еще несколько пушек на старых и гнилых крепостных лафетах, которые стреляют через крону бруствера» [7, №18, с. 4], – писал он.

Очерк Гордеева не выделяется на фоне путевых заметок других путешественников, но интересен тем, что описывает участок пути по Военно-грузинской дороге до его переноса на правый берег Терека. Как и многие другие проезжавшие по Кавказскому приграничью Гордеев «чувствовал, что движется по границе между двумя мирами» [13, р. 5] и неудивительно, что он воспринял переправу через реку Терек как переход через границу известного для европейцев мира. «Волновавшаяся передо мной река, – писал он. – представлялась мне адским Стиксом, а устроенный на ней паром страшной ладьей Харонта» [7, №18, с. 4].

Чувство постоянной военной опасности передано в описаниях как самой дороги, проходившей по предгорьям, так и военных постов, превращенных в путевые станции. На одном из них, автор переждал налет горской партии, который вызвал переполох среди ехавших вместе с ним в Грузию гражданских чиновников [7, №19, с. 4]. Он дает детальное описание пути от Александровского редута до Владикавказа, сочетая в травелоге восхищение от вида кавказской горной цепи со

страхом попасть в плен к жителям этих мест и уделяя особое внимание опасным участкам дороги [7, №20, с. 3]. Описания Гордеева согласуются с впечатлениями других путешественников, которые в 1820 – 1830 гг. проезжали по этим же местам [14, р. 54].

Уже в своем первом кавказском произведении Гордеев проявлял интерес к этнографии местных жителей. Он приводит историю переселения осетин в район Владикавказской крепости, пытается дать характеристику старшин и ведущих фамилий. Круг информации, приводимой Гордеевым и оценки действиям России, не выходили рамки официальных. «Через основание Владикавказской крепости сохраняется твердое сообщение России с Грузией и смирятся буйство многих племен Кавказа. Они, познав благотворное наше могущество, начинают верить междуособные свои распри суду Владикавказского коменданта и год от года привыкают уважать власть его» [7, №20, с.4], – писал автор.

В целом, травелог Гордеева является одним из примеров романтического представления о Кавказе. «Трудно выразить впечатление, которое ощущает Русский проходя в первый раз Кавказские горы, – писал автор. – Он вступает в ущелья как во врата нового, неизвестного ему мира. Изумленному взору его представляется все новое, все величественное и поразительное, – но чудное» [7, №22, с.3].

В рядах Кавказского корпуса, Г. С. Гордеев пробыл недолго. В 1826 г. дослужившись лишь до чина поручика, он по болезни уволился со службы [3, с.311]. Молодой человек состоял чиновником при Тифлисском военном губернаторе, затем в Казенной экспедиции, производил работы по благоустройству Тифлиса, а в 1829 г. составил финансовое и статистическое описание Тифлисского уезда. С 1829 г. Г.С. Гордеев начал сотрудничество с Тифлисскими ведомостями, где несколько лет подряд публиковал разнообразные заметки.

На Кавказе молодой чиновник стал одним из ранних российских этнографов. В 1829 г. он написал очерк: «Народные праздники Тифлиских жителей и соединенные с ними обычаи и предразсудки» [7]. В очерке была представлена как интерпретация жителями Тифлиса общехристианских праздников, так и дан подробный рассказ о колоритных религиозных традициях [7, №20, с.3]. Очерк Гордеева был составлен в ключе представлений имперской администрации об истории региона изначально связанной исключительно с распространением Христианской религии [7, №20, с.3].

Вместе с тем, в очерке Гордеева можно наблюдать и то, как научные интересы ученого-этнографа, начинали превалировать над конъюнктурной целесообразностью. Рассуждая об изначально христианской религиозности грузин и приводя

примеры гонений на христиан со стороны персидских правителей, он все же опровергает легенду о происхождении этнического названия «Грузия» (Georgia) от имени святого Георгия как ничем не обоснованную [7, №20, с.3]. Для того, чтобы понять управляемых империей людей он призывает глубже изучать сохранившиеся народные предания, считая, что только они могут раскрыть истинный характер этноса. «Народ толпами и с удовольствием внимает сим преданиям, с восхищением слушает громкий напев отечественных певцов и каждый по возможности награждает их скудными дарами, исторгнутыми мгновенным восторгом» [7, №21, с.3], – описывал он живописное сочетание христианских и более ранних традиций, которые этнограф мог наблюдать в Тифлисе во время религиозных праздников.

Помимо этнографических описаний жителей Тифлиса, Гордеев был задействован и в изучении народов центрального Кавказа. В конце 1820-х гг. он побывал в Осетии, составив довольно обширный этнографический очерк «Вероисповедания, Суеверия, обряды, правление, обычаи и нравы осетин» [2]. Несмотря на то, что труд Гордеева носил описательный характер, в нем можно проследить мотивы, ставшие позднее характерной чертой российского ориентализма на Кавказе: первостепенное значение, было уделено описанию древних христианских церквей – как сохранившихся, так и лежавших в руинах [2, 28, с.2]. Их наличие в глазах строителей империи доказывало превосходство Христианства на Кавказе и позволяло объявить Ислам более поздними напластованиями над традиционным культурным обликом жителей Центрального Кавказа. Этой же цели служил тщательный сбор информации о языческих обрядах и суевериях осетин. Автор приводит яркий рассказ о сохранившихся языческих ритуалах, совершаемых зачастую рядом со зданием церкви [2, 28, с.2], об охраняемых традициями священных рощах [2, 28, с.3] и даже архаичные обычаи, связанные с отдельными животными: кошками и собаками [2, 28, с.4]. Как и многие представители ориентализма, Гордеев считал, что некогда существовавшая высокая христианская культура была утрачена современными горцами [2, 28, с.3]. Архаичность существующих обрядов и грубость нравов местных жителей, подобные описанным в этнографических исследованиях, давали по мнению имперской администрации, России полное право внести в регион основы цивилизации и гражданского порядка. Судя по тону своих очерков, Гордеев целиком разделял эти взгляды.

В июне-августе 1830 г. он принял участие в военной экспедиции генерал-майора Ренненкампа в Осетию, по результатам которой, в Тифлисских ведомостях им были опубликованы обстоятельные «Письма из Осетии» [6].

Они отразили военные методы ведения этнографической разведки: получение этнографом знаний проходило под прикрытием военного отряда, посланного для силового решения возникших у командования проблем. Это наложило отпечаток не только на стиль составленных Гордеевым описаний, но и на сами принципы отбора дальнейшей этнографической информации. «Многочисленные и буйные племена Ирон или Осетин, обитающих в Западной части Кавказских гор, с давних времен хищениями и набегами своими безнаказанно беспокоили Грузию, Имеретию, Мингрелию и другие закавказские области округи. Они, подобно диким зверям подстерегали жертвы свои в засадах, укрепленных самой природой, около дорог, проходящих через горные теснины» [6, №72, с.3], – начинает автор свои очерки.

Вместе с официальной трактовкой военной экспедиции как мероприятия, необходимого для того, чтобы навести порядок в предгорьях, автор так же приводит и сведения относительно расселения осетинских обществ, системы управления ими через назначавшихся Грузинскими царями наместников – эриставов. Традиционную административную систему Гордеев считает неудобной и требующей замены [6, №72, с.3].

Предназначение империи автор видел в установлении в крае гражданского порядка, что можно было сделать по мнению Гордеева, исключительно силовым путем. «Опыт доказал, – писал он, – что ни проповедование Слова Божия между Осетинами, ни самые кроткие меры и ласки, употребляемые нашим Правительством, не в силах обуздать сего народа; а потому, предложено было для общего спокойствия Грузии, одним решительным ударом привести народ сей к должному повиновению и посредством поставленных над ними начальников, обратить к порядку мирной гражданской жизни» [6, №72, с.3]. Показав себя приверженцем силового решения Кавказских проблем, Гордеев помимо этнографических описаний приводит детальный отчет о действиях военных.

Он по дням описывает передвижения отряда «среди дикой природы, среди предметов новых и поразительных», сопровождая их обстоятельными замечками об окружающей его природе и жителях [6, №72, с.4]. Они также представлены в контексте существовавших имперских клише: в осетинах автор видит только «отважных и дерзновенных Кавказских разбойников. – Они несколько веков составляли из себя одно буйное общество, презиравшее слабых властителей Грузии и неохотно повиновавшееся Российскому правительству. Кроважадное сие племя, считало Карталинию своею добычей; безнаказанно почти ежегодно наносило мирным ее жителям чувствительные раны, разоряя их земли, пленяя их, проливая их кровь, похищая принадлежащие им имущество и стада» [6, №72, с.4].

Вместе с тем, Гордеев скрупулезно перечисляет осетинские общества, пытается дать статистические сведения о численности жителей «главных семи осетинских ущелий», приводит сведения о фортификациях, бытовых условиях, народных поверьях. При этом все выводы автора сделаны с позиций ориентализма, а примеры, подчеркивают отсталость народа и его склонность к организации набегов. Характерным примером смеси этнографических описания с требованиями имперской идеологии служит, например, рассказ автора о языческом обряде благодарения за удачное мероприятие. «Осетины, по варварским своим понятиям о Законе Божьем призывают благость небесную различными жертвами при начале всякого, даже злодейского предприятия и таковыми же благодарят небо за удачное окончание оно, хотя бы успех приобретен был убийствами многих невинных жертв» [6, №73, с.3 – 4], – писал Гордеев. В целом, работа стала типичным примером формирующейся военной этнографии, смотрящей на народы Кавказа «через прицел винтовки», а по своей форме заняла промежуточное положение между травелогами – описаниями личных приключений в неизученных районах Кавказа, и передачей читателю собственно этнографических сведений о жителях этих областей [12, p.77].

К данным мотивам Гордеевым был добавлен и сильный военно-политический акцент, прославлявший мощь России. Буквально в каждом из писем, составлявших очерк, Гордеев напоминает потенциальному читателю о мощи русского оружия, неустранимости русских солдат и их готовности проникнуть даже в самые отдаленные и неприступные части Кавказского хребта.

Автор не видел иного решения организации взаимодействия местных народов с имперской властью, кроме как беспрекословного принятия ими имперских порядков. «Они покорились, выдали мятежных разбойников и вместо собственного ужасного закона: права сильного, водворена будет между ними гражданская благоустроенная власть, которая избавит их навсегда от своеволия, междоусобных ссор, грабежей и разбоев, а следственно и от кровомщения, сего ужасного бича всех Кавказских народов» [6, №73, с.3], – завершает свои этнографические описания автор. Подобные замечания свидетельствуют о том, что даже критикуя излишнюю жестокость военных акций, российские этнографы не видели иной альтернативы для народов Кавказа, кроме как войти в состав империи [6, №74, с.4].

География исследований Гордеева не ограничивалась только землями Осетии. В 1833–1834 гг. он был командирован для разбора земельных споров между хевсурами и тушинами и для составления топографического описания Пшавии и Хевсурии. Работа исследователя была замечена командованием Кавказского корпуса, которое

приступив в первой половине 30-х гг. XIX в. к сбору материалов по Закавказью, включило в издание и материалы экспедиций Гордеева.

В 1836 г. появилось многотомное «Обозрение российских владений в Закавказье», где исследователь представил раздел «Дистанция горских народов». Он дал сухое, но достаточно информативное по своему содержанию описание участка Центрального Кавказа в 1600 кв. верст, расположенного вдоль Военно-грузинской дороги от Дарьяльского ущелья до Грузии. Гордеев составил общую характеристику топографии, гидрографии, климата и природных условий основных ущелий Центральной части Кавказа, дополнив его описанием растительного и животного мира. Основное внимание автор уделил анализу состояния путей сообщения и главным из них – Военно-грузинской дороге.

Одним из самых любопытных разделов работы Гордеева стало описание «народонаселения» Центрального Кавказа: кистин, хевсуров, и осетин, где автор, не проводя четкого этнографического разграничения между этими этническими группами, сделал попытку представить материал о положении основных горских селений. Он насчитал 61 селение на северном и 198 – на южных участках «Дистанции». В данном труде Гордеев не вдавался в анализ взаимоотношений горцев с имперскими властями, заметив только, что «ныне покорные новые соотечественники русских, пользуясь безопасностью, купленную для них трудами и кровью Русских воинов, веселы и довольны скудным своим состоянием; они стараются распространить земледелие, начинают даже обращаться к промышленности, и таким образом получают возможность пропитать возрастающее свое население» [5, с.117].

В 1835 г. Г. С. Гордеев вновь поступил на военную службу в прежнем чине поручика. Привлечение в Кавказский корпус человека, имевшего большой опыт исследовательской работы в горах, было связано с активизацией действий командования Кавказского корпуса на Северо-восточном Кавказе. В это время имперские власти приняли решение о разработки прямого пути сообщения между Кахетией и Каспийским побережьем, надеясь через Аварию проложить прямую дорогу «к крепости Бурной или иному приморскому месту Северного Дагестана» [9, л.1]. Обсудив с военным министром, графом Чернышовым возможный маршрут дороги, Г.В. Розен пришел к заключению, что о наиболее сложном ее участке между столицей Аварского ханства Хунзахом и укреплением Кварели на Лезгинской кордонной линии у командования не имеется точных сведений. Так, имевшиеся в распоряжении Г. В. Розена карты уверенно рисовали Аварию граничащей с Грузией, существенно сокращая площадь Нагорного Дагестана, по которому на практике следовало вести прокладку задуманной транспортной артерии [8, л.1].

От мысли послать на разведку отряд топографов под прикрытием войск, Розен отказался, предпочитая «вместо рекогносцировки открытой силой ... под благовидным предлогом послать из Кахетии в Аварию опытного в топографической части офицера, который осмотрел бы главнейшие сообщения и приобрел сколько возможно подробнейшие сведения о высокогорном Дагестане, через который никто еще из русских не прошел» [9, л. 6–6об.].

Выбор кандидатуры Г. С. Гордеева для проведения задуманной разведки объяснялся тем, что офицер, «будучи сряду несколько лет употребляем для поездок в горы к разным племенам, соседственным с Лезгинским обществом приобрел достаточно понятий о характере и обычаях их и по своей предприимчивости и умения обращения с полудикими здешними племенами, подавал более надежд к исполнению сего поручения» [9, л. 8].

Разведку следовало проводить тайно и «дабы более скрыть пред Лезгинами действительную цель назначения поручика Гордеева и поездкам его в горы дать благовиднейший предлог» [9, л. 8 об.], было решено выдавать разведчика за нового пристава, назначенного в одно из горских обществ. Однако, легенда, придуманная командованием, была не убедительна и показывала слабое знание этнических реалий и географии региона. Общество Анцух, в которое направлялся мнимый русский чиновник, находилось далеко от границы с Кахетией и попасть в него можно было только пройдя через земли двух других обществ, жителям которых не было никаких дел до внутренних проблем соседей.

31 мая 1835 г. поручик Гордеев в сопровождении шести лезгин отправился в глубину гор из деревни Чеканы, находящейся за Алазанью недалеко от города Телава, и через шесть дней трудного пути достиг капучинской деревни Калаки. Далее, как следует отчет он «не смог проникнуть, ибо, не взирая на все предосторожности и убеждения пристава, пользующегося уважением Лезгин, жители сей деревни ... решительно воспротивились дальнейшему следованию чиновников, а потому они из Калаки должны были возвратиться» [9, л. 9].

Несмотря на провал миссии, разведчик составил детальное описание пройденного пути и даже успел с помощью буссоли скрытно провести топографическую съемку маршрута [9, л. 9 об.]. Им были отмечены удобные участки для прокладки дороги, а также указаны трудности как рельефа местности, так и возможностей обеспечения транспорта. «На сем пространстве вовсе нет корма для лошадей и даже мест, удобных для расположения войск; сначала оное покрыто сплошным дремучим лесом, а потом являются одни обнаженные скалы» [9, л. 9], – писал он в отчете. Гордеев считал вполне реализуемой за-

дачу прокладки коммуникаций по южному склону Кавказского хребта, но весьма проблематичным дальнейшее строительство.

Убедившись в том, что первоначально избранный маршрут для войск не проходим, Г. В. Розен решил сместить поиски удобной дороги западнее и «приказал поручику Гордееву стараться проехать из Тушетии или Хевсурии в Чечню» [9, л. 10 об.]. Ход второй разведывательной миссии был так же неудачен. «Офицер сей с двумя топографами отправился в том же году в те же места и с содействия Тушинского пристава, состоящего по армии поручика князя Челокаева, доставил топографам возможность с надлежащей точностью снять весьма поверхностно нам известные земли Тушинских, Хевсурских и части Пшавских обществ. Наступившее позднее время года воспрепятствовало продолжать дальнейшее обозрение Чечни» [9, л. 10 об.], – писал в рапорте военному министру Г.В. Розен. Экспедиция Гордеева, таким образом, успела провести только поверхностную топографическую съемку на южном склоне хребта и передать полученные материалы в Военно-топографическое депо.

Между тем, несмотря на повторный провал разведывательной миссии, командование Кавказским корпусом не отказалось от проекта строительства дороги через Дагестан, который на карте выглядел очень заманчиво. В 1837 г. отряд под командованием генерала Фези занял Хунзах и возвел на престол его владельца пророссийски настроенного Ахмет-Хана. Обеспечив, таким образом политическую поддержку, войска начали строительство участка предполагаемой дороги между столицей Аварии и Темир-хан-Шурой, ход которого ярко описал непосредственный участник экспедиции Я. Костенецкий. Работы, по его оценке, были проведены столь успешно, что появилась возможность «катить хоть тройкою до Хунзаха... там, где прежде с трудом пробирался пеший горец» [4, с. 104–105].

Однако, власть Аварского хана не распространилась на вольные общества в Нагорном Дагестане, а в них, по оценке Г. В. Розена, строительным работам следовало ожидать «самого отчаянного сопротивления. Лезгины весьма понимают, что с проведением предполагаемой дороги, погибнет их независимость доселе никем неприкосновенная» [9, л. 3 об. – 4]. В связи с этим, в августе 1838 г. уже со стороны Дагестана была продолжена разведка маршрута в Грузию по ущельям Аварского и Андийского Койсу. «Время казалось наиболее благоприятным для такой попытки, – писал позднее Е. Г. Вейденбаум. – Старейшины вольных обществ приезжали на поклон к генералу Фези во вновь заложенное Хунзахское укрепление и лицемерно уверяли его в своей преданности и покорности. Оставалось только выбрать надежных исполнителей задуманного предприятия» [1, с. 291].

Выбор командования остановился на полковнике генерального штаба А. Бергенгейме, который должен был исследовать горные перевалы из вольных обществ Андии в Кахетию и поручике Г. С. Гордееве. Последнему был назначен путь вверх по ущельям Аварского Койсу через общество Гидатль и оттуда через Карах и Тленсерух на перевал снежного хребта, ведущий в Джарскую область [1, с. 293].

Экспедиция закончилась полным катастрофой. По рассказу трех ее участников, вернувшихся в Хунзах, Гордеев со своими спутниками достигли горного перевала в Джарскую область, но были остановлены горцами из общества Тленсерух, которые захватили их в плен и отвели в один из аулов. Здесь они были опознаны как русские разведчики, но смогли убедить горцев их отпустить. Горцы вернули членам экспедиции их имущество и оружие, однако, запретили следовать дальше через свою территорию, и разведчики были вынуждены возвращаться обратно в Аварию [1, с. 296].

Ослабленная экспедиция не могла быстро продвигаться и остановившись на отдых в Гидатлинских землях, подверглась нападению со стороны местных жителей. В ходе него, Гордеев, русский топограф и два члена экспедиции были убиты [1, с. 296–297]. О материалах, собранных в ходе экспедиции, сведений не имеется.

Смерть Г. С. Гордеева в ходе неудачной разведывательной экспедиции, по мнению имперского командования показывала прежде всего

слабость российской власти в Нагорном Дагестане. То, что русские войска присутствовали в Аварии, не означало подчинения полосы нагорных земель. Случай так же открывал глаза на то, что социальные отношения у жителей вольных обществ организованы не так, как в соседних с ними феодальных владениях: даже прямое покровительство одного из известных Гидатлинских старшин не гарантировало безопасность экспедиции не только на соседних землях, но даже в границах этого общества [1, с. 297]. При этом, командование, отказавшееся после убийства Гордеева от мысли послать последующих военных разведчиков в нагорную полосу земель, упорно не хотело видеть собственные ошибки. За три года, Гордеев был трижды отправлен с одной и той же миссией в один и тот же район, где его лицо не могло ни стать известным и потому выяснять после трагического провала «кто и когда мог выдать» [1, с. 296] членов разведывательной миссии не имело смысла.

В целом, биография Г. С. Гордеева показывает пример организации военных исследований в 20–30 гг. XIX в. а собранные им материалы, несмотря на присутствие в авторских суждениях типичных штампов своего времени, послужили становлению отечественного Кавказоведения и этнографического изучения народов региона.

Источники и литература

1. Вейденбаум Е. Г. Кавказские этюды. Т. I. Тифлис, 1901. 320 с.
2. Вероисповедания, Суеверия, обряды, правление, обычаи и нравы осетин // Тифлиские ведомости. 1830. №28, 29.
3. Кавказский этнографический сборник. Т. I. М.: Изд-во АН СССР, 1955. 376 с.
4. Костенецкий Я. Записки об аварской экспедиции на Кавказе 1837 года. СПб.: Типография Эдуарда Праца, 1851. 122 с.
5. Обзорение российских владений за Кавказом. Ч. II. СПб.: Тип. Департамента внеш. торговли, 1836. 401 с.
6. Письма из Осетии // Тифлиские ведомости. 1830. №72–78, 84, 87.
7. Поездка из Польши за Кавказ. Отрывок из путевых записок Гордеева // Тифлиские ведомости. 1830. №18 – 24.
8. Российский государственный архив древних актов. Ф. 192. Оп. 1. Д. 60.
9. Российский государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА). Ф. 846. Оп. 16. Д. 6313.
10. РГВИА. Ф. 14719. Оп. 2. Д. 9.
11. Торнау Ф. Ф. Воспоминания кавказского офицера. М.: АИРО-XXI, 2008. 493 с.
12. Jersild A. Orientalism and Empire. London: Itaca Press, 2002. 271 p.
13. King Ch. The Ghost of Freedom. A History of the Caucasus. Oxford: Oxford University Press, 2008. 291 p.
14. Porter R.K. Travels in Georgia, Persia, Armenia, Ancient Babylonia. Vol. 1. London: Longman, Hurst, Rees, Orme, and Brown, 1821. 720 p.

References

1. Vejdenbaum E. G. Kavkazskie e'tyudy` (Sketches of the Caucasus). Vol. I. Tiflis, 1901. 320 p. (In Russian)
2. Veroisповедaniya, Sueveriya, obryady`, pravlenie, oby'chai i nrayv' osetin (The Beliefs, superstitions, ceremonies, ruling, traditions and virtues of the Ossetians) // Tiflisskie vedomosti. – 1830. – # 28, 29. (In Russian)
3. Kavkazskij e' tnograficheskij sbornik (Caucasian ethnographic collection). Vol. I. 374 p. (In Russian)
4. Kosteneczkij Ya. Zapiski ob avarskoj e'kspediczii na Kavkaze 1837 goda (Notes on the Avarian expedition in the Caucasus un the year of 1837). St. Petersburg, 1851. 122 p. (In Russian)
5. Obozrenie rossijskikh vladenij za Kavkazom (Overview of Russian possessions in the Transcaucasia). Pt. II. St. Petersburg, 1836. 401 p. (In Russian)
6. Pis'ma iz Osetii (Letters from Ossetia) // Tiflisskie vedomosti. 1830. No. 72–78, 84, 87. (In Russian)
7. Poezdka iz Pol'shi za Kavkaz. Otry'vok iz putevy'kh zapisok Gord-va (A travel from Poland to Caucasus) // Tiflisskie vedomosti. 1830. No. 18 – 24. (In Russian)
8. Russian state archive of Ancient acts. F. 192. Inv. 1. D. 60. (In Russian)

9. Russian state military-historical archive (RGVIA). F. 846. Inv.16. D. 6313. (In Russian)
10. RGVIA F. 14719. Inv.2. D.9. (In Russian)
11. Tornau F.F. Vospominaniya kavkazskogo oficiera (Memoirs of the Caucasus officer). Moscow: AIRO -XXI Press, 2008. 493 p. (In Russian)
12. Jersild A. Orientalism and Empire. London: Itaca Press, 2002. 271 p.
13. King Ch. The Ghost of Freedom. A History of the Caucasus. Oxford: Oxford University Press, 2008. 291 p.
14. Porter R. K. Travels in Georgia, Persia, Armenia, Ancient Babylonia. London, 1821. Vol.1. 720 p.

Сведения об авторе

Ткаченко Дмитрий Сергеевич – доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / tksmg@rambler.ru

Information about the author

Tkachenko Dmitrii – Doctor of Historical sciences, Professor, Chair of Russian History, Institute of Humanities, North-Caucasus Federal University (Stavropol) / tksmg@rambler.ru

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 378.147

DOI 10.37493/2409-1030.2021.2.12

М. А. Бычко
И. А. Комаревцева

ОСОБЕННОСТИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ КОРОНАВИРУСНОЙ ИНФЕКЦИИ (НА ПРИМЕРЕ ПРЕПОДАВАНИЯ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА)

2020 год стал особенным как для нашей страны, так и в целом для мирового сообщества. Мир столкнулся с угрозой вымирания в связи с масштабным распространением коронавирусной инфекции COVID-19. Охватившая большинство стран мира пандемия новой коронавирусной инфекции стала вызовом современности и потребовала от государств решительных шагов по разным направлениям, в том числе требовалось оптимизировать образовательный процесс в условиях необходимости соблюдения ограничительных мер. На федеральном уровне в оперативном порядке были приняты нормативные акты, послужившие основой для осуществления образовательного процесса в так называемом удаленном режиме, в их числе Приказ Минпросвещения от 17.03.2020 №103, который регламентировал порядок сопровождения реализации образовательных программ с применением электронного обучения и дистанционных образовательных технологий. Российское образование вынужденно было переведено в онлайн режим, после чего контактная работа педагога и студента стала возможна только в электронной образовательной сре-

де. Опыт преподавания юридических дисциплин в удаленном режиме, который сформировался у российских педагогов за несколько месяцев, вывел на поверхность ряд важных вопросов и проблем, требующих осмысления и решения. Вот лишь некоторые из них: отсутствие оптимальной материально-технической базы у участников образовательного процесса, как у студента, так и у преподавателя; отсутствие адекватного методического обеспечения дисциплин, которое было бы рассчитано на дистанционное или по крайней мере на гибридное обучение. Много вопросов возникает вокруг практической составляющей обучения, в том числе как наиболее эффективно организовать практические занятия студентов при применении технологий электронного и дистанционного обучения; насколько готов преподаватель к преподаванию в дистанционном режиме.

В статье приведен опыт преподавания гражданского права в условиях онлайн образования.

Ключевые слова: дистанционное образование, цифровые технологии, гибридная (смешанная) модель обучения, методики проблемного обучения.

Marina Bychko
Irina Komarevceva

FEATURES OF THE EDUCATIONAL PROCESS IN THE CONTEXT OF THE CORONAVIRUS PANDEMIC (BY THE EXAMPLE OF TEACHING CIVIL LAW)

The year 2020 became a special year both for our country and for the world community as a whole. The world is facing the threat of extinction due to the large-scale spread of the coronavirus infection COVID-19. The pandemic of a new coronavirus infection that has engulfed most countries of the world has become a modern challenge and has required states to take decisive steps in various areas, including optimizing the educational process in the face of the need to comply with restrictive measures. At the federal level, regulations were quickly adopted that served as the basis for the implementation of the educational process in the so-called remote mode, including the Order of the Ministry of Education of 17.03.2020 No. 103, which regulated the procedure for supporting the implementation of educational programs using e-learning and distance learning technologies. Russian education was forced to switch to online mode, after which the contact work of the teacher and the student became possible only in the electronic educational environment. The

experience of teaching legal disciplines remotely, which has been formed by Russian teachers for several months, has brought to the surface a number of important issues and problems that require reflection and solution. Here are just a few of them: the lack of an optimal material and technical base for the participants of the educational process, both the student and the teacher; the lack of adequate methodological support for disciplines that would be designed for distance or at least for hybrid training. Many questions arise around the practical component of training, including how to most effectively organize practical classes for students when using e-learning and distance learning technologies; how ready the teacher is to teach remotely.

The article presents the experience of teaching civil law in online education.

Key words: distance education, digital technologies, hybrid (mixed) learning model, problem-based learning methods.

Важным испытанием для российской системы образования стало введение ограничительных мер в связи с коронавирусной инфекцией COVID-19. Ведущаяся более десяти лет дискуссия о плюсах и минусах дистанционного образования вышла на новый уровень по причине вынужденного перехода учебных заведений именно на такой формат обучения. В связи с невозможностью прервать обучение граждан в образовательных организациях был осуществлен всеобщий переход на отвергаемое долгое время онлайн обучение с применением дистанционных образовательных технологий, который нашел и законодательную поддержку. За 2020 г. был издан ряд нормативно-правовых актов, закрепляющих необходимость перехода научных и образовательных организаций на электронное обучение с использованием дистанционных образовательных технологий, а именно приказы Министерства науки и высшего образования РФ и Министерства просвещения РФ. Следует отметить, что общий порядок электронного обучения, применение дистанционных образовательных технологий при реализации образовательных программ, применяемый организациями, осуществляющими образовательную деятельность, закреплён ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» и конкретизирован в Приказе Министерства образования и науки РФ от 23 августа 2017 г. № 816 [4]. Важно заметить, что те образовательные учреждения, которые начали активно внедрять в свою систему обучения цифровые технологии во исполнение норм федерального законодательства и утвержденного еще в декабре 2018 г. паспорта национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации», более успешно выдержали процесс дистанционного обучения. У них уже были созданы и апробировались электронные учебные курсы, причина отсутствия которых называлась в качестве основных при констатации неготовности системы российского образования к активному внедрению дистанционного обучения. Конечно, нормативная база тоже не была готова к полному переходу на онлайн обучение. Изданный в кратчайшие сроки Приказ Минпросвещения от 17.03.2020 №103 [5], установил временный порядок сопровождения реализации образовательных программ с применением электронного обучения и дистанционных технологий. Установленные данным актом правила применимы в отношении тех образовательных учреждений, которые подведомственны данному Министерству. Для высшей школы новые правила осуществления образовательного процесса в условиях предупреждения распространения COVID-19 были закреплены Приказом Министерства науки и высшего образования РФ от 14 марта 2020 г. №397 [6].

Проблемы возникли несмотря на то, что информационные технологии уже давно используются в образовательной среде многих стран.

Феномен электронного обучения принято обозначать термином e-learning. В научной среде указывается на огромный потенциал электронного обучения, благодаря которому возможна реализация индивидуальной траектории обучения. История электронного обучения на Западе насчитывает не один десяток лет. Так, например, на сегодняшний день в США около 90% образовательных учреждений активно вовлечены в цифровую среду. Российский опыт цифрового образования более скромный, он берет свое начало с 90-х годов прошлого столетия. В Обзоре мирового и российского рынка электронного обучения отмечается, что отечественное образование на несколько лет отстает от западного в плане широты и эффективности применения цифровых технологий [2]. Примечательно, что в зарубежных странах внедрение информационных технологий в образовательный процесс основано на системном подходе: проводится активная работа по техническому переоснащению ВУЗов, по подготовке педагогических кадров, способных осуществлять электронное обучение, а государство, в свою очередь, позиционирует развитие отрасли цифрового образования как приоритетное направление.

Некоторые авторы убеждены, что онлайн обучение не способно дать студенту практический опыт. Например, некоторые зарубежные авторы (профессор Патрик Макги) уверены, что в образовательном процессе должна быть сохранена практическая составляющая, например, стажировки [8]. Полагаем, что этот вопрос отчасти способны решить технологии клинического образования. Студенты могут получить опыт практической деятельности в ходе работы в юридической клинике, пусть и в удаленном режиме. В условиях применения в процессе обучения дистанционных педагогических технологий значительно повышаются требования к цифровой грамотности педагогов и обучающихся, от которой зависит эффективность применения электронного обучения.

Вместе с тем обучение в удаленном режиме характеризуется не только негативными моментами, его положительный потенциал очевиден. На «плюсы» дистанционного обучения обратил внимание проректор Высшей школы экономики Сергей Рошин в своем интервью Российской газете [1]. Так, по его мнению, «дистант» расширяет перспективы межвузовского сотрудничества, можно организовать так называемые межкампусные курсы, благодаря чему у студентов многих отдаленных вузов появится возможность послушать лекции ведущих российских профессоров из крупных научно-образовательных центров нашей страны (МГУ, ВШЭ, МГЮА, и др.).

Полагаем, что государство заинтересовано в активном развитии цифровых образовательных технологий, ведь благодаря им доступ к образованию открывается для широких кругов

населения, что позволяет преодолеть ситуацию образовательного неравенства. Ввиду активного использования информационных технологий возможно обеспечить гибкость графика учебного процесса, а также сократить аудиторную нагрузку педагога, увеличив тем самым время для его научных изысканий.

Также отметим, что наиболее оптимальной нам видится гибридная (смешанная) модель обучения, при которой могут быть реализованы все преимущества как традиционного, так и удаленного обучения.

Лежащий в основе современного юридического образования профессионально-компетентный подход предполагает формирование у студентов-юристов профессиональных компетенций. Наибольшие результаты приносит использование методик проблемного обучения, в результате которых глубокое и прочное усвоение знаний возможно только в ходе постановки проблемы, решаемой непосредственно студентом.

Рассмотрим несколько апробированных за период пандемии методик ведения занятий по гражданскому праву как одной из фундаментальных дисциплин, относящихся к базовой части блока 1 образовательной программы высшего образования подготовки бакалавра по направлению 40.03.01 Юриспруденция.

Чтение лекций по гражданскому праву на специально созданной учебным заведением платформе или используемой платформе типа MOODLE, ZOOM, приносит те же результаты, что и обычный формат лекционного занятия. Имеет место вербальное общение преподавателя и студента, возможность задать вопрос и ответить на него. Использование преподавателем презентации в ходе лекции повышает уровень доступности и наглядности материала.

Менее результативен способ передачи лекционного материала в записи. Здесь отсутствует возможность быстрого реагирования преподавателя на вопросы студенческой аудитории. Но результат такого формата гораздо выше, чем передача студентам письменно варианта текста лекции.

Практические занятия при онлайн обучении также целесообразно проводить на специальной платформе, где возможно общение студента и преподавателя в режиме реального времени. Но возможны и другие модели обучения. Сразу следует отметить отрицательные результаты при использовании методики традиционного опроса студентов по заранее обозначенным вопросам изучаемой темы. Обучающиеся преимущественно зачитывают заранее подготовленные ответы. В целях получения достаточного уровня знаний следует использовать иные формы проведения занятий. Использование кейсовой модели, которая сводится к рассылке студентам через элек-

тронную почту банка кейсов, позволяет проверить уже полученные теоретические знания. При этом студенты изначально должны знать верный алгоритм для успешного решения задач. Так, при решении задач по гражданскому праву следует, в первую очередь, выявить спорное правоотношение, определить его содержание и регулируемую его нормативно-правовую базу. Затем необходимо изучить правовую норму, понять ее смысл и изучить судебную практику применения этой нормы. Здесь неоценимую помощь может оказать использование информационно-правовых систем типа Консультант Плюс, Гарант. Но не все учебные заведения обеспечивают доступ своим обучающимся к полным версиям этих систем. В этом случае следует обратить внимание студентов к общедоступному portalу СудАкт, который обобщает все существующие решения судов, действующих на территории Российской Федерации. Использование этих ресурсов позволит студенту грамотно и верно решать казусы из предложенных кейсов.

При изучении таких основополагающих тем курса гражданского права как «Юридические лица», следует активно использовать сервис ФНС России «Предоставление сведений из ЕГРЮЛ/ЕГРИП», который разработан в соответствии с ФЗ от 8 августа 2001 г. № 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей», и предоставляет возможность получить сведения о конкретном юридическом лице/индивидуальном предпринимателе в виде выписки из соответствующего реестра. Студенты могут научиться работать в нем самостоятельно, а обращение к информации о юридических лицах различных организационно-правовых форм, позволит быстрее запомнить особенности их участия в гражданском обороте.

Кроме того, эффективному и быстрому усвоению материала по теме «Юридические лица» способствует проведение деловой игры, которая возможна в дистанционном формате. В целом деловые игры как метод активного личностно-ориентированного обучения значительно помогают в теоретическом и практическом аспекте подготовки будущих юристов. Как метод обучения они позволяют как бы «прожить» определенную ситуацию, изучить ее в непосредственном действии. Деловые игры позволяют моделировать различные учебные ситуации, проектировать способы действий в условиях предложенных моделей, демонстрировать процесс систематизации теоретических знаний по решению определенной практической проблемы. Исследователи установили, что при лекционной подаче материала усваивается 20 % информационного материала, в то время как в деловой игре – 90 % (по данным профессора В. И. Рыбальского). Доказано, что введение и широкое применение деловых игр

в вузах позволяет уменьшить время, отводимое на изучение некоторых дисциплин на 30-50% при большем эффекте усвоения материала [7]. Этот фактор является очень существенным для более частого применения деловых игр в условиях обучения при постоянном дефиците учебного времени, особенно при изучении такой важной для будущих юристов темы как «Юридические лица». В действительности на ее изучение отводится недостаточное количество часов при необходимости усвоить большой объем информации.

В рамках деловой игры студенты, разбившись на группы, готовят пакет документов для регистрации юридических лиц различных организационно-правовых форм. Для этого используется имеющийся на сайте ФНС России сервис «Создание своего бизнеса». Подготовленные документы проверяются на предмет соответствия действующим нормам законодательства специально созданной для этой цели группой студентов-экспертов под руководством преподавателя. Эксперты выносят аргументированное решение о принятии/не принятии пакета документов и о регистрации или отказе в регистрации юридического лица. Взаимодействие студентов осуществляется исключительно в дистанционном формате.

При изучении указанной темы авторами настоящей статьи было апробировано использование такой образовательной технологии как веб-квест [3]. В рамках этой технологии формируется интерактивная поисковая деятельность студентов, в ходе которой они мотивируются к самостоятельному добыванию знаний, а также задаются параметры этой деятельности. Преподаватель контролирует этот процесс и определяет его временные пределы. Эта технология позволяет работать в группах, развивает коммуникативность, лидерские качества каждого студента, повышает не только мотивацию к процессу получения знаний, но и ответственность за результаты собственной деятельности. Особенностью веб-квестов является то, что часть информации или вся информация находится на сайте или на различных веб-сайтах. Благодаря гиперссылкам, учащиеся работают в едином информационном пространстве, не ощущая разрозненности в данных и сложности в исполнении.

Обучающимся, разбитым на команды, возглавляемые капитанами, были предложены задания, для выполнения которых необходимо было собрать материал в сети Интернет, а также из правовых систем. Ссылки на часть источников были даны преподавателем, а часть студенты должны были найти сами. Например, студенты должны были, используя специальный онлайн сервис, подобрать код ОКВЭД для юридического лица. Для этого достаточно было ввести название планируемого вида деятельности (заранее определённого преподавателем) и получить перечень

подходящих ОКВЭДов. По завершении веб-квеста капитаны команд представляли подготовленную документацию «под ключ» для организации работы юридического лица, занимающегося определенным видом деятельности и с уже зарегистрированным товарным знаком.

В ходе изучения особенной части гражданского права, а именно отдельных разновидностей гражданско-правовых договоров, следует направить обучающихся к имеющимся в системах Гарант, Консультант Плюс «Конструкторам договоров», при помощи которых теоретические знания можно применить в ходе составления проекта договора или проекта претензии, искового заявления. При этом студенту необходимо пояснить правила работы с Конструктором. Эффективность использования указанной опции повышается при условии овладения студентом достаточным объемом знаний по общей части гражданского права.

Освоение темы «Поставка товаров для государственных, муниципальных нужд» (также, как и договор подряда, заключаемый в этих целях) невозможно без изучения ЕИС – единой информационной системы в сфере закупок, созданной и действующей в рамках ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд». В силу того, что закупки преимущественно проводятся в электронной форме, студенты должны усвоить основные принципы работы электронных площадок, используемых как для электронных малых закупок, так и иных закупок. Подготовка проекта государственного контракта также может быть облегчена при использовании опции «Конструктор договоров».

В ходе онлайн обучения активно внедряется решение тестовых заданий, предлагаемых в электронном виде, когда ответы на поставленные тестовые вопросы становятся доступны студенту только после завершения тестирования. Этот формат является не только средством контроля, но и своеобразным методом обучения. Для вуза эта модель, конечно же, имеет плюсы – она менее затратная, чем, например, обучение, ведущееся на специально созданной платформе, где общению студента и преподавателя ничто не препятствует. Для такой формы обучения требуется наличие достаточной материально-технической базы, оборудования, а значит и дополнительного финансирования.

Проблема может быть успешно решена при использовании сервиса Kahoot, который позволяет в дистанционном формате провести проверку знаний студентов по изученной теме. Сервис обладает бесплатным пакетом, которого достаточно для успешного применения в преподавании курса гражданского права. Возможность тестового опроса с подсвеченными правильными ответами после выбора ошибочного варианта помогает

не только проверить и закрепить полученные знания, но и лучше усвоить пройденный материал! Игровая форма с автоматическим выставлением рейтинга каждого студента мотивирует и стимулирует отстающих. Следует отметить, что использование указанного сервиса позволяет проводить и групповые интеллектуальные игры с определением победителей. Трудозатраты преподавателя при подготовке подобных игровых шаблонов минимальные.

Но при использовании указанных методов обучения все же взаимодействие студента и преподавателя сведено к минимуму, что не отвечает ряду академических задач, в том числе создания вокруг обучающегося так называемой «академической толпы». Понимание этого термина, возникшего в начале XX в., сводится к важности нахождения студентов в одном пространстве с профессорами, преподавателями, другими студентами с целью более глубокого проникновения духа науки, педагогики, интеллекта. В целях реализации этой задачи следует наряду с другими формами проведения занятий показывать студентам тематические вебинары, транслируемые на платформе Гарант, а также записанные в общедоступных сетях. В ходе вебинаров ведущие правоведы современности на высоком профессиональном, академическом уровне обсуждают актуальные проблемы гражданского права, анализируют решения судов и приводят реальные практические примеры.

Таким образом, преподавание гражданского права в условиях онлайн обучения имеет ряд сложностей, но использование современных информационных технологий позволяет их преодолеть и достичь необходимого уровня знаний у мотивированных студентов.

В итоге хотелось бы обозначить необходимость дальнейшего исследования вопросов применения электронного и дистанционного обучения в юридическом образовании, в том числе в режиме их доминирования, как это было в современных условиях пандемии. Значимость подобных исследований предопределена бессистемностью применения электронных образовательных технологий на фоне отсутствия единой концепции подготовки юридических кадров в цифровую эпоху и четкого планирования развития данной сферы образования. В эффективном решении обозначенных вопросов заинтересованы как представители научного и профессионального сообщества, так и государство в целом, что подтверждается неоднократным обсуждением необходимости нормативного обеспечения реализации образовательных программ с применением электронного обучения и дистанционных образовательных технологий на высшем законодательном уровне в ходе парламентских слушаний. Особую актуальность приобретает оценка перспектив дальнейшего реформирования системы современного российского юридического образования с учетом отечественного и зарубежного опыта, возможность адаптации международных стандартов в российскую образовательную практику с учетом особенностей российского общества в современных условиях, его традиций и нравственных установок. В современных условиях участники образовательного процесса особенно заинтересованы в теоретическом обосновании и практическом внедрении единой концепции применения электронного обучения в ходе реализации юридического образования, позволяющей наиболее оптимально и эффективно решать стоящие перед юридическим образованием задачи, учитывать индивидуальные потребности обучающегося и общества в целом.

Литература

1. Дистант в вузе: как не потерять в качестве URL: <https://rg.ru/2020/12/28/distant-v-vuze-kak-ne-poteriat-v-kachestve.html> (Дата обращения: 4.03.2021).
2. Обзор мирового и российского рынка электронного обучения. URL: <http://seemedia.ru/> (Дата обращения: 4.03.2021).
3. Оказова З. П. Использование web-кбест технологии в образовательном процессе. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ispolzovanie-web-kvest-tehnologii-v-obrazovatelnom-protseesse> (Дата обращения: 06.03.2021).
4. Приказ Минобрнауки России от 23.08.2017 № 816 «Об утверждении Порядка применения организациями, осуществляющими образовательную деятельность, электронного обучения, дистанционных образовательных технологий при реализации образовательных программ» (Зарегистрировано в Минюсте России 18.09.2017 № 48226) // Информационно-правовой портал Гарант. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/55070501/> (Дата обращения: 4.03.2021).
5. Приказ Минпросвещения России от 17.03.2020 № 103 «Об утверждении временного порядка сопровождения реализации образовательных программ начального общего, основного общего, среднего общего образования, образовательных программ среднего профессионального образования и дополнительных общеобразовательных программ с применением электронного обучения и дистанционных образовательных технологий» (Зарегистрировано в Минюсте России 19.03.2020 № 57788) // Информационно-правовой портал Гарант. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/55070501/> (Дата обращения: 4.03.2021).
6. Приказ Министерства науки и высшего образования РФ от 14 марта 2020 г. №397 «Об организации образовательной деятельности в организациях, реализующих образовательные программы высшего образования и соответствующие дополнительные профессиональные программы, в условиях предупреждения распространения новой коронавирусной инфекции на территории Российской Федерации» // Информационно-правовой портал Гарант. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/73645128/> (Дата обращения: 4.03.2021).

7. Чеглакова Л. С. Применение деловых игр в подготовке специалистов экономических профилей // Концепт: научно-методический электронный журнал официального сайта эвристических олимпиад «Совёнок» и «Прорыв». – Март 2012, ART 1233. – Киров, 2012 г. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/primeneniye-delovyh-igr-v-podgotovke-spetsialistov-ekonomicheskikh-profiley> (Дата обращения: 4.03.2021).
8. Why online courses can never totally replace the campus experience by Professor Patrick McGhee, vice-chancellor of the University of East London. URL: <https://www.theguardian.com/education/2012/nov/19/open-online-courses-higher-education> (Accessed: 4.03.2021).

References

1. Distant v vuze: kak ne poteryat' v kachestve (Distance learning at the university: how not to lose in quality). URL: <https://rg.ru/2020/12/28/distant-v-vuze-kak-ne-poteryat-v-kachestve.html> (Accessed: 04.03.2021).
2. Obzor mirovogo i rossiiskogo rynka elektronnoy obucheniya. (Overview of the global and Russian e-learning market). URL: <http://seemedia.ru/> (Accessed: 04.03.2021).
3. Okazova Z.P. Ispol'zovanie web-kbest tekhnologii v obrazovatel'nom protsesse (The use of web-quest technology in the educational process). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ispolzovanie-web-kvest-tehnologii-v-obrazovatel'nom-protsesse> (Accessed: 6.03.2021).
4. Prikaz Minobrnauki Rossii ot 23.08.2017 № 816 «Ob utverzhdenii Poryadka primeneniya organizatsiyami, osushchestvlyayushchimi obrazovatel'nyuyu deyatel'nost', elektronnoy obucheniya, distantsionnykh obrazovatel'nykh tekhnologii pri realizatsii obrazovatel'nykh programm» (On the approval of the Procedure for the use of e-learning, distance learning technologies by organizations engaged in educational activities in the implementation of educational programs) (Zaregistrirovano v Minyuste Rossii 18.09.2017 № 48226) // Informatsionno-pravovoi portal Garant. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/55070501/> (Accessed: 4.03.2021).
5. Prikaz Minprosveshcheniya Rossii ot 17.03.2020 № 103 «Ob utverzhdenii vremennogo poryadka soprovozhdeniya realizatsii obrazovatel'nykh programm nachal'nogo obshchego, osnovnogo obshchego, srednego obshchego obrazovaniya, obrazovatel'nykh programm srednego professional'nogo obrazovaniya i dopolnitel'nykh obshcheobrazovatel'nykh programm s primeneniem elektronnoy obucheniya i distantsionnykh obrazovatel'nykh tekhnologii» (On approval of a temporary procedure for supporting the implementation of educational programs of primary general, basic general, secondary general education, educational programs of secondary vocational education and additional general education programs using e-learning and distance educational technologies) (Zaregistrirovano v Minyuste Rossii 19.03.2020 № 57788) // Informatsionno-pravovoi portal Garant. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/55070501/> (Accessed: 04.03.2021).
6. Prikaz Ministerstva nauki i vysshego obrazovaniya RF ot 14 marta 2020 g. № 397 «Ob organizatsii obrazovatel'noi deyatel'nosti v organizatsiyakh, realizuyushchikh obrazovatel'nye programmy vysshego obrazovaniya i sootvetstvuyushchie dopolnitel'nye professional'nye programmy, v usloviyakh preduprezhdeniya rasprostraneniya novoi koronavirusnoi infektsii na territorii Rossiiskoi Federatsii» (On the organization of educational activities in organizations that implement educational programs of higher education and related additional professional programs in the context of preventing the spread of a new coronavirus infection in the territory of the Russian Federation) // Informatsionno-pravovoi portal Garant. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/73645128/> (Accessed: 4.03.2021).
7. Cheglakova L. S. Primeneniye delovykh igr v podgotovke spetsialistov ekonomicheskikh profilei (The use of business games in the training of specialists in economic profiles) // Kontsept: nauchno-metodicheskii elektronnyi zhurnal ofitsial'nogo saita evristicheskikh olimpiad «Sovenok» i «Proryv». Mart 2012, ART 1233. Kirov, 2012 g. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/primeneniye-delovyh-igr-v-podgotovke-spetsialistov-ekonomicheskikh-profiley> (Accessed: 4.03.2021).
8. Why online courses can never totally replace the campus experience by Professor Patrick McGhee, vice-chancellor of the University of East London. (Why online courses can never totally replace the campus experience by Professor Patrick McGhee, vice-chancellor of the University of East London). URL: <https://www.theguardian.com/education/2012/nov/19/open-online-courses-higher-education> (Accessed: 4.03.2021).

Сведения об авторах

Бычко Марина Алексеевна – кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса Юридического института Северо-Кавказский федеральный университет (Ставрополь) / marina.bichko@yandex.ru

Комаревцева Ирина Алексеевна – кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса Юридического института Северо-Кавказский федеральный университет (Ставрополь) / lrak77@yandex.ru

Information about the authors

Bychko Marina – PhD in Law, Associate Professor, Chair of Civil Law and Process, Law Institute, North-Caucasus Federal University (Stavropol) / marina.bichko@yandex.ru

Komarevceva Irina – PhD in Law, Associate Professor, Chair of Civil Law and Process, Law Institute, North-Caucasus Federal University (Stavropol) / lrak77@yandex.ru

УДК 347.73
DOI 10.37493/2409-1030.2021.2.13

Т. Ф. Гаджиев

ПРАВОВОЙ РЕЖИМ ИНВЕСТИЦИЙ МЕЖДУНАРОДНЫХ КОМПАНИЙ В РФ

В статье рассматриваются особенности правового регулирования инвестиционной деятельности международных компаний, являющихся участниками специальных административных районов. Актуальность данной проблемы обуславливается необходимостью повышения инвестиционной привлекательности отечественной экономики, в том числе путем совершенствования нормативно-правового регулирования инвестиций, осуществляемых хозяйственными обществами со статусом международных компаний, на территории России.

Цели формирования инвестиционно привлекательной среды нашли свое законодательное закрепление при создании специальных административных районов. Достижение данных целей неразрывно связано с установлением конкурентоспособного правового режима инвестиций для резидентов специальных административных районов – международных компаний. Новизна института международных компаний и его «экзотичность» для российской правовой системы предопределили научный интерес к проблематике правового регулирования их инвестиций.

В статье проводится сравнение правового режима инвестиционной деятельности участников специальных административных районов и резидентов других

специальных экономических зон на территории РФ, выделяется различие территориального характера инвестиций обусловленное целевым характером норм о международных компаниях. Автор обращает внимание на проблему смешения различных правовых режимов осуществления инвестиционной деятельности на территории специального административного района на о. Русский и возникающие в связи с этим вопросы конкуренции норм права.

Также в статье анализируется проблема несоответствия размера инвестиций международных компаний и публичных расходов, связанных с созданием и функционированием специальных административных районов. В этой связи обосновывается необходимость скорейшего установления в налоговом законодательстве ежегодного регистрационного сбора взимаемого с международных компаний. Закрепление данного вида сбора позволит компенсировать часть бюджетных расходов на создание инфраструктуры специальных административных районов.

Ключевые слова: международные компании, специальные административные районы, инвестиционная деятельность, инвестиции, правовой режим.

Timur Gadzhiev

LEGAL REGIME OF INVESTMENTS OF INTERNATIONAL COMPANIES IN THE RUSSIAN FEDERATION

The article discusses the peculiarities of legal regulation of investment activities of international companies that are members of special administrative regions. The relevance of this problem is determined by the need for increasing the investment attractiveness of the national economy, in such ways as improving the legal regulation of investments made by corporations with the status of international companies on the territory of Russia.

The goals of creating an investment-friendly environment have found their legal basis in the creation of special administrative regions. The achievement of these goals is inextricably linked with the establishment of a competitive legal investment regime for residents of special administrative regions called international companies. The novelty of the Institute of international companies and its «exoticism» for the Russian legal system determined the scientific interest in the problems of legal regulation of their investments.

The article compares the legal regime of investment activities of participants in special administrative regions and residents of other special economic zones on the

territory of the Russian Federation, and highlights the difference in the territorial nature of investments due to the targeted nature of the rules on international companies. The author draws attention to the problem of mixing different legal regimes for investment activities on the territory of the special administrative region on Russky island and related issues of competition legal norms.

The article also analyzes the problem of discrepancy between the size of investments of international companies and public expenditures related to the creation and operation of special administrative regions. In this regard, the author justifies the need to establish an annual registration fee for international companies in the tax legislation as soon as possible. Fixing this type of fee will give the opportunity to compensate for the part of the budget expenditures on the creation of infrastructure for special administrative regions.

Key words: international companies, special administrative regions, investment activities, investments, legal regime.

территориях островов Русский и Октябрьский явилось важным шагом в реализации данной задачи. Так законодатель прямо сформулировал в ч. 2 ст. 1 Федерального закона от 03.08.2018 г. № 291-ФЗ «О специальных административных районах на территориях Калининградской области

и Приморского края» что формирование инвестиционно привлекательной среды является целью создания и функционирования САР. Достижение данной цели преимущественно связано с финансово-правовым регулированием деятельности международных компаний, являющихся участниками САР.

Статья 2 Федерального закона от 03.08.2018 г. № 290-ФЗ «О международных компаниях и международных фондах» (далее Закон о международных компаниях) связывает получение иностранной организацией статуса международной компании с необходимостью осуществления инвестиций на территории РФ, устанавливая при этом особый правовой режим их осуществления. Принятие иностранным юридическим лицом обязательства по осуществлению инвестиций является одним из критериев для получения статуса международной компании. Закон не содержит закрытого перечня оснований для возникновения данного обязательства, ограничиваясь перечислением ряда сделок влекущих его появление. Так, обязательство об осуществлении инвестиций может возникать как из односторонних сделок: заявления о намерениях осуществлять инвестиции на территории РФ, так и из договоров: специальный инвестиционный контракт, концессионное соглашение, соглашения о государственно-частном (муниципально-частном) партнерстве. В качестве инвестиций рассматриваются капитальные вложения и вложения в уставный капитал, фонд или взносы в имущество хозяйственных обществ. При этом указанные хозяйственные общества должны быть российскими юридическими лицами и осуществлять незапрещенные законом виды деятельности. Закон определяет минимальный объем инвестиций в размере пятидесяти миллионов рублей. Инвестиции должны быть произведены в течение 6 месяцев с даты государственной регистрации международной компании.

А.А. Товгазова отмечает, что ожидаемые инвестиции в САР, существенно меньше по сравнению с уже полученными этими районами бюджетными средствами [6, с. 178]. Действительно закрепленная законом минимальная сумма инвестиций для международных компаний может не покрывать публичные расходы на создание инфраструктуры САР.

Так, согласно сведениям отчета управляющей компании САР акционерного общества «Корпорации развития Дальнего Востока» за 2019 г. в САР на о. Русский на 01.01.2020г. были зарегистрированы две международные компании, которые осуществили инвестиции в объеме ста восьми миллионов рублей, в том числе взносами в уставный капитал юридических лиц и вложениями в приобретение объектов недвижимости [4]. Представляется, что данные инвестиции не могут существенным образом компенсировать бюджетные расходы, связанные с созданием и функционированием соответствующего САР.

Однако, мы полагаем, что сравнение публичных расходов с инвестициями международных компаний не имеет определяющего значения, поскольку сама сущность САР не предполагает обязательных инвестиций в данные районы. Так, например, в отличие от резидентов особых экономических зон, зон территориального развития и территорий опережающего социально-экономического развития закон наделяет международные компании правом осуществлять инвестиции на всей территории РФ, а не только на территории соответствующего специального административного района.

В связи с этим интерес представляет сравнение правового режима инвестиционной деятельности международных компаний с резидентами других специальных экономических зон в части территориального характера такой деятельности. Справедливо отмечается, что российское законодательство определяет специальные режимы экономической деятельности отдельных территорий, на которых вводятся отличные от иных территорий правовые механизмы осуществления инвестиционной деятельности [5, с.78]. В настоящий момент на территории России, наряду со специальными административными районами, функционируют: особые экономические зоны, зоны территориального развития, территорий опережающего социально-экономического развития, свободная экономическая зона в Республике Крым и Севастополе, свободный порт Владивосток и другие территории с особым правовым режимом экономической деятельности.

Установление особых режимов экономической деятельности, как правило, производится в целях развития экономического потенциала субъектов Федерации, на территории которых организована соответствующая экономическая зона. Например, исходя из системного толкования ст. 9, 10 и ч.1 ст. 12 и Федерального закона от 22.07.2005 г. № 116-ФЗ «Об особых экономических зонах в Российской Федерации» резиденты особых экономических зон обязуются осуществлять инвестиции и капитальные вложения в особых экономических зонах в объеме и в сроки, которые предусмотрены соглашением об осуществлении деятельности [8]. Таким образом законодатель по отношению к резидентам особых экономических зон ограничивает территорию осуществления инвестиций, предусмотренных соглашением, территорией самих экономических зон. Аналогичным образом ограничивает границы инвестиционной деятельности резидентов территорий опережающего социально-экономического развития Федеральный закон от 29.12.2014 г. № 473-ФЗ «О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации» (далее Закон о ТОР), указывая в ч. 1 ст. 14 что объем и сроки инвестиций определяются соглашением об осуществлении деятельности [9].

Подобным образом законодатель подходит к определению территории инвестиций в зонах территориального развития, ограничивая их территорией соответствующей зоны развития, и в свободной экономической зоне в Республике Крым и Севастополе, ограничивая их территорией соответствующих субъектов Федерации.

Особый интерес представляет исследование территориального характера инвестиций в свободном порте Владивосток, поскольку территория о. Русский, на котором создан специальный административный район, входит в состав муниципального образования Владивостокский городской округ, на которое распространяет действие правовой режим свободного порта. Нормы Федерального закона от 13 июля 2015 г. № 212-ФЗ «О свободном порте Владивосток» (далее Закон о свободном порте) указывают на территориальный характер инвестиций резидентов в пределах территории свободного порта [7]. Так, согласно ч. 2 ст. 12 указанного закона резиденты свободного порта обязуются осуществлять инвестиции, в том числе капитальные вложения, предусмотренные соглашением об осуществлении деятельности. Таким образом, на территорию о. Русский распространяют свое действие два различных правовых режима инвестиций: свободного порта и специального административного района. Для первого характерно территориальное ограничение инвестиций резидентов границами свободного порта, а для второго расширение территории инвестиций международных компаний на всю территорию страны.

Полагаем, что данное отличие обуславливается именно различием целей финансово-правового регулирования. Анализируя цели правового регулирования закрепленные ч. 2 ст. 1 Закона о свободном порте можно заключить, что нормы указанного закона направлены преимущественно на повышение инвестиционной привлекательности территорий Дальнего Востока, в частности Приморского края и г. Владивостока, в отличие от норм Закона о международных компаниях, ставящих целью повышение инвестиционной привлекательности всей страны.

Также необходимо отметить, что на территории Приморского края также образованы несколько территорий опережающего социально-экономического развития. Отсюда возникает вопрос соотношения норм законов, устанавливающих различные правовые режимы осуществления инвестиций. Так, Закон о САР, учитывая возможность смещения различных правовых режимов на о. Русский, прямо указывает на субсидиарный характер применения своих норм, которые регулируют отношения, связанные с функционированием специального административного района, по сравнению с нормами Закона о свободном порте и Закона о ТОР. Однако в части регулиро-

вания инвестиционной деятельности на территории САР приоритетом обладают нормы Закона о международных компаниях.

В результате проведенного сравнения можно заключить, что в отличие от других зон территориального развития экономики, законодатель не ограничивает территорию инвестиций международных компаний территорией специального административного района, в котором она была образована, а расширяет её на всю территорию России. Представляется что это различие обуславливается несколькими обстоятельствами.

Во-первых, территория островов Русский и Октябрьский, на которых образованы специальные административные районы, входит в состав муниципальных образований – городских округов г. Владивостока и г. Калининграда соответственно и сравнительно не велика по площади. Отсюда ограничение территории осуществления инвестиций только территорией специальных административных районов существенно стесняла бы возможности для осуществления инвестиций в силу физических причин.

Во-вторых, позиционирование специальных административных районов в качестве альтернативы офшорам требовало установления конкурентоспособного правового режима для осуществления хозяйственной деятельности, а именно юридический факт регистрации международной компании на территории САР не должен ограничивать возможности ведения хозяйственной и инвестиционной деятельности за их пределами. Так, сама идея офшоров не предполагает ограничение инвестиций их резидентов территорией самих офшорных зон. Более того, ряд офшоров (Белиз, Макао, Сейшелы и др.) законодательно запрещает, зарегистрированным в них офшорным компаниям, осуществлять хозяйственную деятельность на их территории. Например, статья 4 Закона Белиза о международных коммерческих компаниях прямо запрещает таким компаниям осуществлять коммерческую деятельность с лицом, которое является резидентом Белиза [1]. Таким образом установление для международных компаний обязанности осуществлять инвестиционную деятельность на территории САР не соответствовало бы их «квази-офшорной» сущности.

В-третьих, полагаем, что рассматриваемые изменения принимались *ad hoc* в целях защиты уже существующих организаций, зарегистрированных в офшорных юрисдикциях и осуществляющих инвестиции на территории нескольких регионов России, от вводимых в отношении них экономических ограничений. Важно отметить, что законодатель при создании САР руководствовался не только целями повышения инвестиционной привлекательности, но и целями защиты от экономических ограничений (санкций) организаций, которые осуществляют хозяйственную деятельность

на территории России под видом нерезидентов, в целях уменьшения налогового бремени. Думается, что потребность в создании на территории страны экономических зон, резидентам которых был бы предоставлен правовой механизм защиты и уменьшения ущерба от введенных и потенциальных экономических санкций, обусловила специфику финансово-правового регулирования инвестиционной деятельности международных компаний. Следовательно законодатель, устанавливая требование об осуществлении инвестиций на территории России, нормативно урегулировал уже сложившиеся общественные отношения в сфере инвестиционной деятельности.

Таким образом, Закон о международных компаниях и Закон о САР рассматривают в качестве цели финансово-правового регулирования инвестиционной деятельности международных компаний прежде всего повышение инвестиционной привлекательности национальной экономики в целом, тогда как рассмотренные нами выше законы, предусматривающие создание различных экономических зон, преимущественно ставят целью развитие конкретной территории, на которой образована соответствующая экономическая зона. Отметим, что выделение различия указанных целей призвано подчеркнуть специфику правового положения международных компаний, по сравнению с резидентами иных экономических зон. Однако, мы не отрицаем того, что развитие инвестиционной привлекательности России невозможно без повышения инвестиционной привлекательности отдельных ее субъектов, и рассмотренные выше законы, предусматривающие создание различных форм территориального развития экономики, в конечном итоге, призваны улучшить инвестиционный «климат» всего государства.

Обращаясь к проблеме установления минимального размера инвестиций международных компаний важно отметить, что «классические офшоры» не устанавливают требование о необходимости инвестиций для регистрации компаний. При этом организации желающие зарегистрироваться в данных юрисдикциях уплачивают регистрационные сборы, размер которых, как правило, существенно меньше чем установленная законом о международных компаниях сумма инвестиций. Отметим что аналогичным образом к решению данной проблемы подходит и законодательство ряда юрисдикций, предоставляющих льготный режим налогообложения, но не являющихся, в традиционном понимании, офшорами (Гонконг, Республика Кипр, Сингапур и др.) Так, хорошо иллюстрирует различие подходов к установлению размера инвестиций сравнение российских САР и специального административного района Гонконг Китайской Народной Республики, исключенного Минфином в 2017 г. из перечня офшорных зон.

Несмотря на идентичные наименования в части правового регулирования инвестиций между данными районами различий больше чем сходств. Так, законодательство Гонконга не связывает факт регистрации компаний с необходимостью осуществления инвестиций, но устанавливает требование об уплате ежегодного регистрационного сбора, размер которого дифференцирован в зависимости от даты регистрации компании. Закрепляемый налоговым законодательством Гонконга общий принцип территориального налогообложения обеспечивает наиболее благоприятный правовой режим для организаций осуществляющих свою деятельность за пределами Гонконга. Сущность данного принципа заключается в том, что организации зарегистрированные в Гонконге, но осуществляющие хозяйственную деятельность за рубежом, освобождаются от уплаты налога на прибыль [2]. Отсюда законодательство Гонконга не устанавливает требования об обязательном осуществлении инвестиций и предоставляет наиболее благоприятный налоговый режим организациям ведущим хозяйственную деятельность за его пределами.

Таким образом, при определении минимального размера инвестиций международной компании законодатель с одной стороны должен был учитывать зарубежный правовой опыт, а с другой стороны руководствоваться задачами привлечения инвестиций в отечественную экономику. Однако, на наш взгляд, с учетом установленного для международных компаний льготного режима финансово-правового регулирования в целях привлечения в САР большего количества иностранных организаций, минимальный размер инвестиций все же должен быть понижен.

И.В. Кожан отмечает, что сумма инвестиций международной компании на первый взгляд не велика, указывая, что перерегистрация иностранной компании в САР требует реальных установленных законом вложений, а не простой платы или уплаты регулярного сбора [3, с.109]. В связи с этим необходимо отметить, что ст. 12 Закона о международных компаниях обязывает международные компании уплачивать ежегодный регистрационный сбор, устанавливаемый НК РФ. По задумке законодателя данный вид сбора должен представлять собой регулярный платеж взимаемый с хозяйственных обществ в качестве платы за предоставление статуса международной компании. Уплата данного сбора должна производиться международной компанией вне зависимости от размера ее инвестиций. Предназначение указанного сбора заключается в возмещении соответствующих расходов и дополнительных затрат публичной власти, произведенных в связи с созданием и функционированием САР. С учетом прямого указания закона на необходимость закрепления сбора в НК РФ можно заключить, что

рассматриваемый сбор является новым для российского налогового права видом налоговых сборов. Наряду с государственной пошлиной, сборами за пользование объектами животного мира и водных биологических ресурсов и торговым сбором ежегодный регистрационный сбор будет представлять собой налоговый доход бюджета, включенный в систему налогов и сборов.

Однако, законодателем до сих пор не были внесены изменения в НК РФ закрепляющие данный вид сбора и определяющие его размер и порядок уплаты. Несмотря на то, что с момента вступления в силу закона о международных компаниях прошло уже более двух лет вопрос об установлении регистрационного сбора рассматривается на только стадии подготовки законопроекта. Правовая неопределенность в отношении рассматриваемого налогового сбора, на наш взгляд, не соответствует принципу определенности налоговой обязанности и является несовершенством законодательства.

Представляется, что при установлении данного вида сбора законодатель учитывал зарубежный правовой опыт закрепления ежегодных регистрационных сборов взимаемых с организаций. Так, ежегодно взимаемые с компаний сборы, существуют во многих льготно налоговых юрисдикциях: Британские Виргинские Острова, Гонконг, Республика Кипр и др. В ряде офшоров, например Белизе, сборы являются единственными регулярными платежами уплачиваемым офшорными компаниями в бюджет [1]. То есть система ежегодных сборов в сущности подменяет собой налоговую систему, при этом ежегодный сбор рассматривается в качестве своеобразного «квазианалога» взимаемого ввиду факта регистрации офшорной компании. Размер данных взносов может устанавливаться в фиксированном размере, например, как на Кипре в виде твердой денежной суммы в 350 евро, либо дифференцироваться в зависимости от различных обстоятельств, например, как в Гонконге в зависимости от даты регистрации компании. Отметим, что размеры данных взносов, как правило, не велики и не превышают 1000 долларов США в год.

Таким образом, норма обязывающая международные компании уплачивать ежегодный регистрационный сбор не исполнима ввиду отсутствия

такого вида сбора в налоговом законодательстве. Полагаем, что скорейшее введение в НК РФ данного вида сбора позволит компенсировать хотя бы часть публичных расходов на создание САР.

По своей правовой природе ежегодный регистрационный сбор должен представлять обязательный, безвозвратный, индивидуально безвозмездный платеж за осуществление в отношении международной компании юридически значимых действий. Данный сбор является регулярным так как подлежит уплате ежегодно. Думается, что рассматриваемый сбор должен уплачиваться в бюджет субъекта федерации в котором расположен САР, в целях обеспечения расходов регионального бюджета на поддержание инфраструктуры специального административного района.

В заключение отметим, что правовой режим САР является существенной новацией призванной обеспечить приток иностранных инвестиций. Представляется, что в качестве одного из критериев определяющих успешность реализации тех или иных целей правового регулирования является статистика. Так, согласно сведениям реестров участников САР за два года существования САР статус международных компаний получили немногим более 30 иностранных организаций. Полагаем, что повысить привлекательность данных районов для иностранных компаний способна только комплексная модернизация законодательства. Отметим, что инвестиционная привлекательность САР во многом зависит именно от режима финансово-правового регулирования предоставляемого резидентам САР. Совершенствование законодательства о САР, на наш взгляд, должно прежде всего преследовать цели установления наиболее благоприятного режима инвестиционной деятельности для международных компаний, в том числе путем снижения обязательного минимального размера инвестиций. Думается, что указанная мера позволит привлечь в большем объеме не только инвестиции организаций принявших решение перерегистрироваться в качестве международных компаний прежде всего в связи с санкциями иностранных государств, но и инвестиции иностранных юридических лиц принявших решение перерегистрироваться в САР ввиду предоставляемых льгот и преимуществ в финансово-правовом регулировании.

Литература

1. Закон Белиза о Международных Коммерческих Компаниях от 01.05.1990 г. URL: <http://www.consultant.ru> (Дата обращения: 03.09.2020)
2. Закон о внутренних доходах Гонконга от 03.05.1947 г. URL: <https://www.elegislation.gov.hk/hk/cap112> (Дата обращения: 03.09.2020)
3. Кожан И. В. К вопросу о правовом регулировании специальных административных районов в Российской Федерации // Национальное гуманитарное знание. Том 3. Ростов-на-Дону, 2019.- С.108-113.
4. Отчет управляющей компании САР акционерного общества «Корпорации развития Дальнего Востока» за 2019 г. URL: <https://erdc.ru/about-sar/> (Дата обращения: 02.09.2020)
5. Смирнов Д. А., Боташева Л. Э. К вопросу об особенностях налогообложения на территориях со специальным режимом предпринимательской и инвестиционной деятельности // Правовая политика и правовая жизнь. 2018. №4. С.78-83.

6. Товгазова А. А. Специальные административные районы: новый институт развития или антисанкционный инструмент? // Пространственная экономика. 2018. №4. С.172–182.
7. Федеральный закон от 13.07.2015 г. № 212-ФЗ «О свободном порте Владивосток» // Собрание законодательства РФ. 2015. №29 (часть I). Ст. 4338.
8. Федеральный закон от 22.07.2005 г. № 116-ФЗ «Об особых экономических зонах в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2005. №30 (часть II). Ст. 3127.
9. Федеральный закон от 29.12.2014 г. № 473-ФЗ «О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2015. №1 (часть I). Ст. 26.

References

1. Zakon Beliza o Mezhdunarodnykh Kommercheskikh Kompaniyakh ot 01.05.1990 g. (The law of Belize about international commercial companies of 01.05.1990) URL: <http://www.consultant.ru> (Accessed: 03.09.2020). (In Russian).
2. Zakon o vnutrennikh dokhodakh Gonkonga ot 03.05.1947 g. (Law about internal revenue of Hong Kong) URL: <https://www.elegislation.gov.hk/hk/cap112> (Accessed: 03.09.2020). (In Russian).
3. Kozhan I. V. K voprosu o pravovom regulirovanii spetsial'nykh administrativnykh raionov v Rossiiskoi Federatsii (On the question of legal regulation of special administrative regions in the Russian Federation) // Natsional'noe gumanitarnoe znanie. Vol. 3. Rostov-na-Donu, 2019. P.108–113.
4. Otchet upravlyayushchei kompanii SAR aktsionernogo obshchestva «Korporatsii razvitiya Dal'nego Vostoka» za 2019 g. (Report on the SAR management company of the Far East development corporation joint stock company for 2019) URL: <https://erdc.ru/about-sar/> (Accessed: 02.09.2020). (In Russian).
5. Smirnov D. A., Botasheva L. E. K voprosu ob osobennostyakh nalogooblozheniya na territoriyakh so spetsial'nym rezhimom predprinimatel'skoi i investitsionnoi deyatel'nosti (On the question of peculiarities of taxation on the territories of special regime for business and investment activities) // Pravovaya politika i pravovaya zhizn'. 2018. No. 4. – P. 78–83.
6. Tovgazova A. A. Spetsial'nye administrativnye raiony: novyi institut razvitiya ili antisanktsionnyi instrument? (Special administrative regions: a new institute of development or an antisancitional instrument?) // Prostranstvennaya ekonomika. 2018. №4. P. 172–182.
7. Federal'nyi zakon ot 13.07.2015 g. № 212-FZ «O svobodnom porte Vladivostok» (Federal law of 13.07.2015 No. 212-FL «On the free port of Vladivostok») // Sbranie zakonodatel'stva RF. 2015. No.29 (Part I). Art. 4338.
8. Federal'nyi zakon ot 22.07.2005 g. № 116-FZ «Ob osobykh ekonomicheskikh zonakh v Rossiiskoi Federatsii» (Federal law of 22.07.2005 « On special ecomic zones in the Russian Federation») // Sbranie zakonodatel'stva RF. 2005. No. 30 (Part II). Art. 3127.
9. Federal'nyi zakon ot 29.12.2014 g. № 473-FZ «O territoriyakh operezhayushchego sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya v Rossiiskoi Federatsii» (Federal law of 29.12.2014 № 473-FL « On the territories of advanced social and economic development in the Russian Federation») // Sbranie zakonodatel'stva RF. 2015. No. 1 (Part I). Art. 26.

Сведения об авторе

Гаджиев Тимур Фикретович – аспирант кафедры административного и финансового права Юридического института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / timgadgmin@mail.ru

Information about the author

Gadzhiev Timur – postgraduate, Chair of Administrative and Financial Law, Institute of Law, North-Caucasus Federal University (Stavropol) / timgadgmin@mail.ru

УДК 347.965
DOI 10.37493/2409-1030.2021.2.14

В. В. Заборовский

НАПРАВЛЕННОСТЬ НА ДОСТИЖЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТА И ХАРАКТЕР АДВОКАТСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КАК КРИТЕРИИ РАЗГРАНИЧЕНИЯ ПОНЯТИЙ «ПРАВОВАЯ ПОМОЩЬ» И «ПРАВОВАЯ УСЛУГА»

В статье исследуются критерии разграничения понятий «правовая помощь» и «правовая услуга» (в контексте раскрытия сущности правовой природы профессиональной помощи адвоката). Основное внимание уделяется исследованию особенности характера деятельности, при которой реализуются профессиональная правовая помощь, а также сущность направленности на достижение результата как основных критериев разграничения вышеуказанных понятий.

Для достижения поставленной цели были применены характерные для правовой науки методы научного исследования. Исследование проводилось с применением диалектического метода познания правовой действительности, что предоставило возможность проанализировать различные позиции ученых относительно восприятия понятий «правовая помощь» и «правовая услуга», в том числе и для характеристики сущности адвокатской деятельности. Использование системно-структурного метода позволило определить общую структуру работы, что способствовало надлежащему раскрытию задач исследования. Метод системного анализа, который является одним из основных методов

этой работы, предоставил возможность добиться выполнения поставленных целей и задач исследования, а метод синтеза – определить критерии разграничения вышеуказанных понятий и раскрыть их содержание.

Аргументируется позиция, согласно которой к таким критериям, в частности, относятся направленность на достижение результата (адвокат при оказании правовой помощи может только предвидеть определенный результат, но ни в коем случае не имеет возможности гарантировать его наступления) и характер деятельности, при которой они реализуются (адвокатская деятельность – это независимая профессиональная деятельность, которая по своей природе не является предпринимательской деятельностью и лишена коммерческой составляющей). Сделан вывод о возможности разграничения понятий «правовая помощь» и «правовая услуга» также по: субъекту получения и субъекту предоставления; механизму осуществления и сферы правового регулирования.

Ключевые слова: адвокат; адвокатская деятельность; профессиональная юридическая (правовая) помощь; правовая помощь; правовая услуга; независимая профессиональная деятельность.

Viktor Zaborovskyy

THE FOCUS ON ACHIEVING THE RESULT AND THE NATURE OF ADVOCACY AS CRITERIA TO DISTINGUISH BETWEEN THE CONCEPTS OF «LEGAL AID» AND «LEGAL SERVICE»

The article examines the criteria for distinguishing between the concepts of «legal aid» and «legal service» (in the context of disclosing the essence of the legal nature of the professional assistance of a lawyer). The main attention is paid to the study of the peculiarities of the nature of the activity in which professional legal assistance is implemented, as well as the essence of focus on achieving results as the main criteria for distinguishing the above concepts.

To achieve this goal, the methods of scientific research characteristic of legal science were applied. The study was carried out using the dialectical method of cognition of legal reality, which made it possible to analyze various positions of scientists regarding the perception of the concepts of «legal aid» and «legal service», including for characterizing the essence of advocacy. The use of the systemic-structural method made it possible to determine the general structure of the work, which contributed to the proper disclosure of the research objectives. The method of systems analysis,

which is one of the main methods of this work, provided an opportunity to achieve the goals and objectives of the study, and the synthesis method – to determine the criteria for distinguishing the above concepts and reveal their content.

The position is argued according to which such criteria, in particular, include the focus on achieving the result (a lawyer, when providing legal assistance, can only foresee a certain result, but in no case has the ability to guarantee its occurrence) and the nature of the activity in which they are implemented (advocacy is an independent professional activity, which by its nature is not an entrepreneurial activity and lacks a commercial component). The conclusion is made about the possibility of differentiating the concepts of «legal aid» and «legal service» also by the subject of receipt and the subject of provision; the implementation mechanism and the scope of legal regulation.

Key words: lawyer; advocacy; professional legal assistance; legal aid; legal service; independent professional activity.

Соотношение понятий «правовая помощь» и «правовая услуга» в аспекте обозначения профессиональной деятельности адвоката является одним из дискуссионных в юридической ли-

тературе. Это обусловлено тем, что выяснение сущности таких дефиниций, а также установление критериев разграничения между ними дает возможность раскрыть правовую природу такой

деятельности адвоката. Актуальность исследования проявляется и в том, что разделение понятий «правовая помощь» и «правовые услуги», учитывая, что предоставление такой помощи (услуг) должно ассоциироваться именно с профессиональной деятельностью адвоката, и учитывая при этом особенности как заключение, так и расторжения договора, который заключается между адвокатом и его клиентом, позволит непосредственно определить предмет данного договора и определить его место среди других договоров.

Проблема определения критериев разграничения понятий «правовая помощь» и «правовая услуга», с целью выяснения сущности профессиональной деятельности адвоката, была предметом исследований ряда ученых. Среди ученых, которые исследовали отдельные аспекты данной проблемы целесообразно выделить работы С. Б. Булеци, И. В. Венедиктовой, Т. Б. Вильчик, И. А. Владимировой, В. С. Кашковского, М. В. Кравченко, М. В. Кратенко, В. С. Личко, Р. А. Майданика, Р. Г. Мельниченко, Д. В. Музюкина, А. В. Орлова, И. И. Панкова, В. Ю. Панченко, В. В. Печерского, К. Резник, Р. Е. Рябцев, Н. Хмелевской и других. Вместе с тем большинство исследований характеризуются определенной фрагментарностью, а потому сегодня остается достаточное количество дискуссионных моментов в данной сфере.

Целью данной статьи является раскрытие природы критериев разграничения понятий «правовая помощь» и «правовая услуга» для непосредственного установления сущности правовой природы профессиональной деятельности адвоката. Основными задачами автор ставит перед собой: проанализировать различные позиции ученых, раскрывающих содержание как понятие «правовая помощь», так и понятие «правовая услуга»; определить критерии разграничения между понятиями «правовая помощь» и «правовая услуга»; проанализировать сущность направленности на достижение результата в качестве критерия разграничения понятий «правовая помощь» и «правовая услуга»; выяснить характер деятельности, при которой реализуются профессиональная правовая помощь; и на основе вышеуказанных критериев осуществить разграничение понятий «правовая помощь» и «правовая услуга» в аспекте определения сущности профессиональной помощи адвоката.

В одной из наших предыдущих работ [7, с. 135] мы осуществили разделение понятий «правовая помощь» и «правовая услуга»:

- по субъекту получения (помощь получает лицо, которое находится в сложной (проблемной) правовой ситуации – объект помощи). Проведенное исследование дало нам возможность поддержать позиции тех ученых, которые понятие «правовая (юридическая) помощь» рассматривают как содействие в реализации прав и за-

конных интересов лица, нуждающегося в такой помощи, в случае если оно находится в сложных (проблемных) правовых ситуациях. В частности, с таких позиций выходят ученые, которые такую помощь рассматривают в качестве содействие: Т.Б. Вильчик (в реализации правовых возможностей субъектов права в целях решения проблемной правовой ситуации и достижения максимально благоприятного результата для этих лиц) [4], В.С. Кашковская (в предупреждении нарушения прав, свобод и законных интересов субъектов права, устранении или уменьшении неблагоприятных последствий такого нарушения и в восстановлении надлежащего состояния субъекта права) [8, с. 7]. Подобных позиций придерживаются и другие ученые. По нашему мнению, основой в разграничении между понятиями «правовая помощь» и «правовая услуга» должно быть наличие сложной (проблемной) правовой ситуации, которая и подтолкнула субъекта получения помощи обратиться за их предоставлением;

- субъектом предоставления (лицом, которое наделяется особым профессиональным статусом – адвокатом), а также механизмом осуществления и сферой правового регулирования (закрепления и гарантирования конституционного права на правовую помощь). Мы полностью разделяем позицию украинского законодателя, согласно которой монополия на осуществление основных видов правовой помощи (защиты и представительства) закрепляется исключительно за адвокатами. Это обусловлено тем, что государство, которое позиционирует себя как правовое, должно не только гарантировать на конституционном уровне право на получение правовой помощи (профессиональной юридической помощи) лицам, которые находятся в сложной (проблемной) правовой ситуации, но и должно обеспечивать надлежащие условия его реализации. Что касается адвокатуры, то такими условиями, в частности, является установление существенных квалификационных и других требований к кандидатам на получение статуса адвоката, а также закрепление особого статуса адвоката, реализация которого осуществляется на основе профессионализма и независимости [6, с. 112].

Кроме того, в вышеуказанном научном исследовании [7, с. 135], мы отмечали, что критериями разграничения понятий «правовая помощь» и «правовая услуга» являются также:

- направленность на достижение результата;
- характер деятельности, при которой они реализуются, что и обуславливает целесообразность их раскрытия.

Итак, одним из оснований разграничения понятий «помощь» и «услуга», как отмечает И. И. Панков [18, с. 45], является направленность на достижение результата (услуге, в отличие от помощи, присуща направленность на результат). В целом

разделяя позицию И. В. Венедиктовой о том, что «желаемый для сторон результат может не наступить, даже при надлежащем предоставлении и потреблении услуги» [3, с. 45], мы не подвергаем сомнению утверждение, согласно которому одним из конструктивных признаков услуги являются именно гарантированность достижения результата [12, с. 146] и совпадение во времени предоставления и потребления услуги [13, с. 201], а также возможность заранее предсказать результат и связанные с ним последствия для заказчика, предупредить и/или исключить негативные факторы, способные нанести ущерб интересам заказчика [19, с. 58]. Исходя из таких признаков услуги А. М. Ярошевська и З. Р. Бахриева указывают на то, что под юридической услугой следует понимать «полезный эффект как совокупность полезных свойств действий (деятельности) юридического характера исполнителя, непосредственно направленных на удовлетворение потребностей заказчика» [27, с. 165]. При этом Д. В. Музюкин, который исходит из того, что юридическими услугами являются совокупность действий специалиста в области права, направленных на удовлетворение потребностей юридического характера услугополучателя, отмечает, что «таким услугам в большей степени, чем другим услугам, присуща направленность на достижение конечного результата, а не на потребление полезного эффекта от услуги в процессе ее предоставления» [15, с. 12].

В отличие от правовой услуги, правовая помощь характеризуется «не достижением конкретного результата, а должна определяться самим процессом ее предоставления, а именно тем, насколько по форме и содержанию деятельность адвоката направлена на достижение желаемого для доверителя результата» [5, с. 8]. Адвокат при оказании правовой помощи может только предвидеть определенный результат, но ни в коем случае не имеет возможности гарантировать его наступление. Такая позиция была воспроизведена и в ч. 4 ст. 18 предыдущей редакции Правил адвокатской этики (адвокату запрещалось давать клиенту заверения и гарантии относительно реального результата выполнения поручения, прямо или косвенно способствовать формированию у него необоснованных надежд, а также представления, что адвокат может повлиять на результат другими средствами, кроме добросовестного выполнения своих профессиональных обязанностей). По непонятным для нас причинам указанная норма не получила своего закрепления в действующей редакции Правил адвокатской этики [20]. В отличие от действующей редакции украинских Правил, в ч. 2 ст. 10 Кодекса профессиональной этики адвоката [9] в Российской Федерации закреплено положение, согласно которому адвокат не вправе давать лицу, обратившемуся за оказанием юридической помощи, или доверителю обещания положительного результата выполнения поручения.

Как мы отмечали, одним из конструктивных признаков услуги является и совпадение во времени предоставления и потребления услуги. В отличие от услуги, результат правовой помощи обычно «имеет перспективный, а не срочный или краткосрочный проявление» [10, с. 88], поскольку наличие сложной (проблемной) правовой ситуации, обычно влечет за собой существенные, а иногда и радикальные изменения в жизни и/или деятельности человека.

В аспекте разграничения понятий «правовая помощь» и «правовая услуга» заслуживает внимания и позиция А. В. Орлова, который кроме направленности на достижение результата (целей, которые преследует такая деятельность), предлагает разграничивать эти понятия, и учитывая наличия в них экономического элемента (элемента товарного обращения) [17, с. 8]. Как отмечает Д. В. Музюкин понятие «правовая помощь» преимущественно применяется в случаях, когда «отношения между субъектами не имеют коммерческой направленности (или где эта составляющая не имеет определяющего значения), или, когда необходимо подчеркнуть предпринимательский характер деятельности лица, предоставляющего такую помощь» [15, с. 6]. При этом он отмечает, что такая помощь не является объектом гражданских прав, не обладает товарной формой и меновой стоимостью, а в экономическом обороте находится другой названный законом объект, а именно юридическая услуга. Фактически из таких же позиций выходит Н. В. Хмелевская, которая указывает на то, что «правовые услуги – это вид предпринимательской деятельности, которые предоставляют специалисты в области права. Оказание правовой помощи – вид профессиональной деятельности» [26, с. 107].

Следует обратить внимание на то, что в юридической литературе имеется и точка зрения, согласно которой разграничение между понятиями «помощь» и «услуга» осуществляется по критерию платности их предоставления. Так, С. Б. Булеца, исследуя вопрос о природе гражданских правоотношений в сфере осуществления медицинской деятельности, исходит из того, что формой реализации медицинской деятельности является предоставление медицинской услуг и медицинской помощи, которые отличаются по характеру их платности [2, с. 133]. Заслуживает внимания и точка зрения В. С. Личко, которая отмечает, что по критерию возмездности (безвозмездности) правовая помощь отличается от правовых услуг, которые всегда предоставляются на платной основе [11, с. 420].

Мы не разделяем такой точки зрения ученых, поскольку, как отмечает И. В. Венедиктова «наличие или отсутствие оплаты не может служить критерием отраслевого разграничения услуг и установления частноправовых или публично-пра-

вовых основ регулирования. Суть отношений, их содержание, защита не могут зависеть от того факта, установленная для услуги цена» [3, с. 46]. В этом случае следует учесть то, что термин «бесплатная», который часто используется как в законодательстве, так и в практической деятельности (бесплатная правовая помощь, бесплатная медицинская помощь) по своей сути не отражает бесплатность ее предоставления, поскольку лицу, которое ее предоставляет осуществляется соответственное возмещение за счет средств государственного бюджета или из других источников (в частности, специальных фондов). Например, согласно Закону Украины «О бесплатной правовой помощи» [21], бесплатная правовая помощь – правовая помощь, гарантируется государством и полностью или частично предоставляется за счет средств Государственного бюджета Украины, местных бюджетов и других источников (подобные позиции воспроизведены и в Федеральном законе «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации» [16]).

Такая помощь отличается от правовой помощи «pro bono» (от лат. Pro bono publico – ради общественного блага), что означает предоставление юридической помощи ради общественного блага, а не для коммерческих целей, на добровольной и безвозмездной основе. Такая помощь является бесплатной для клиента и предоставляется на том же профессиональном уровне, на котором осуществляется предоставление платной юридической помощи [25]. Сфера использования правовой помощи «pro bono» приобрела в некоторых странах широкого применения, например, в «США большими юридическими фирмами, которые рассматривают работу «pro bono» как часть своих обязательств перед обществом, а также как возможность для фирмы и адвокатов заниматься благотворительностью, а молодым адвокатам – получить опыт работы» [24, с. 24]. Все это указывает на то, что правовая помощь «pro bono» отличается от бесплатной правовой помощи в классическом ее понимании, поскольку она вообще лишена такого признака как плата (наличие определенного возмещения) за ее предоставление. О возможности предоставления адвокатом такой помощи идет речь в решении Совета адвокатов Украины от 23 апреля 2016 №118 [22], в котором отмечается, что адвокат вправе оказывать правовую помощь на добровольных началах и бесплатно (Pro bono), в соответствии с законодательством Украины о адвокатуре и адвокатской деятельности на основании договора об оказании правовой помощи, в котором обязательно должен указываться об условиях предоставления правовой помощи Pro bono без уплаты гонорара или с размером гонорара в 0,00 гривен.

Итак, по нашему мнению, ошибочным является разграничение понятий «правовая помощь» и «правовая услуга» по характеру платности их

предоставления. В данном случае нужно исходить из того, что правовая помощь без сомнения предоставляется для определенного положительного результата, однако «оплачиваться должен не сам результат, а деятельность» по ее предоставлению [14, с. 27]. В противном случае необходимо согласиться с утверждением И.Н. Лукьяновой, которая указывает, что «зависимость размера вознаграждения от результата, например, в уголовном деле естественным образом порождает у доверителя сомнения не только в честности адвоката, но и в беспристрастности суда, что, конечно, недопустимо» [1, с. 15].

Так, мы в определенной степени разделяем позицию, которая закреплена в ст. 30 Правил адвокатской этики, где предусмотрено, что результат выполнения поручения по общему правилу (если иное не предусмотрено договором об оказании правовой помощи) не является условием возникновения у адвоката права на получение невоенного (недовнесенного) гонорара. По нашему мнению, для надлежащего исполнения адвокатом своей профессиональной деятельности его профессиональный статус и соответствующее процессуальное положение должны быть независимыми от материальных правоотношений, которыми он связан со своим клиентом. Кроме этого, адвокат должен не забывать и о том, что в соответствии с ч. 1 ст. 27 упоминавшихся Правил каждому поручению, независимо от размера обусловленного гонорара, он должен уделять разумно необходимую для его успешного выполнения внимание.

Ошибочность разграничения понятий «правовая помощь» и «правовая услуга» по признаку платности их предоставления, совсем не означает не возможность их отделения по характеру деятельности, при которой они реализуются. Как мы уже отмечали, некоторые ученые обращают внимание на наличие коммерческой составляющей и подчеркивают предпринимательский характер предоставления услуг. Мы разделяем такую позицию ученых, поскольку под предоставлением услуг в большинстве случаев понимается деятельность, направленная на удовлетворение тех или иных (в том числе и материальных) потребностей населения, а для субъекта ее предоставления предъясняется требование о наличии соответствующего статуса субъекта предпринимательской деятельности. В отличие от услуг, оказание правовой помощи адвокатом как отмечает К. Резник «не может быть по самой природе предпринимательской деятельностью, направленной на получение прибыли» [23, с. 26]. Мы полностью разделяем такую позицию ученого, поскольку восприятие последнего в качестве субъекта предпринимательской деятельности никоим образом не соответствует законодательно закреплённому как его статуса адвоката, так и установленным организационным формам адвокатской деятельности. По нашему мнению, профессиональная деятельность

адвоката должна быть направлена не на получение какой-либо выгоды имущественного характера, а предоставление помощи для адвоката это прежде всего «профессиональные и моральные обязанности, с которыми законодательство и нормы морали связывают получения и осуществления определенной деятельности» [19, с. 53]. Следовательно, деятельность адвоката относительно предоставления профессиональной юридической (правовой) помощи в коем случае не должна восприниматься в качестве предпринимательской деятельности, а должна рассматриваться как профессиональная независимая деятельность.

Указанное дает нам возможность осуществить разграничение понятий «правовая помощь» и «правовая услуга» по:

- субъекту получения (помощь получает лицо, которое находится в сложной (проблемной) правовой ситуации – объект помощи);
- субъекту предоставления (лицо, наделяется особым профессиональным статусом – адвокат);
- механизму осуществления и сферой правового регулирования (закрепления и гарантирования конституционного права на правовую помощь);
- направленностью на достижение результата (адвокат при оказании правовой помощи может только предвидеть определенный результат, но ни в коем случае не имеет возможности гарантировать его наступления);
- характеру деятельности, при которой они реализуются (адвокатская деятельность – это независимая профессиональная деятельность, которая по своей природе не является предпринимательской деятельностью и лишена коммерческой составляющей).

Литература

1. Адвокат: навыки профессионального мастерства / под ред.: Л. А. Воскобитова, И. Н. Лукьянова, Л. П. Михайлова. М.: Волтерс Клувер, 2006. 592 с.
2. Булеца С. Б. Цивільні правовідносини, що виникають у сфері здійснення медичної діяльності: теоретичні та практичні проблеми: дис. ... доктора юрид. наук. Одеса, 2016. 437 с.
3. Венедіктова І. В. Правова природа медичних послуг // Наукові записки Інституту законодавства Верховної Ради України. 2014. № 5. С. 44–48.
4. Вільчик Т.Б. Конституційно-правовий статус адвокатури України // Теорія і практика правознавства. 2015. Вип. 2 (8). URL: <http://tlaw.nlu.edu.ua/article/view/63588/59052> (Дата обращения: 05.01.2021).
5. Владимиров И.А. Особенности гражданско-правового регулирования оказания услуг адвокатом: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. 26 с.
6. Заборовський В. В. Правовий статус адвоката в умовах становлення громадянського суспільства та правової держави в Україні: дис. ... докт. юрид. наук. К., 2017. 577 с.
7. Заборовський В. В. Співвідношення понять «правова допомога» та «правова послуга» в аспекті визначення сутності професійної діяльності адвоката // Науковий вісник Ужгородського національного університету. Серія: Право. 2016. Вип. 40. Т. 2. С. 131–137.
8. Кашковский В. С. Юридическая помощь как правовая категория и социально-правовое явление: вопросы теории и практики: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Тамбов, 2009. 24 с.
9. Кодекс профессиональной этики адвоката, принят Первым Всероссийским съездом адвокатов 31 января 2003 года. URL: http://www.fparf.ru/documents/normative_acts/1059/ (Дата обращения: 05.01.2021)
10. Кравченко М.В. Договір про надання правової допомоги як правова конструкція // Юридичний вісник. Повітряне і космічне право. 2015. №1. С. 86–91.
11. Личко В. С. Поняття та види правової допомоги // Актуальні проблеми держави і права. 2009. Вип. 50. С. 419–425.
12. Майданик Р.А. Договір про надання медичних послуг: загальні положення // Методологічна скарбниця. 2016. №1. С. 139–158.
13. Маркетинг: учебник и практикум для СПО / под ред. Т. А. Лукичёвой, Н. Н. Молчанова. М.: Издательство Юрайт, 2018. 370 с.
14. Мельниченко Р. Г. Стандарты качества адвокатских услуг // Адвокатская практика. 2010. №5. С. 26–30.
15. Музюкин Д. В. Правовое обеспечение рынка юридических услуг: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2007. 30 с.
16. О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации: Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. №324-ФЗ // Собрании законодательства Российской Федерации. 2011. №48. Ст. 6725.
17. Орлов А. В. Гражданско-правовое регулирование отношений в сфере оказания юридических услуг: сравнительно-правовое исследование: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. 31 с.
18. Панков И. И. Соглашение об оказании юридической помощи как особый гражданско-правовой договор // Актуальные проблемы науки XXI века: сб. ст. уч. науч.-практ. семинара молодых ученых (г. Минск, 17 февраля 2011 г.). Минск: Минский ин-т управления, 2011. С. 44–49.
19. Печерский В. В. Юридическая помощь и юридическая услуга: формирование и сравнение понятий // Вопросы адвокатуры. 2005. № 1 (36). С. 50–69.
20. Правила адвокатської етики, затверджені Звітньо-виборним з'їздом адвокатів України від 9 червня 2017 року. URL: <http://vkdk.org/wp-content/uploads/2017/07/PravilaAdvokatskojiEtiki2017.pdf> (Дата обращения: 05.01.2021)
21. Про безоплатну правову допомогу: Закон України від 02 червня 2011р. № 3460-VI // Відомості Верховної Ради України. 2011. № 51. Ст. 577.

22. Про затвердження роз'яснення щодо можливості надання адвокатом (адвокатським бюро, адвокатським об'єднанням) правової допомоги безоплатно (Pro bono): Рішенням Ради адвокатів України від 23 квітня 2016 року № 118. URL: http://unba.org.ua/assets/uploads/legislation/rishennya/2016-04-23-r-shennya-rau-118_5735a1d5d7a7a.pdf (Дата обращения: 05.01.2021)
23. Резник Г. К вопросу о конституционном содержании понятия «квалифицированная юридическая помощь» // Адвокат. 2007. № 4. С. 25–27.
24. Рябцева Е.В. Формы бесплатной юридической помощи в международном праве и практике зарубежных стран // Евразийская адвокатура. 2014. №6 (13). С. 20–25.
25. Сравнительный анализ международной и российской практикоказания юридической помощи на общественных началах. Совместный проект Европейского Союза и Совета Европы «Защита прав предпринимателей в Российской Федерации от коррупционных практик». ECCU-PRECOP-5/2014. URL: <https://rm.coe.int/16806d861e> (Дата обращения: 05.01.2021)
26. Хмелевська Н. В. Поняття гарантій забезпечення правової допомоги громадян в Україні // Вісник Академії адвокатури України. 2011. Число 1. С. 105-108. URL: http://nbuv.gov.ua/UJRN/vaau_2011_1_16 (Дата обращения: 05.01.2021)
27. Ярошевская А. М., Бахриева З. Р. Особенности правовой модели договора о предоставлении юридических услуг // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. 2016. №1. С. 162–170.

References

1. Voskobitova L. A., Lukyanova I. N., Mikhailova L. P. (ed.). Advokat: navyiki professionalnogo masterstva (Lawyer: skills of professional mastery). Moscow: Walters Clover, 2006.592 p. (In Russian).
2. Buletsa S. B. Tsivilni pravovidnosini, scho vinikayut u sferi zdysnennya medichnoyi diyalnosti: teoretichni ta praktichni problemi (Civil legal relations arising in the field of medical activity: theoretical and practical problems): dis. ... doktora jurid. nauk. Odessa, 2016. 437 p. (In Ukrainian).
3. Venediktova I. V. Pravova priroda medichnih poslug (Legal nature of medical services). Naukovi zapiski Institutu zakonodavstva Verhovnoyi Radi Ukraini. 2014. No 5. P. 44–48. (In Ukrainian).
4. Vilchik T. B. Konstytutsiyno-pravoviy status advokaturi Ukraini (Constitutional and legal status of the bar of the Ukraine) // Teoriya i praktika pravoznavstva. 2015. No 2(8). URL: <http://tlaw.nlu.edu.ua/article/view/63588/59052> (Accessed: 05.01.2021). (In Ukrainian).
5. Vladimirova I. A. Osobennosti grazhdansko-pravovogo regulirovaniya okazaniya uslug advokatom (Features of civil law regulation of the provision of services by a lawyer): abstract of thesis. Moscow, 2006.26 p. (In Russian).
6. Zaborovskiy V. V. Pravoviy status advokata v umovah stanovlennya gromadyanskogo suspilstva ta pravovoyi derzhavi v Ukraini (Legal status of a lawyer in the conditions of formation of civil society and the rule of law in the Ukraine): thesis. Kiev, 2017. 577 p. (In Ukrainian).
7. Zaborovskiy V. V. Spivvidnoshennya ponyat «pravova dopomoga» ta «pravova posluga» v aspekti viznachennya sutnosti profesiynoyi diyalnosti advokata (The ratio of the concepts of «legal aid» and «legal service» in terms of defining the essence of the professional activity of a lawyer) // Naukoviy visnik Uzhgorodskogo natsionalnogo universitetu. Seriya: Pravo. 2016. No. 40. Vol. 2. P. 131–137. (In Ukrainian).
8. Kashkovskiy V. S. Yuridicheskaya pomoshch kak pravovaya kategoriya i sotsialno-pravovoe yavlenie: voprosyi teorii i praktiki (Legal aid as a legal category and a socio-legal phenomenon: issues of theory and practice): avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. Tambov, 2009. 24 p. (In Russian).
9. Kodeks professional'noy etiki advokata (The Code of Professional Ethics of a Lawyer), prinyat Pervym Vserossiyskim s'yezdom advokatom (31.01.2003) URL: http://www.fparf.ru/documents/nor-mative_acts/1059/ (Accessed: 05.01.2021). (In Russian).
10. Kravchenko M. V. Dogovir pro nadannya pravovoyi dopomogi yak pravova konstruktsiya (Agreement on the provision of legal assistance as a legal structure) // Yuridichniy visnik. Povitryane i kosmichne pravo. 2015. No 1. P. 86-91. (In Ukrainian).
11. Lichko V. S. Ponyattya ta vidi pravovoyi dopomogi (Concepts and types of legal aid) // Aktualni problemi derzhavi i prava. 2009. No 50. P. 419–425. (In Ukrainian).
12. Maydanik R. A. Dogovir pro nadannya medichnih poslug: zagalni polozhennya (Contract for the provision of medical services: general provisions) // Metodologichna skarbnitsya. 2016. No 1. P. 139 – 158. (In Ukrainian).
13. Marketing: uchebnik i praktikum dlya SPO (Marketing: a textbook and workshop for open source software) / ed. by T. A. LukichYovoy, N. N. Molchanova. Moscow: Yurayt, 2018. 370 p. (In Russian).
14. Melnichenko R. G. Standartyi kachestva advokatskih uslug (Quality standards of lawyer services) // Advokatskaya praktika. 2010. No. 5. P. 26–30. (In Russian).
15. Muzyukin D. V. Pravovoe obespechenie ryinka yuridicheskikh uslug (Legal support of the legal services market): abstract of thesis. Tomsk, 2007. 30 p. (In Russian).
16. O besplatnoy yuridicheskoy pomoshchi v Rossiyskoy Federatsii (On free legal aid in the Russian Federation): Federal'nyy zakon No 324-FZ (21.11.2011) // Sobranii zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii. 2011. No. 48. Art. 6725. (In Russian).
17. Orlov A. V. Grazhdansko-pravovoe regulirovanie otnosheniy v sfere okazaniya yuridicheskikh uslug: sravnitelno-pravovoe issledovanie (Civil-law regulation of relations in the field of the provision of legal services: comparative legal study): abstract of thesis. Moscow, 2009. 31 p. (In Russian).
18. Pankov I. I. Soglasenie ob okazanii yuridicheskoy pomoshchi kak osobyiy grazhdansko-pravovoy dogovor (The agreement on the provision of legal assistance as a special civil contract) // Aktualnyie problemy nauki XXI veka: sb. st. uch. nauch.-prakt. seminarov molodykh uchenih. Minsk: Minsk Institute of Management publ., 2011. P. 44–49. (In Russian).

19. Pecherskiy V.V. Yuridicheskaya pomosch i yuridicheskaya ushuga: formirovaniye i sravneniye ponyatiy (Legal aid and legal service: the formation and comparison of concepts) // Voprosyi advokaturyi. 2005. No. 1 (36). P. 50-69. (In Russian).
20. Pravyla advokat-s'koyi etyki (Rules of Advocate Ethics), zatverdzeni Zvitno-vyboryym z'yizdom advokativ Ukrayiny (9.06.2017). URL: <http://vkdk.org/wp-content/uploads/2017/07/PravilaAdvokatskojiEtiki2017.pdf> (Accessed: 05.01.2021). (In Russian).
21. Pro bezoplatnu pravovu dopomohu (On free legal aid): Zakon Ukrayiny No 3460-VI (2.06.2011) // Vidomosti Verkhovnoyi Rady Ukrayiny. 2011. No 51. Art. 577. (In Russian).
22. Pro zatverdzhennya roz'yasnennya shchodo mozhlyvosti nadannya advokatom (advokat-s'kym byuro, advokat-s'kym ob'yednannym) pravovoyi dopomohy bezoplatno (Pro bono) (On approval of clarification on the possibility of providing legal assistance by a lawyer (law firm, bar association) free of charge (Pro bono)): Rishennya Rady advokativ Ukrayiny No 118 (23.04.2016). URL: http://unba.org.ua/assets/uploads/legislation/rishennya/2016-04-23-r-shennya-rau-118_5735a1d5d7a7a.pdf (Accessed: 05.01.2021). (In Russian).
23. Reznik G. K voprosu o konstitutsionnom sodержanii ponyatiya «kvalifitsirovannaya yuridicheskaya pomosch» (On the constitutional content of the concept of «qualified legal assistance»). 2007. No. 4. P. 25-27. (In Russian).
24. Ryabtseva E. V. Formy besplatnoy yuridicheskoy pomoschi v mezhdunarodnom prave i praktike zarubezhnykh stran (Forms of free legal aid in international law and practice of foreign countries) // Evraziyskaya advokatura. 2014. No. 6 (13). P.20 – 25. (In Russian).
25. Sravnitel'nyy analiz mezhdunarodnoy i rossiyskoy praktikokazaniya yuridicheskoy pomoshchi na obshchestvennykh nachalakh. Sovmestnyy proyekt Yevropeyskogo Soyuzha i Soveta Yevropy «Zashchita prav predprinimateley v Rossiyskoy Federatsii ot korruptsiyonnykh praktik» (Comparative analysis of international and Russian practice of providing legal assistance on a voluntary basis. Joint project of the European Union and the Council of Europe «Protection of the rights of entrepreneurs in the Russian Federation from corrupt practices»). ECCU-PRECOP-5/2014. URL: <https://rm.coe.int/16806d861e> (Accessed: 05.01.2021). (In Russian).
26. Hmelevska N. V. Ponyattya garantiy zabezpechennya pravovoyi dopomogi gromadyan v Ukrayini (The concept of guarantees of legal aid to citizens in the Ukraine) // Visnik Akademiyi advokaturi Ukrayini. 2011. No 1. P. 105-108. URL: http://nbuv.gov.ua/UJRN/vaau_2011_1_16 (Accessed: 05.01.2021). (In Russian).
27. Yaroshevskaya A. M., Bahrieva Z. R. Osobennosti pravovoy modeli dogovora o predostavlenii yuridicheskikh ushug (Features of the legal model of a contract for the provision of legal services) // Ucheniye zapiski Krymskogo federalnogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Yuridicheskie nauki. 2016. No. 1. P. 162-170. (In Russian).

Сведения об авторе

Заборовский Виктор Викторович – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского права и процесса Ужгородского национального университета (Украина) / zaborovskyyvictor@gmail.com

Information about the author

Zaborovskyy Viktor – Doctor of Law, Professor, Chair of Civil Law and Procedure, Uzhhorod National University (Ukraine) / zaborovskyyvictor@gmail.com

УДК 342.7
DOI 10.37493/2409-1030.2021.2.15

Е. А. Иванченко

НАДЗОР ЗА ЗАКОННОСТЬЮ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ФАРМАЦЕВТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КАК СПОСОБ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ОРГАНАМИ ПРОКУРАТУРЫ ПРАВА ГРАЖДАН НА ОХРАНУ ЗДОРОВЬЯ И МЕДИЦИНСКУЮ ПОМОЩЬ

В статье автор приводит обзор актуальных нарушений действующего законодательства, регламентирующего сферу фармацевтической деятельности, выявленных по результатам надзорной работы органов прокуратуры в период 2019-2020 гг. Автор подчеркивает, что данные нарушения делают невозможной реализацию гарантированного Конституцией РФ права на охрану здоровья и медицинскую помощь.

В область выявленных нарушений законодательства автор включил следующих субъектов, вступающих в правоотношения в сфере оборота лекарственных средств: медицинские организации, аптечные организации, органы исполнительной власти, контролирующие фармацевтическую деятельность, а также некоторые иные субъекты.

С точки зрения автора, как объект прокурорского надзора следует рассматривать деятельность субъектов правоотношений в фармацевтической области, как обладающих властными полномочиями, так и не обладающих таковыми, так как обе условные группы обязаны соблюдать и поддерживать правовой режим оборота лекарственных средств.

Ежегодно органами прокуратуры проверяется около 4 тыс. субъектов, осуществляющих свою деятельность в сфере оборота лекарственных средств, что в среднем можно оценить, как 15% от числа всех участников фар-

мацевтического рынка. Недостаточность количества проводимых прокурорских проверок и их несоответствие объективной действительности были наглядно доказаны в марте – апреле 2020 года. Автор подчеркивает, что протекающая эпидемия вирусной инфекции сделала очевидной необходимость концептуального переосмысления как системы организации обеспечения граждан лекарственными и иными медицинскими средствами, так и системы надзора за законностью деятельности субъектов фармацевтического рынка. При надлежащем уровне государственного прогнозирования, планирования и контроля организация сферы оборота лекарственных средств должна быть способна обеспечивать безопасными и качественными препаратами все категории российских граждан, а также выдержать любую эпидемиологическую угрозу, как путем создания неприкосновенного фонда лекарственных средств на случай аналогичных эпидемий, так и путем соблюдения аптечными организациями требований к минимальному набору лекарственных средств, утвержденному Правительством РФ, и иных нормативных предписаний.

Ключевые слова: право на охрану здоровья и медицинскую помощь, органы прокуратуры, прокурорский надзор, фармацевтическая деятельность, лекарственные средства, аптечная организация.

Elena Ivanchenko

SUPERVISION OF THE LEGALITY OF PHARMACEUTICAL ACTIVITIES AS A WAY TO ENSURE THE RIGHT OF CITIZENS TO HEALTH PROTECTION AND MEDICAL CARE BY THE PROSECUTOR'S OFFICE

The article provides an overview of violations of the current legislation regulating the sphere of pharmaceutical activity, identified by the results of the Supervisory work of the Prosecutor's office in the period 2019-2020. The author emphasizes that these violations make it impossible to implement the right to health protection and medical care guaranteed by the Constitution of the Russian Federation.

In the area of revealed violations of the legislation, the author included the following entities that enter into legal relations in the sphere of drug turnover: medical organizations, pharmacy organizations, Executive authorities that control pharmaceutical activities, as well as some other entities.

From the author's point of view, the activity of subjects of legal relations in the pharmaceutical field should be considered as an object of Prosecutor's supervision, both those who have authority and those who do not, since both conditional groups are obliged to observe and maintain the legal regime of drug turnover.

Every year, the Prosecutor's office checks about 4 thousand entities that carry out their activities in the field of drug trafficking, which on average can be estimated

as 15% of all participants in the pharmaceutical market. The insufficiency of the number of Prosecutor's checks carried out and their inconsistency with objective reality were clearly proved in March – April 2020. The author emphasizes that the ongoing epidemic of viral infection has made it obvious that there is a need for a conceptual rethinking of both the system for organizing the provision of citizens with medicines and other medical products, and the system for monitoring the legality of the activities of pharmaceutical market entities. With an appropriate level of state forecasting, planning and control, the organization of the sphere of drug turnover should be able to provide safe and high-quality medicines to all categories of Russian citizens, as well as withstand any epidemiological threat, both by creating an inviolable Fund of medicines in the event of similar epidemics, and by complying with pharmacy organizations requirements for the minimum set of medicines approved by the Government of the Russian Federation, and other regulatory requirements.

Key words: right to health protection and medical care, Prosecutor's office, Prosecutor's supervision, pharmaceutical activity, medicines, pharmacy organization.

Начиная с начала 2000-х тысячных годов, получило самостоятельное обособление еще одно направление обеспечения национальной безопасности и национальных интересов РФ – преодоление высокого уровня смертности, увеличение рождаемости и продолжительности жизни человека. Угроза демографического коллапса перестала быть мифической «страшилкой», на которую к тому моменту уже пару десятилетий ссылались социологи, и получила вполне ощутимое «цифровое оформление» в виде уменьшения числа населения трудоспособного возраста, что сделало невозможным обеспечение устойчивого экономического роста РФ, не помог преодолению нарастающей депопуляции и положительный миграционный прирост, в демографический успех которого верили многие специалисты.

Вывод стал более чем очевиден – необходимо было срочно и концептуально менять государственную политику в области здравоохранения, что положило начало созданию и последующей реализации национального проекта «Здравоохранение», основные результаты которого по замыслу разработчиков должны сформироваться к 2024 году.

Не вдаваясь глубоко в подробности национального проекта «Здоровье», для данной публикации необходимо отметить следующие основные направления его реализации: устранение изношенности основных фондов медицинских организаций и формирование адекватно укомплектованного первичного звена системы здравоохранения.

Указанные меры выступают необходимой основой для эффективной реализации и защиты права граждан на охрану здоровья и медицинскую помощь, закрепленного в ст. 41 Конституции РФ и обеспечиваемого органами государственной власти и местного самоуправления.

Прокуратура РФ является субъектом исполнительной власти, в пределах своих полномочий активно вовлеченным в систему обеспечения права граждан на охрану здоровья, основные принципы которой закреплены в ст. 4 Федерального закона от 21 ноября 2011 года № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» [7], среди которых в том числе установлена ответственность органов государственной власти и органов местного самоуправления за обеспечение прав граждан в сфере охраны здоровья, а также доступность и качество медицинской помощи, гарантированные государством.

При этом формы, виды и условия предоставления на бесплатной основе медицинской помощи (первичной медико-санитарной, специализированной, паллиативной и скорой) закрепляются в нормативных актах Правительства РФ, соответствующими постановлениями устанавливаются категории граждан, в отношении которых дей-

ствуют специальные правовые режимы оказания медицинской помощи; закрепляется порядок использования бюджетных средств в рамках реализации отдельных проектов, включенных в национальный проект «Здоровье»; финансирование некоторых направлений медицинского обслуживания населения, а также иные нормативные и организационные вопросы предоставления медицинской помощи.

Следовательно, для эффективной реализации надзорных полномочий в сфере обеспечения права на охрану здоровья, прокурору необходимо свободно ориентироваться в обширнейшей нормативно-правовой базе, представленной указанными постановлениями Правительства РФ.

На наш взгляд совершенно очевидно, что надлежащая охрана здоровья граждан невозможна без функционирования соответствующей системы обеспечения лекарственными препаратами, большая часть которых должна предоставляться гражданам на безвозмездной основе. Однако, в специальной литературе мы не встретили единства по данному вопросу, если провести анализ высказываемых мнений, их условно можно классифицировать следующим образом:

- мнение о том, что финансовое бремя обеспечения населения необходимыми лекарственными препаратами должно быть полностью возложено на бюджет РФ и у его сторонников есть очень веский аргумент в его пользу – именно так возможно очистить сферу медицинского обслуживания от проникновения в нее фальсифицированных лекарственных препаратов;
- мнение о том, что фармацевтическую сферу нельзя «выводить» из рыночных принципов оборота, что неизбежно негативно скажется на ее развитии, доступности и создании новых лекарственных препаратов, а лекарственное обеспечение населения должно оставаться смешанного типа, включать как бесплатное предоставление лекарственных средств, так и их продажу;
- мнение о том, что лекарственное обеспечение населения вообще не должно относиться к правовой области оказания бесплатной медицинской помощи, а должно быть отнесено к сфере социальных гарантий, т.е. безвозмездность предоставления лекарственных препаратов должна базироваться не на факте наличия у гражданина того либо иного заболевания, а на принадлежности его к определенной социальной группе, уровне дохода и тому подобных социальных категориях.

Нужно отметить, что вирусная эпидемия 2020 года сделала очевидными для многих существующие проблемы фармацевтической области и существенно добавила сторонников, в том числе и автора данной статьи, в лагерь передачи данного

вида деятельности исключительно в ведение государства, способного обеспечить должный уровень прогнозирования и планирования в сфере оборота лекарственных препаратов, создание неприкосновенного фонда лекарственных средств на случай аналогичных эпидемий, организацию первичных медико-санитарной мер при вспышке заболеваний, передающихся от человека к человеку.

Каким образом урегулирована сегодня фармацевтическая деятельность и что, таким образом, должно непосредственного входить в предмет прокурорского надзора в такой социально значимой сфере?

Нормативно определяющим в области организации оборота лекарственных средств выступает одноименный Федеральный закон от 12 апреля 2010 года № 61-ФЗ «Об обращении лекарственных средств» [8], устанавливающий основы государственной политики обеспечения лекарствами граждан на всех территории РФ, его положения детализируются в нормативных актах субъектов Федерации, которым предоставлено право регулирования отдельных вопросов фармацевтической сферы. Положения данных нормативных актов органов исполнительной власти субъекта РФ не должны вступать в противоречия с Федеральным законом от 12 апреля 2010 года № 61-ФЗ и в основном регламентируют реализацию региональных программ обеспечения населения субъекта РФ или отдельных категорий населения субъекта РФ лекарственными препаратами.

Входит ли реализация положений региональных нормативных актов в предмет прокурорского надзора? Конечно, нет. Основная задача прокуроров состоит только в проверке, во-первых, самого факта наличия в соответствующем субъекте РФ нормативного акта, устанавливающего порядок оборота лекарственных средств на территории данного субъекта РФ, во-вторых, соответствия региональных нормативно-правовых актов федеральному законодательству. В частности, 17 марта 2020 года на расширенном заседании коллегии Генеральной прокуратуры РФ, на котором освещались итоги работы прокуратуры РФ по основным надзорным направлениям, были озвучены данные о выявленных в результате прокурорских проверок фактах отсутствия, соответствующих необходимых нормативно-правовых актов в 28 субъектах РФ и в 34 субъектах РФ – несоответствие регионального законодательства федеральному, регулирующему оборот лекарственных средств [1]. Нет нужды говорить, что наступившая эпидемия вируса COVID-19 доказала первостепенное значение должного регулирования сферы здравоохранения и многократно усилила надзорную работу прокуроров в рассматриваемой области.

Несомненно, что надзорный процесс за обеспечением права граждан на охрану здоровья и медицинскую помощь, в том числе обеспечением

их лекарственными препаратами, должен носить системный характер и невозможен без серьезной организационной работы по систематизации и согласованию законодательства, а также обеспечению единства прокурорской надзорной практики.

Следуя установленному ст. 4 Федерального закона от 17 января 1992 года № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» [9] запрету подменять в надзорной работе деятельность иных контролирующих органов, прокуроры не осуществляют надзор за законностью всего процесса введения на российский фармацевтический рынок новых лекарственных препаратов, оборота уже существующих.

Генеральная задача прокуратуры РФ в сфере фармацевтической деятельности определяется прежде всего Приказом Генерального прокурора РФ от 7 декабря 2007 года № 195 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов, соблюдением прав и свобод человека и гражданина» [2] и еще рядом организационно-правовых документов Генеральной прокуратуры РФ. В частности, п. 7.1 упомянутого Приказа № 195 содержит положение, обязывающее прокуроров с повышенным вниманием проверять состояние обеспечения конституционного права граждан на охрану здоровья и медицинскую помощь, что и выступает генеральной задачей в рассматриваемой сфере. Соответственно, данная задача обуславливает определение четырех основных направлений надзорной работы за законностью оборота лекарственных средств:

- проверка обеспечения принципа доступности медицинской помощи;
- проверка обеспечения населения качественными и безопасными лекарственными препаратами. При этом такая категория как «эффективность» лекарственного препарата по своей сути выходит за пределы прокурорского надзора, требует специальных знаний и не относится к компетенции прокурора. Следовательно, использование формулировки при организации и проведении надзорного мероприятия «проверка обеспечения населения качественными, эффективными и безопасными лекарственными препаратами» является чрезмерным и превышающим прокурорские полномочия;
- проверка своевременности и достаточности обеспечения лекарственными препаратами отдельных категорий граждан, пользующихся повышенной государственной защитой;
- проверка законности деятельности организаций, осуществляющую оптовую и розничную торговлю лекарственными средствами.

Так, в отдельных субъектах Федерации в 2019 году не была организована на необходимом уровне медицинская помощь гражданам и обеспечение их лекарственными препаратами даже

в рамках стационарного лечения в лечебных учреждениях, что было установлено в ходе проведения прокурорских проверок (Волгоградская область, Республика Адыгея, Рязанская область и др.). Вопиющие данные выявила надзорная работа по направлению проверки обеспечения льготников бесплатными лекарственными препаратами – нарушения порядка, объемов или сроков предоставления лекарств были зафиксированы в 42 субъектах РФ (особенно большое количество выявленных нарушений зафиксировано в Томской и Кировской областях, более 2 тыс. фактов в течении прошедшего года, и только благодаря своевременным мерам прокурорского реагирования пациенты обеспечивались необходимыми лекарственными препаратами) [1].

Необходимо отметить, что прокурорская проверка выступает в качестве правового инструмента, направленного на выявление нарушений законодательства об обращении лекарственных средств, а также причин и условий, способствовавших данным нарушениям. Основополагающий принцип прокурорской проверки – законность, поэтому так важно прокурорам при осуществлении надзорной деятельности уметь безошибочно определять границы предмета надзора и оставаться в определенных пределах в течение всего проверочного мероприятия.

Все федеральные программы, имеющие отношение к обеспечению права граждан на охрану здоровья, утверждались соответствующими постановлениями Правительства РФ, входят в понятие «федеральное законодательство», а значит автоматически включаются в предмет надзорной деятельности прокурора. Как уже указывалось в статье, количество соответствующих постановлений достаточно большое, что доказывает необходимость проведения тщательной подготовительной работы до начала проведения прокурорской проверки. Еще эффективнее прокурору осуществлять свою профессиональную подготовку на систематической основе:

- анализировать и обобщать информацию о состоянии законности в сфере оборота лекарственных препаратов, уметь выявлять из полученной информации типичные нарушения законодательства и соотносить их с отдельными частными обстоятельствами проведенных другими прокурорами проверок;
- осуществлять мониторинг изменений федерального законодательства, регулирующего указанную сферу, а также особенное внимание уделять правовым актам государственной власти субъекта РФ, на территории которого несет службу прокурор, и актам контроля фармацевтического рынка иными органами исполнительной власти;
- анализировать результаты мониторингов качества сертифицированных лекарственных препаратов и выявления новых, появившихся

на фармацевтическом рынке фальсифицированных лекарственных средств, знать о том, какие лекарственные средства наиболее часто фальсифицируются;

- свободно ориентироваться в актуальной уголовной, гражданской и административной практике, сложившейся относительно вопросов законности оборота лекарственных средств.

Очень эффективной в данном контексте выступает такая форма повышения профессиональной квалификации, как тестирование прокуроров на знание законодательства, регулирующего то или иное направление надзорной работы, о чем указывает в своей публикации Э. Б. Хатов [10, с.59], практикующееся в прокуратурах отдельных субъектов РФ. Действительно, сталкиваясь с такой узкопрофильной сферой нормативного регулирования, прокурор может испытывать закономерные затруднения при оценке выполнения субъектами фармацевтического рынка требований законодательства. Углубление профессиональных познаний прокурорского работника должно осуществляться как уже апробированными в прокурорской деятельности способами, так и научно-обоснованными новыми способами обеспечения эффективности надзорной работы.

Обобщение и анализ надзорной практики позволили установить следующие типичные нарушения в сфере обращения лекарственных средств, причиняющие ущерб гарантированному Конституцией РФ праву граждан на охрану здоровья и медицинскую помощь, которые допускаются медицинскими и фармацевтическими организациями, а также органами власти, осуществляющими контроль за оборотом лекарственных препаратов:

- ненадлежащая организация органами государственной власти обеспечения граждан необходимыми лекарственными средствами, в том числе далеко не единичны факты необоснованного отказа лечебными учреждениями гражданам, относящимся к категориям льготников, в выписке лекарственных средств, которые они должны получать на безвозмездной основе в силу прямого указания закона;
- ненадлежащее обеспечение минимального набора лекарственных и иных медицинских средств, которыми должна быть укомплектована любая медицинская или аптечная организация, утвержденного соответствующим нормативно-правовым актом Правительства РФ. В частности, вспышка эпидемии сделала очевидной: необходимость существенного расширения Перечня, утверждающего минимальный набор лекарственных и иных медицинских средств, действующего на момент начала вирусной

эпидемии [6]; неготовность аптек, аптечных пунктов и аптечных киосков работать в чрезвычайных условиях эпидемии или пандемии; обозначила необходимость концептуального пересмотра принципов создания и поддержания резервных фондов лекарственных и иных медицинских средств муниципальными образования, исходя из числа граждан, фактически проживающих на их территории; доказала необходимость жесткого пресечения создания в экстремальных условиях эпидемий или пандемий искусственного дефицита средств, необходимых для оказания медицинской помощи и организации противоэпидемиологических мероприятий, а также реального дефицита указанных средств в связи с пренебрежительным отношением к прогнозированию и планированию субъектов государственных власти, ответственных за организацию противоэпидемиологических мероприятий;

- взимание с граждан платы за обследование их новорожденных детей с целью выявления наследственных заболеваний;
- нарушение законодательства при осуществлении закупок лекарственных средств, в частности, Т. В. Ашиткова и Н. В. Щукина, глубоко исследовавшие данное направление нарушений, называют самыми распространенными из них: «...ненадлежащее исполнение органами местного самоуправления и учреждениями здравоохранения полномочий по организации обеспечения учреждений муниципальной системы здравоохранения лекарственными средствами, что не позволяло гражданам своевременно и безвозмездно получать медицинскую помощь» [4, с.98];
- взимание с граждан платы за дополнительную иммунизацию в рамках национального календаря прививок;
- бездействие органов власти по принятию нормативно-правовых актов, необходимых для организации надлежащего оборота лекарственных средств, установление данным актами предельных оптовых и розничных надбавок;
- диагностируемые специалистами как «системные» нарушения лицензионных требований, в частности: порядка изготовления и последующего оборота лекарственных средств; правил изготовления лекарств, осуществляемого самим аптечным учреждением; условий содержания и эксплуатации как складских, так и торговых площадей, требований к их санитарно-эпидемиологическому состоянию; порядка уничтожения лекарственных препаратов, оказавшихся фальсифицированными, незаконными ко-

пиями уже существующих лекарственных препаратов, с истекшим сроком годности или ставшими по какой-либо иной причине испорченными;

- нарушения требований законодательства о рекламе лекарственных средств;
- повсеместное игнорирование субъектами фармацевтической деятельности уже вынесенных предписаний контролирующих органов государственной власти по фактам установленных нарушений в результате проведенных проверок;
- нарушение положений законодательства о ценообразовании на фармакологическом рынке, а именно: несоответствие ценников, установленных на лекарственных средствах, фактической цене, по которой они реализуются гражданам; допускаемые нарушения предельных оптовых и розничных надбавок;
- нарушение принципа оперативности обеспечения лекарственными средствами субъектов оказания скорой медицинской помощи, т.к. объёмы расходования лекарственных средств данными учреждениями тяжелее всего поддаются планированию;
- отсутствие в медицинских организациях размещённой в доступном для граждан месте (вестибюле учреждения, регистратуре и тому подобных местах) сведений об обеспечении отдельных категорий пациентов в рамках реализуемых федеральных и региональных программ необходимыми лекарственными средствами за счет соответствующих бюджетов либо отсутствие в медицинской организации лица, назначенного ответственным за данное направление работы (проверяется наличие соответствующего приказа);
- нарушение установленного порядка оборота рецептурных бланков либо отсутствие в медицинской организации лица, назначенного ответственным за данное направление работы (проверяется наличие соответствующего приказа);
- слабая организация информационного взаимодействия аптечных организаций с медицинскими, в частности, должно быть обеспечен оперативный обмен информации по следующим вопросам: о рецептах, которые были неправильно выписаны медицинскими работниками; о количественных и качественных характеристиках лекарственных средств, имеющих в наличии; о количестве выписанных рецептов, поступивших в аптечную организацию и находящихся на отсроченном исполнении, срок которого уже превышает один месяц;

- ненадлежащий контроль со стороны уполномоченных органов государственной власти за качеством лекарственных средств, изготавливаемых самой аптечной организацией, в частности: констатируется нарушение установленной формы ведения специального журнала производства фасовочных работ аптеки; при изготовлении лекарственных средств используются компоненты, не прошедшие в установленном порядке процедуру регистрации в соответствующем государственном реестре; встречаются случаи нарушения маркировки изготовленного лекарственного препарата, расхождение фактического объема (веса) изготовленного лекарственного средства с указанным на маркировке и тому подобные нарушения;
- нарушение установленных правил хранения лекарственных средств в аптечных и медицинских организациях, которые также носят за редким исключением повсеместный характер. Так, проводимые проверки выявляют факты халатного пренебрежения правилом о раздельном хранении лекарственных средств, отличающихся химическими и физическими характеристиками, способом применения, агрегатным состоянием фармацевтической субстанцией, а также лекарственных препаратов, принадлежащих к разным фармакологическим группам [3]. Кроме названного требования, законодательно закреплено еще достаточно широкий свод правил организации хранения препаратов: необходимость обеспечения помещений для хранения измерительными приборами, требование использовать определенные материалы для отделки помещения и иные нормативные предписания, соблюдение которых входит в предмет прокурорского надзора. Довод о том, что проверяемые положения закреплены в министерских приказах, ни в коем случае не умаляет значения их исполнения с точки зрения надзорной работы, так как в данном случае речь идет о проверке прокурором соблюдения права граждан, закрепленного и гарантируемого Конституцией РФ;
- отсутствие в аптечной организации сертификатов и деклараций на реализуемую фармацевтическую продукцию;
- отпуск определенных лекарственных препаратов (в том числе сильнодействующих) медицинским организациям, у которых отсутствует соответствующая лицензия, предоставляющая право данные препараты применять.

Обобщение актуальной практики прокурорской деятельности для определения самых распространенных способов нарушения гарантии на

получение гражданами доступной и эффективной, а в ряде случаев бесплатной медицинской помощи в части обеспечения их лекарственными препаратами, отвечающим требованиям безопасности, свидетельствует о затяжной ситуации нарушения нормативных предписаний.

Несмотря на самостоятельность и независимость прокурорских проверок, следует все же признать их вторичными по отношению к проверкам специально уполномоченных контролирующих органов исполнительной власти, в Приказе № 195 Генерального прокурора РФ содержится прямое указание на то, что исполнение данными органами своих контролирующих обязанностей имеет первостепенное значение и входит в предмет прокурорской надзорной деятельности.

Следует признать, так как прокурорский надзор выступает действенным способом обеспечения реализации права граждан на охрану здоровья и медицинскую помощь, даже поверхностный прогноз развития ситуации в сфере фармацевтической деятельности будет говорить о том, что объем надзорной работы будет только возрастать, а содержание прокурорских проверок – усложняться.

В частности, на порядок увеличился список стратегически значимых лекарственных средств, распоряжением Правительства РФ от 1 августа 2020 года № 2015-р установлено требование обеспечить на территории страны производство 215 лекарственных препаратов (для сравнения – до 1 августа аналогичный перечень содержал 57 наименований) [5].

Разумеется, на принятие данного нормативного акта первоочередное влияние оказала протекающая вирусная эпидемия, обнажившая проблемы обеспечения аптечных организаций стратегически значимыми лекарственными средствами. Проверка выполнения распоряжения № 2015-р, безусловно, будет включена в общий объем надзорной работы органов прокуратуры.

Также необходимо отметить планируемое с 2021 г. изменение действующей на сегодняшний день классификации аптечных организаций. Согласно предложенному Министерством здравоохранения РФ проекту Приказа «Об утверждении видов аптечных организаций» (подготовлен Минздравом России 27 июля 2020 года) будет уточнен правовой статус действующих видов аптечных организаций, в нем будет закреплено право также производить лекарственные средства, а также добавлен новый вид аптечной организации – «Индивидуальный предприниматель, имеющий лицензию на фармацевтическую деятельность (аптека индивидуального предпринимателя)». Целесообразность предложенной новеллы кажется нам спорной, так как с большой долей вероятности позволяет предположить вероятность возрастания в сфере аптечного бизнеса количества допускаемых нарушений законодательства.

Еще больше вызывает вопросов предлагаемое Министерством здравоохранения РФ появление аптечных «подвидов», условно назовем их так: аптека, осуществляющая самостоятельно торговлю лекарственными препаратами, и аптека, являющаяся структурным подразделением медицинской организации. И тот, и другой «подвид», согласно Проекту, предполагает обладание правом изготовления лекарственных препаратов, с той лишь разницей, что аптеке – структурному подразделению медицинской организации будет предоставлено право изготавливать еще и радиофармацевтические препараты.

Как на практике будет организована и начнет осуществляться фармацевтическая деятельность указанных субъектов, еще вопрос очень дискуссионный, одно является очевидным – надлежащее урегулирование деятельности новых участников фармацевтического рынка произойдет не скоро, прежде всего из-за существенных различий в регламентации отдельных вопросов, находящихся в ведении региональных органов исполнительной власти, что неизбежно вызовет разночтения и противоречия в правоприменении.

Федеральной антимонопольной службой России была инициирована разработка методики ценообразования на жизненно необходимые и важнейшие лекарственные препараты, обсуждение которой было завершено в конце августа, а в действие методику планируется ввести уже с октября текущего года. Очень хочется верить, что данная методика позволит разрешить самую острую проблему, существующую сегодня на рынке лекарственных средств – проблему надлежащего, адекватного и доступного для населения ценообразования лекарственных препаратов. Как уже отмечалось автором, констатация органами прокуратуры нарушений правил ценообразования встречается в надзорной практике достаточно широко.

В перспективе у органов прокуратуры еще много направлений работы в сфере фармацевтической деятельности, практически неохваченным остается информационный сегмент надзорной работы – проверка аптечных организаций по факту размещения ими в доступных для покупателей местах следующих данных: копий лицензий на осуществляемую деятельность; информации о сотруднике аптечной организации, за которым закреплена обязанность обеспечения лекарственных препаратами инвалидов ВОВ; перечня групп населения, имеющих право на бесплатное и льготное обеспечение и внеочередное обслуживание; информации о сроках хранения лекарственных средств, если их производят в самой аптечной организации, а также еще целый ряд сведений, доступность которых следует расценивать как надлежащую реализацию права граждан на охрану здоровья и медицинскую помощь.

Отдельным надзорным направлением, требующим самостоятельного исследования, является проверка законности организации и проведения клинических исследований новых лекарственных препаратов, в частности, вопросов получения соответствующего разрешения для проведения клинических испытаний и страхования жизни и здоровья пациентов, вовлеченных в цикл клинических испытаний нового лекарственного средства.

Следует также признать недостаточно урегулированную организацию сотрудничества органов прокуратуры с таможенными органами, граждане РФ могут быть защищены от некачественных, неэффективных или фальсифицированных лекарственных средств на самом начальном этапе – на стадии ввоза препаратов на российский фармацевтический рынок, путем создания двумя правоохранительными органами совместного эффективного «фильтра», исключающего попадание в Россию препаратов: не зарегистрированных надлежащим образом; с отсутствием сертификата изготовителя; имеющих сомнительные или неточные юридические сведения об изготовителе и иных, безопасность и качество которых не подтверждены должным образом сопровождающей документацией.

Данное направление надзорной работы прокуратуры следует считать актуальным, так как, несмотря на принятые Правительством РФ меры, уровень импортозависимости российского фармацевтического рынка еще долго будет оставаться сравнительно высоким, а значит вероятность попадания на территорию РФ контрафактной или просто некачественной лекарственной продукции, способной причинить вред жизни и здоровью граждан, будет сохраняться.

В данной публикации автор не смог охватить все аспекты надзора за законностью функционирования фармацевтической сферы, однако, была предпринята попытка показать высокий правоохранительный и правозащитный потенциал Российской Прокуратуры в области обеспечения граждан лекарственными средствами.

Автор статьи не ставил перед собой цель проведения анализа действующего законодательства с целью выявления пробелов и коллизий, приводящих к нарушению в сфере оборота лекарственных средств, не были исследованы также проблемы в административно-правовом регулировании фармацевтической деятельности, возникающие из-за нормативной несогласованности федерального и регионального законодательства, основной целью выступала необходимость изучения прокурорской надзорной работы в условиях существующего нормативного регулирования, с применением тех правовых средств, которые есть в арсенале прокуроров на сегодняшний день.

Деятельность органов прокуратуры давно не исчерпывается только проверкой своевременности выдачи аптечными учреждениями лекарственных средств льготным категориям граждан и пресечением фактов приобретения лекарств, которые должны предоставляться бесплатно, за счет средств пациентов, перечень поднадзорных вопросов ежегодно расширяется, трансформируя проверку законности функционирования фармацевтического рынка в серьезное, многоаспектное и самостоятельное направление надзорной прокурорской деятельности.

Необходимо подчеркнуть, что прокурорский надзор за законностью порядка оборота лекарственных средств должен гармонично сочетаться с контролем субъектов фармацевтического рынка со стороны иных государственных органов, поэтому так важна организация оперативного оборота необходимой информацией между органами прокуратуры и контролирующими медицинскими и аптечными организациями органами исполнительной власти соответствующего субъекта Федерации.

Увеличивающаяся в геометрической прогрессии хозяйственная деятельность, связанная с активным созданием и выведением на фармацевтический рынок лекарственных средств, специфичная именно для Российской Федерации, как государства, характеризующегося последние два-три десятилетия высокой степенью фармацевтической импортозависимости и пытающегося радикально изменить данное положение, помимо реального национального блага, параллельно влечет за собой потенциальную угрозу неблагоприятных последствий, которые могут быть вызваны необоснованной поспешностью в создании и введении в фармацевтический оборот отечественных лекарственных средств.

В связи с этим, несмотря на то, что автор отмечает увеличение количества нормативных предписаний в сфере организации фармацевтической деятельности, и, как следствие, расширение перечня вопросов, входящих в предмет прокурорской надзорной деятельности, необходимо отметить, что это единственный верный способ насыщения российского рынка качественными и эффективными отечественными лекарственными препаратами.

Упрощение правоотношений в фармацевтической сфере неизбежно приведет к последствиям, характер которых объективно можно расценивать, как еще один деструктивный элемент угрозы национальному благополучию и здоровью населения Российской Федерации. В условиях реализации множественных государственных программ, направленных на улучшение условий жизни, труда, демографических показателей, вопросы обеспечения граждан качественными и эффективными лекарственными средствами

должны получить должное внимание со стороны исследователей, политиков, практических работников правоохранительной системы.

Исследование данной проблемы имеет серьезное практическое значение, вот только небольшой перечень вопросов, относящихся к сфере государственного устройства, на разрешение которых могут серьезно повлиять результаты согласованной и эффективной деятельности всех надзорных и контролирующих лекарственных рынок органов: перераспределение приоритетов в организации работы органов исполнительной власти, контролирующих оборот лекарственных средств; увеличение точности прогнозирования для организации адекватной противоэпидемиологической работы; повышение эффективности профилактических мер по предотвращению увеличения числа хронических заболеваний в отдельных регионах РФ; корреляция количества и видов фармацевтических предприятий в зависимости от показателей заболеваемости в том или ином регионе и потребности в определенных лекарственных препаратах; реализация мер государственной поддержки фармацевтических предприятий, продукция которых пользуется повышенным социальным спросом; гармонизация общей системы медицинского обеспечения лекарственными средствами; повышение эффективности выполнения программ по улучшению демографических показателей, повышению рождаемости, поддержке семьи, материнства и детства; организация эффективного обмена между субъектами РФ успешным правоохранительным и правозащитным опытом.

Надзор является формой контрольной функции государственного управления и не подразумевает проверку целесообразности и эффективности принимаемых решений органами государственной власти и местного самоуправления. Основная задача органов прокуратуры состоит в надзоре за тем, чтобы соответствующие органы и лица в точности выполняли возложенные на них законом обязанности, а также неукоснительно соблюдали установленный законом порядок отправления данных обязанностей.

Отсюда следует объективная необходимость усиления надзорной работы органов прокуратуры по следующим направлениям государственной деятельности по контролю за оборотом лекарственных средств, находящихся на особом контроле Генерального прокурора Российской Федерации И.В. Краснова:

- обеспечение граждан жизненно необходимыми лекарственными препаратами, в частности, особому вниманию должны подлежать случаи: замены региональными министерствами здравоохранения данных препаратов их аналогами, особенно при установлении врачебной комиссией ин-

- дивидуальной непереносимости аналога нужного препарата; несвоевременной или неполной закупки региональными министерствами здравоохранения жизненно необходимых лекарственных препаратов;
- контроль процедуры индивидуальной закупки министерством здравоохранения соответствующего субъекта РФ препаратов для детей – инвалидов, имеющих тяжелые редкие заболевания (перечень орфанных заболеваний, сопровождающихся данной мерой государственной поддержки поступательно расширяется);
- расширение практики обращения прокуроров в судебные органы с иском о возмещении министерством здравоохранения соответствующего субъекта РФ денежных средств, потраченных родителями или иными законными представителями детей-инвалидов на самостоятельное приобретение лекарственных средств;
- на основании систематического мониторинга данных государственной статистики о состоянии здоровья населения отдельного административно-территориального субъекта организовывать проверки исполнения органами государственной власти и местного самоуправления своих полномочий в сфере обеспечения населения лекарственными препаратами, в том числе граждан, обеспечение лекарствами которых должно осуществляться за счет бюджетных средств;
- производить надлежащие проверки обеспечения лекарственными средствами реализацию государственных программ иммунопрофилактики;
- в пределах предоставленных полномочий оценивать полноту и достаточность нормативно-правового регулирования оборота лекарственных средств на территории отдельного субъекта РФ.

Литература

1. Официальный сайт Генеральной прокуратуры Российской Федерации / Состоялось расширенное заседание коллегии, посвященное итогам работы органов прокуратуры за 2019 год и задачам по укреплению законности и правопорядка на 2020 год URL: <https://genproc.gov.ru/smi/news/genproc/news-1809484/> (Дата обращения 23.07.2020)
2. Приказ Генеральной Прокуратуры РФ № 195 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов, соблюдением прав и свобод человека и гражданина» от 07.12.2007 года // Законность. 2008. № 3.
3. Приложение к приказу Министерства здравоохранения и социального развития РФ № 706н «Об утверждении Правил хранения лекарственных средств» от 23.08.2010 года // Российская газета. 2010. № 231.
4. Прокурорский надзор за соблюдением социальных прав граждан: сб. методич. материалов / под общ. ред. первого заместителя Генерального прокурора Российской Федерации, государственного советника юстиции 1-го класса, заслуженного юриста Российской Федерации А.Э. Буксмана. М.: Ген. прокуратура Рос. Федерации, Акад. Ген. прокуратуры Рос. Федерации, 2013. 560 с.
5. Распоряжение Правительства РФ № 2015-р «О внесении изменений в распоряжение Правительства РФ от 06.07.2010 г. № 1141-р» от 01.08.2020 года // Собрании законодательства Российской Федерации. 2020. № 32. Ст. 5351.
6. Распоряжение Правительства РФ № 2406-р «Об утверждении перечня жизненно необходимых и важнейших лекарственных препаратов на 2020 год, а также перечней лекарственных препаратов для медицинского применения и минимального ассортимента лекарственных препаратов, необходимых для оказания медицинской помощи» от 12.10.2019 года // Собрание законодательства Российской Федерации. 2019. № 42. (Часть III). Ст. 5979.
7. Федеральный закон № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» от 21.11.2011 года // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 48. Ст. 6724.
8. Федеральный закон № 61-ФЗ «Об обращении лекарственных средств» от 12.04.2010 года // Собрание законодательства Российской Федерации. 2010. № 16. Ст. 1815.
9. Федеральный закон № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» от 17.01.1992 года // Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 47. Ст. 4472.
10. Хатов Э.Б. Некоторые аспекты повышения квалификации и профессиональной переподготовки в прокуратуре Российской Федерации // Құқық қорғау органдары академиясының жаршысы. 2018. № 3 (9). С. 55–60.

References

1. Oficial'nyj sajt General'noj prokuratury Rossijskoj Federacii / Sostojalos' rasshirennoe zasedanie kollegii, posvjashhennoe itogam raboty organov prokuratury za 2019 god i zadacham po ukrepleniju zakonnosti i pravoporjadka na 2020 god (An expanded meeting of the Board was held on the results of the work of the Prosecutor's office for 2019 and the tasks to strengthen the rule of law for 2020) URL: <https://genproc.gov.ru/smi/news/genproc/news-1809484/> (Accessed: 23.07.2020).
2. Order of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation No. 195 «Ob organizacii prokurorskogo nadzora za ispolneniem zakonov, sobljudeniem prav i svobod cheloveka i grazhdanina» («On the organization of Prosecutor's supervision over the implementation of laws, observance of human and civil rights and freedoms») (07.12.2007) // Zakonnost'. 2008. No. 3.
3. Appendix to the order of the Ministry of health and social development of the Russian Federation No. 706n «Ob utverzhenii Pravil hranenija lekarstvennyh sredstv» («On approval of the rules for storage of medicines») (23.08.2010) // Rossijskaja gazeta. 2010. No. 231.

4. Prokurorskiy nadzor za sobljudeniem social'nyh prav grazhdan (Prosecutor's supervision over observance of social rights of citizens): sb. metodich. materialov / pod obshh. red. pervogo zamestitelja General'nogo prokurora Rossijskoj Federacii, gosudarstvennogo sovetnika justicii 1-go klassa, zaslužennogo jurista Rossijskoj Federacii A.Je. Buksmana. Moscow: General prosecutor's office of RF publ., 2013. 560 p.
5. Order of the government of the Russian Federation No. 2015-r «O vnesenii izmenenij v rasporyazhenie Pravitel'stva RF ot 06.07.2010 g. № 1141-r» («On modification of the order of The government of the Russian Federation of 06.07.2010 No. 1141-R») (01.08.2020) // Sobranii zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii. 2020. No. 32. Art. 5351.
6. Order of the government of the Russian Federation No. 2406-r «Ob utverzhdenii perechnja zhizненно neobhodimyh i vazhnejshih lekarstvennyh preparatov na 2020 god, a takzhe perechnej lekarstvennyh preparatov dlja medicinskogo primeneniya i minimal'nogo assortimenta lekarstvennyh preparatov, neobhodimyh dlja okazaniya medicinskoj pomoshhi» («On approval of the list of essential and essential medicines for 2020, as well as lists of medicines for medical use and the minimum range of medicines required for medical care») (12.10.2019) // Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii. 2019. No. 42. (Part III). Art. 5979.
7. The Federal Law No. 323 «Ob osnovah ohrany zdorov'ja grazhdan v Rossijskoj Federacii» («On the basics of public health protection in the Russian Federation») (21.11.2011) // Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii. 2011. No.48. Art. 6724.
8. The Federal Law No. 61 «Ob obrashhenii lekarstvennyh sredstv» («On circulation of medicines») (12.04.2010) // Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii. 2010. No. 16. Art. 1815.
9. The Federal Law No. 2202-1 «O prokurature Rossijskoj Federacii» («On the Prosecutor's office of the Russian Federation») (17.01.1992) // Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii. 1995. No. 47. Art. 4472.
10. Hatov Je. B. Nekotorye aspekty povysheniya kvalifikacii i professional'noj perepodgotovki v prokurature Rossijskoj Federacii (Some aspects of professional development and retraining in the Prosecutor's office of the Russian Federation) // Құқуқ қорғау органдары академиясының жаршысы. 2018. No. 3 (9). P. 55–60.

Сведения об авторе

Иванченко Елена Анатольевна – кандидат юридических наук, доцент кафедры правовой культуры и защиты прав человека Юридического института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / kvi-elena@yandex.ru

Information about the author

Иванченко Елена – PhD of Law, Associate Professor, Chair of legal culture and human rights protection, Institute of Law, North-Caucasus Federal University (Stavropol) / kvi-elena@yandex.ru

УДК 343.231
DOI 10.37493/2409-1030.2021.2.16

Н. В. Мирошниченко
В. Ю. Максимов

ПРОЯВЛЕНИЯ НАСИЛЬСТВЕННОГО СПОСОБА СОВЕРШЕНИЯ ДЕЯНИЯ В ПРЕСТУПЛЕНИЯХ, ПРЕДУСМОТРЕННЫХ ГЛАВАМИ 17–34 УК РФ¹

Изучение насилия как способа совершения общественно опасного деяния имеет большое значение в уголовном праве, где предметом научного дискурса становятся вопросы отграничения преступного насилия от непроступного, видов и способов проявления насилия.

Настоящая статья является продолжением уголовно-правового исследования криминального насилия, предпринятого его авторами на страницах одного из предыдущих номеров журнала. В отличие от прошлой публикации, посвященной, в основном, теории вопроса, они осуществляют обзор форм и способов учета уголовно наказуемого насилия нормами Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации.

Рассмотрев ранее особенности проявления насилия в преступлениях, направленных против жизни и здоровья личности, в рецензируемой статье авторы выявляют роль насилия (как в его физической, так и психической формах) в преступлениях против свободы, против половой неприкосновенности и половой свободы личности, против конституционных прав и свобод человека и гражданина, против семьи и несовершеннолетних. Во всех этих случаях они дифференцируют не только зако-

дательную формулировку преступного насилия, но и его формы, тяжесть последствий, а также особенности квалификации.

Таким же образом правовому анализу авторов подверглись и деяния, предусмотренные остальными разделами и главами Уголовного кодекса Российской Федерации – от преступлений против собственности до «международных» преступлений. При этом в статье отмечается, что криминализация насильственных преступлений отнюдь не закончена, поскольку в уголовном законе страны ежегодно появляются новые статьи, содержащие конститутивные и квалифицирующие признаки, которые можно отнести к насильственным.

В заключение на основе краткого обзора уголовно-правовой литературы последних лет авторы приходят к обоснованному выводу о недостаточности внимания, которое уголовно-правовая доктрина уделяет вопросам общетеоретического характера, посвященным обобщению форм и видов и актуализации единой теории криминального насилия.

Ключевые слова: способ совершения преступления, насилие, угроза, преступления против личности, вред здоровью.

Nadezhda Miroshnichenko
Vladimir Maksimov

MANIFESTATIONS OF VIOLENT ACTION IN CRIMES UNDER CHAPTERS 17–34 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

The study of violence as a method of committing a socially dangerous act is of great importance in criminal law, where the subject of scientific discourse is the issues of distinguishing criminal violence from non-criminal, types and methods of violence.

This article is a continuation of the criminal law study of criminal violence, undertaken by its authors on the pages of one of the previous issues of the journal. In contrast to the previous publication, which was mainly devoted to the theory of the issue, they provide an overview of the forms and methods of accounting for criminally punishable violence by the norms of the Special Part of the Criminal Code of the Russian Federation.

Having previously considered the features of violence in crimes against the life and health of the individual, in the reviewed article the authors identify the role of violence (both in its physical and mental forms) in crimes against freedom, against sexual inviolability and sexual freedom of the individual, against the constitutional rights and freedoms of man and citizen, against the family and minors. In all these cases, they differentiate not only the

legal formulation of criminal violence, but also its forms, the severity of the consequences, as well as the characteristics of the qualification.

In the same way, the legal analysis of the authors was also subject to the acts provided for in the remaining sections and chapters of the Criminal Code of the Russian Federation – from crimes against property to «international» crimes. At the same time, the article notes that the criminalization of violent crimes is by no means complete, since new articles appear in the criminal law of the country every year, containing constitutive and qualifying features that can be attributed to violent ones.

Based on a brief review of the criminal law literature of recent years, the authors come to a reasonable conclusion about the lack of attention that the criminal law doctrine pays to issues of a general theoretical nature, devoted to the generalization of forms and types and the actualization of a unified theory of criminal violence.

Key word: method of committing a crime, violence, threat, crimes against the person, harm to health.

1 Продолжение статьи Мирошниченко Н. В., Максимов В. Ю. Насильственный способ совершения деяния и его проявления в преступлениях против жизни и здоровья личности // Гуманитарные и юридические исследования. 2020. №4. С. 159–164.

Наша предыдущая публикация на страницах журнала «Гуманитарные и юридические исследования» была посвящена насилию как одному из наиболее распространенных способов совершения общественно опасных деяний, предусмотренных уголовным законодательством Российской Федерации. В указанной статье нами была принята попытка обобщения опыта уголовно-правового анализа криминального насилия, прежде всего, в Общей части уголовно-правовой науки, с анализом вариантов учета проявлений данного способа в деяниях, описанных в главе Особенной части Уголовного кодекса РФ, посвященной преступлениям против жизни и здоровья личности.

Целью настоящей статьи является продолжение начатого нами исследования и уголовно-правовой анализ насильственного способа преступных деяний, запрещенных статьями других глав УК России 1996 г. в их состоянии на начало 2021 года. Нашей гипотезой является положение о том, что насилие в тех или иных его формах проявляется во всех родах и видах преступлений, известных отечественному уголовному праву.

Преступления против свободы личности (гл.17 УК РФ) – это деяния, описанные в статьях 126-128.1 УК РФ: похищение человека; незаконное лишение свободы; торговля людьми; использование рабского труда; незаконная госпитализация в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях; клевета.

В первом случае (ст.126) насилие (как физическое, так и психическое в виде угроз) может совпадать с насилием, применяемым в рамках и преступления, предусмотренного ст.127, т. е. выражаться в насильственном удержании человека в существенно ограниченном пространстве. Однако при похищении могут присутствовать и первоначальные стадии данного преступления: насильственный захват жертвы (внезапное агрессивное воздействие, связанное с лишением ее свободы передвигаться), – как в сознательном (против воли), так и в бессознательном (помимо воли) состоянии – и насильственное перемещение ее в другое, качественно новое для нее место. Согласие потерпевшего устраняет уголовную ответственность.

Квалифицированные виды преступлений могут предусматривать более серьезные виды насилия, например, опасного для жизни, а в ст.127.1 и 127.2 – применение насилия или угрозы такового, а также шантажа. Реально при применении насилия по ст.127 и 128 – может быть причинен легкий вред здоровью человека, по ч.1 ст.126, 127.1 и 127.2 – ущерб здоровью вплоть до вреда средней тяжести, а в квалифицированных случаях – до тяжкого вреда здоровью жертвы.

Преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности (гл.18 УК РФ) традиционно подразделяются на ненасильствен-

ные (осуществляемые в отношении несовершеннолетних) и насильственные (в отношении всех лиц). К последней группе относятся: изнасилование, насильственные действия сексуального характера и понуждение к действиям сексуального характера (ст.131–133 УК).

Первые два преступления представляют собой две разновидности насильственных действий сексуального характера в широком смысле: конечное – сексуальное – деяние у них разное, а насилие, обеспечивающее совершение этих деяний, – одно и то же. Это может быть: насилие физическое (вплоть до вреда здоровью средней тяжести), угроза таковым (по ч.2 – и убийством), использование беспомощного состояния потерпевшего (сон, опьянение, болезнь, ограничение движений и т.п.). Следует заметить, что особо тяжкое изнасилование, предусмотренное частями 5 статей 131 и 132, влечет наказание вплоть до пожизненного лишения свободы.

В ст.133 насилие психологическое и заключается в шантаже, угрозе уничтожением, повреждением или изъятием имущества. Здесь становится возможным и насилие, когда виновный, понуждая жертву, использует ее материальную или иную зависимость.

В преступлениях против конституционных прав и свобод человека и гражданина (гл.19 УК РФ) также встречаются насильственные деяния. Это: нарушение неприкосновенности жилища с отягчающими обстоятельствами (ч.2 ст.139); воспрепятствование осуществлению избирательных прав с отягчающими обстоятельствами (ч.2 ст.141); воспрепятствование проведению собрания, митинга, демонстрации, шествия, пикетирования (ст.149). Это также может быть квалифицированное воспрепятствование законной профессиональной деятельности журналистов и воспрепятствование осуществлению права на свободу совести и вероисповеданий (ст.144 и ч.4 ст.148).

Во всех случаях имеется в виду как физическое насилие, так и его угроза. В первом и третьем – последствия могут выражаться в легком вреде здоровью, во втором же случае возможно причинение и вреда здоровью средней тяжести.

В преступлениях против семьи и несовершеннолетних (гл.20 УК РФ) применение насилия характерно для деяний, направленных против интересов лиц, не достигших возраста совершеннолетия.

Так, вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления (ст.150) совершается не только путем обещаний и обмана, но и при помощи угроз характера шантажа. В квалифицированном виде (ч.3) применяются также физическое насилие или угроза его применения. При этом последствием такого насилия может быть вред здоровью средней тяжести. То же можно сказать и

о квалифицированном вовлечении несовершеннолетнего в совершение антиобщественных действий (ч.3 ст.151).

Несколько лет назад эта группа преступлений была дополнена предусмотренным в ст.151.2 вовлечением несовершеннолетнего в совершение действий, представляющих опасность для жизни другого ребенка. Здесь среди приемов вовлечения в противоправную деятельность законодатель назвал угрозы или иной подобный способ.

Зачастую как насильственное преступление может проявляться неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего (ст.156). Выраженное в статье бездействие криминализируется, только если оно было соединено с жестоким обращением с несовершеннолетним. Проявленное в этих случаях насилие, может быть как психическим, так и физическим, а потерпевшему может быть причинен легкий вред здоровью.

Преступления против собственности (гл. 21 УК РФ) – это видовая группа деяний, совершенная в сфере экономики (разд. VIII), а не против личности. Тем не менее зачастую они совершаются с применением насилия; однако, конечно, это становится возможным только в том случае, когда на пути преступника к достижению корыстного результата оказывается «живая преграда». Ею может быть: собственник, иной владелец имущества, охранник, а также любой человек, вставший на его защиту.

Таким образом, в данных случаях насилие возможно при: квалифицированном грабеже (ч. 2 ст.162), разбое (ст.162), вымогательстве (ст.163), хищении предметов, имеющих особую ценность (ст.164), квалифицированном угоне (чч. 2 и 4 ст.166).

В грабеже при отягчающих обстоятельствах насилие (его угроза) не опасны для жизни или здоровья потерпевшего. При разбое всегда применяется опасное для жизни или здоровья насилие либо его угроза (при этом может быть причинен средней тяжести вред здоровью, а по ч. 4 статьи – и тяжкий вред).

Вымогательство всегда сопровождается угрозой: либо применения насилия, либо уничтожения или повреждения имущества, либо распространения нежелательных для потерпевшего сведений; однако в ч.2 предусматривается и непосредственное применение насилия (с последствиями вплоть до средней тяжести вреда здоровью потерпевшего, а в ч.3 – и причинение тяжкого вреда его здоровью).

Преступление статьи 164 возможно в виде и квалифицированного (насильственного) грабежа, и разбоя. Неправомерное завладение автомобилем или иным транспортным средством без цели хищения с отягчающими обстоятельствами может быть совершено с угрозой или применением насилия, как не опасного для жизни или здоровья (ч.2), так и опасного (ч.4), включая тяжкий вред здоровью потерпевшего.

Преступления в сфере экономической деятельности (гл. 22 УК РФ) – хозяйственные уголовные правонарушения, однако, как и в ситуации с преступлениями против собственности, иногда стремление к корыстной цели в данных – умышленных – деяниях влечет применение насилия по отношению к носителям имущественных прав. Это, например, ограничение конкуренции с отягчающими обстоятельствами (чч. 2 и 3 ст.178); принуждение к совершению сделки или к отказу от ее совершения (ст.179) и другие преступления.

В обоих случаях в законе говорится о «применении насилия», т.е. как физического, так и психического, в т. ч. и об угрозе уничтожением или повреждением чужого имущества. Возможный вред здоровью потерпевшего – до средней тяжести при ограничении конкуренции и тяжкого при принуждении к совершению сделки или к отказу от ее совершения.

О принуждении как альтернативном способе совершения преступления упоминает и основной состав оказания противоправного влияния на результат официального спортивного соревнования или зрелищного коммерческого конкурса (ст. 184). Уклонение от уплаты таможенных платежей, взимаемых с организации или физического лица, также возможно с применением насилия к лицу, которое осуществляет таможенный или пограничный контроль (чч. 3 и 4 ст. 194).

Одним из квалифицированных видов криминализированного в ноябре 2020 г. подкупа арбитра или третейского судьи (ч.7 ст.200.7) является использование в качестве способа обеспечения достижения преступной цели – вымогательства предмета подкупа, что, как известно, является разновидностью психического насилия.

Аналогичный признак содержит особо квалифицированный состав коммерческого подкупа, предусмотренного ч.7 ст.204 и отнесенного законодателем к следующей, 23-й главе УК РФ – о преступлениях против интересов службы в коммерческих и иных организациях. Кроме того, ст.203 той же главы – о превышении полномочий, совершенном частным детективом или частным охранником, – содержит квалифицирующее обстоятельство в виде применения насилия, его угрозы, использования оружия или спецсредств, повлекшего к тому же тяжкие последствия, – в первую очередь, для личности потерпевшего.

Преступления против общественной безопасности (гл.24 УК РФ) имеют ту особенность, что посягают на все общество, но посредством воздействия на его представителей, т.е. отдельных – причем, обычно, случайных в конкретном событии – людей. Как правило, это воздействия насильственного характера.

Такой характер носят: террористический акт (ст.205), захват заложника (ст.206), заведомо ложное сообщение об акте терроризма (ст. 207),

бандитизм (ст. 209), угон судна воздушного или водного транспорта либо железнодорожного подвижного состава (ст. 211), пиратство (ст. 227) и другие преступные деяния. Исходя из трактовки диспозиции ч.1 ст.205.1, они являются т. н. преступлениями террористической направленности, хотя последнее можно рассматривать и как разновидность разбоя (в данном случае – морского).

При совершении акта терроризма общественно опасными действиями типа взрыва или поджога создается опасность гибели людей (возможно и психическое насилие – угроза такими действиями), ч. 2 охватывает наступление «тяжких последствий» (под которыми в уголовном праве традиционно понимается и тяжкий вред здоровью потерпевшего), а ч. 3 – и умышленное причинение смерти хотя бы одному человеку. Аналогичные последствия, хотя и в отношении, как правило, меньшего количества людей, предусмотрены четырьмя частями ст.206 «Захват заложника». Оба преступления – в случае их отягощения квалифицирующими признаками либо сопряжением с угонем воздушного, водного, железнодорожного транспорта – могут повлечь высшую из применяемых в настоящее время в России мер наказания – пожизненное лишение свободы.

Одной из форм бандитизма (ч. 2 ст. 209) является участие в совершаемых бандой нападениях, – как правило, разбойных. Заведомо ложное сообщение о террористическом акте является ярко выраженным примером насилия психического, однако в некоторых случаях (ч. 3 ст. 207) и оно может повлечь опасность гибели людей.

При угоне или захвате объекта любого из названных в ст. 211 видов общественного транспорта (воздушного либо водного транспортного средства, железнодорожного подвижного состава) применяется физическое или психическое насилие, зачастую – опасное для жизни или здоровья представителей общества (часть 2 той же статьи).

Любая форма хищения (в т.ч. насильственный грабёж и разбой), а также вымогательство являются способом осуществления таких преступлений в отношении: ядерных материалов или радиоактивных веществ (ст. 221), а также оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств (ст. 226).

При квалифицированной контрабанде (ст. 226.1) к лицу, осуществляющему таможенный или пограничный контроль, применяется насилие, охватывающее вред здоровью средней тяжести, а при пиратстве (ст.227) – любое насилие (до тяжкого вреда здоровью) или его угроза.

Весьма схожи с предыдущими преступления против общественного порядка (гл. 24 УК РФ). Насильственный характер из этих правонарушений носят массовые беспорядки (ст. 212) и хулиганство (ст. 213).

Массовые беспорядки сопровождаются, как правило, насилием, уничтожением имущества, взрывами, оказанием вооруженного сопротивления представителям власти и т. д. Статья 212 сложная и предусматривает в первых пяти своих частях последовательно: организацию таких беспорядков, склонение к ним, участие в них и призывы к ним и к насилию над гражданами, прохождение обучения участию в беспорядках. Очевидно, что непосредственно к насильственным можно отнести только преступление части 2 статьи (т.е. само участие). Судя по санкции, этим составом может охватываться и средней тяжести вред здоровью потерпевших.

Состав хулиганства в его редакции января 2021 г. характеризуется, в том числе, применением насилия или угрозой такового (ч.1 ст. 213), оружия или используемых в качестве него предметов (ч. 2), а также взрывчатых веществ или взрывных устройств (ч. 3), а по ч. 2 – и сопротивлением представителю власти или приравненному к нему лицу. Можно предположить, что в действующей редакции оно охватывает не только легкий вред здоровью, как раньше, а такие же последствия, как и в массовых беспорядках.

Из преступлений против здоровья населения и общественной нравственности (гл. 25 УК РФ) насилием могут сопровождаться следующие: хищение либо вымогательство наркотических средств или психотропных и тому подобных веществ (ст. 229), склонение с отягчающими обстоятельствами к их потреблению (ч. 2 ст. 230), участие в деятельности объединения, посягающего на личность и права граждан (ч.2 ст.239), квалифицированное вовлечение в занятие проституцией (ч. 2 ст. 240) и организация этого занятия (ч.2 ст. 241), уничтожение либо повреждение воинских захоронений (ч. 2 ст. 243.4) и надругательство над телами умерших и местами их захоронения (ч. 2 ст. 244) с отягчающими обстоятельствами и др. При жестоком обращении с животными, хоть и могут проявляться садистские методы, но насилие направлено не против человека.

При хищении наркотиков или психотропов может применяться такое же насилие, как при насильственном грабеже, разбое или вымогательстве. Склонение к их употреблению, вовлечение в проституцию, организация занятия ею, надругательство над телами умерших и местами их захоронения могут осуществляться с насилием или угрозой его применения. Аналогичный квалифицирующий признак появился во введенной в Уголовный кодекс РФ в апреле 2020 года ст. 243.4 об уничтожении или повреждении воинских захоронений и памятников воинской славы. При квалифицированной контрабанде названных предметов (ст. 229.1) насилие применяется к лицу, осуществляющему таможенный или пограничный контроль, и может повлечь пожизненное лишение свободы виновного.

Статья о склонении спортсмена к использованию субстанций и (или) методов, запрещенных для использования в спорте, (ст. 230.1) предусматривает в качестве квалифицирующего признака шантаж, насилие или его угрозу. Ст. 239 криминализирует создание объединения или участие в объединении, деятельность которого сопряжена, в частности, с насилием над гражданами.

Государственные преступления (раздел X УК РФ) также могут быть сопровождаться насилием над отдельными представителями госвласти либо даже простыми гражданами. В первую очередь, в Кодексе речь идет о преступлениях против основ конституционного строя и безопасности государства (гл. 29 УК РФ).

В этой главе насильственными преступлениями выступают: посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля (ст. 277), насильственный захват власти или насильственное ее удержание (ст. 278), вооруженный мятеж (ст. 279), участие в экстремистском сообществе (ч. 2 ст. 282.1) или в деятельности экстремистской организации (ч. 2 ст. 282.2), квалифицированное возбуждение ненависти либо вражды, унижения человеческого достоинства (ч. 2 ст. 282), очень близка к этому диверсия (ст. 281).

Посягательство на жизнь – это либо убийство, либо покушение на него, и максимальное наказание за него, предусмотренное названной статьей, – смертная казнь. Насильственные захват или удержание власти и вооруженный мятеж практически не обходятся без жертв, т. к. непосредственно направлены против конкретных людей – носителей власти. Квалифицированная диверсия (ч. 3 ст. 281) предусматривает умышленное причинение смерти человеку (и может повлечь пожизненное лишение свободы преступника), а возбуждение ненависти либо вражды с отягчающими обстоятельствами (ч. 2 ст. 282) – применение насилия или его угрозу.

Экстремистское сообщество – это то, которое направлено на совершение таких преступлений, как: воспрепятствование проведению собраний, хулиганство, надругательство над телами умерших, возбуждение ненависти к социальной группе и др. Многие из этих деяний могут совершаться с применением насилия или угрозой такового.

Преступления против интересов службы теперь предусмотрены в двух главах Кодекса (гл. 23 и 30 УК РФ) – службы в коммерческих и иных организациях, а также в государственных органах и органах местного самоуправления. Здесь с насилием совершаются: превышение полномочий частными детективами и охранниками (ч. 2 ст. 203) и должностных полномочий (ч. 3 ст. 286), квалифицированные коммерческий подкуп и получение взятки (ч. 7 ст. 204 и ч. 5 ст. 290).

В первых двух случаях может иметь место насилие (физическое, вплоть до причинения вреда здоровью средней тяжести) или угроза его

применения. Коммерческий подкуп и получение взятки могут сопровождаться вымогательством, что можно рассматривать как разновидность шантажа. Не исключено, что данный способ совершения преступления может быть использован и при осуществлении мелкого взяточничества (ст. 291.2).

Преступления против правосудия (гл. 31 УК РФ) достаточно часто сопровождаются насильственным воздействием на участников судопроизводства и процесса его обеспечения. В качестве таких деяний можно назвать, в первую очередь, следующие: посягательство на жизнь лица, осуществляющего правосудие или предварительное расследование (ст. 295), угроза или насильственные действия по отношению к ним (ст. 296), неуважение к суду (ст. 297), незаконные задержание, заключение под стражу или содержание под стражей (ст. 301), принуждение к даче показаний (ст. 302 и ч. 2 ст. 309), квалифицированный побег (ч. 3 ст. 313).

Первое преступление аналогично по способу посягательству, предусмотренному ст. 277, и карается так же. По ст. 296 криминализируются: угроза убийством, причинением вреда здоровью, уничтожением или повреждением имущества (ч. 1), а также насилие физическое, как не опасное (ч. 3), так и опасное (ч. 4) для жизни и здоровья. Неуважение к суду проявляется в виде оскорбления, которое можно рассматривать как психическое насилие над личностью (как и в ст. 319 и 336).

Задержание и заключение под стражу, содержание под ней, естественно, – насильственные преступления. Принуждение к даче показаний может осуществляться посредством либо шантажа и угроз, вплоть до угрозы убийством (ч. 1 ст. 302 и ч. 2 ст. 309), либо физического насилия (ч. 3 и 4 ст. 309), а также издевательств или пытки (ч. 2 ст. 302). При побеге из места лишения свободы, из-под ареста или из-под стражи иногда может использоваться опасное для жизни или здоровья насилие или угроза таковым (ч. 3 ст. 313).

В преступлениях против порядка управления (гл. 32 УК РФ) насилие проявляется в случаях покушения на личную неприкосновенность носителей административной власти. Это – посягательство на жизнь сотрудника правоохранительного органа (ст. 317), применение насилия в отношении представителя власти (ст. 318), его оскорбление (ст. 319), дезорганизация деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества (ст. 321), незаконное пересечение Госграницы РФ с отягчающими обстоятельствами (ч. 3 ст. 322), квалифицированное самоуправство (ч. 2 ст. 330).

Посягательство на жизнь и оскорбление в этих статьях понимается (и наказывается) так же, как и в аналогичных статьях предыдущих глав. Применение насилия по ст. 318 и при дезорганизации

деятельности учреждений УИН по ст.321 может быть самым разнообразным: как угрозой, так и физическим, не опасным либо опасным для жизни и здоровья. Насилие или его угроза присутствуют и в двух остальных преступлениях, но, очевидно, не опасные для жизни, т.е. повлекшие в худшем случае вред здоровью средней тяжести.

Опасными для жизни и здоровья человека преступлениями против военной службы (гл. 33 УК РФ) является ряд личностных посягательств в период прохождения потерпевшими воензированной (армейской или иной) службы. Такими выступают: сопротивление начальнику или принуждение его к нарушению обязанностей военной службы (ст. 333), насильственные действия в отношении него (ст. 334), нарушение уставных правил взаимоотношений между военнослужащими при отсутствии между ними отношений подчиненности (ст.335), оскорбление (ст. 336).

Сопротивление и принуждение, насильственные действия в отношении начальника сопровождаются насилием (в т.ч. побоями) или его угрозой, а по ч. 2 статей 333 и 334 предусматривают причинение вреда здоровью средней тяжести или тяжкого. Нарушение уставных правил связано с унижением чести и достоинства военнослужащих, издевательствами над одними из них, а также с насилием. Части 2 и 3 статьи 335 охватывают причинение вреда здоровью соответственно средней тяжести и тяжкого.

Наиболее тяжкие, предусмотренные уголовным законодательством России и других стран, преступления – противоправные деяния, направленные против мира и безопасности человечества (гл. 34 УК РФ). Весьма часто они сопряжены с насилием, причем над большими группами людей, численность которых соразмерима со всем человечеством.

Так, без огромных человеческих жертв не обходятся: развязывание или ведение агрессивной войны (ст. 353), применение запрещенных средств и методов ведения войны (ст. 356), геноцид (ст. 357). Сопряжено с угрозой названных последствий и участие наемника в вооруженном конфликте или военных действиях (ч. 3 ст. 359). Насильственные преступления – нападение на лиц, которые пользуются международной защитой (ст. 360) и акт международного терроризма (ст. 361).

В первых двух преступлениях цель виновного – по возможности максимальные жертвы, в том числе среди мирного населения (последствия могут быть любыми, вплоть до их гибели). При геноциде – это убийство, тяжкий вред здоровью, насильственное воспрепятствование деторождению, принудительная передача детей, насильственное переселение и т.п. действия, рассчитанные на уничтожение национальной, этнической или иной группы людей. Это преступление является, без сомнения, одним из самых тяжких, известных уголовному праву, и карается смертной казнью.

Наемник участвует в конфликте с оружием в руках, его цель – убийство или выведение из строя другим путем солдат противника. Нападение может иметь самые разнообразные цели, не связанные с причинением тяжкого вреда здоровью, в то время как террористический акт за пределами Российской Федерации может повлечь и гибель неопределенного числа людей (хотя и без этого последняя статья действующего УК РФ предусматривает в качестве уголовно-правового последствия описанного в ней деяния пожизненное лишение свободы виновного в нем лица).

В заключение обратим внимание читателя на то, что современная уголовно-правовая доктрина, а также законодательство и правоприменительная практика обладают инструментарием дифференцированного учета проявления насилия. Так, с точки зрения уголовного права насильственный способ совершения преступления может иметь троякое значение.

Во-первых, насилие в отдельных составах преступлений учитывается законодателем в качестве их обязательного признака и, таким образом, возможна как часть основного состава, необходимой для самой уголовной ответственности (например, при разбое). При отсутствии данного признака правовой ответственности может вообще не быть, либо правовая ответственность способна наступать, но она будет не уголовно-правовой (а, например, административной), либо может следовать уголовная ответственность, но по другой уголовно-правовой норме.

Во-вторых, насилие может признаваться квалифицирующим признаком преступлений, в основные составы которых оно не входит. В таком случае, оно будет усиливать уголовную ответственность (т. е. влечь перекалфикацию с части 1 статьи УК РФ на части 2, 3 и т. д.), но и без его наличия ответственность все равно будет наступать, хотя и в меньшей степени (по части 1 той же статьи).

В-третьих, если насилие не предусмотрено статьей УК РФ ни в качестве конститутивного, ни квалифицирующего признака, но фактически оно присутствует в реально совершенном преступлении, то оно может быть в некоторых наиболее опасных своих формах учтено как обстоятельство, отягчающее наказание, в соответствии, например, с п.«и» ч. 1 ст. 63 УК РФ.

Нельзя не отметить, что в последнее время исследователи криминального насилия сосредоточились на изучении отдельных сфер его проявления, а именно: гендерного, подросткового и – особенно в условиях пандемийной изоляции – семейно-домашнего насилия. В то же время комплексное исследование насилия как уголовно-правового (а не, к примеру, общесоциального или философского [1]) явления почти не встречается на страницах современной отечественной

юридической печати. За последние два-три года как приятное исключение можно отметить в этой связи, наверное, лишь небольшую журнальную статью В. С. Мариной и Л. В. Сотниковой [2].

В то же время, как мы видим на основе анализа статей Уголовного кодекса РФ, насилие – в разнообразных формах своего проявления, – наряду с обманом, злоупотреблением служебным положением и нарушением специальных правил выступает одним из наиболее распространенных

в отечественном уголовном законе способов совершения практически всех видов преступлений – от посягательств на права отдельной личности до преступных актов, направленных против всего человечества. В силу этого нам представляется явно недостаточным уровень законодательной разработки вопросов, связанных с применением столь разнообразных форм насильственных преступных посягательств, а также внимания, уделяемого им в современной уголовно-правовой доктрине.

Литература

1. Борисов С. Н. Философия войны и мира, насилия и ненасилия. Монография / под ред. В.П. Римского. М.: Академический проект, 2019. 462 с.
2. Марина В. С., Сотникова Л. В. К вопросу о понятии «насилие» в российском законодательстве и теории // Modern Science. 2021. №2-1. С. 169-171.

References

1. Borisov S. N. Filosofiya vojny i mira, nasiliya i nenasiliya. Monografiya / pod red. V.P. Rimskogo (Philosophy of war and peace, violence and nonviolence. Monograph / ed. by V. P. Rimsky). Moscow: Academic project, 2019. 462 p. (In Russian).
2. Marina V. S., Sotnikova L. V. K voprosu o ponyatii «nasilie» v rossijskom zakonodatel'stve i teorii (On the concept of «Violence» in Russian Legislation and Theory) // Modern Science. 2021. №2-1. P.169-171. (In Russian).

Сведения об авторах

Мирошниченко Надежда Викторовна – доктор юридических наук, доцент, заведующая кафедрой государственного и муниципального управления и права Ставропольского государственного аграрного университета (Ставрополь) / n01071978@mail.ru

Максимов Владимир Юрьевич – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры государственного и муниципального управления и права Ставропольского государственного аграрного университета (Ставрополь) / maximow26@yandex.ru

Information about the authors

Miroshnichenko Nadezhda – Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Chair of State and Municipal Administration and Law, Stavropol State Agrarian University (Stavropol) / n01071978@mail.ru

Maksimov Vladimir – PhD in Law, Associate Professor, Chair of State and Municipal Administration and Law, Stavropol State Agrarian University (Stavropol) / maximow26@yandex.ru

УДК 340/349
DOI 10.37493/2409-1030.2021.2.17

Е. Н. Ярмонова

ОСНОВНЫЕ ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ В СОВРЕМЕННОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКЕ

Актуальность исследования обусловлена тем, что в данной статье рассматривается вопрос о соотношении правовой культуры и иных основополагающих правовых понятий, а также рассматриваются подходы к определению понятия дефиниции «правовая культура». Проводится сравнительный анализ данной категории в различных подходах к этому правовому феномену. Анализируются аксиологический, деятельностный, семиотический подходы к понятию и характеристике правовой культуры.

Изучена связь правовой культуры с общесоциальной культурой и такими ее элементами как материальная, духовная, политическая и других видов культуры. Проведено рассмотрение влияния общей правовой культуры на развитие правовой культуры. Данная проблема является малоизученной, что свидетельствует о ее актуальности.

Исследуется соотношение правовой культуры с правосознанием, признавая, что ее развитие обусловлено тем, что правовая культура основывается на правосознании общества в целом и индивидуальном правосознании граждан.

В статье раскрывается структура правовой культуры, отмечается, неоднозначность ее элементов. Отмечается существование таких понятий, как региональная или местная правовая культура. В исследовании обозначена важность правовой культуры, которая обусловлена тем, что на ее основе формируются основные, общепризнанные в любом государстве образцы поведения.

Проанализирована связь правовой культуры и правового поведения. Только благодаря такой связи происходит создание устойчивого обеспечения социального порядка в обществе. Раскрыты основные признаки правовой культуры, такие как нормативность и прогрессивность, которые позволяют выделить это понятие из числа других правовых феноменов.

Научная новизна исследования была обусловлена тем, что в статье были изучены проблемы повышения правовой культуры. Важность повышения правовой культуры обусловлена тем, что это является основанием формирования правового государства. В рамках повышения правовой культуры выделяется такое направление как правовое воспитание, направленное на различные возрастные категории, при акценте на правовое воспитание молодежи. Повешение правовой культуры невозможно без повышения общей культуры общества и учета менталитета народа, а также повышение уровня правосознания.

В статье делается вывод о том, что правовая культура является основой развития и формирования многих других правовых явлений, отмечается, что невозможно говорить без повышения правовой культуры населения и отдельной личности о формировании правосознания, правовых отношений и развитие права на современном этапе развития общества, развития гражданского общества и правового государства.

Ключевые слова: правовая культура, право, правосознание, правовые отношения, нормы права, легитимность.

Elena Yarmonova

BASIC APPROACHES TO THE STUDY OF LEGAL CULTURE IN MODERN LEGAL SCIENCE

The relevance of the study is due to the fact that this article examines the issue of the relationship between legal culture and other fundamental legal concepts, and also considers the main approaches to defining the concept of legal culture. As one of the areas of research, a comparative analysis of this category is carried out in various approaches to this legal phenomenon.

The axiological, activity-based, semiotic approaches to the concept and characteristics of legal culture are analyzed.

The relationship between legal culture and general social culture and its elements such as material, spiritual, political and other types of culture has been studied. The influence of the general legal culture on the development of legal culture is considered. This problem is poorly studied, which indicates its relevance.

The correlation of legal culture with legal consciousness is investigated, recognizing that its development is due to the fact that legal culture is based on the legal consciousness of society as a whole and the individual legal consciousness of citizens.

The article reveals the structure of legal culture, notes the ambiguity of its elements. The existence of such concepts as regional or local legal culture is noted.

The study indicates the importance of legal culture, which is due to the fact that on its basis, the basic, generally recognized in any state, patterns of behavior are formatted.

The relationship between legal culture and legal behavior is analyzed. It is only thanks to such a connection that a stable provision of social order in society is created.

The main features of legal culture, such as normativity and progressiveness, are revealed, which make it possible to single out this concept from among other legal phenomena.

The scientific novelty of the research was due to the fact that the article studied the problems of improving legal culture. The importance of increasing the legal culture is due to the fact that this is the basis for the formation of the rule of law. Within the framework of improving the legal culture, such a direction as legal education, aimed at various age categories, with an emphasis on the legal education of

young people, is highlighted. The hanging of legal culture is not possible without raising the general culture of society and taking into account the mentality of the people, as well as raising the level of legal awareness.

The article concludes that legal culture is the basis for the development and formation of many other legal phenomena, it is noted that it is impossible to speak

Понятие правовой культуры является одним из ключевых понятий в российской гуманитарной науке. Это понятие до настоящего времени остается дискуссионным, в связи с тем, что история нашего государства до последнего времени не располагала к выработке четкой характеристики данного правового феномена. Наличие большого количества опровержений правовой культуры объясняется различными теоретическими подходами к нему разных школ права. Формулировка понятия правовой культуры связана с определенными теоретическими и методологическими трудностями, которые вызваны многогранностью данного феномена [5, с. 151].

Данный правовой феномен можно рассматривать с различных точек зрения, данное юридическое понятие следует охарактеризовать как сложное и емкое понятие. Следует учитывать, что при анализе юридической и общественной значимости это понятия, следует признать важным, тот факт, что данное правовое явление можно рассматривать только как неотъемлемую часть общечеловеческой культуры. Правовая культура, также, как и культура в целом, имеет существенное влияние на развитие личности и ее поведение в различных сферах человеческой жизни. Поэтому для формирования и развития в России правового государства и гражданского общества необходимо изучать и проанализировать различные аспекты правовой культуры. Правовая культура – это совокупность созданных человеком и обществом правовых ценностей в различных сферах жизнедеятельности, существо которых отражается уровень и характер правового развития общества и личности [2, с. 214].

Правовая культура имеет много общего с общесоциальной культуры, но при этом надо учитывать, что она существенно различается от материальной, политической, духовной и других видов культуры. Только правовая культура содержит в себе сочетание вышеперечисленных и других элементов общечеловеческой культуры. Именно в этом во многом состоит принцип её социоправовой ориентации.

Исследование правовой культуры имеет длительную историю, так как это явление является одним из основополагающих в юридической науке и благодаря этому существует большое количество различных методологических подходов к изучению и анализу данного правового явления.

В качестве одного из основополагающих следует выделить аксиологический подход. Он имеет большое значение при исследовании ос-

without increasing the legal culture of the population and the individual about the formation of legal consciousness, legal relations and the development of law at the present stage of development of society, development civil society and the rule of law.

Key words: legal culture, law, legal consciousness, legal relations, legal norms, legitimacy.

новных юридических понятий. Аксиологический подход предусматривает возможность говорить о правовой культуре как о собой системе правовых ценностей, которые создаются в процессе развития человеческого общества: это правовая наука, правосознание, правопорядок, правовую деятельность. Все эти ценности должны вырабатываться с учетом всех основных достижений юридической культуры человечества. Правовая культура строится на основе аксиологического подхода и должна выступать как основа гуманизации человеческого общества и отдельной человеческой личности.

Благодаря аксиологическому подходу проще всего провести отграничение правовой культуры от других важных юридических явлений. На основе этого подхода в рамках правовой культуры выделяются основные понятия и явления, которые раскрывают правовое государство и гражданское общество.

Аксиологический подход в качестве основы изучения ставит ценностные аспекты. Подобные ценностные аспекты входят не только в состав правовой культуры, но и культуры в целом.

Правовая культура в соответствии с этим подходом включает в себя как нравственные, так и духовные основы для существования. Аксиологический подход дает нам возможность говорить о том, что «прослеживается связь правовой культуры и нравственности членов общества, без которой правовая культура невозможна» [10, с. 108]. Аксиологический подход не является единственно возможным. Следует рассмотреть также и деятельность. Данный подход в качестве основы имеет человеческую деятельность, а объектом изучения являются отдельные аспекты творческой деятельности.

Только в процессе человеческой деятельности в ее различных, в первую очередь, творческих проявлениях, может возникать, существовать и развиваться правовая культура в многообразных характеристиках данной деятельности. Необходимо учитывать, что творческая характеристика данной деятельности является системообразующим элементом данного подхода, так, как только данный вид деятельности дает возможность нам говорить о возникновении и формировании правовой культуры и иных видов культуры.

Творческая деятельность, лежащая в основе правовой культуры, должна характеризоваться как ее составляющими элементами, так и результативной частью данного процесса. Важным

направлением деятельностного подхода следует рассматривать технологический элемент данной творческой деятельности. Его представители особо отмечают, что систематизирующим принципом выступает специфический способ организации и развития общественно-человеческой деятельности [3, с. 78].

Рассматривая правовую культуру в соответствии с данным подходом, ее можно охарактеризовать как особый вид деятельности, для которой характерно наличие соответствия между данной деятельностью и основными ценностями в правовой сфере. При этом учитывается соотношение деятельности и правовых норм, которыми они должны регулироваться и возможность осуществления их полноценной реализации в соответствии с правовыми требованиями. Благодаря такому подходу к правовой культуре можно говорить о развитии правовой культуры как характеризующего аспекта всего общества, так и как показатель развития отдельной человеческой личности.

Следующим необходимо рассмотреть семиотический подход к понятию и характеристике правовой культуры. В качестве основы развития семиотического подхода необходимо рассматривать положение о том, что культура представляет собой знаковую систему, и определяли её как «непосредственную память коллектива, выражающуюся в определенной системе запретов и предписаний» [8, с. 87].

Выше рассмотренные подходы не являются исключительными. Авторы по-разному определяют правовую культуру. Существует точка зрения, в соответствии с которой, правовая культура представляет собой определенную правовую среду, в которой существует человек. Человек формирует свое правосознание в данной среде и именно она дает возможность говорить о формировании личности с высокой правовой культурой. Также распространённым является взгляд на правовую культуру как на совокупность правовых текстов, дополняя это понятие особыми механизмами по работе с правовыми актами. Можно говорить о правовой культуре как процессе развития правовой действительности.

Можно рассматривать правовую культуру в соответствии с мнением А. Б. Венгерова как «более высокую и емкую форму правосознания» [1, с. 321]. Следует признать, что очень важным выступает отсутствие оценки важности деятельности субъектов, которые обладают признаком правосознания. Данную черту можно рассматривать в качестве недостатка данного подхода. В то же время подобную точку зрения можно рассматривать и как дискуссионную.

Для раскрытия правовой культуры необходимо дать полный анализ структуры правовой культуры, поскольку структура правовой культуры

может выступать показателем значимости правовой культуры и возможности ее реализации. Правовая культура может рассматриваться и как особой совокупностью социальных ценностей процессах, которые относятся к материальным и духовным ценностям.

В настоящее время нет однозначного подхода к характеристике структуры правовой культуры, что не является случайным, поскольку проблематика структуры правовой культуры, так и в целом вопросы развития и формирования правовой культуры являются сложными и небесспорным. Проанализировав различные подходы к структуре правовой культуры, можно говорить о различных элементах, наиболее часто из них можно выделить те понятия, которые подпадают под деонтистическую логику. Деонтические модальности необходимо рассматривать через такие модальные операторы, как «обязательно», «разрешено», «запрещено». Данные модальные операторы могут формироваться на основе правовых знаний, оценок и т.д.

Правовая культура имеет целый ряд характеризующих признаков, раскрывая которые можно говорить о правовой культуре как о социальном явлении. Проявление всех этих характеристик происходит в процессе фактического проявления правовой культуры. Проанализировав, данную ситуацию, можно прийти к выводу о том, что выделение такого большого количества элементов является дискуссионным. Многие из рассматриваемых элементов позволяют провести аналогию не только с правовой системой общества, но и правосознанием, так как речь идет о выражении отношения к праву, правовому поведению и правосудию.

Рассматривая правовую культуру, необходимо признать такой ее признак, как нормативность, который обусловлен тем фактором, что правовая культура выступает как весьма формализованное и стандартизированное явление. Признак нормативности обусловлен тесной связью правовой культуры с правом, ее обусловленностью правовыми нормами.

Правосознание и правовая культура являются очень близкими правовыми феноменами как по формированию, так и развитию, но у них есть ряд существенных различий. Правосознание включает в себя только внутреннюю, духовную жизнь общества. В составе правовой культуры можно выделить следующие элементы: духовные аспекты жизни общества, и их практическая реализация знаний права и уважительное отношение к праву. Правовая культура, выступая емким понятием включает в себя правовые отношения, возникающие в процессе реализации права, юридические учреждения, которые осуществляют применение права и их организацию. В отличие от правосознания, правовая культура также включает

в себя работу различных правоприменительных органов, их отношения с другими субъектами, осуществление защиты ими законных прав и интересов граждан. Правовая культура соотносится не только с правосознанием. Она находится в тесной взаимосвязи и с другими элементами общей культуры. Общая культура помимо правовой соотносится с научной, художественной, политической и другими.

Анализируя точку зрения Венгерова А. Б., необходимо учитывать, правосознание, которое можно рассматривать как один из признаков правовой культуры, который раскрывает ее в более полном объеме. Следует согласиться с тем, что формирование правовой культуры в обществе основывается на уровне правосознания человека и общества в целом. Говоря о правовой культуре необходимо учитывать ценность прав и свобод человека, так как без признания этих прав и полноценной их реализации невозможно говорить о полноценном формировании правовой культуры.

Правовая культура, ее признаки, характеристики и структура являются предметом изучения не только теории государства и права, но и многих других наук, которые относятся к категории социальных. Социология права также рассматривает данные проблемы. Западные представители данной науки выделяют следующие элементы правовой культуры:

- 1) количество, компетенцию, юрисдикцию судов, способы апелляции в судебные органы; организацию и устройство законодательной, исполнительной власти, уголовно-процессуальные процедуры;
- 2) правила, нормы (включая законодательство) и образцы поведения людей в рамках системы;
- 3) отношение людей к праву и правовой системе – их убеждения, ценности, идеалы и ожидания – то, что движет юридическим процессом.

Следует признать, что в качестве элемента правовой культуры, можно рассматривать такие понятия, как региональная или местная правовая культура. Такое понятие применимо не ко всем странам, а только к некоторым. Как правило это страны, которые относятся к категории федеративных. В качестве примера таких стран можно рассмотреть Соединенные Штаты Америки. В данном контексте, говоря о местной правовой культуре, речь идет о локальной системе взглядов о праве [7, с. 97].

Рассмотрение довольно широкого перечня элементов структуры правовой культуры не говорит о наличии их исчерпывающего перечня, но он может быть дополнен. Отдельные авторы выделяют в качестве элементов такие моменты, как юридическая профессия и методы разрешения споров, которые не являются сходными с понятием правосознания и носят самостоятельный характер.

Для эффективного анализа правовой культуры общепринято проводить анализ ее структуры по целому ряду направлений. В первую очередь принято выделять следующие компоненты: знание, установки, поведение. Правовая культура и основанное на ней правовое поведение могут иметь в своей основе только полное и соответствующее истине знание. Основываясь на этом постулате, мы должны понимать, что важным показателем правовой культуры и, следовательно, важным ее элементом является изучение правовой информации, интерес к ней, возможность получения свободного доступа у населения к ней.

Говоря о соотношении правовой культуры с другими правовыми явлениями, необходимо провести анализ всех элементов правовой культуры. Такие явления как право, правоотношение, правосознание являются элементами не только структуры правовой культуры, но и элементами правовой системы любого общества и государства. Это не мешает им играть важную роль в реализации правовой культуры общества.

Рассмотрев различные подходы к проблеме структуры правовой культуры, следует признать неоднозначность и дискуссионность всех данных подходов. Можно также сделать вывод о том, что наиболее часто встречающимися и наиболее закономерно выделенными являются следующие элементы: правосознание, право, правовые отношения, законность и правопорядок, правомерная деятельность субъектов, государственные правовые институты, юридическая наука, юридические акты.

Важнейшим показателем правовой культуры общества выступает уровень правосознания общества. Существенный вклад в учение о правосознании внес И. А. Ильин, который доказывал, что правосознание представляет собой еще более значительный феномен, чем право. Оно понимается как «естественное чувство права и правоты», как «особая духовная настроенность инстинкта», как «особого рода инстинктивное правочувствие» – как некая универсалия, которая имеет формально-юридическое, естественное-правовое измерение [9, с. 133].

Правовая культура представляет ценность для современного общества также в связи с тем, что именно на ее основе формируются основные, общепризнанные в любом государстве образцы поведения. Современное государство должно придавать легитимность только тем правилам поведения, которые в достаточной степени соответствуют сформированному в данном обществе правовому сознанию и правовой культуре. Отсутствие такой зависимости как правило приводит к нелегитимности в деятельности государства или определенной части государственных органов. Такой подход подчеркивает важность связи между правовым сознанием и правовой культуры, которая должна прослеживаться в любом современном обществе.

Помимо обусловленности правовой культуры связью с правосознанием, нельзя забывать о необходимости проводить такую взаимосвязь между правовой культурой и правовым поведением. Только наличие такой взаимосвязи может приводить к формированию устойчивого обеспечения социального порядка в обществе. Развиваясь в параллели эти понятия могут приводить к поддержанию фундаментальных сетей отношений. Необходимо выделить такую черту взаимодействия правовой культуры и правового поведения как амбивалентность, данная черта проявляется в наличии как положительных, так и отрицательных черт, которые содержатся в сознании и поведении субъектов политического и правового процесса [6, с. 74].

Правовая культура не является статичным понятием, она находится в постоянном развитии под воздействием различных объективных и субъективных факторов. Поведение человека во многом обусловлено развитием правовой культуры в обществе.

Правовая культура имеет свое как теоретическое, так и практическое выражение. Практическое выражение можно видеть в поведении субъектов права как соответствующем нормам права, так и противоправном поведении. Отдельно можно говорить о выражении правовой культуры в поведении определенных общественных групповых субъектов.

Государство и общество заинтересовано в реализации правовой культуры, и в первую очередь, в правомерном поведении индивидуальных и групповых субъектов, так как противоправное поведение является результатом низкого уровня правосознания и низкой правовой культуры. Противоправное поведение может быть обусловлено как сознательным нежеланием соблюдать нормативные требования, так и недостатками правового воспитания, недостаточной правовой информированностью. Низкий уровень правовой может быть обусловлен плохой профессиональной подготовленностью и деловой некомпетентностью отдельных субъектов, осуществляющих реализацию норм права.

Правовая культура имеет не только правовые, но и психологические основы. Это связано с тем, что правовая культура связана с различными сферами общественной жизни. Правовая культура каждого человека обусловлена не только его личными психологическими и правовыми аспектами, но и общей культурой всего общества и государства.

Рассмотрение проблем определения и формирования правовой культуры, обусловлено также необходимостью повышения уровня правовой культуры, путем повышения правосознания граждан.

Надо учитывать различные подходы к повышению уровня правовой культуры. Посредством формирования правовой культуры государством

могут быть решены глобальные задачи становления разумной, грамотной личности, на которую в последующем можно будет опереться [12, с. 78].

Рассматривая различные подходы к пониманию правовой культуры, следует учитывать способы ее проявления, ее связь с различными правовыми явлениями, в том числе и теми, которые являются ее элементами, а также с другими правовыми явлениями. В данном определении необходимо выделять помимо уже рассмотренных элементов, ту сферу жизни, которая подлежит регулированию правовыми нормами, формирующими правовую культуру. Правовая культура включает в себя определенные элементы сознания, в том числе правосознания, а также деятельность, направленную на реализацию права. В этом понятии особо необходимо выделять материальную и духовную сферы жизни, которые подлежат правовому и общественному регулированию.

Рассматривая такое понятие как правовая культура, нельзя обойти такое понятие как правовая жизнь. Следует признать, что понятие правовая жизнь – это весьма сложное и емкое понятие. Правовая жизнь включает различные аспекты развития и функционирования общественных и государственных явлений. В связи с этим следует признать, что правовая жизнь может включать в себя не только положительные, но в отдельных случаях и отрицательные явления и процессы общественной жизни. Исходя из всего этого необходимо признать, что правовая культура является частью правовой жизнью общества.

Правовая культура является также элементом правовой системы общества. Только наличие высокой правовой культуры позволяет нормально развиваться правовой системе общества. Правовая культура – это качественное состояние правовой жизни общества, характеризующее правовой менталитет его граждан.

Нормального развитие любого современного государства требует повышения правовой культуры как отдельных его граждан, так и всего общества. Повешение правовой культуры может происходить по различным направлениям, но наиболее важным и перспективным является развитие правового воспитания и правового обучения. Как правило, отсутствие знаний о праве не дает возможность говорить о повышении правовой культуры. Надо признать, что отсутствие подготовки в правовой сфере дает возможность говорить о низкой правовой культуре.

Рассматривая мнение С. С. Алексеева, необходимо признать, что «ядро, сама суть правовой культуры, а тем более культуры права, заключается в юридических ценностях, которые «овладевают» всем обществом, непрерывно, шаг за шагом, совершенствуясь и обогащаясь» [11, с. 117]. При анализе правовой культуры, необходимо учитывать анализ времени и непрерывности

процесса при реализации правовой культуры. Для формирования правовой культуры важное значение имеют предпосылки ее возникновения. В качестве подобных предпосылок можно выделить формирование гражданского общества и его демократическая основа. Для развития правовой культуры отдельной личности очень большое значение играет уже существующий в обществе уровень правовой культуры.

Отдельным направлением повышения правовой культуры следует рассматривать правовое воспитание, которое должно осуществляться для всех слоев общества, затрагивая в первую очередь молодое поколение. В то же время следует признать, что деятельность по правовому воспитанию является сложным и длительным процессом, который может дать результаты по повышению правовой культуры спустя длительный промежуток времени. Правовое воспитание должно осуществляться по различным направлениям и затрагивать все возрастные категории. Нельзя рассчитывать на быстрое повышение правовой культуры как у отдельной личности, так и в обществе в целом.

Все это приводит к необходимости говорить о необходимости преодоления правовой безграмотности в обществе для повышения правовой культуры и построения правового государства. В российском обществе существуют определенные недостатки в построении гражданского общества и правового государства.

Сложносочиненное понятие правовой культуры, направленное на преодоление правового нигилизма и правовой безграмотности следует разделить на целый ряд элементов, объединенных общей целью, к их числу, по мнению И. А. Иванникова, следует отнести следующие: 1) правосознание; 2) право; 3) правовые отношения; 4) законность и правопорядок; 5) правомерная деятельность субъектов; 6) государственно-правовые институты; 7) юридическая наука; 8) юридические акты [4, с. 14].

Данное правовое явление и все его элементы могут развиваться только в рамках общественного прогресса. Правовая культура должна обладать признаком прогрессивности, так как уровень правосознания общества и индивида должны постоянно развиваться и совершенствоваться. Любая личность с момента своего возникновения и формирования как личности получает потребность знать и защищать свои права и свободы. Каждый субъект в определенной степени осознает правовую культуру как правовой феномен. В то же время, личное осознание понятия правовой

культуры, понимание прогрессивного характера данного правового явления, не отменяют влияние общего осознания уровня правовой культуры всего общества и государства. Только проанализировав особенности правовой культуры различных слоев общества и проведя соотношение с другими правовыми явлениями современного общества, можно говорить о форматировании и развитии понятия правовая культура.

Следует признать, что правовую культуру нельзя рассматривать в отрыве от общей культуры любого общества, в том числе и российского. Это дает нам возможность говорить, о том, что правовую культуру можно охарактеризовать как часть общей культуры. На основании этого мы можем сделать вывод о том, что правовая культура должна формироваться и развиваться на тех же началах и основах, которые характерны для общей культуры.

Следовательно, в рамках правовой культуры должны находить отражения особенности менталитета того или иного народа, при условии отсутствия противоречия с нормативным регулированием данного государства. При формировании правовой культуры проявляется общий уровень культуры общества.

Современное российское общество находится на этапе формирования правового государства, как определено в ст. 1 Конституции Российской Федерации. Это ставит перед нами цели по изучению и совершенствованию правовой культуры. Для достижения этих целей формируется правовое воспитание, которое в настоящее время имеет общегосударственное значение.

Правовая культура является основой развития и формирования многих других правовых явлений. Без правовой культуры невозможно формирование правосознания, правовых отношений и развитие права на современном этапе развития общества. Развитие правовой культуры как личности, так и общесетевая в целом способствует совершенствованию таких правовых понятий как законность и правопорядок. На основе высокой правовой культуры должна осуществляться правотворческая и правоприменительная деятельность. Изучение правовой культуры имеет не только теоретическое, но и практическое значение. По итогам проведенного исследования следует говорить о необходимости вырабатывать рекомендации по повышению правовой культуры в Российской Федерации, что является необходимым для реализации целей, внесенных поправками в Конституцию Российской Федерации, принятыми в этом году.

Литература

1. Венгеров А. Б. Теория государства и права: учебник. М.: Омега-Л, 2017. 607 с.
2. Витман В. Н. Правовая культура: понятие, функции и виды // Modern Science. 2019. № 4-2. С. 214–217.
3. Воронцова Н. В. Влияние глобализации на правовую культуру // Законность в современном обществе: сборник статей международной научно-практической конференции. Уфа: ООО «Аэтерна», 2017. С. 78–80.

4. Иванников И. А. Концепция правовой культуры // Правоведение. 1998. № 3. С. 12-16.
5. Ивлев Ю. В. Логика для юристов: учебник для вузов. М.: Проспект, 2019. 272 с.
6. Кейзеров И. М. Политическая и правовая культура: Методологические проблемы. М.: Юридическая литература, 1983. 232 с.
7. Лазарев В. В. Теория государства и права: учебник для академического бакалавриата / В. В. Лазарев, С. В. Липень. – 5-е изд., испр. и доп. М.: Издательство Юрайт, 2019. 521 с.
8. Лотман Ю.М., Успенский Б.А. О семиотическом механизме культуры. СПб.: Искусство-СПБ, 2010. 704 с.
9. Основы государства и права: учебное пособие / Под ред. О. Е. Кутафина. М.: Проспект, 2014. 478 с.
10. Петров А.В., Рухтин А.А. Правовая культура и «права человека» в культуре // Размышления о Человеке. Научные статьи профессоров, преподавателей, докторантов и аспирантов кафедры философии, биоэтики и права с курсом социологии медицины. Волгоград Волгоградский государственный медицинский университет, 2018. С. 104–118.
11. Теория государства и права / Под ред. Алексеев С. С., Архипов С. И. и др. Отв. ред. В. Д. Перевалов. М.: Норма: ИНФРА-М, 2018. 495 с.
12. Шиханова Е. Г., Кленкина О. В. Содержание и структура правовой культуры личности // Общество: политика, экономика, право. 2020. № 2 (79). С. 73–78.

References

1. Vengerov A. B. Teorija gosudarstva i prava (Theory of State and Law): textbook. Moscow: Omega-L, 2017. 607 p. (In Russian).
2. Vitman V. N. Pravovaja kul'tura: ponjatie, funkcii i vidy (Legal culture: concept, functions and types) // Modern Science. 2019. No. 4-2. P. 214–217. (In Russian).
3. Voroncova N. V. Vlijanie globalizacii na pravovuju kul'turu (Impact of globalization on legal culture) // Zakonnost' v sovremennom obshhestve: sbornik statej mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii. Ufa: Ajeterna, 2017. P. 78–80. (In Russian).
4. Ivannikov I. A. Konceptcija pravovoj kul'tury (Legal culture concept) // Pravovedenie. 1998. No. 3. P. 12–16. (In Russian).
5. Ivlev Ju. V. Logika dlja juristov (Logic for lawyers): textbook. Moscow: Prospekt, 2019. 272 p. (In Russian).
6. Kejzerov I. M. Politicheskaja i pravovaja kul'tura: Metodologicheskie problem (Political and Legal Culture: Methodological Problems). Moscow: Juridicheskaja literatura, 1983. 232 p. (In Russian).
7. Lazarev V. V. Teorija gosudarstva i prava (Theory of State and Law): Textbook. Moscow: Izdatel'stvo Jurajt, 2019. 521 p. (In Russian).
8. Lotman Ju. M., Uspenskij B. A. O semioticheskom mehanizme kul'tury (On the semiotic mechanism of culture). St. Petersburg: Iskusstvo-SPB, 2010. 704 p. (In Russian).
9. Osnovy gosudarstva i prava (Fundamentals of State and Law): textbook / ed by O.E. Kutafin. Moscow: Prospekt, 2014. 478 p. (In Russian).
10. Petrov A. V., Ruhtin A. A. Pravovaja kul'tura i «prava cheloveka» v kul'ture (Legal culture and «human rights» in culture) // Razmyshlenija o Cheloveke Nauchnye stat'i professorov, prepodavatelej, doktorantov i aspirantov kafedry filosofii, biojetiki i prava s kursom sociologii mediciny. Volgograd: VSMU publ., 2018. P. 104–118. (In Russian).
11. Teorija gosudarstva i prava ((Theory of State and Law)) / ed by Alekseev S. S., Arhipov S. I., Perevalov V. D. Moscow: Norma: INFRA-M, 2018. 495 p. (In Russian).
12. Shihanova E. G., Klenkina O. V. Soderzhanie i struktura pravovoj kul'tury lichnosti (The content and structure of the legal culture of the individual) // Obshhestvo: politika, jekonomika, pravo. 2020. No.2 (79). P. 73–78. (In Russian).

Сведения об авторе

Ярмонова Елена Николаевна – кандидат юридических наук, доцент, заведующая кафедрой правовых дисциплин Кубанского государственного университета (филиал в г.Армавир) (Армавир) / vlada02@mail.ru

Information about the author

Yarmonova Elena – PhD in Law, Associate Professor, Head of the Chair of State and Municipal Administration and Law, Kuban State University (branch in Armavir) / vlada02@mail.ru

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 81'372

DOI 10.37493/2409-1030.2021.2.18

С. Н. Бредихин
Т. Р. Котиева

ТРАНСЛЯЦИЯ ВИРТУАЛЬНЫХ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ МИРОВ В АСПЕКТЕ ФОРМИРОВАНИЯ РЕЦЕПТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ

В данной статье проанализированы основные дилеммы, с которыми сталкивается переводчик в процессе работы с текстами, эксплицирующими виртуальный художественный мир, созданный на основе социокультурных спецификаторов исходной лингвокультуры. Рассмотрены различные способы переводческого преобразования текста в эстетическом и прагматическом аспекте, выявлены факторы, осложняющие работу с текстом, проанализированы способы решения переводческих дилемм на примере перевода отрывков известных фэнтезийных произведений. Авторы поднимают вопрос целесообразности культурной адаптации текста оригинала к реалиям реципиента. В частности, рассматривается перевод и адаптация имён собственных в переводящем языке.

Данная статья представляет собой обзор базовых дилемм, с которыми начинающий переводчик может столкнуться в профессиональной деятельности, не обладая достаточным уровнем развития соответствующих компетенций для успешного решения коммуникативной задачи. В качестве примеров и были отобраны отрывки из известных произведений в жанре фэнтези, в которых представлен вымышленный виртуальный мир, исторически не связанный с реальным, что, однако, не исключает необходимости наличия социокультурных

фоновых знаний; рассмотрена игра слов и способы её трансляции; исследуется специфика трансляции имен собственных; на репрезентативных примерах анализируются стилистические, лексические и грамматические трансформации при переводе. Стилистический аспект в трансляции виртуальных художественных миров признается базовым в рамках сохранения исходного перлокутивного эффекта. Трансляция стилистических средств выразительности при воссоздании виртуального мира осуществляется с применением описательного перевода, что влечет усложнение синтаксических конструкций целевого текста. Наиболее эффективным приёмом является сохранение тема-рематических связей исходного текста, что ведет к нейтрализации стилистических компонентов. В качестве приемов трансляции дивидуально-авторских онимов, создающих виртуальное пространство, в процессе реализации адекватного перлокутивного эффекта избираются транскрипция и транслитерация с сохранением авторской специфики, должного уровня адекватности позволяет достичь калькирование при условии сохранения внешней формы онима и его эмфатической специфики.

Ключевые слова: перевод, перлокутивный эффект, игра слов, просторечие, экспрессивность, эмотивность, функциональность текста, виртуальный мир.

Sergey Bredikhin
Tamara Kotieva

TRANSLATION OF VIRTUAL FICTION WORLDS IN THE ASPECT OF RECEPTIVE COMPETENCE DEVELOPMENT

This article offers an analysis of the main dilemmas that the translator has to face while working with texts that explicate the virtual fiction world based on the socio-cultural specifiers of the original language culture. There is a view offered on various methods of translating texts within the aesthetic and pragmatic aspects; there have been certain factors identified, which complicate work with a text, as well as some solutions analyzed that related to translation dilemmas, based on the example of translated excerpts taken from well-known fantasy works. The authors raise the issue of the reason for cultural adaptation of the original text in view of the recipient's realities, namely, the translation and adaptation of proper names in the target language is viewed.

This article is an overview of the basic dilemmas that an inexperienced translator may face through their professional activities, while having no sufficient level of

respective competencies that would allow resolving the communication issue successfully. The examples are based on excerpts from well-known works belonging to the genre of fantasy, which represent a fictional virtual world that features no historic relation to the real one, which fact, however, does not exclude the need for socio-cultural background knowledge; there is also a view on wordplay offered as well as on ways to translate it; besides, there is specifics of proper names translation examined; representative examples are employed to analyze stylistic, lexical and grammatical transformations in translation.

The stylistic aspect in the translation of virtual fiction worlds is considered to be basic within the framework of preserving the original perlocutionary effect. Translation of stylistic means of expression when creating a virtual world is performed through descriptive translation, which entails

complication of the syntactic constructions of the target text. The most effective technique in this case is to preserve the themy-rheme connections of the source text, which leads to the neutralization of stylistic components. As a technique to deliver the author's individual onyms, which create a virtual space, the process of implementing due perlocutionary effect employs transcription and transliteration, at the same

Введение в проблематику. В своей практике, как при межъязыковой, так и кросскультурной интеракции, переводчик неизбежно сталкивается с рядом особенностей, которые порождают определённые проблемы в процессе интерпретации оригинальных текстовых пространств в инокультурном представлении. Для достижения адекватного перлокутивного эффекта целевого текста необходимо знать о различных рода трудностях заранее, ознакомиться с ними и выработать определённые навыки в рамках формируемых профессиональных компетенций. Объектом настоящего исследования послужили механизмы трансляции компонентов прецедентных виртуальных миров в фэнтезийных произведениях на английском языке. Специфические способы трансляции, применяемые в данном виде перевода, а также приёмы, используемые для решения непростых ситуаций вербализации инокультурных и виртуальных смыслов, составляют предмет нашего исследования.

Целью данной статьи является анализ специфических переводческих дилемм при аккультурации особых единиц виртуального фэнтезийного мира, основанного на базовых компонентах английской культурной традиции, а также рассмотрение проблем достижения адекватного оригиналу перлокутивного эффекта в целевом тексте, и вопросов формирования должного уровня профессиональной компетенции (начинающих) переводчиков.

Виртуальность фэнтезийного мира в отличие от других художественных миров достаточно четко прослеживается в главном принципе его создания, а именно – свободного динамического моделирования прогностики развертывания событий и построения специфического хронотопа. Данное пространство-время весьма близко к мифологическому самоорганизующемуся времени – здесь и сейчас, вне зависимости от времени интерпретации рецепируемого текста. Психо-эмотивная же сложность и парадигматическая нелинейность создания каузативной локализации виртуального фэнтезийного мира имеет весьма жесткую привязку не только к индивидуальной ассоциативной сети автора, но к концептуально-валерной системе лингвокультурного сообщества, что позволяет распрепредмечивать смысл именно в той «схеме действия», которую закладывает сам автор. Именно на основании данной специфики рецептивные навыки переводчика-интерпретатора становятся ключевыми в рамках создания адек-

time preserving the author's specifics, while the proper level of adequacy is reached through translation loans, provided the outer form of the onym and its emphatic features are preserved.

Key words: translation, perlocution effect, language game, vernacular, expressiveness, emotiveness, text functionality, virtual world.

ватного произведения на языке принимающей лингвокультуры, – транслировать необходимо не только вербалику, но и последовательность шагов распрепредмечивания смысла и вживания в виртуальный мир.

При подобном понимании интенсификации пространственно-временных компонентов семиозиса восприятие, вживание, понимание и дальнейшая интерпретация выступают как одновременно и неразрывные процессы, составляющие рецептивную деятельность транслятора. И трансляция здесь должна толковаться уже не просто в качестве межъязыковой и межкультурной трансгрессии (стирания границы для создания адекватного текста), но в качестве трансплантации (внедрения «схем действия» автора как интимизированных читателем, т.е. переводчик просто «обязан» пройти тот же самый путь в повторном определении смысла исходного мира в целевом тексте).

Методология анализа и теоретические основания формирования рецептивной компетенции. В качестве наиболее релевантных для анализа переводческих дилемм и трансформационных процессов аккультурации в нашем исследовании были избраны следующие методы: сравнительно-сопоставительный анализ, герменевтические методы интерпретации и интроспекции. В качестве специальных переводоведческих методов использованы элементы критического анализа перевода, который, в свою очередь, является комплексным филологическим методом, состоящим из сочетания литературоведческих и лингвистических методов: компаративного, типологического, трансформационного, стилистического анализа.

Согласно Л. С. Бархударову, перевод можно определить как «результат такого процесса, в котором появляется новое речевое произведение, новый текст, возникший на переводящем языке. Теория перевода как раз занимается таким текстом и его соотношением с исходным оригиналом. Цель перевода заключается в том, чтобы как можно ближе познакомить человека, не знающего какого-либо языка, с заданным текстом на этом языке» [2, с. 9].

Для цельности передачи оригинального текста необходим выбор способа информационной упорядоченности текста, таковым является метод перевода. С. А. Королькова отмечает, что в реальной профессиональной ситуации переводчик имеет дело с текстом, чьи типологические,

стилистические и жанровые особенности детерминируют стратегию перевода, выбор метода и приёмов перевода. Необходимо точное знание вида, который должен приобрести оригинальный текст после того, как будет подвергнут обработке работающим с ним переводчиком [9, с. 321].

Актуальной является проблема отсутствия единого метода полноценной передачи текста при переводе. Мартин Лютер был одним из первых в Германии, кто в своей работе «Письма переводчика» затронул данную тему. В своих переводах он использовал множество переводческих трансформаций: изменение порядка слов, при отсутствии эквивалентов замену описательным переводом некоторых лексем, дополнение текста, избегая потери метафорической формы вербализации, создавая новые трансформированные или применяя имеющиеся в языке перевода метафоричные выражения и т.п. [5, с. 54–61].

Отсутствие таких профессиональных программ подготовки преподавателей переводческих дисциплин, а не самих переводчиков, в масштабах глобального образовательного пространства создаёт ряд сложностей для студентов-переводчиков, в основном это касается синтеза необходимых знаний, выработки навыков в рамках формирования профессиональных компетенций должного уровня. Обучение переводу тесно сопряжено с интеграцией теоретических, методических и дидактических подходов, поскольку поиск эффективных решений переводческих проблем может быть оптимизирован благодаря масштабности профессиональной коммуникации переводчиков. Процесс поиска эффективных переводческих решений, выбор подходящих преобразований и преодоление переводческих проблем можно облегчить во многом с помощью интенсивных научных дискуссии [12, с. 78].

Фридрих Шлейермахер отмечает, что способ перевода находится в сильной зависимости от характера оригинального текста. В разных областях коммуникации (оригинальные) тексты весьма многообразны в жанрово-стилистической оценке и способе актуализации виртуальных художественных миров, что позволяет предполагать необходимость различных методов их трансляции, учитывающих реалии языка оригинала и языковой системы, в рамках которой осуществляется создание целевого текста. Основной целью при этом остается полнота передачи плана содержания оригинала, но с максимальным сохранением уникального почерка автора, метафоричности и литературных троп в целом [10, с. 192]. О.И. Уланович также отмечает, что полнота переводческого понимания оригинала измерима посредством количественного сопоставления массива предметных и эмоциональных значений, присутствующих в тексте оригинала и переданных в тексте перевода. Это есть понимание и интерпретация

в поле общекультурных и индивидуальных значений, материально воплощаемое в полноте фиксации в переводе всех объектов, явлений и их признаков, указанных в оригинале [18, с. 79].

С. Г. Тер-Минасова отмечает, что за переводимыми словами стоят совершенно разные миры, а задачей переводчика является перевод не только слов, а миров, которые никогда не связаны так близко, как при переводе. По ее мнению, от качества перевода зависит уровень национального языка и культуры, повышаемый или понижаемый в зависимости от качества переводных материалов, от чего зависит будущее нации [16, с. 18]. В силу разнообразия и сложности общей систематизации, языковые переводческие трудности следует разделить на две категории: «очевидные» и «скрытые». К числу первых С.Г. Тер-Минасова относит такие структурные особенности, как:

- 1) отличия, которые объясняются особенностями грамматического строя конкретных языковых систем;
- 2) разница в орфографии и фонетике исходной и переводящей системы кодирования.

К числу вторых – объём значения сопоставляемых единиц, их стилистические коннотации, лексико-фразеологическую сочетаемость, а также феномен «ложных друзей переводчика». Также важно отметить, что наряду с упомянутыми выше, частотны внеязыковые трудности, которые несут социокультурный характер, так как они осложняют процесс преобразования текста в инокультурной системе с полным сохранением его смысловой нагрузки. Их также необходимо учитывать, чтобы перевод соответствовал принципам адекватности и достигал достаточного уровня эквивалентности. Отметим такие компоненты, как: псевдотермины, квазилексика, авторские сноски, перевод имён собственных, комментарии редакторов, сохранение или компенсация игры слов в переводе, безэквивалентная лексика (требующая особого погружения в контекст), а также «обманчивая эквивалентность», которая появляется как следствие воздействия нескольких социокультурных факторов, и др. [17, с. 14].

В. Н. Карапухина отмечает, что лингвоаксиологическая макростратегия адаптации выявляет возможности варьирования при межязыковой коммуникации семантической категории пространства (как текстового, так и культурного). Биполарность данной макростратегии (адаптация / отстранение) обусловлена необходимостью для переводчика либо полной аккультурации текста оригинала в культуру языка перевода, либо, наоборот, достижения эффекта «инокультурности» переводимого текста. Автор определяет адаптацию текста как «перемещение текста оригинала на другую территорию (reterritorialization, annexation) или же как “натурализацию” текста

перевода, направленную на естественное восприятие текста перевода в условиях другого языка и другой культуры» [6, с. 185].

Переводческие дилеммы и эффективные решения в рамках достижения адекватности целевого текста. Рассмотрим некоторые типы переводческих дилемм и проанализируем пути их наиболее эффективного преодоления.

В качестве ключевых принципов обеспечения адекватности целевого текста можно обозначить достижение функциональности одного порядка в сравнении с оригиналом. Особенность прагматических отношений при переводе заключается в обязательной прагматической ориентированности на оригинальный текст, соответствии функций переведенного текста источнику, ориентированности на участников коммуникативного акта. Проблема «непереводимого в переводе» продолжает оставаться одной из наиболее острых переводческих проблем. Говоря о причинах возникновения данного феномена, следует отметить, что сущность проблемы состоит не только в естественной неидентичности структуры разных языков, но и в большом количестве способов концептуализации мира, которые отличаются не только в различных языковых системах, но в том числе и в специфике национальных культур, которые могут значительно варьироваться даже в рамках одного языка (культуры США, Англии, Австралии и Шотландии значительно отличаются несмотря на то, что жители этих стран говорят на одном языке – английском).

В теории перевода перлокутивным эффектом текста принято считать производимый им коммуникативный эффект (влияние текста на рецептора перевода и реакция рецептора на содержание). Из этого следует, что способ сохранения прагматического воздействия оригинала, которое будет адекватно исходному, в переведенном тексте становится одной из дилемм переводческой деятельности.

В качестве примера приведём одну из шуток, которая была популярна в Великобритании: *Мужчина с опозданием приходит на похороны и спрашивает: «Am I late?», на что немедленно получает ответ: «Not you, sir. She is».*

Английское слово «late» означает и «поздний», и «покойный». Следовательно, в данном примере герой спрашивает: «Я опоздал?» За этим следует ответ: «Нет, сэр, покойник не вы, а она». Шутка построена на языковой игре с полисемичностью лексемы late, но учет вертикального контекста (ситуации порождаемой фразы реплики) актуализирует амфиболию эксплицируемых компонентов смысла в дифференциальных нозматических пластах в процессе конкретизации общего содержания [3, с. 74].

Передача плана содержания и воспроизведение соответствующего перлокутивного эффекта на реципиента представляют собой невероятно

важную, а также одну из наиболее сложных задач, с которыми сталкивается в своей практике переводчик. Рассмотрим способы решения ситуаций, когда начинающий практикующий переводчик сталкивается с игрой слов. В данном фрагменте текста её можно опустить, при этом, восполнив, делая акцент на другом слове или словосочетании, используя, таким образом, либо приём компенсации, либо приём добавления.

С другой стороны, всегда есть возможность последовать примеру большинства переводчиков – поставить своё примечание с характерной пометкой «здесь использована игра слов». В случае применения последнего варианта, начинающему переводчику следует понимать, что возможна потеря характерного колорита исходного текста. Кроме того, слишком частое использование сносок и примечаний сильно отвлекает читателя от погружения в текст, разрушая атмосферу, создаваемую автором, а также перевод, следовательно, не реализует адекватную оригинальному рецептовому произведению силу воздействия.

Вариативность трансляции и формирование рецептивной компетенции. Важной составляющей работы переводчика является развитие чувствительности к направленности текста, поэтому следует оттачивать владение различными средствами как исходного (ИЯ), так и переводящего языка (ПЯ). Но сама рецептивная компетенция представляется ключевой ещё и в аспекте интенциональной (осознанной) рефлексии над поверхностными и глубинными структурами текстовой реальности, не только к подлинному герменевтическому пониманию (распредмечиванию смысла), но и как способность к интенсификации инициальных компонентов в не коррелирующих концептуально-валерных системах, способность нивелировки субъектно-объектной асимметрии в трансляции точек бифуркации виртуальных и реальных художественных миров исходной и переводящей лингвокультуры. Кроме того, решающее значение имеет выработка необходимых навыков, практика посредством выполнения специальных упражнений, обогащение фоновых знаний в области литературы, истории, культуры и т. д., быстрая реакция для сохранения интенсифицируемых автором аллюзий в игре слов. При наличии в тексте упомянутого приёма, как показывает практика, редко встречаются языковые совпадения.

М. Е. Коровкина также считает, что кроме знаний ИЯ и ПЯ, владения технической стороной перевода (способностью к переключению с одного языка на другой и девербализацией/ревербализацией инварианта смысла), переводчик должен располагать знаниями о внеязыковой действительности [8, с. 19].

Игра слов. Целесообразно отметить, что невозможно указать все случаи употребления игры слов и вывести для них единые эквиваленты на

языке перевода, чтобы полностью подготовить человека к таким явлениям, которые могут встретиться в его профессиональной практике. Какую последовательность действий предпринять переводчиков в случае потери смысла игры слов? Делать акцент на слове *late* необязательно, можно обыграть ситуацию на русском языке или подобрать выражение, которое можно внедрить в контекст похорон. Например:

– *Всё кончено?*

– *Не для вас, сэр. Для неё.*

Возможен также следующий вариант:

– *Я опоздал? Мне крышка...*

– *Не вам, сэр – только ей.*

На примере диалоговых единств из компьютерной игры «Undertale» можно проследить случаи использования игры слов, в частности, в речи персонажей, изображенных скелетами. Как правило, игра слов не изменяет общий смысл текста, но она является средством создания атмосферы развлечения и тесно связана с символикой произведения. Также данный элемент более подробно раскрывает характер созданного персонажа. Рассмотрим конкретные примеры, приведем возможные перевод:

1) – *How did I know where you would go next?*

– *Oh, I felt it in my bones!* [22].

– *Как ты понял, куда идти?*

– *Нутром почувствовал!*

– *Сердце подсказало!* (перевод авторов).

Так как внутренние органы у скелетов отсутствуют, элемент юмора при подобном варианте не сохраняется, или же переходит в разряд ситуативного юмора. Для сохранения авторской игры в аспекте учета визуального ряда необходима трансформация собственного русского лингвокультуре фразеологизма «до мозга костей» и внедрение его в неузуальный контекст: *Я почувствовал это мозгом костей!* (перевод авторов).

2) – *My brother always works himself down to the bone!* [22].

Выражение «*down to the bone*» часто используется в значении «основательно», «на совесть», но в контексте игры используется именно для передачи характерной для персонажа шутки, поэтому можно использовать следующие варианты перевода:

– *Мой брат всегда выкладывается до мозга костей!* (перевод авторов).

3) – *Why don't skeletons fight each other?*

– *They don't have the guts* [22].

Выражение «*Somebody doesn't have the guts*» переводится как «не хватает мужества», «не хватает смелости», «не хватает духа». Последний вариант перевода четко отображает характер героя, передает значение шутки, при этом, существует более близкое к оригиналу выражение, основанное на лексеме «guts» (кишки):

– *Почему скелеты не дерутся друг с другом?*

– *У них кишка тонка!* (перевод авторов).

В качестве примеров успешного решения коммуникативной задачи рассмотрим реплику, при переводе которой использовались элементы добавления:

4) – *Have you seen my brother? I have a bone to pick with him* [22].

– *Ты не видел моего брата? У меня к нему срочное дело. Это вопрос жизни и смерти!* (перевод авторов).

В некоторых случаях реплика претерпевает целостное преобразование, на основе изменения сферы источника в метафоризации, как это было сделано в вышеуказанном примере, – английский фразеологизм *to have a bone to pick with smb.* – «иметь счеты с кем-либо», трансформировался в обоюдозначимый «*вопрос жизни и смерти*», при этом эффект тематической игры слов был сохранен. Сходная ситуация наблюдается в следующих примерах:

5) – *Skulls are always lonely because they have no body* [22].

– *Почему у скелета нет друзей? Он им все ко-сми перемывает!* (перевод авторов).

6) – *All skeletons love playing trombone* [22].

– *Если скелет чего-то захотел, то он за это дело костями ляжет!* (перевод авторов).

– *What do skeletons say before they begin dining?* *Bone-Appetit!* [22].

– *Чем скелет покрывает свою крышу? Черепицей!* (перевод авторов).

Таким образом, трансформируя игровые аспекты высказываний в виртуальном художественном пространстве с целью локализовать его, адаптируя к принимающей лингвокультуре, необходимо тщательно изучить интраигровой горизонтальный и вертикальный контекст, аудиальные, визуальные и символические коды интенсификации компонентов содержания [3, с. 74].

Жанрово-стилистическая детерминация. Следующей дилеммой, решение которой оказывает значительное влияние на обеспечение адекватного перлокутивного эффекта целевого текста, является приведение в относительное соответствие нормативных, стилевых и типологических различий в ИЯ и ПЯ. Стилистическая задача перевода состоит в поиске лексических и грамматических вариантов, обусловленных общей направленностью оригинала и его жанровой принадлежностью, а также соблюдением норм, существующих для соответствующих разновидностей текстов в переводящем языке.

Стандарты оформления литературных текстов могут отличаться по причине разного строя языка. Так, в аналитическом английском уместно множественное повторение таких лексем перцептивно-коммуникативного маркирования как «*said*», «*thought*», «*asked*», имён персонажей при оформлении диалогов в художественном произведении. В свою очередь, в синтетическом русском языке

повторы данной лексики будет восприниматься как тавтология, во избежание которой обычно используют синонимичные единицы, заменяют слово на тире или вовсе опускают его.

Жанровые особенности текста напрямую влияют на его оформление. Так, для художественных произведений в английском языке привычно оформлять прямую речь персонажей в кавычках, не делить на абзацы реплики разных героев. Однако в процессе перевода материала на русский язык зачастую оформление адаптируют в более знакомом русскоязычному реципиенту виде, выделяя прямую речь при помощи тире, а мысли героев оформляя в скобках, либо делая их частью статичного описания состояния персонажа. Таким образом, фоно-графическое оформление текстового пространства представляется одним из наиболее значимых в аспекте создания адекватного перлокутивного эффекта [4].

«*Will this be enough?*», **asked** Eragon. Sloan *picked up the stone and gauged its weight speculatively*. «*It's pretty, but how much is it worth?*», **he asked**. «*I don't know*», **admitted** Eragon, «*but no one would have gone to the trouble of shaping it unless it had some value*». «*Obviously*», **said** Sloan *with exaggerated patience*. «*But how much value? Since you don't know, I suggest that you find a trader who does, or take my offer of three crowns*». «*That's a miser's bargain!*» **thought** Eragon [19, с. 7].

«— Ну что, этого хватит?»

Слоан взял камень в руки и с сомнением взвесил на ладони. Потом потрогал пальцем белые прожилки на гладкой поверхности, поцокал языком, положил синий самоцвет на прилавок и заявил:

— Красивый камешек! Вот только понятия не имею, сколько он может стоить.

— И я тоже, — **признался** Эрагон. — Только вряд ли кто-то стал бы над ним трудиться, полировать его и всё такое, если б он ни гроша не стоил.

— Так-то оно так, — **протянул** Слоан, — да только хотелось бы всё же его настоящую цену узнать. А раз ты сам её не знаешь, так найди такого торговца, который смог бы тебе это сказать. А не найдешь, я тебе за него больше трех крон никак дать не смогу.

«Но это же нечестно!» [13, с. 9].

В отдельных случаях могут возникнуть трудности перевода из-за структурных различий в лексике, синтаксисе и супrasegmentных элементов, которые различны в двух конкретных языках. Например, если персонаж иностранец или говорит на диалекте, то вся речь героя представляет собой отклонение от литературной нормы, в первую очередь на фонетическом уровне. Приведем пример внедрения в речевой портрет персонажа ирландского говора. Если в тексте, изначально представленном на русском языке, герой, по задумке автора, говорящий на английском, упоминает, что он ирландец, то при переводе на англий-

ский язык нужно обладать достаточным багажом фоновых знаний о распространенных способах репрезентации особенностей ирландского английского.

Передать его можно несколькими способами: если говорить о фоно-графическом уровне (выражение фонетики при помощи орфографии), то можно заметить следующие распространенные модификации: появление звука [ʃ], в лексемах, в которых он отсутствует в стандарте: *purlite* (*polite*); звук [d], как правило, заменяется звуком [dʒ]: *wid* (*with*), а звук [o:] — на [a:] *infarm* (*inform*) и т. д.

На словообразовательном уровне: *a forty-pinny* (*a piano*), *a widdy* (*a widow*), *a sofy* (*a sofa*), *to percave* (*to perceive*) и т. д.

Звуки [ʌ], [e] заменяются на звук [ɪ]: *sind* (*send*), *jist* (*just*), (*love*-)*litter* (*love-letter*), *nixt* (*next*), *whither* (*whether*);

Звук [f] заменяется на [θ]: *misthress* (*mistress*), *inthroduction* (*introduction*);

Звук [i:] заменяется на [a]: *swate* (*sweet*), *crature* (*creature*), *rason* (*reason*).

На лексико-фразеологическом уровне в тексте оригинала встречаются как ирландские слова и выражения (*abog-throtter*, *aspalpeen*, *thetipo 'themornin' toye*), так и разговорные слова и выражения, не имеющие отношения к диалекту.

При переводе на словообразовательном уровне можно использовать следующие способы «опросторечивания» речи персонажа, однако, необходимо подчеркнуть, что в данном случае неизбежна потеря этно-национальной специфики оригинального текста:

1) суффиксальный:

а) уменьшительные суффиксы (разговорная речь, в особенности просторечие, богата словами, образованными данным способом): *окошко* (*a windy*), *французик* (*the little Frenchman*), *лапка* (*a little lipper*) *диванчик* (*a sofy*), *крошка* (*a swate little crature*), *ангельчик/ангелочек* (*a swate little angel*), *вдовушка* (*a widdy*), и др.;

б) суффиксы *-ива/-ыва-*: ...какого свет не видывал (*nor iver was seen*), не слыхивал (*never was known before upon arth*);

2) приставочный:

а) приставки *раз-/рас-*: *сейчас все как есть толком разобьясню* (*I'm going to give you the good rasan*), *распрекрасный* (*the beautifulest*), *такой-рассякой* (*a bogthrotting son of a bloody noun*);

б) приставки *на-* и *по-*: *попозже, назавтра* (*the nixt mornin'*), *подарила (улыбку)* (*she gived me such a swate smile*) и др.

Для усиления перлокутивного эффекта зачастую применяются разговорные частицы *-то* и *-ка*: *я-то (знаю)*, *дело-то (нехитрое)*, *ну-ка (подойди)* и т. п.

В переводе часто встречаются неполные предложения, — поскольку эллипсы в сознании русскоязычного реципиента маркируют просторечие (хотя и в меньшей степени чем для англоязычного читателя, привыкшего к жесткому порядку слов и наличию формальных подлежащих и сказуемых в нормативном предложении):

'Why, are yer back a'ready!' – Нукак уже воззвратилась?

'Am Ah t' light yer a little fire?' – Может, чутка подтопить?

Также используются преднамеренные искажения слов для демонстрации низкой образованности: *мусью (Mounseer)*, *фордыбьяно (a forty-pinny)*, аналогично могут маркироваться гендерные и возрастные характеристики персонажей: дети в период гиперкорректности, выучив одно слово или усвоив один маркер грамматической категории, стараются употребить его при формообразовании других слов, либо ошибочно считая их однокоренными, либо следуя усвоенной модели деривации: *eggzplere* – *explore*.

Идиостиль и интенциональность: проблемы сохранения. Одной из главных трудностей при переводе художественной литературы является сохранение особенностей идиостиля автора оригинального текста, репрезентируемого в образных средствах, структуре предложений, способе повествования. Из-за различий в строе ИЯ и ПЯ переводчику предстоит сложная работа по полноценной интерпретации текста без потери индивидуальных особенностей авторского стиля [11, с. 127].

При работе с художественными текстами перед переводчиком стоит важная задача – распознавание и правильная передача экспрессии оригинального произведения. Перевод стилистических приемов является весьма сложной задачей не только для новичков, но и для профессиональных переводчиков.

Джон Толкин в произведении «Сильмариллион» комбинирует художественные приёмы с различными типами повествования и стилем изложения, характерным для текстов древних мифов и легенд, а местами – Библии, но без явных аллюзий или экивоков к её сюжетам. Таким образом, для идиостиля Дж. Р. Толкина на лексико-синтаксическом уровне характерно наличие предложений, избыточно инвертированной последовательностью слов. В случае с произведениями, претендующими на историческую достоверность или текстами в жанре фэнтези, инверсия нередко применяется для создания эффекта старинных текстов, позволяя замедлить темп повествования и подражать архаичной манере речи, придавая ощутимую торжественность фразам персонажей.

В творчестве Джона Толкина самым распространенным приёмом является перенос в начало фразы обстоятельства, дополнения. Таким обра-

зом, откладывается момент введения ключевой информации, т.е. сегментация актуального членения предложения. При таком типе инверсии автор создаёт атмосферу таинственности. Например:

«To Melkor among the Ainur had been given the greatest gifts of power and knowledge, and he had a share in all the gifts of his brethren» [21, с. 12].

В данном случае подлежащее (*the gifts of power and knowledge*) было вынесено автором и поставлено после сказуемого с дополнением, равно как стилистически маркирована и инициальная позиция логически дативного дополнения *to Melkor among the Ainur* в пассивном предложении, т.е. бенефактор в начале предложения придает всей фразе атмосферу возвышенности.

Для сохранения авторского почерка при стилистической инверсии в переводе также может быть сохранен оригинальный порядок слов: *And the inner fire of the Silmarils Fëanor made of the blended light* [21, с. 63]. – *Внутренним огнем Сильмариллов Феанор создал всеблагой свет*, но чаще всего переводчику приходится прибегать к перестановкам. Это обусловлено различием тема-рематической организации предложения в английском и русском языках. Так, в русском языке, в отличие от английского, тема, т.е. второстепенная информация, чаще всего ставится на первое место, а рема – в конец. Таким образом, для передачи инвертированного порядка слов зачастую применяют перестановку, вынося сказуемое перед подлежащим. В качестве примера приведем предложение *«Long they dwelt in their first home»* [21, с. 36], которое было переведено как *«Долго жили они в первом своём доме»*.

Топонимика и ономастика виртуального мира в транслаторике. Следующей дилеммой при переводе является трансляция собственных имен для передачи хронотопических компонентов оригинального виртуального художественного пространства. Переводческая теория, как правило, придерживается принципа применения преобразования транслитерации при переводе ономастикона, однако могут возникнуть ситуации, когда автор изначально вложил определённую смысловую нагрузку в имя героя или героини. Наиболее красочно вопрос о переводимости имён собственных демонстрирует роман Джоан Роулинг «Гарри Поттер». Серия этих книг, особенно первые части, предназначены преимущественно для детского чтения, и характеризуются относительно простым стилем повествования, напоминающим сказочный дискурс. Редактору в таком случае обязательно следует учитывать читательский адрес издания. Используемые автором оригинального текста «говорящие» имена собственные можно перевести на русский язык с помощью транслитерации, калькирования и контекстуального перевода.

Оригинальный текст «Гарри Поттера» нравится многим, а вот перевод спровоцировал настоящий скандал среди поклонников. В частности, перевод издательства «Махаон», выполненный Марией Спивак. Дело в том, что в оригинале Джоан Роулинг использует «говорящие» имена и фамилии, которые раскрывают сущность героев или, как минимум, намекают на их характер. В переводе И. Оранского в большей мере акцент сделан на транскрипцию и транслитерацию, что объясняется тем, что переводчик руководствовался главным образом своим субъективным мнением, и старался оставить имена героев максимально благозвучными. Для этого он выбрал способ транскрипции, который казался наиболее подходящим. Однако нельзя не подчеркнуть, что ввиду применения подобных приёмов переводческих модификаций (в нашем случае – транскрибирование) имена персонажей и названия некоторых предметов практически полностью

лишились оригинальной смысловой нагрузки. Из текста были изъяты намёки, колоритные аллюзии и нужные для создания определённых впечатлений ассоциации, которые в совокупности важны для целевой аудитории текста, то есть, в данном случае – детской сказки, для маленьких детей, которые первоначально и являлись целевой аудиторией произведения.

М. Спивак постаралась максимально адаптировать текст оригинала для восприятия русскоязычной аудиторией, поддерживая детскую и лёгкую атмосферу со сказочно-нелепыми, смешными именами и названиями, напоминающими читателю сказку, т. е. максимально эффективно транслирующими виртуальный художественный мир.

Рассмотрим несколько примеров, сопоставив оригинальное звучание, перевод И. Оранского (издательство «Росмэн»), и М. Спивак (издательство «Махаон»).

Оригинал	«Росмэн»	«Махаон»
1. Alastor «Mad-Eye» Moody	Аластор «Грозный Глаз» Грюм	Аластор «Шизоглаз» Хмури
2. Crookshanks	Живоглот	Косолапус
3. Rememberall	Напоминалка	Вспомнивсёль
4. Whomping Willow	Гремучая Ива	Дракучая Ива
5. Voldemort	Волан-де-морт	Вольдемор

Слово «Moody» можно перевести как «хмурый, угрюмый», что хорошо адаптировано в обоих переводах, слово же «mad» (безумный, сумасшедший, чокнутый) в переводе Марии Спивак («Шизоглаз») более близко к оригиналу и хорошо подходит созданному автором оригинального текста образу персонажа. Таким образом, Мария Спивак в данном случае справилась с передачей оригинального значения лучше, чем в переводе фамилии героя, так и его прозвища.

Во втором примере, безусловно, «Живоглот» звучит более грозно, но вариант «Косолапус» или «Косолап» предельно приближен к оригиналу, а значит исходная интенция автора по передаче внешних признаков героя потенциально реализует большую степень адекватности перлокутивного эффекта.

«Вспомнивсёль» и визуально, и по звучанию приближен к оригинальной лексической единице, введённой Джоан Роулинг, хотя при сравнении обобщенного содержания двух переводов, «напоминалка» нельзя назвать менее удачной адаптацией.

В последнем из приведённых примеров оба перевода значительно отдалены от оригинала, судя по всему, по той причине, что лексема «whomp» является звукоподражательной – обозначает рассеивание воздуха при резком ударе, и у некоторых авторов переводится как «Хлоп». «Гремучая Ива» звучит возвышенно и приемлемо для русскоязычного читателя, М. Спивак же

решила дать название, исходя из действий, которые производит ива по сюжету – дерётся, отсюда «Дракучая Ива».

Имя главного антагониста – Voldemort – И. Оранский разбил на три части, создавая у русскоязычного читателя ассоциации с воплощением образа дьявола в отечественном романе М. Булгакова «Мастер и Маргарита», Воландом. Приставка «де» была характерна для аристократов, таким образом, статус этого персонажа так же актуализирует более высокую социальную роль и положение, чем у остальных героев произведения. М. Спивак же, в силу того, что имя злодея никаких аллюзий не содержит, передала его на русский язык при помощи транслитерации, добавив только палатализацию – Вольдемор.

Однако в отдельных случаях существует проблема, заключающаяся в отсутствии возможности повторить на языке перевода стилистический прием, использованный в оригинальном тексте. В таких случаях переводчик сталкивается с необходимостью замены оригинального стилистического средства на аналогичное, достигая таким способом того эмоционального эффекта, которого добивался автор. Этот метод принято называть стилистической компенсацией.

На следующем примере можно наглядно проследить, как из текста исчезла забавная ситуация, связанная с неадаптированным именем героя на примере персонажа Oliver Wood:

«Excuse me, Professor Flitwick, could I borrow Wood for a moment?» – «Wood?» thought Harry, bewildered; was Wood a cane she was going to use on him? But Wood turned out to be a person [20, с. 93].

– Извините, профессор Флитвик, могу я попросить вас кое о чем? Мне нужен Вуд.

«Вуд?» – Гарри передернуло, и он почувствовал, как его охватывает ужас. – Это ещё что такое?» Вуд оказался человеком [14, с. 66].

И. Оранский выбрал проверенный прием – сохранение звуковой оболочки, но абсолютную потерю глубинного аллюзивного содержания: «Оливер Вуд», именно по данной причине исчезло предложение оригинального текста при переводе, таким образом, использование генерализации в данном случае не является вполне оправданным приемом.

Мария Спивак же адаптировала имя этого героя и постаралась максимально передать комичность ситуации:

– Прошу прощения, профессор Флитвик, можно мне Древо? На минутку?

«Древо?» – в панике подумал Гарри; – это что, какая-нибудь палка, которой меня побьют?» Но Древо оказалось человеком [15, с. 66].

Примечательным является отсутствие на данный момент в теории перевода точного и единого определения такого приёма, как стилистическая компенсация. Исходя из предложенных на сегодняшний день дефиниций, можно отметить в этом аспекте воззрения выдающегося учёного Л. С. Бархударова, который описывал стилистическую компенсацию как приём, который «применяется в тех случаях, когда определенные элементы текста ИЯ по той или иной причине не имеют эквивалентов в ПЯ и не могут быть переданы его средствами. В этих случаях, чтобы восполнить («компенсировать») семантическую потерю, вызванную тем, что та или иная единица ИЯ осталась непереведенной или не полностью переведенной (не во всем объёме своего значения), переводчик передаёт ту же самую информацию каким-либо другим средством, причем необязательно в том же самом месте текста, что и в подлиннике» [2, с. 229]. В. Н. Комиссаров, однако, утверждает, что переводческая трансформация компенсации сводится к тому, что работающий с текстом переводчик, «не сумев избежать утраты какого-либо стилистического или смыслового элемента, в дальнейшем воспроизводит аналогичный элемент либо в другом слове, либо в другом фрагменте текста, тогда как в оригинале его в этом слове или участке текста попусту нет» [7, с. 215].

Достичь высокого уровня адекватности и эквивалентности целевого текста также можно, подобрав на переводящем языке лексему, находящуюся в таком же ассоциативном поле, что оригинальное слово. Таким образом, перлокутив-

ный эффект, оказываемый переводом, оказывается равным оригиналу, так как вызываемые у читателя мысли и образы одинаковы.

Для верной передачи одного стилистического приёма переводчику может понадобиться обращение к стилистическому строю оригинала в целом, выделение особенности в структуре повествования всего текста и подбор подходящей фигуры речи на ПЯ. Таким образом, достигается стилистическое соответствие, важное для достижения адекватности перевода [1, с. 184].

Также переводчик может столкнуться с определенными сложностями при переводе текстов, содержащих прецизионную лексику. Так как прецизионные слова во всех контекстах имеют одно и то же значение, они требуют особого внимания при трансляции актуального компонента. При работе с такими единицами перевода важно знать не только денотативные значения, но и их иноязычные эквиваленты.

В результате проведенного исследования по рассмотрению следующих аспектов процесса перевода: лингвистического, социокультурного, прагматического, нормативного и культурологического, можно сделать вывод о равнозначности и невозможности нивелировки какого-либо из них в рамках повышения качества целевого текста. Также выделенные аспекты формируют систему факторов, важных для полноценной передачи переводом содержания, прагматического значения и стилистики оригинального текста.

На реализацию перлокутивного эффекта влияет множество факторов, в том числе и социально-культурные различия реципиентов оригинального и переводного текстов. Поэтому в процессе перевода происходит не только интерпретация содержания с одного языка на другой, но и взаимодействие разных национально-культурных сфер.

Успешный процесс перевода зависит от учета межкультурных различий носителей языка, т.е. от полноценности прагматического значения целевого текста в сравнении с оригиналом. Важно сделать перевод максимально приближенным к оригиналу, избегая злоупотребления передачей собственных аллюзивных содержаний, уводящих реципиента далеко от той мысли, которая закладывалась в исходном фрагменте текста. В то же время, некоторые ситуации требуют разъяснения от переводчика. Возникающие трудности перевода типичны, но их характер может иметь много особенностей, именно по этой причине процесс выведения универсальной модели перевода и способы формирования профессиональных переводческих компетенций сильно осложняются.

Каждый перевод может быть выигрышным в силу подхода к переводу, постановки цели, учета жанра текста, индивидуального стиля автора. Данные аспекты порождают сложное многообразие, которое, действительно, трудно поддается членению и освоению, при этом постоянное

совершенствование навыков, подготовленность, наличие фоновых знаний об особенностях, могут помочь создать качественный текст перевода.

Особого внимания требует стилистический аспект в трансляции виртуальных художественных миров произведения, что способствует сохранению заложенного автором перлокутивного эффекта. Однако чрезмерная русификация индивидуально-авторских конструкций приводит к потере заложенных в них коммуникативных интенций автора по погружению потенциального реципиента в условия иномирового восприятия. Трансляция стилистических средств выразительности зачастую происходит при помощи описательного перевода из-за отсутствия в русском

языке полных эквивалентов, что влечет за собой перегруз текста синтаксическими конструкциями. При переводе стилистических конструкций наиболее эффективным приёмом является сохранение синтаксической структуры текста и его тема-рема-матических связей, что зачастую обуславливает нейтрализацию стилистических компонентов. Наиболее эффективными способами перевода индивидуально-авторских онимов, создающих виртуальное пространство, являются транскрипция и транслитерация с сохранением авторской специфики. Прием калькирования также может оказаться уместным в некоторых случаях трансляции, если позволяет сохранить внешнюю форму онима и его эмфатическую специфику.

Литература

1. Алексеева И. С. Текст и перевод. Вопросы теории. М.: Международные отношения, 2008. 184 с.
2. Бархударов Л. С. Язык и перевод: Вопросы общей и частной теории перевода. М.: Стереотип, 2019. 240 с.
3. Бредихин С. Н., Леонов А. А. Трансформации структуры концепта в процессе локализации компьютерных игр с элементами жанра фэнтези // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2019. № 1. С. 70–76.
4. Бредихин С. Н., Пелевина Ю. И. Реализация перлокутивного эффекта в различающихся лингвокультурах (на материале знаков фоно-графической деривации) // Профессиональная коммуникация: актуальные вопросы лингвистики и методики. 2019. № 12. С. 28–36.
5. Горбачевская С. И. Актуальные вопросы прагматики перевода // Россия и Запад: Диалог культур. Вып. 15. Ч. III. М.: Центр по изучению взаимодействия культур, 2010. С. 54–61.
6. Карпухина В. Н. Ключевые лингвоаксиологические макростратегии перевода романа Б. Акунина «Азазель» на английский язык // Сибирский филологический журнал. 2017. № 1. С. 184–192.
7. Комиссаров В. Н. Слово о переводе. М.: Международные отношения, 1973. 216 с.
8. Коровкина М. Е. Об интерпретационных и компетентностных факторах перевода // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода. 2018. № 3. С. 17–31.
9. Королькова С. А. Когнитивная структура алгоритма письменного перевода // Знание. Понимание. Умение. 2014. № 3. С. 319–328.
10. Латышев Л. К., Семёнов А. Л. Перевод: теория, практика и методика преподавания. М.: Академия, 2003. 192 с.
11. Мазирка И. О. Перевод как диалог культур: проблема фоновых знаний // Социокультурные проблемы перевода. Воронеж: Изд-во ВГУ, 2010. С. 127–134.
12. Новикова Э. Ю., Митягина В. А., Штефан В. Межвузовское международное сотрудничество: проектная деятельность в подготовке переводчиков // Высшее образование в России. 2019. Т. 28. № 6. С. 75–85.
13. Паолини К. Эрагон. М.: Росмэн-пресс, 2017. 637 с.
14. Роулинг Дж. Гарри Поттер и философский камень / пер. с англ. И. Оранский. М.: Росмэн, 2002. 399 с.
15. Роулинг Дж. Гарри Поттер и Волшебный камень / пер. с англ. М. Спивак. – М.: Махаон, 2013. 429 с.
16. Тер-Минасова С. Г. Проблемы перевода: mission impossible? // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2012. № 2. С. 9–18.
17. Тер-Минасова С. Г. Война и мир языков и культур. М.: Слово, 2008. 344 с.
18. Уланович О. И. Понимание оригинала при переводе: к вопросу о феноменологии явления // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2015. № 1 (33). С. 78–87.
19. Paolini C. Eragon, Inheritance. New York: Knopf Books for Young Readers, 2005. 860 p.
20. Rowling J. K. Harry Potter and the Philosopher's Stone. London: Bloomsbury, 1997. 196 p.
21. Tolkien J. R. R. Silmarillion. London: Harper Collins Publishers, 1992. 480 p.
22. Undertale / Toby Fox/ Fangamer, 2015 // STEAM. URL: <https://store.steampowered.com/app/391540/Undertale/> (Assecced: 15.01.2021)

References

1. Alekseeva I. S. Tekst i perevod. Voprosy teorii (Text and translation. Questions of theory). Moscow: International Relations, 2008. 184 p. (In Russian).
2. Barkhudarov L. S. Yazyk i perevod: Voprosy obshchey i chastnoy teorii perevoda (Language and translation: Questions of general and particular theory of translation). Moscow: Stereotype, 2019. 240 p. (In Russian).
3. Bredikhin S. N., Leonov A. A. Transformatsii struktury kontsepta v protsesse lokalizatsii komp'yuternykh igr s elementami zhanra fentezi (Concept structure transformations in localization of computer games with fantasy genre elements) // Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoy lingvistiki. 2019. No. 1. P.70-76. (In Russian)
4. Bredikhin S. N., Pelevina Yu. I. Realizatsiya perlouktivnogo efekta v razlichayushchikhsya lingvokul'turakh (na materiale znakov fono-graficheskoy derivatsii) (Actualization of perlocution effect in differing linguocultures (on the material of phonographic derivation signs)) // Professional'naya kommunikatsiya: aktual'nye voprosy lingvistiki i metodiki. No. 12. Pyatigorsk: PSU publ., 2019. P. 28–36. (In Russian).

5. Gorbachevskaya S. I. Aktual'nye voprosy pragmatiki perevoda (Topical issues of translation pragmatics) // Rossiya i Zapad: Dialog kul'tur (Russia and the West: Dialogue of Cultures). Collection of articles of the XIII International Conference (26-28 November 2009). Issue. 15. Part III. Moscow: Tsentr po izucheniyu vzaimodeystviya kul'tur, 2010. P. 54–61 (In Russian).
6. Karpukhina V. N. Klyuchevye lingvoaksiologicheskie makrostrategii perevoda romana B. Akunina «Azazel» na angliyskiy yazyk (Key linguo-axiological macrostrategies of translation of B. Akunin's novel «Azazel» into English). Siberian Philological Journal. 2017. No. 1. P. 184–192. (In Russian)
7. Komissarov V. N. Slovo o perevode (A word about the translation). Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya, 1973. 216 p. (In Russian)
8. Korovkina M. E. Ob interpretatsionnykh i kompetentnostnykh faktorakh perevoda (On interpretative and competence factors of translation) // Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 22. Teoriya perevoda. 2018. No. 3. P. 17–31. (In Russian).
9. Korolkova S. A. Kognitivnaya struktura algoritma pis'mennogo perevoda (Cognitive structure of the algorithm of written translation) // Znanie. Ponimanie. Umenie (Knowledge. Comprehension. Skill). 2014. No. 3. P. 319–328. (In Russian).
10. Latyshev L. K., Semenov A. L. Perevod: teoriya, praktika i metodika prepodavaniya (Translation: theory, practice and methodology of teaching). Moscow: Akademiya, 2003. 192 p. (In Russian).
11. Mazirka I. O. Perevod kak dialog kul'tur: problema fonovykh znaniy // Sotsiokul'turnye problemy perevoda (Translation as a dialogue of cultures: the problem of background knowledge) // Sotsiokul'turnye problemy perevoda. Voronezh: VSU publ., 2010. P. 127–134. (In Russian).
12. Novikova E. Yu., Mityagina V. A., Shtefan V. Mezhvuzovskoe mezhhdunarodnoe sotrudnichestvo: proektnaya deyatel'nost' v podgotovke perevodchikov (Interuniversity international cooperation: project activities in the training of translators) // Vysshee obrazovanie v Rossii. 2019. Vol. 28. No. 6. P. 75–85. (In Russian)/
13. Paolini K. Eragon. Moscow: Rosmen-press, 2017. 637 p. (In Russian).
14. Rowling J. Garri Potter i filosofskiy kamen' (Harry Potter and the philosopher's stone) / translated from English by I. Oransky. Moscow: Rosmen, 2002. 399 p. (In Russian).
15. Rowling J. Garri Potter i Volshebnyy kamen' (Harry Potter and the magical stone) / translated from English by M. Spivak. Moscow: Makhaon, 2013. 429 p. (In Russian).
16. Ter-Minasova S. G. Problemy perevoda: mission impossible? (Translation problems: mission impossible?) // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 19. Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya. 2012. No. 2. P. – 9–18. (In Russian).
17. Ter-Minasova S. G. Voyna i mir yazykov i kul'tur (War and the world of languages and cultures). Moscow: Slovo, 2008. 344 p. (In Russian).
18. Ulanovich O. I. Ponimanie originala pri perevode: k voprosu o fenomenologii yavleniya (Understanding the original in translation: on the question of the phenomenology of the phenomenon) // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya. 2015. No. 1 (33). P. 78–87. (In Russian).
19. Paolini C. Eragon, Inheritance. New York: Knopf Books for Young Readers, 2005. 860 p.
20. Rowling J. K. Harry Potter and the Philosopher's Stone. London: Bloomsbury, 1997. 196 p.
21. Tolkien J. R. R. Silmarillion. London: Harper Collins Publishers, 1992. 480 p.
22. Undertale / Toby Fox/ Fangamer, 2015 // STEAM. URL: <https://store.steampowered.com/app/391540/Undertale/> (Accessed: 15.01.21).

Сведения об авторах

Бредихин Сергей Николаевич – доктор филологических наук, профессор кафедры теории и практики перевода Гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / bredichinsergey@yandex.ru
Котиева Тамара Рашидовна – преподаватель кафедры иностранных языков Гуманитарно-технического колледжа Ингушского государственного университета (Назрань) / toma.kotieva@mail.ru

Information about the authors

Bredikhin Sergey – Doctor of Philology, Professor, Chair of translation studies, Institute of Humanities, North-Caucasus Federal University (Stavropol) / bredichinsergey@yandex.ru
Kotieva Tamara – lecturer, Chair of Foreign Languages, Humanitarian and Technical College of Ingush State University (Nazran) / toma.kotieva@mail.ru

УДК 81' 25
DOI 10.37493/2409-1030.2021.2.19

Л. Р. Вартанова

СОХРАНЕНИЕ ПРАГМАТИЧЕСКОГО АСПЕКТА СТИЛИСТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ В ПЕРЕВОДЕ НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫХ ТЕКСТОВ СОВРЕМЕННЫХ ЖУРНАЛОВ (НА МАТЕРИАЛЕ ТЕКСТОВ THE ECONOMIST И SCIENTIFIC AMERICAN)

В статье анализируются способы сохранения прагматического аспекта стилистических средств в процессе перевода научно-популярных текстов с английского языка на русский. Материалом для проведения практического анализа послужил самостоятельно выполненный перевод четырех научно-популярных статей из современных англоязычных изданий The Economist и Scientific American. Теоретико-методологической базой послужили переводоведческие труды И.С. Алексеевой, И.В. Арнольд, В.Н. Комиссарова, С.В. Тюленева и др. В работе уделяется внимание роли научно-популярных текстов в современном лингвистическом дискурсе, а также приводится анализ переводческих приемов, использованных при переводе выбранных текстов. Предварительный лингвостилистический анализ выявил следующие наиболее продуктивные средства вырази-

тельности: эпитет, метафора, сравнение. Проведенный анализ также выявил большое количество фразеологизмов и других стилистических средств, позволяющих поддерживать увлекательную форму повествования в пространстве научно-популярной статьи. В большинстве случаев перевод выделенных лексических единиц требовал комплексного преобразования с применением следующих способов перевода: добавление, опущение, переосмысление, замена и другие. Сегодня научно-популярные тексты пользуются большим спросом среди читателей, что делает проблему передачи таких текстов на другой язык одной из наиболее актуальных в современном переводоведческом дискурсе.

Ключевые слова: прагматика, перевод стилистических средств, переводэкспрессивных средств выразительности, сохранение прагматики при переводе.

Liana Vartanova

MAINTANENCE OF THE STYLISTIC PRAGMATIC ASPECT IN THE TRANSLATION OF POPULAR SCIENTIFIC TEXTS FROM MODERN MAGAZINES (A CASE STUDY OF TEXTS FROM THE ECONOMIST AND SCIENTIFIC AMERICAN)

The article reviews ways of maintaining the pragmatic aspect of stylistic means in the process of translating popular scientific texts from English into Russian. The material for the study were articles from modern English-language publications The Economist and Scientific American. The article focuses on the role of popular scientific texts in contemporary linguistic discourse and provides an analysis of the translation techniques used in the translation of the selected texts. Works of I. S. Alekseeva, I. V. Arnold, V. N. Komissarov, S. V. Tyulenev, etc. on the translation studies theory served the theoretic and methodological basis of the study. Preliminary linguostylistic analysis of the texts revealed the following most productive means of expression: epithet,

metaphor, comparison. The analysis also revealed a large number of idioms and other stylistic means, which allow to maintain a captivating narration in the popular scientific article. In most cases, the translation of the selected lexical units required a complex transformation using the following methods of translation: addition, omission, meaning exchange, replacement, and others. Currently, popular scientific texts are in high demand among readers, which makes the problem of translating such texts into a target language a topical issue in the modern translation discourse.

Key words: pragmatics, translation of stylistic devices, translation of expressive means, maintenance of pragmatic aspects in translation.

Научно-технический прогресс продолжает создавать все больше возможностей для улучшения качества жизни современного человека. Новые знания и сведения, полученные в результате исследований, проводимых в разных областях и сферах жизни, становятся более доступными для широкого круга населения. Современное человеческое общество ассоциируется с растущим интересом к научным достижениям. Сократить разрыв между постоянно развивающимся научным знанием и теми, кто интересуется проблемами науки, призваны научно-популярные тексты.

Стоит отметить, что востребованность научно-популярных текстов может быть связана с увеличением количества доступного познава-

тельного материала, благодаря распространению сети Интернет. Также нельзя не отметить особую роль миссии по популяризации науки среди различных слоев населения. Исходя из рейтинга наиболее востребованных научно-популярных источников [8], наибольший интерес для современного читателя представляют следующие направления: биология; медицина; исследования космоса; физика и механика; экономика и менеджмент и др. Следовательно, можно сделать вывод, что научно-популярные тексты охватывают множество областей исследования. Реципиентами научно-популярных текстов может выступать любая гендерная и возрастная группа.

Одним из наиболее продуктивных инструментов популяризации науки выступают научно-популярные статьи. Они призваны в занимательной форме ознакомить реципиента с проведённым исследованием и вкратце передать новые сведения по интересующей теме.

В настоящее время научно-популярные тексты можно рассматривать как некий лингвистический феномен. Как известно, подобные тексты относятся к одному из подстилей, образующих научный функциональный стиль. Считаем целесообразным привести определение данного понятия. Обратимся к работе «Семантика. Стилистика. Интертекстуальность» И.В. Арнольд, где авторуказывает, что «функциональные стили являются подсистемами языка, каждая из которых обладает своими специфическими особенностями в лексике, фразеологии, в синтаксических конструкциях, а иногда и в фонетике. Возникновение и существование функциональных стилей обусловлено спецификой условий общения в разных сферах человеческой деятельности» [2, с. 54].

Научно-популярные тексты являются объектом исследований многих отечественных и зарубежных лингвистов. Так, описывая особенности данного типа текстов, переводовед С. В. Тюленев отмечал, что «у научно-популярных текстов в большей или меньшей степени снижается академичность изложения, подразумевающая нейтральность подачи материала, отстраненность и объективность, исключение индивидуальной вовлеченности в стиль письма и т. д., зато заметно ощущается стремление увлечь читателя, упрощается стиль изложения. В силу того, что меняется адресат, в роли которого выступает уже не специалист в данной области знания, а человек, просто интересующийся соответствующей сферой научных исследований или только овладевающий ею» [7, с. 231].

В нашей работе мы будем опираться на классификацию типов текстов, предложенную И.С. Алексеевой. Несмотря на то, что согласно данной классификации, научно-популярные тексты, как и собственно научные, относятся к примарно-информативному типу [1, с. 247], в научно-популярных текстах также содержится доля экспрессивности. В данном случае экспрессивность выступает как средство привлечения интереса читателя. В связи с конкуренцией, установившейся среди средств массовой информации, каждое издание стремится получить наиболее актуальный и полезный текст. Некоторые издания сталкиваются с постоянной необходимостью в качественном переводе статей. Учитывая этот фактор, мы можем говорить об экспрессивности как доминантном аспекте перевода.

Следовательно, экспрессивность представляет большой интерес с точки зрения переводоведения и стилистики. Стилистические преобра-

зования являются одними из наиболее сложных изменений, возникающих в процессе перевода текста. Это связано с необходимостью постоянного расширения запаса знаний, а также регулярной практики переводчика в области стилистики русского и иностранного языка для точной передачи стилистических и экспрессивных средств выразительности.

Для успешного перевода стилистических средств возникает необходимость точной передачи прагматического содержания высказывания. Лингвист Е.Ф. Борковская очень точно определяет понятие прагматики высказывания и текста в целом как «то содержание, которое акцентирует условия и цель передачи смысла текста. Это содержание дает правильное направление тексту, раскрывает взаимодействие адресанта и адресата и вместе со смысловым содержанием передается адресату. Именно прагматическое содержание связано с прагматическим влиянием, цель которого осуществить коммуникативные установившиеся адресата. Кроме того, в прагматическом содержании находится основная идея, которая руководит мыслями адресата и вызывает запланированную реакцию» [3, с. 30].

Как известно, с целью воздействия на читателя автор может прибегать к различным средствам выразительности. Так, например, исследователь Е. В. Дорджиева выделяет следующие средства создания прагматического потенциала на лексическом уровне: «прием смешения стилей, диалектные вкрапления, прагматическая коннотация, прилагательные эмоционального состояния и метафоры (гиперболические, зоонимические, эпитеты и диатипы) <...> На фразеологическом уровне высокой прагматической эффективностью обладают те фразеологические единицы, в которых происходят структурно-семантические преобразования <...> Синтаксический уровень прагматического потенциала текста художественного произведения представлен в работе общими вопросами с прямым порядком слов, эллиптическими, неполными предложениями и обрывками (создающими прагматику текста) и лексико-семантическими, синтаксическими повторами, параллельными конструкциями, эллиптическими повторами (усиливающими прагматику текста)» [4, с. 10–14].

Целью нашего исследования является анализ способов сохранения прагматического потенциала стилистических средств при переводе научно-популярных текстов журналов *The Economist* и *Scientific American* с английского языка на русский. Материал, полученный в результате проведенной работы может быть для работы в рамках теоретических и практических занятий по переводческим дисциплинам.

В процессе нашего исследования мы выделили следующие стилистические приемы, требующие преобразований: эпитет, метафора, олицетворение,

сравнение и др. Кроме того, стоит отметить, что значительные трудности при переводе также могут вызывать авторские неологизмы и экспрессивные лексические единицы. Важным является фактор того, что коммуникативная функция стилистических приемов в русско-английской языковой паре отличается. Перед переводчиком возникает задача – осуществить передачу коммуникативной функции, используя доступные инструменты переводящего языка, при этом сохранив прагматический потенциал оригинала. Конечно, переводчик может поставить целью достижение адекватности переводимого текста даже в случае, если его эквивалентный перевод невозможен. Кроме того, существует вариант перевода текста на более низком уровне эквивалентности, что поставит на первое место задачу передать прагматическую ценность текста. Следовательно, под адекватным переводом стилистических средств будет пониматься передача не только смысла сказанного, но и его прагматической и эмоциональной составляющих.

При переводе стилистических и экспрессивных средств выразительности мы обращались к различным переводческим трансформациям. В нашей работе, вслед за В.Н. Комиссаровым под трансформацией мы будем понимать следующее: «это преобразования, с помощью которых можно осуществить переход от единиц оригинала к единицам перевода в указанном смысле <...> поскольку переводческие трансформации осуществляются с языковыми единицами, имеющими как план содержания, так и план выражения, они носят формально-семантический характер, преобразуя как форму, так и значение исходных единиц» [6, с. 172].

В вопросе стилистических преобразований при переводе мы будем опираться на работу Т. А. Казаковой «Практические основы перевода. English–Russian». В ней автор отмечает следующее: «в целом к числу основных приемов стилистического преобразования относятся замена словесного состава, замена образа, замена тропа (или фигуры речи), изъятие переносного значения, дословный перевод (с комментарием или без)» [5, с. 56].

Обратимся к выделенным нами примерам. Так, одним из наиболее продуктивных стилистических средств выступил **эпитет**. В анализируемых нами текстах встречались эпитеты, как одиночные (состоящие из 1 лексической единицы), так и составные (состоящие из 2 или более лексических единиц).

1) «**big-brained live-born life**» [12] – «живородящее существо с развитым интеллектом»; «**waking life**» [11] – «реальная жизнь». Так как значение единиц на ИЯ и ПЯ не совпадают, для достижения адекватного перевода данного словосочетания мы применили прием модуляции (переосмысления).

2) «**virus-like elements**» [10] – «*вирусоподобные элементы*»; «*disrupts normal relationships so profoundly*» [4] – «*настолько сильно нарушает нормальные взаимоотношения*»; «**stay-at-home directives**» [11] – «*указания оставаться дома*». В данном случае произошла вынужденная нейтрализация стилистически окрашенных средств из-за стилистической неравноценности лексических единиц. Также хотелось бы отметить, что в последнем словосочетании мы можем заметить пример составного эпитета. Такой вид эпитетов зачастую передается на ПЯ с применением описательного перевода.

Не менее продуктивным в анализируемых текстах оказался прием метафоры и ее подвида – олицетворения. Стоит отметить, что также встречались случаи взаимодействия этих средств выразительности с другими.

1) «*This a piece of DNA with a surprisingly virus-like way of life*» [12] – «*Этот участок ДНК ведет образ жизни поразительно схожий с вирусным*». В данном примере мы можем наблюдать одновременное использование приема метафоры «**DNA way of life**» и эпитета «**virus-like**». При переводе этого предложения мы произвели несколько трансформаций: перестановка (в связи с разницей между грамматическим строем АЯ и РЯ), описательный перевод составного эпитета как «*схожий с вирусным*».

2) «*This [problem], though, just scratched the surface*» [10] – «*Однако, это лишь вершина айсберга*». В приведенном случае возникает необходимость полного переосмысления метафоры, использованной в ИЯ. Исходя из контекста, оптимальным вариантом перевода стало устойчивое выражение.

3) «*It is quite possible that early posts of a few dreams were circulated widely on line, feeding a pandemic-dreams narrative that went viral*» [11] – «*Вполне возможно, что первые публикации о нескольких снах были широко распространены по Интернету, подпитывая «пандемические сны»...*». Пример комплексного использования эмоционально-экспрессивных средств в пространстве небольшой текстовой единицы. Так, помимо олицетворения (разновидности метафоры) «**feeding**», переведенной с применением модуляции как «*подпитывая*», мы видим два эпитета: «**pandemic-dreams**» и «**went viral**». Первый эпитет был переведен с применением калькирования и переводческой метки в виде кавычек как «*пандемические сны*». При переводе второго эпитета произошла нейтрализация и применение описательного приема, в связи с возможным недопониманием со стороны реципиента в случае сохранения стилистической окраски единицы, конечный вариант перевода: «*широко распространены по Интернету*».

4) «...that **let phages settle down to a temperate life in a bacterial genome**» [12] – «...которые позволяют фагам приспособиться к спокойной жизни в бактериальном геноме». В данном случае мы видим олицетворение (*let phages settle down*) и эпитет (*a temperate life*). Перевод этой части предложения был осуществлен с использованием калькирования. Несмотря на использование данного приема, эффект выразительных средств был сохранен.

В анализируемых научно-популярных текстах также встречались сравнения, например «*some plasmids have been implicated in what looks like a progression to true virus-hood*» [12] – «В последнее время у некоторых плазмид заметили **признаки развития по вирусному типу**». При переводе данной текстовой единицы был применен прием модуляции или переосмысления («*what looks like*» – «**признаки**»; «*virus-hood*» – «**вирусный тип**»), а также опущение лексической единицы «*true*».

Обратимся к другим средствам экспрессивности, которые были выделены в анализируемых нами текстах. Например, фразеологизмы:

1) «*leaving their mark*» [12] – «**следы, оставляемые вирусами**». Приведенный нами фразеологизм был использован в качестве подзаголовка в одном из анализируемых нами текстов. При переводе данной текстовой единицы возникла необходимость в обеспечении соответствия ее перевода контексту всего текста. Исходя из контекста всего текста, мы перевели выделенную единицу текста,

применив комплексное преобразование, включающее следующие транслатологические приемы – перестановка, опущение и добавление.

2) «*easyride*» [12] – «**беззаботная жизнь**». Для перевода данного фразеологизма был использован общепринятый эквивалент.

Кроме того, хотелось бы отметить случай метонимии, замеченный в одном из анализируемых текстов: «*cell-suicide*» [12] вместо «*apoptosis*». В русскоязычной научной сфере также существует термин «*апоптоз*». В процессе перевода было принято решение использовать общепринятый термин для того, чтобы избежать недопонимания со стороны читателя.

В результате проведенного нами исследования было выявлено, что наиболее продуктивными стилистическими приемами, которые можно встретить в научно-популярных текстах таких изданий как The Economist, и Scientific American стали эпитет (*epithet*), метафора (*metaphor*) и олицетворение (*personification*), а также использование экспрессивной лексики.

Перечисленные средства выразительности используются автором для привлечения внимания читателя и передачи актуальной информации в занимательной форме. Перевод данных стилистических инструментов иногда может стать достаточно сложной задачей для переводчика. Для успешной интерпретации средств выразительности переводчику необходимо постоянно совершенствовать навыки перевода, а также развивать стилистическое и языковое чутье.

Литература

1. Алексеева И. С. Введение в переводоведение: Учебное пособие для студентов филологических и лингвистических факультетов высших учебных заведений. СПб: Академия, 2010. 352 с.
2. Арнольд И. В. Семантика. Стилистика. Интертекстуальность. Изд. 4. М.: URSS, 2016. 448 с.
3. Борковская И. Ф. Текст как инструмент языковой коммуникации // Международный научно-исследовательский журнал, 2014. №6 (25) Часть 2. С. 30-32. Режим доступа: <https://research-journal.org/languages/tekst-kak-instrument-yazykovoy-kommunikacii/> (Дата обращения: 25.05.2021).
4. Дорджиева Е. В. Языковые средства создания прагматического потенциала английского художественного текста: автореф. дисс. ... канд. филолог. наук. Пятигорск, 2005. 18 с.
5. Казакова Т. А. Практические основы перевода, English–Russian. СПб.: Союз, 2010. 320 с.
6. Комиссаров, В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты). М.: Высшая школа, 1990. 253 с.
7. Тюленев С. В. Теория перевода. М.: Гардарики, 2004. 336 с.
8. Invensis Inc URL: <https://www.invensislearning.com/upskill/top-20-scientific-research-resources> (Accessed: 21.02.2021).
9. Pandemic-proofing the Planet URL: <https://www.economist.com/science-and-technology/2020/06/25/pandemic-proofing-the-planet> (Accessed: 21.02.2021).
10. The Aliens Among Us URL: <https://www.economist.com/leaders/2020/08/22/how-viruses-shape-the-world> (Accessed: 21.02.2021).
11. The COVID-19 Pandemic Is Changing Our Dreams URL: <https://www.scientificamerican.com/article/the-covid-19-pandemic-is-changing-our-dreams>. (Accessed: 21.02.2021).
12. The Outsiders Inside [Электронный ресурс]. – Электрон. жур. – Режим доступа: <https://www.economist.com/essay/2020/08/20/viruses-have-big-impacts-on-ecology-and-evolution-as-well-as-human-health>.

References

1. Alekseeva I. S. VVdeneye v perevedovedenye (Introduction into Translation Studies): A textbook for students of philological and linguistic faculties of higher education institutions. St. Petersburg: Academy, 2010. 352 p. (in Russian).
2. Arnold I. V. Semantika. Stylistika. Intertextualnost (Semantics. Stylistics. Intertextuality). Moscow: URSS, 2016. 448 p. (in Russian).
3. Borkovskaya I. P. Text kak instrument yazykovoy kommunikacii (Text as the media for language communication) // International Research Journal, 2014. No. 6 (25) Part 2. P. 30-32. URL: <https://research-journal.org/languages/tekst-kak-instrument-yazykovoy-kommunikacii/> (Accessed: 25.05.2021). (in Russian).

4. Dordzhieva, E.V. Yazykovye redstva sozdaniya pragmaticheskogo potentsiala anglijskogo khudozhestvennog oteksta (Linguistic means of developing the pragmatic potential of the English literary text): abstract of Thesis. Pyatigorsk, 2005. 18 p. (in Russian).
5. Kazakova T. A. Prakticheskie osnovy perevoda. (Practical basics of translation. Translation Techniques). English – Russian. St. Petersburg: Soyuz, 2010. 320 p.
6. Komissarov V. N. Teorya Perevoda (Theory of Translation) (Linguistic Aspects). Moscow: Higher School, 1990. 253 p. (in Russian).
7. Tyulenev S. V. Teorya Perevoda (Theory of Translation). Moscow: Gardariki, 2004. 336 p. (in Russian).
8. Invensis Inc. URL: <https://www.invensislearning.com/upskill/top-20-scientific-research-resources> (Accessed: 21.02.2021).
9. Pandemic-proofing the Planet URL: <https://www.economist.com/science-and-technology/2020/06/25/pandemic-proofing-the-planet>. (Accessed: 21.02.2021).
10. The Aliens Among Us URL: <https://www.economist.com/leaders/2020/08/22/how-viruses-shape-the-world> (Accessed: 21.02.2021).
11. The COVID-19 Pandemic Is Changing Our Dreams URL: <https://www.scientificamerican.com/article/the-covid-19-pandemic-is-changing-our-dreams> (Accessed: 21.02.2021).
12. The Outsiders Inside URL: <https://www.economist.com/essay/2020/08/20/viruses-have-big-impacts-on-ecology-and-evolution-as-well-as-human-health> (Accessed: 21.02.2021).

Сведения об авторе

Вартанова Лиана Робертовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики перевода Гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / vartanova74@rambler.ru

Information about the author

Vartanova Liana – PhD in Philology, Associate professor, Chair of translation studies, Institute of Humanities, North-Caucasus Federal University (Stavropol) / vartanova74@rambler.ru

УДК 82.42
 DOI 10.37493/2409-1030.2021.2.20

Т. В. Марченко

ПРЕЦЕДЕНТНОСТЬ В ДИСКУРСАХ МЕДИАПРОСТРАНСТВА: К ПРОБЛЕМЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ВЕРБАЛЬНЫХ И НЕВЕРБАЛЬНЫХ ФЕНОМЕНОВ

Развитие новых медиа и их взаимодействие с традиционными средствами массовой информации создают уникальные возможности креолизации дискурса и дополнения информационного потока, а также способствует формированию культурных артефактов, отсылок к ним и новых форм / видов прецедентности, требующих научного осмысления. Цель исследования состоит в анализе специфики и особенностей актуализации прецедентности в семиотически осложненных текстах современного медиапространства.

В статье представлен краткий обзор основных исследовательских подходов к трактовке свойств медиатекста, прецедентности и типов прецедентных феноменов. По мнению автора, медиатекст, опосредованный электронными ресурсами и техническими возможностями передающего канала, функционирует как полимодальный феномен, обнаруживающий потенциал к конвергенции вербального, аудиального и визуального кодов. Интегративность и поликодовость обуславливают массмедийную интертекстуальность, которая непосредственным образом связана с проблемой прецедентности.

Обосновывается, что в контексте семиотически осложненного поликодового текста семиотическая интерпретация полимодальных единиц в медиапространстве может выступать механизмом преодоления ограничений, связанных с классической теорией исследования текстовой действительности и форм прецедентности. На материале англоязычного дискурсивного пространства анализируются особенности актуализации прецедентности в некоторых медиажанрах и медиаформатах, функционирование которых во многом определяется форматными свойствами канала передачи, а именно интерактивной электронной платформой, приложением или медиа-ресурсом. Делается вывод о комплексной природе семиотически осложненного текста, в рамках которого могут получать актуализацию различные формы вербальной и невербальной (иконической, индексной, аудиальной) прецедентности.

Ключевые слова: прецедентность, прецедентный феномен, интертекстуальность, дискурс массмедиа, медиатекст, семиотический код, визуальный текст, вербальный текст, интернет-мем.

Tat'yana Marchenko

PRECEDENCE IN MEDIA DISCOURSES: ON THE STUDY OF VERBAL AND NON-VERBAL PHENOMENA

The development of new media and their interaction with traditional media creates unique opportunities for creolizing discourse and supplementing the information flow. It also contributes to the formation of cultural artifacts, references to them and new forms / types of precedence that require scientific understanding. The aim of the research is to analyze the peculiarities and features of the actualization of precedence in semiotically complicated texts of the present-day media space.

The article provides a brief overview of the main research approaches to the interpretation of the properties of the media text, precedence and types of precedent phenomena. According to the author, the media text, mediated by electronic resources and the technical capabilities of the transmission channel, functions as a polymodal phenomenon that reveals the potential for convergence of verbal, auditory and visual codes. Integration and polycode character determine the mass media intertextuality, which is directly related to the problem of precedence.

Современные культурно-информационные процессы, являющиеся отражением изменения социальной действительности и оптимизации технологических ресурсов общества, экспоненциально увеличивают объемы производства, потребления и обмена информацией, что во многом модифицирует коммуникативные практики.

It is substantiated that in the context of a semiotically complicated polycode text, the semiotic interpretation of polymodal units in the media space can serve as a mechanism for overcoming the limitations associated with the classical theory of studying textual reality and the forms of precedence. Based on the material of the English language discourse space, the author analyzes the features of precedence actualization in some media genres and media formats, the functioning of which is largely determined by the format properties of the transmission channel, namely, by an interactive electronic platform, application or media resource. A conclusion is made about the complex nature of a semiotically complicated text, within the framework of which various forms of verbal and non-verbal (iconic, index, auditory) precedence can be actualized.

Key words: precedence, precedent phenomenon, intertextuality, massmedia discourse, mediatext, semiotic code, visual text, verbal text, Internet-meme.

Еще в 1960-е годы французский ученый А. Моль обозначил динамику превращения традиционной «гуманитарной культуры», построенной на четко структурированной иерархии гиперонимичных и гипонимичных понятий, в культуру, названную им «мозаичной» [11]. Согласно концепции ученого, которая во многом находит подтверждение

в актуальных условиях цифровизации общества, знания формируются из отдельных элементов, вступающих в простые, иногда случайные «отношения близости по времени усвоения, по созвучию или ассоциации идей» [11, с. 45]. Эти так называемые «обрывки» не образуют четкой структуры, но при этом обнаруживают силу сцепления, сообщающую «экрану знаний» плотность и компактность. Данный тип культуры похож на мозаику, которая «представляется по сути своей случайной, сложенной из множества соприкасающихся, но не образующих конструкций фрагментов, где нет точек отсчета, нет ни одного подлинно общего понятия, но зато много понятий, обладающих большой весомостью (опорные идеи, ключевые слова и т. п.)» [11, с. 45]. Индивид погружен в непрерывный поток информационных поводов, явлений, случайных впечатлений, обмен мнениями и беспорядочное множество случайных сведений, формирующих его информационный и культурный фон.

Во многом концепция А. Моля коррелирует с понятием ризомы, введенным в научный обиход французским философом Ж. Делезом и психологом Ф. Гваттари, и обозначающим множественные неиерархичные элементы в представлении и интерпретации знания [19]. В текстовом преломлении ризома – это стратегия текстопорождения, предполагающая нелинейное взаимодействие, условность или отсутствие центра и периферии и потенциал любого дискурсивного компонента оказаться контрапунктом семантической полифонии. По сути, это не обыкновенная компиляция, а форма интеллектуальной и творческой интерпретации. Так, любой элемент дискурсивной формации может устанавливать взаимосвязи с другим элементом / элементами и в новых конфигурациях, актуализирующих метафоры, аллюзии, реминисценции, аллегории и др., формировать приращение смысла.

Стремительное развитие интерактивных медиа, их взаимодействие с традиционными средствами массовой информации, уникальные возможности креолизации дискурса массмедиа и дополнения информационного потока не только способствуют созданию новых культурных артефактов, но и отсылка к ним, новых форм прецедентности, требующих научного осмысления. Цель данной статьи – анализ специфики актуализации прецедентности в семиотически осложненных текстах современного медиaprостранства.

Осмысление динамики развития электронных информационных ресурсов, коммуникативных процессов и дискурсивных практик, опосредованных новыми медиа, способствовало введению понятия «медиазация», обозначающего изменения социальных коммуникаций, вызванных воздействием медиа. Доминантный характер электронной культуры отмечается многими

исследователи социокультурных процессов, происходящих в современном обществе (см. работы М. Маклюэна, Ю. Хабермаса, М. Лумана, Э. Тоффлера, В. Махлина, Г. Почепцова, Н. Кирилловой и др.). Цифровая форма аудиовизуальной коммуникации инициирует полилог (как широкий обмен смыслами и значениями) и интертекст, которые в условиях информационных сетей «поднимают на качественно новую ступень бахтинскую полифонию» [4, с. 300].

В современных условиях одним из ключевых понятий медиасреды становится медийность, то есть «опосредованность текста техническими возможностями передающего канала, зависимость семиотической организации текста от форматных свойств канала» [2, с. 322]. Данное свойство обуславливает как технические, так и содержательные аспекты: инструментарий для создания медиатекста, способ и среду распространения. «Мозаичность» медиасреды проявляется и в ключевых принципах создания современного медиасообщения: больший фокус делается на визуализации, клиповой или фрагментированной презентации. Так, А. Г. Пастухов называет это «модуляризацией новых текстов» [13, с. 184]. Функциональный потенциал интертекстуальности возрастает и во многом она определяет базовые характеристики свойств современного медиатекста, например, гибридность, интегративность, поликодовость, открытость, под которой М. Ю. Казак понимает массмедийную интертекстуальность [2, с. 322], а также массовость, которая представляется следствием медийной природы.

Изучение массмедийной интертекстуальности непосредственным образом связано с проблемой прецедентности. В традиционной трактовке к числу прецедентных принято относить тексты, «значимые для личности в познавательном и эмоциональном отношении, имеющие сверхличностный характер, т.е. хорошо известные и широко окружению данной личности, обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности» [3, с. 216]. В качестве форм актуализации прецедентных текстов выделяют цитату, название текста, имя автора или персонажа [3, с. 218]. Заметим, что согласно этой концепции к числу прецедентных текстов отнесены также невербальные феномены, что позволяет трактовать прецедентность максимально широко.

В теории прецедентных феноменов, предложенной Д.Б. Гудковым, И.В. Захаренко, В.В. Красных и Д.В. Багаевой (1997) [1], обозначены следующие виды прецедентных феноменов:

- 1) прецедентная ситуация (ПС), понимаемая как «некая «эталонная» ситуация, связанная с набором определенных коннотаций, дифференциальные признаки которых входят в когнитивную базу» [5, с. 47];

- 2) прецедентный текст (ПТ) – «законченный и самодостаточный продукт речемыслительной деятельности; (поли)предикативная единица [5, с. 47];
- 3) прецедентное имя (ПИ), понимаемое как «индивидуальное имя, связанное или с широко известным текстом <...> или с прецедентной ситуацией (например, Иван Сусанин)» [5, с. 48];
- 4) прецедентное высказывание (ПВ), которое понимается как «репродуцируемый продукт речемыслительной деятельности; законченная и самодостаточная единица» [5, с. 48–49].

Заметим, что в отличие от положений, выдвинутых Ю. Н. Карауловым, концепция Д. Б. Гудкова и В. В. Красных ориентирована только на вербальные тексты. На разных этапах развития теории прецедентности поднимался вопрос как о статусе вербальных единиц, занимающих пограничное положение с прецедентными феноменами, например, фразеологизмов (особенно паремий) и метафорических моделей [6, 18, 12], так и невербальных форм прецедентности: актуализация цитаты живописи в периодике [17], трактовка изображения или видеоряда (плаката, комикса, фильма) как прецедентного текста [16, с. 28] или визуальных и вербально-визуальных феноменов в креолизованном тексте политического комикса [15].

В контексте семиотически осложненного поликодового текста примечательны работы Л. А. Мардиевой, в которых свое развитие находит идея о том, что вторичность как неотъемлемое свойство прецедентности может быть характерна не только для вербальных текстов [7, 8, 9]. Исследователь определяет прецедентность как «коллективную культурную память общества», созидательно-творческое, а не пассивное отражение «в сознании значимой для общества информации о культурном пространстве, часть общей, не только языковой, картины мира» [9, с. 203]. При этом Л. А. Мардиева дифференцирует два понятия: «прецедентный визуальный образ» как явление идеальное, и «прецедентный визуальный феномен» как «результат объективации (материализации, овеществления) визуального образа в текстовых (иконических и вербальных) структурах [9, с. 203]. Таким образом, в качестве прецедентных рассматриваются следующие виды образов: 1) «картиноподобные образы» визуальных и вербальных произведений (картины, плакаты, фотографии и т. д.); 2) «прецедентные жестовые феномены» или «жестовые стигматы» (невербальное поведение отдельных личностей или социальных групп); 3) «образы предметного мира» (знаки-индексы, например, кепка Ю. Лужкова) [9, с. 203–204].

На наш взгляд, именно семиотическая интерпретация полимодальных единиц в медиапространстве может выступать механизмом прео-

доления ограничений, связанных с классической теорией исследования текстовой действительности. Если в традиционном формате печатных СМИ тексты могут опираться на один код – вербальный, или инкорпорировать визуальный и выступать в качестве креолизованных, то в формате, опосредованном электронными ресурсами, они априори функционируют как полимодальные феномены, в подавляющем большинстве контекстов актуализирующие конвергенцию вербального, аудиального или визуального кодов. Так, на настоящий момент традиционные печатные издания широко представлены в электронном формате. Онлайн-версии отличаются от бумажных не только в формальном, но и в содержательном аспекте. Наряду с ресурсами, ориентированными на информирование, существует большое количество онлайн-платформ, имеющих более узкую специализацию и форматные ограничения сообщений / жанров: социальные новостные сайты (Reddit), онлайн-платформы для размещения петиций (Change.org, Avaaz.org), социальные сети общего характера (Facebook, ВКонтакте, Одноклассники, Qzone, Mixi, MySpace), деловые и профессиональные сети (LinkedIn), социальные сети для обмена фотографиями и видеозаписями (Instagram, Pinterest), блог-платформы (Twitter, LiveJournal, Tumblr), видеохостинги (Youtube, SciVee, Hulu) и др.

Обратимся к рассмотрению особенностей актуализации прецедентности в некоторых медиажанрах и медиаформатах, функционирование которых в медиапространстве во многом определяется форматными свойствами канала передачи, а именно интерактивной электронной платформой, приложением или медиа-ресурсом.

Классическая для медиапространства жанровая форма, а именно статья, на интерактивной платформе может интегрировать семиотические коды в разных комбинациях. Так, текстовое сообщение (вербальный код) может дополняться гипертекстовыми ссылками на источник информации (невербальное, графическое выделение фрагмента текста), указанием геолокализации событий и референцией к картографическим приложениям (невербальный код), интеграцией видеороликов с помощью встроенного флеш-плеера или посредством ссылки на внешний видео-хостинг (визуальный, аудиальный и вербальный коды). Актуализация традиционно выделяемых ПФ (ПС, ПТ, ПИ и ПВ) посредством аллюзий и цитат может сопровождаться гиперссылкой на внешний источник, в той или иной мере поясняющий суть отсылки. Например, в статье, размещенной на портале «The Guardian» и посвященной рефлексии о жизни в мире после пандемии коронавирусной инфекции, автор обращается к прецедентным ситуациям, которые маркируют трагические вехи в современной истории: *September 11,*

post-9/11 world, the post-financial-crisis, imprisoned in Guantánamo. Только одна ключевая аллюзия снабжена гиперссылкой на веб-страницу этого же издания, на которой представлена разноплановая информация о событии [24]:

«After the attacks of September 11, we were told the world would never be the same again, and it wasn't» [22].

Наряду с традиционными источниками прецедентности актуализируются и те, которые апеллируют не к первоисточнику, а к некой совокупности дискурсивных феноменов, закрепивших прецедентный элемент в социальной памяти. Проиллюстрируем это следующим примером:

«In a world of radical inequalities and bitter partisan divides, one thing apparently still unites us: nobody can focus. Recent events ("gestures broadly at everything", to quote the internet meme) seem to have turned everyone's brains to mush» [25].

Журналист комментирует психоэмоциональный настрой общества через референцию к событиям, которые он не называет, но снабжает атрибутивом «недавние» и аллюзией на текстовый интернет-мем. Первоисточник ПФ – твит-сообщение Кейти Лоуи, в котором современный дизайнер выражает свои мысли по поводу общего настроения и печальных событий 2016 года, в числе которых смерть культового английского музыканта Д. Боуи: *«@SweetestCyanide I'm not saying that David Bowie was holding the fabric of the universe together, but *gestures broadly at everything*»* [21]. Как следует из слов К. Лоуи, она не утверждает, что Д. Боуи буквально «держал ткань Вселенной» (то есть на нем держалось все), но его уход в целом может характеризовать общее подавленное настроение в обществе и является одним из череды печальных событий. Примечательно, что автор упоминает именно мем, популяризовавший это выражение, а не само высказывание-первоисточник. Наличие гиперссылки на внешний ресурс с разбором значения выражения [21], очевидно, может быть обусловлено необходимостью конкретизации прецедента, к которому осуществляется референция. Кроме того, это позволяет снять амбивалентность в интерпретации ксенопоказателей – кавычки как маркер цитаты или кавычки как индикатор / имитация важной недиалоговой информации в субтитрах. Причем в оригинальном сообщении автор использует знак «звездочка» (*), который указывает на формат субтитрования и объясняет односоставный характер предложения (отсутствие подлежащего в **gestures broadly at everything**). Контекст ярко демонстрирует явление, характерное для современного медиапространства: особая вторичность номинации, когда отсылка делается не к первоисточнику (в данном случае ПФ, хотя и минимального объема), который известен и может быть восстановлен в памяти, а к формату / единице

(интернет-мему), который за счет многочисленных итераций использования обеспечил части высказывания узнаваемость и, соответственно, прецедентность (в статусе ПВ).

Заметим, что гиперссылка далеко не всегда означает пояснение и, соответственно, нивелирование аллюзии. В приведенном ниже пассаже отсылка [26] сделана к аналитическому, а не поясняющему материалу:

«It was perhaps the most brazen example yet of a renewed assault on American democracy crafted and led by former president Donald Trump and his Republican allies, electrified by the false claim "the big lie" of a stolen election in 2020» [27].

Особый интерес с исследовательской точки зрения представляют контексты, апеллирующие к невербальным прецедентным феноменам. В статье о сложностях материнства и специфике его отражения в социальных медиа:

There have been some attempts to puncture the #blessed #cherisheverymoment culture of social media motherhood, of course [20].

Культура или традиция позиционирования материнства как опыта в жизни женщины названа *«the #blessed #cherisheverymoment culture»*. Хештеги, снабженные соответствующими пометками в виде решеток (#), представляют собой комплексные полимодальные феномены, апеллирующие к некой совокупности образов, фотографий, текстов и сообщений, позиционирующих материнство как исключительную беззаботность, радость и полное отсутствие каких-либо сложностей. Тег дает основание утверждать, что отсылка делается к социальным сетям, поддерживающим подобную маркировку (Instagram, Pinterest, Facebook, Twitter, др.), соответственно, основой служат как вербальные, так и иконические и индексные феномены. Уникальность этой отсылки состоит в том, что она относится не к одному образу или конкретной фотографии, но носит собирательный образ.

Одним из востребованных форматов представления информации в дискурсах современного медиапространства является интернет-мем. Этот в широком понимании текст объединяет в единое целое разные семиотические коды (вербальные, визуальные, аудиальные), а также содержательно-смысловой и композиционно-структурный планы сообщения в соответствии с творческим замыслом создателя. Мемы характеризуются вирусной природой распространения от одного пользователя другому, причем этот формат сообщения мимикрирует в соответствии с технологическими возможностями канала распространения (взаимодействие / использование кодов). Средства создания и распространения интернет-мемов – компьютерные технологии и системы мгновенного обмена сообщениями для мобильных и иных платформ Имманентными характеристика-

ми рассматриваемого информационного продукта являются фокус на оценочности и корреляция с актуальными для группы пользователей / сообщества / социума событиями или явлениями. Полимодусная природа мема реализуется во всем многообразии конвергенции семиотических кодов: «текст – картинка», «текст – видео», «текст – аудио», «текст – видео – аудио», «видео – аудио», «аудио – картинка», др.

Не каждый мем как полимодальный феномен является прецедентным, но, как правило, каждый содержит хотя бы один элемент кода, апеллирующий к прецедентному феномену. В соответствии со структурным критерием, предполагающим учет технологического и структурно-семиотического аспектов, мы выделяем следующие типы мемов: аудио-мемы, мемы с доминантой текста, мемы с доминантой статичного визуального объекта, мемы в формате gif, видео-мемы [10, с. 213].

Так, аудио-мемы представляют собой аудиозапись, которая может содержать вербальную составляющую. Примечательно, что в дискурсивном пространстве фигурируют аудио-мемы, которые не содержат вербальный ряд, но обнаруживают потенциал прецедентности. Например, звук смеха испанца Эль Риситаса [14], Первоисточником этого интернет-мема является прецедентная ситуация – интервью испанца о его работе на пляже. Исходная видеозапись стала предметом творческой обработки пользователей сети как в плане сопровождения интервью авторским переводом, не всегда соответствующим оригинальному содержанию, так и использованию отдельных элементов кода – визуального (кадр, на котором Э. Риситас смеется) или аудиального (звук смеха) – как интегративных элементов других мемов. Каждый из кодов сообщения-источника оказался востребованным в медиaprостранстве и в целом за ними закрепилось значение беззаботного и ироничного отношения к действительности или чему-то конкретному. При этом затруднительным представляется охарактеризовать тип прецедентного феномена, так как при использовании отдельных элементов кода исходного интервью / либо интервью в целом, референция может быть непосредственно к ситуации (ПС), персоне (ПИ) или физиологической реакции на юмор как набору жестов (жестовый прецедентный феномен) и / или производству звука (феномен, который представляется возможным назвать аудиальным). Приведенный пример ярко демонстрирует комплексную природу семиотически осложненного текста.

Мемы с доминантой вербального кода представлены в текстовой форме без уникальной технологической обработки, например: *Превед* или *узбагойся*. Прима́т вербальной составляющей проявляется в том, что именно она служит ключом к интерпретации сообщения. Например,

формулировка «загадка от Жака Фреско» [23] апеллирует к ПИ американского футуролога Жака Фреско в контекстах, когда предлагается поразмышлять о чем-то нетривиальном или эксцентричном.

Мемы с доминантой статичного визуального объекта фигурируют в форматах фотожаб, фейсов, мини-комиксов и др. Эти объекты могут быть самостоятельными коммуникативными единицами, либо использоваться в качестве дополнения визуального кода в поликодовых мемах. Учитывая широкие возможности социальных медиа в плане трансляции и популяризации образа, представляется возможным утверждать, что они являются идеальной средой для закрепления того или иного феномена в качестве прецедентного. В медийном пространстве можно проследить своего рода «моду» на личности или образы, которые, естественно имеют свойство сменяться или терять свою актуальность. Например, фотоизображения американского актера Кيانу Ривза (кадры из фильмов или любые личные фото), которые изначально восхваляли профессиональные и личностные качества актера, а позднее стали собирательным образом (актуализация ПИ через визуальный код). Другим ярким примером медийной личности является еще один американский актер – Леонардо Ди Каприо. Образ актера складывается как по фильмам, в которых он сыграл, так и на основании моментов, связанных с личной жизнью. Так, кадры с изображением Л. Ди Каприо, на которых его персонажи плачут, рыдают или корчатся в гримасе страдания, первоначально фигурировали в контексте общего тренда переживаний по поводу отсутствия статуэтки «Оскара» у актера [23]. Позднее эти же кадры стали актуализироваться как вторичное обозначение отчаяния и страданий при неудаче, хотя на дело были затрачены значительные усилия. Иную прагматику несет изображение его персонажа из фильма «Великий Гэтсби» (2013). Кадр из фильма с изображением Д. Гэтсби, протягивающим бокал мартини, стал собирательным образом поощрения легкого отношения к жизни, иронии или сарказма. Границы прецедентных феноменов в этом случае так же очень условны, так как мы имеем дело как с ПИ, так и с ПС, прецедентным жестом (положением руки, улыбкой, др.) и иконическим прецедентным феноменом.

В рассматриваемой категории интернет-мемов большой популярностью пользуются образы, которые демонстрируют хорошо знакомую ситуацию, однако, она не является прецедентной. Рассмотрим пример из картотеки нашего исследования: изображение нескольких котиков, которые столпились вокруг объектива и смотрят в него [23]. Изображение демонстрирует типичное поведение домашних питомцев; создается имитация того, что они подошли к хозяину. В дискурсивной

практике использования этого изображения как иконического визуального прецедентного феномена можно выделить следующие особенности: 1) как правило, в качестве субъекта, к которому обращаются коты (в случае, если изображение сопровождается вербальным кодом), фигурирует женщина с именем Наташа; 2) в некоторых контекстах вербальный код объективирует различные виды прецедентных феноменов – ПС, ПИ или ПВ; 3) за изображением закрепилось значение того, что коты принесли какие-то неприятные известия, повод для досады, разочарования, сессования, др.; 4) изображение может быть ключом к интерпретации иного кода.

В целом потенциал прецедентности в семиотически осложненных текстах выше, чем в монокодовых, так как контрапункт семиотических кодов, транслирующих разноплановые прецедентные феномены, обеспечивает приращение смысла, возможность передачи по разным каналам, что, в свою очередь, способствует закреплению фе-

номена в памяти. Некоторые поликодовые мемы имеют потенциал прецедентности не отдельных элементов кода, а всей единицы в совокупности. Однако этот вопрос требует дальнейшего изучения.

Интерактивные платформы служат площадкой для создания информационных потоков и трансляции наиболее актуальных тем, социально и культурно значимых как для пользователей конкретного ресурса, так и для общества в целом. В дискурсивной практике находят отражение прецедентные феномены, актуальные для участников коммуникативного процесса и соответствуют технологическим параметрам канала, по которому передается сообщение (наличие / отсутствие возможности, традиция использования соответствующего кода (визуально, аудиального, вербального). Современные медиатекст представляет собой семиотически осложненное явление, в рамках которого могут получать актуализацию различные формы вербальной и невербальной (иконической, индексной, аудиальной) прецедентности.

Литература

1. Гудков Д. Б., Захаренко И. В., Красных В. В., Багаева Д.В. Некоторые особенности функционирования прецедентных высказываний // Вестник МГУ, Сер.9. Филология. 1997. № 4. С. 106–118.
2. Казак М. Ю. Специфика современного медиатекста // Лингвистика речи. Медиастилистика: коллективная монография, посвященная 80-летию профессора Г.Я. Солганика. М.: Наука, 2012. С. 320–334.
3. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987. 263 с.
4. Кириллова Н. Б. Медиакультура: теория, история, практика. М.: Академический Проект; Культура, 2008. 496 с.
5. Красных В. В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология. М.: Гнозис, 2002. 282 с.
6. Кузьмина Н. А. Интертекст и его роль в процессах эволюции поэтического языка. М.: УРСС, 2004. 272 с.
7. Мардиева Л. А. Прецедентные жестовые стигматы в газетно-журнальных текстах // Филологическая наука в XXI веке. М., Ярославль: Ремдер, 2006. С.360–364.
8. Мардиева Л. А. Прецедентные визуальные феномены в газетно-журнальных текстах // Вестн. ТГГПУ. 2007. № 1(8). С. 62–68.
9. Мардиева Л. А. Коллективная культурная память общества (прецедентные визуальные образы и феномены) // Вестн. Перм. ун-та. Российская и зарубежная филология. 2011. № 3 (15). С. 202–207.
10. Марченко Т. В. Интернет-мем как феномен медиакommunikации: типологические характеристики и потенциал прецедентности // Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе: межвуз. сб. науч. тр. – вып. 16 / отв. ред. А. Г. Пастухов. Орел: ООО «Горизонт», 2019. С. 209–221.
11. Моль А. Социодинамика культуры. М.: Прогресс, 1973. 507 с.
12. Нахимова Е.А. О критериях выделения прецедентных феноменов в политических текстах // Лингвистика. Бюллетень Уральского лингвистического общества. 2004. Т.13. С. 166–174.
13. Пастухов А.Г. О границах медиа: новые медиа и новая медийная культура // Ученые записки Орловского государственного университета. 2015. №1. С. 182–188.
14. Риситас Э. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=gyGcmRD8yk>. (дата обращения: 20.03.2021).
15. Садуов Р. Т. Прецедентные вербальные, визуальные и вербально-визуальные феномены в креолизованном тексте (на материале современного российского политического комикса) // Политическая лингвистика. 2013. №4. С. 221–229.
16. Слышкин Г. Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. М.: Academia, 2000. 128 с.
17. Сметанина С. И. Медиа-текст в системе культуры (динамические процессы в языке и стиле журналистики конца XX века). СПб.: Изд-во В. А. Михайлова, 2002. 383 с.
18. Чудинов А. П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2003. 248 с.
19. Deleuze G., Guattari F. Rhizome. P., 1976. 74 p.
20. Grotesque, paranoid, frazzled: why the mum is TV's most compelling character. URL: <https://www.theguardian.com/culture/2021/may/10/motherland-why-the-mum-is-tvs-most-compelling-character> (Дата обращения: 20.03.2021).
21. How "Gestures Broadly at Everything" Became the Perfect Meme for Our Bad Times And what its creator thinks of its rapid spread. URL: <https://slate.com/culture/2020/07/gestures-at-everything-phrase-meme-origin-twitter-2020-covid.html> (Дата обращения: 20.03.2021).
22. Life in a post-coronavirus world: will it feel so very different? URL: <https://www.theguardian.com/lifeandstyle/2020/jun/19/life-in-a-post-coronavirus-world-will-it-feel-so-very-different> (Дата обращения: 20.03.2021).

23. Memepedia. URL: <https://memepedia.ru/> (дата обращения: 20.03.2021).
24. September 11. URL: <https://www.theguardian.com/us-news/september11>. (Дата обращения: 20.03.2021).
25. Suffering from brain mush? Here's how to get things done. URL: <https://www.theguardian.com/lifeandstyle/2020/aug/28/suffering-from-brain-mush-heres-how-to-get-things-done> (Дата обращения: 20.03.2021).
26. Trump's Big Lie Devoured the G.O.P. and Now Eyes Our Democracy. URL: <https://www.nytimes.com/2021/05/04/opinion/gop-trump-2020-election.html> (Дата обращения: 20.03.2021).
27. Trump's grip over Republicans hardens as party cleaves to election 'big lie'. URL: <https://www.theguardian.com/us-news/2021/may/10/republicans-trump-election-big-lie>. (Дата обращения: 20.03.2021).

References

1. Gudkov D. B., Zaharenko I. V., Krasnyh V. V., Bagaeva D. V. Nekotorye osobennosti funkcionirovaniya precedentnyh vyskazyvanij (Some peculiarities of functioning of precedent utterances) // Vestnik MGU, Ser.9. Filologija. 1997. No. 4. P. 106–118. (In Russian).
2. Kazak M. Ju. Specifika sovremennogo mediateksta (Peculiarities of Modern Mediatext) // Lingvistika rechi. Mediastilistika: kollektivnaja monografija, posvjashhennaja 80-letiju professora G.Ja. Solganika. Moscow: Nauka, 2014. P. 320–334. (In Russian).
3. Karaulov Ju. N. Russkij jazyk i jazykovaja lichnost' (The Russian language and the linguistic persona). Moscow: Nauka, 1987. 263 p. (In Russian).
4. Kirillova N. B. Mediakul'tura: teorija, istorija, praktika (Mediaculture: theory, history, practice). Moscow: Akademicheskij Proekt; Kul'tura, 2008. 496 p. (In Russian).
5. Krasnyh V. V. Jetnopsiholingvistika i lingvokul'turolo-gija (Ethnopsycholinguistics and linguoculturology). Moscow: Gnozis, 2002. 282 p. (In Russian).
6. Kuz'mina N. A. Intertekst i ego rol' v processah jevoljucii pojeticheskogo jazyka (Intertext and its Role in the Processes of Poetic Language Evolution). Moscow: URSS, 2004. 272 p. (In Russian).
7. Mardieva L. A. Precedentnye zhestovye stigmaty v gazetno-zhurnal'nyh tekstah (Precedent gesture stigmas in newspaper and magazine texts) // Filologicheskaja nauka v XXI veke. Moscow, Jaroslavl': Remder, 2006. P.360–364. (In Russian).
8. Mardieva L. A. Precedentnye vizual'nye fenomeny v gazetno-zhurnal'nyh tekstah (Precedent visual phenomena in newspaper and magazine texts) // Vestnik TGGPU. 2007. No. 1(8). P.62–68. (In Russian).
9. Mardieva L. A. Kollektivnaja kul'turnaja pamjat' obshhestva (precedentnye vizual'nye obrazy i fenomeny) (Collective cultural memory of society (precedent visual images and phenomena) // Vestnik Permskogo universiteta. Rossijskaja i zarubezhnaja filologija. 2011. No. 3 (15). S. 202–207. (In Russian).
10. Marchenko T. V. Internet-mem kak fenomen mediakommunikacii: tipologicheskie harakteristiki i potencial precedentnosti (Internet meme as a phenomenon of media communication: typological features and precedence potential) // Zhanry i tipy teksta v nauchnom i medijnom diskurse: mezhvuz. sb. nauch. tr. – vyp. 16 / ed by A.G. Pastuhov. Orel: OOO «Gorizont», 2019. P. 209–221. (In Russian).
11. Mol' A. Sociodinamika kul'tury (Sociodynamics of culture). Moscow: Progress, 1973. 507 p. (In Russian).
12. Nahimova E. A. O kriterijah vydelenija precedentnyh fenomenov v politicheskikh tekstah (On criteria of identification of precedent phenomena in political texts) // Lingvistika. Bjulleten' Ural'skogo lingvisticheskogo obshhestva. 2004. Vol.13. P. 166–174. (In Russian).
13. Pastuhov A. G. O granicah media: novye media i novaja medijnaja kul'tura (On borders of media: new media and new media culture) // Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. 2015. No. 1. P. 182–188. (In Russian).
14. Ritas E. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=gvgmcRD8yk>. (Accessed: 20.03.2021). (In Russian).
15. Saduov R. T. Precedentnye verbal'nye, vizual'nye i verbal'no-vizual'nye fenomeny v kreolizovannom tekste (na materiale sovremennogo rossijskogo politicheskogo komiksa) (Precedent verbal, visual and visual-verbal phenomena in a creolized text (based on modern Russian political comics) // Politicheskaja lingvistika. 2013. No. 4. P. 221–229. (In Russian).
16. Slyshkin G. G. Ot teksta k simvolu: lingvokul'turnye koncepty precedentnyh tekstov v soznanii i diskurse (From a text to a symbol: linguocultural concepts of precedent texts in consciousness and discourse). Moscow: Academia, 2000. 128 p. (In Russian).
17. Smetanina S.I. Media-tekst v sisteme kul'tury (dinamicheskie processy v jazyke i stile zhurnalistiki konca XX veka) (Mediatext in the system of culture (dynamic processes in the language and style of journalism at the turn of XX c.). St. Petersburg: V. A. Mihajlov publ., 2002. 383 p. (In Russian).
18. Chudinov A. P. Metaforicheskaja mozaika v sovremennoj politicheskij kommunikacii (Metaphor mosaic in modern political communication). Ekaterinburg: USPU publ., 2003. 248 p. (In Russian).
19. Deleuze G., Guattari F. Rhizome. P., 1976. 74 p.
20. Grotesque, paranoid, frazzled: why the mum is TV's most compelling character. URL: <https://www.theguardian.com/culture/2021/may/10/motherland-why-the-mum-is-tvs-most-compelling-character> (Accessed: 20.03.2021).
21. How *Gestures Broadly at Everything* Became the Perfect Meme for Our Bad Times And what its creator thinks of its rapid spread. URL: <https://slate.com/culture/2020/07/gestures-at-everything-phrase-meme-origin-twitter-2020-covid.html> (Accessed: 20.03.2021).
22. Life in a post-coronavirus world: will it feel so very different? URL: <https://www.theguardian.com/lifeandstyle/2020/jun/19/life-in-a-post-coronavirus-world-will-it-feel-so-very-different> (Accessed: 20.03.2021).
23. Memepedia. URL: <https://memepedia.ru/> (Accessed: 20.03.2021).
24. September 11. URL: <https://www.theguardian.com/us-news/september11>. (Accessed: 20.03.2021).

25. Suffering from brain mush? Here's how to get things done. URL: <https://www.theguardian.com/lifeandstyle/2020/aug/28/suffering-from-brain-mush-heres-how-to-get-things-done> (Accessed: 20.03.2021).
26. Trump's Big Lie Devoured the G.O.P. and Now Eyes Our Democracy. URL: <https://www.nytimes.com/2021/05/04/opinion/gop-trump-2020-election.html> (Accessed: 20.03.2021).
27. Trump's grip over Republicans hardens as party cleaves to election 'big lie'. URL: <https://www.theguardian.com/us-news/2021/may/10/republicans-trump-election-big-lie>. (Accessed: 20.03.2021).

Сведения об авторе

Марченко Татьяна Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики перевода Гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / tatiana-marchenko-25@yandex.ru

Information about the author

Marchenko Tat'yana – PhD in Philology, Associate professor, Chair of translation studies, Institute of Humanities, North-Caucasus Federal University (Stavropol) / tatiana-marchenko-25@yandex.ru

УДК 81' 371
 DOI 10.37493/2409-1030.2021.2.21

И. А. Орден

МОДИФИКАЦИИ ЗНАЧЕНИЙ ЯДЕРНЫХ ПРЕДИКАТОВ В СОСТАВЕ СЕМАНТИКО-СИНТАКСИЧЕСКИХ ФРЕЙМОВ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ НАРРАТИВЕ

Статья посвящена описанию семантических характеристик и валентностей ядерных предикатов в составе семантико-синтаксических фреймов, а также построению предикатных моделей фреймов, в которых отображены модификации компонентов значений данных предикатов в художественном нарративе. Ее целью является семантико-синтаксическое описание фреймов в художественном нарративе, изучение семантических характеристик и валентностей их ядерных предикатов в сопоставлении с лексикографическим описанием этих предикатов. Предпринятое нами исследование ядерных предикатов призвано пополнить представления о семантике фреймов как структурно-семантического основания художественного нарратива. Полученные данные позволяют определить, в какой степени лексикографическое описание предиката соответствует его фреймовому представлению в нарративе, а также в перспективе они могут быть использованы для дополнения системы RussianFrameBunk (русскоязычного аналога ресурса FrameNet) и построения компьютерных программ глубинного понимания текста. Выявленное

нами расширение спектра значений некоторых глаголов – ядерных предикатов фрейма наблюдается большей частью в переносных, не прямых значениях, что можно объяснить структурно-семантической стабильностью основного словарного фонда языка и подвижностью его периферийных областей. Материалом исследования послужила русская проза XX века, в частности сборник С.Д. Довлатова «Чемодан». В рамках исследования мы установили, что фреймовое представление в тексте валентностных свойств предиката шире представленного в словаре, при том что мы рассмотрели не все значения предикатов, а только актуальные в рамках развертывания конкретного фрейма. Лексикографическое описание компонентов конкретного фрейма может быть полезным в изучении и классификации семантико-синтаксических моделей других фреймов (при условии привлечения для работы базы таких фреймов, то есть словарей).

Ключевые слова: фрейм, терминал, терм, сирконстант, семантико-синтаксическая схема, ядерная пропозиция, ядерный предикат, макропропозиция.

Irina Orden

MODIFICATIONS OF MEANINGS OF NUCLEAR PREDICATES AS A PART OF SEMANTIC-SYNTACTIC FRAMES IN LITERARY NARRATIVE

The article is devoted to the description of the semantic characteristics and valences of nuclear predicates as part of semantic-syntactic frames, and also the construction of a predicate model of frames, which display modifications of the components of the values of these predicates in the literary narrative. Its purpose is the semantic and syntactic description of frames in literary narrative, the study of semantic characteristics and valences of their nuclear predicates in comparison with the lexicographic description of these predicates. The study of nuclear predicates undertaken by us is intended to supplement the understanding of the semantics of frames as the structural and semantic basis of the literary narrative. The obtained data allow us to determine to what extent the lexicographic description of the predicate corresponds to its frame representation in the narrative, and also in the future, they can be used to supplement the RussianFrameBunk system (the Russian-language equivalent of the FrameNet resource) and develop computer programs for deep understanding of the text. The expansion of the range of

meanings of some verbs – the nuclear predicates of the frame is observed mainly in figurative, indirect meanings, which can be explained by the structural and semantic stability of the main vocabulary of the language and the mobility of its peripheral areas. The material of the study was Russian prose of the XX century, in particular the collection of S. D. Dovlatov «Suitcase». As part of the study, we found that the frame representation in the text of the valence properties of the predicate is wider than those presented in the dictionary, despite the fact that we did not consider all the values of the predicates, but only relevant ones within the framework of the expansion of a particular frame. The lexicographic description of the components of a particular frame can be useful in the study and classification of semantic-syntactic models of other frames (provided that the base of such frames, i.e. dictionaries, is used for the work).

Key words: frame, terminal, term, circonstant, semantic-syntactic scheme, nuclear proposition, nuclear predicate, macro-proposition.

Цель данной статьи – семантико-синтаксическое описание фреймов в художественном нарративе, изучение семантических характеристик и валентностей их ядерных предикатов в сопоставлении с лексикографическим описанием этих

предикатов. Существенным для такого описания является, по нашему мнению, вопрос, в какой степени лексикографическое описание предиката соответствует его фреймовому представлению в нарративе, что в свою очередь позволило бы

использовать лексикографическое описание в качестве основы при составлении комплексных фреймовых описаний предикатов.

Актуальность исследования состоит в том, что, во-первых, эта область фреймовой семантики предиката еще недостаточно исследована и требует своего систематического описания. Во-вторых, полученные данные в перспективе могут быть использованы для дополнения системы RussianFrameBunk (русскоязычного аналога ресурса FrameNet) [8] и построения компьютерных программ глубинного понимания текста.

Вслед за Ч. Филлмором мы будем понимать фрейм как «устойчивую семантическую модель стереотипной, стандартной жизненной, бытийной ситуации, структура и содержание которой по основным параметрам соответствуют устоявшемуся, типизированному представлению о ней в определенном культурно-языковом сообществе» [13, с. 54]. Также в контексте нашего исследования мы будем применять понятие семантико-синтаксического фрейма, как он описывается у Ч. Филлмора: он связывает организующие дискурс «схематизации опыта» (фреймы) со стандартными средствами языка, т. е. детерминированной системы, а не со стохастическими процессами в коммуникации или индивидуализированными навыками применения языка [13, с. 110]. Таким образом, в лингвистическом приложении эти стандартные семантические модели – фреймы содержат структурные элементы значения (терминалы), которым соответствуют определенные языковые выражения [4, с. 20].

Семантико-синтаксическое представление фрейма также рассматривается в работе Ф. Дж. Хейза, А. Г. Гауптмана, Дж. Г. Карбонелла, М. Томита «Семантико-синтаксический анализ устной речи: подход, основанный на семантических падежных фреймах» [14]. Здесь авторы применяют понятие семантического падежного фрейма, расширив предложенное Ч. Филлмором понятие семантического падежа, который в структуре фрейма равен синтаксическому падежу (субъект, объект прямой/косвенный, падежный не прямой объект и др.). Предполагается, что у падежного фрейма есть семантические падежи, соответствующие замещаемым позициям (валентностям) в актантной структуре глагола. Таким образом, семантика фрейма сближается как с семантикой предиката (значения, грамматические свойства и замещаемые позиции), так и с синтаксической семантикой (речь о стандартных языковых моделях предложений) [4, с. 20], что также существенно для нашего исследования.

Изучение семантико-синтаксических моделей фреймов проводилось нами с использованием данных Национального корпуса русского языка (далее – НКРЯ) [11]. Подобное исследование проводится с 1997 г. в Университете Беркли (США)

в рамках выполнения проекта FrameNet [15] и имеет целью создание базы данных, которая содержит корпус текстов, размеченный по семантике фреймов, представленных в этом корпусе. Иными словами, каждый из значимых семантических элементов текста имеет помету, включающую его в тот или иной фрейм – с указанием слота, терминала, ядра, периферии и т.д. Размеченные таким образом тексты содержат исчерпывающую информацию о фреймовых значениях слов в текстах, что существенным образом дополняет общие представления о семантике текста и языка вообще; с другой стороны, данные из FrameNet вполне могут использоваться как presupпозиционные основания компьютерных программ глубинного понимания текстов.

На базе НКРЯ выполняется его дочерний проект – система RussianFrameBunk [8] – русскоязычный аналог ресурса FrameNet, который содержит информацию об интерфейсе морфосинтаксиса и тематической семантики. Данные FrameBunk также могут использоваться в качестве источника эмпирических данных о фреймовой семантике единиц языка, а также служить материалом для систем искусственного интеллекта, поскольку содержат информацию о событиях, стоящих за текстом, с учетом всех участников, их функций, обстоятельств [8, с. 465].

Предпринятое нами исследование ядерных предикатов, как и упомянутые выше проекты, призвано пополнить наши представления о семантике фреймов как структурно-семантического основания художественного нарратива. Терминалами фрейма вслед за М. Минским мы будем называть позиции фрейма, которые могут быть структурно описаны как определенные, иерархически организованные элементы структуры фрейма, для которых именно их положение в структуре является показателем значения/функции [10].

Ядерный предикат – компонент первого (верхнего) уровня терминалов включен в этом качестве в макропропозицию или ядерную пропозицию, в которых в общем виде описываются основные события, состояния, действия семантико-синтаксического фрейма. Наше понимание ядерного предиката сближается с тем, как понимает его Е.А. Воркачева, то есть как «единицу, наиболее употребительную в речи, наиболее многозначную, обладающую наибольшей синтаксической сочетаемостью, стилистически наименее маркированную и наиболее используемую при лексикографическом описании предикатов этого ряда» [2, с. 69]. Необходимо отметить, что и макропропозиция и ядерная пропозиция могут быть представлены в семантической структуре нарратива имплицитно.

Материалом исследования послужил сборник С. Д. Довлатова «Чемодан». В нарративе сборника присутствуют фреймы, демонстрирующие

семантические модели стереотипных ситуаций, которые соответствуют устоявшемуся в нашем культурно-языковом сообществе представлению о феномене советской действительности.

В ходе исследования было установлено, что валентность ядерных предикатов фреймов в художественном нарративе может видоизменяться, в том числе в сторону расширения, по отношению к тому, как она представлена в лингвистических словарях. Однако это расширение значения и валентности ядерного предиката происходит не в первом, инвариантном его значении, а в той части семантики, где на первое место выступают переносные значения. Также был сделан вывод, что фрейм является обособленной и самостоятельной устойчивой типизированной семантико-синтаксической единицей и поэтому, как источник данных о значениях слов, требует отдельного семантико-семантического описания, не ограниченного рамками уже определенных лексических значений его компонентов. Оптимальным результатом массивного описания конвенциональных фреймов и соответствующих им ядерных предикатов стало бы существенное дополнение словаря фреймов, как он представлен, скажем, в базе FrameNet. При составлении словарей фреймов (с учетом семантико-синтаксических особенностей их развертывания) снимается вопрос о недостаточном раскрытии смысловой составляющей его компонентов.

Рассмотрим высказанные положения на лингвистическом материале.

В рамках исследования мы рассмотрели представленный в текстах сборника С.Д. Довлатова семантико-синтаксический фрейм ОЧЕРЕДЬ В МАГАЗИНЕ, в структуре которого были выделены терминалы первого уровня, имеющие обязательный характер и включающие ядерные пропозиции и макропропозиции, в которых в качестве субъектов выступают первые термы фрейма (очередь, люди в очереди), в качестве ядерных предикатов – присущие первым термам типичные действия и состояния [3, с. 56].

К примеру, в рассказе С. Довлатова «Шоферские перчатки» из сборника «Чемодан» фрейм ОЧЕРЕДЬ В МАГАЗИНЕ представлен следующими синтаксическими структурами:

- (1) *Пивной парек, выкрашенный зеленой краской, стоял на углу Белинского и Моховой. Очередь тянулась вдоль газона до самого здания райпищесторга.*
- (2) *И как раз подошла моя очередь. Я достал мятый рубль из перчатки.*
- (3) *Очередь насторожилась. Энергичный человек с кинокамерой внушал народу раздражение и беспокойство [12].*

В фрагменте (1) в качестве макропропозиции выделена пропозиция Очередь тянулась, поскольку она описывает сам факт существования

объекта во времени и пространстве. В фрагменте (2) в качестве ядерной выделена пропозиция Подошла моя очередь, поскольку она описывает одно из основных событий фрейма ОЧЕРЕДЬ В МАГАЗИНЕ. Пропозиция *Очередь насторожилась* из фрагмента (3) также включена нами в структуру фрейма, поскольку описываемое состояние людей в очереди имеет высокую степень вероятности именно как специфическое состояние, свойственное очереди; однако пропозиция эта должна рассматриваться как факультативный терминал фрейма.

Более полно фрейм ОЧЕРЕДЬ В МАГАЗИНЕ разворачивается в нарративе рассказа «Шоферские перчатки»:

- (4) *Стою.* (5) *Тихонько двигаюсь к прилавку.*
- (6) *Вас здесь не стояло!*
- (7) *Людская масса уплотнилась.*
- (8) *Очередь насторожилась.*
- (9) *Твоя очередь.*

Здесь пропозиции (4) [Я] стою [в очереди] и (5) [Я] Тихонько двигаюсь к прилавку, являясь ядерными (подлежащее – первый терм), относятся к терминалу первого уровня, так как описывают основные процессы фрейма ОЧЕРЕДЬ В МАГАЗИНЕ. Пропозиции (7) и (8) описывают события весьма вероятные во всякой очереди, но отнюдь не строго обязательные, поэтому могут быть отнесены к факультативным терминалам. Пропозиции (6) и (9) представляют собой возгласы стоящих в очереди в очень обобщенном, типизированном виде и называют некие типичные положения дел в очереди.

Как было отмечено выше, фреймовое значение данных ядерных предикатов в структуре семантико-синтаксического фрейма шире, чем их лексическое значение в словаре. У предиката *тянуться* отсутствует словарное значение *располагаться в пространстве на плоскости вереницей (очередь тянулась)*. У ядерного предиката *стоять* отсутствует словарное значение *стоять в очереди*, что предполагает не только физическое стояние, но и принадлежность к этой очереди, ожидание своей очереди. У ядерного предиката *двигаться* отсутствует словарное значение *приближаться к цели (двигаться в очереди)*.

Рассмотрим словарное значение предиката *тянуться* по Малому академическому словарю (далее – МАКС): ТЯНУТЬСЯ, тяну'сь, тя'нешься; несов.

8. *Двигаться вереницей, один за другим. По тропинке гуськом тянулись богомольцы. Чехов, Перекати-поле. Огромные баржи тянулись там одна за другой против течения. М. Горький, Фома Гордеев. По вечерам с лесных озер тянулись большие стаи диких уток. Сергеев-Ценский, Сад. || Двигаться медленно. Путники едут по большой дороге. Дорога песчаная. Тарантас*

тянется шагом. Соллогуб, Тарантас. *Эшелон тянулся медленно, подолгу стоял на станциях.* Н. Чуковский, Балтийское небо[9].

В Таблице 1 сопоставим словарное значение предиката *тянуться* с его текстовым значением, как оно может быть выведено из фрейма:

Таблица 1

Значения предиката *тянуться*

Словарное значение предиката <i>тянуться</i>	Контекстное значение предиката <i>тянуться</i>	Способ создания нового значения
Двигаться вереницей, один за другим	Располагаться в пространстве на плоскости вереницей	Элиминация компонента значения – «движение»

Как видим, в рассмотренном нами фрагменте художественного нарратива в составе фрейма ОЧЕРЕДЬ В МАГАЗИНЕ предикат *тянуться* берет новый элемент значения, не описанный в словаре. Причем способ появления этого значения – элиминация другого элемента базового значения предиката.

Сопоставим данные из МАКС, из нарратива художественного произведения и из НКРЯ. Для наглядности из НКРЯ мы взяли следующие примеры:

Очередь тянулась вокруг большого бейсбольного поля, и в ней было около трёх тысяч человек (Голяховский). *Люди тянулись гуськом к метро через пустырь* — уже протоптали тропку (Толстой). *Зрители тянутся к киоскам с едой в ожидании большого финала США (Цырулева).* *Извозчики-солдаты тянулись вереницей, вывозя на санях бревна с нового проспекта (Григорьев).* *Долго тянулись взводы по степи, и темные силуэты лошадей рисовались на снегу (Краснов).* *Съехав с гладкого асфальта, машины тянулись друг за другом в гору по рывтинам мимо куч гравия (Волос)* [11].

Результаты изучения значений представлены в Таблице 2, где графически отображено сопоставление лексического значения семантико-синтаксических компонентов фрейма с его слотами.

Таблица 2

Сопоставление словарного и текстового значения семантико-синтаксических компонентов фрейма *очередь в магазине* (предикат *тянуться*)

МАКС		Нарратив произведения		НКРЯ		
Общее значение		Словарная реализация	Общее значение	Реализация в тексте Довлатова	Общее значение	Реализация в корпусе
1 терм Общее значение	1а – одушевленное, исчисляемое, персонализированное	богомольцы	1а (imp) – одушевленное, исчисляемое, персонализированное	люди (из которых состоит очередь – ср. люди тянутся)	1а – одушевленное, исчисляемое, персонализированное	люди, извозчики-солдаты
	1б – транспортное средство (+ одушевленное, то есть люди/пассажиры)	баржа, эшелон, тарантас	1б – группа людей (+ одушевленное, исчисляемое, персонализированное)	очередь	1б – группа людей (+ одушевленное, исчисляемое, персонализированное)	очередь, взвод
Сирконстант					1в – транспортное средство (+ одушевленное, то есть люди/пассажиры)	машины
	место (траектория, заданная природным или техническим фактором)	там, по тропинке, по дороге	в значении «пространство у торговой точки»	вдоль газона, до самого здания	то же, что и в МАКС + в значении «конкретная точка пространства»	вокруг поля, через пустырь, по степи к киоскам, к метро
	образ действия (способ передвижения один за другим)	вереницей, один за другим, шагом, гуськом	-	-	то же, что и в МАКС	вереницей, гуськом
	время (время суток, длительность)	по вечерам	время осуществления действия	как раз	то же, что и в МАКС	долго

В Таблице 2 представлены первые общие значения термов и сирконстантов предиката тянуться в Малом академическом словаре (столбец 2), в художественном нарративе довлатовского «Чемодана» (столбец 4) и Национальном корпусе русского языка (столбец 6). Также мы включили сюда примеры непосредственных реализаций общих значений термов и сирконстантов (столбцы 3, 5 и 7 соответственно).

Например, общее значение первого термина 1а – одушевленное, исчисляемое, персонализированное. В словарной статье (согласно МАКС) под него подходит реализация *богомольцы*. В нарративе «Чемодана» значение термина 1а – это *группа людей* (включает одушевленный, исчисляемый, персонализированный элементы значения, непосредственная реализация – очередь). В НКРЯ значение термина 1а имеет такое же значение и представлено примерами *люди, солдаты*. Особенно обратим внимание, что в НКРЯ в качестве поискового стимула мы использовали только ядерные пропозиции или макропропозиции (с предикатами тянуться, стоять, двигаться), а не фрейм в целом. Отсюда такие реализации общих значений, как машина (первый терм, общее значение 1в – транспортное средство; подразумевается, что в нем есть люди – значение возвращается к первоначальному одушевленному, исчисляемому, персонализированному).

Как уже говорилось выше, в качестве поискового стимула в НКРЯ был использован ядерный предикат фрейма ОЧЕРЕДЬ В МАГАЗИН – глагол тянуться. В Таблице 2 наглядно представлено, что его словарное значение частично совпадает с фреймовым описанием. Однако текстовая семантика компонентов фрейма ОЧЕРЕДЬ В МАГАЗИНЕ шире их словарных представлений. Например, в выборке из НКРЯ наиболее широко представлена вариативность терминалов 1 уровня (в первом терме появляются все элементы значения, которые ситуативно представлены в словаре и художественном нарративе) и сирконстантов ядерного предиката фрейма.

Теперь по такому же принципу сопоставим лексическое значение предиката стоять с результатами изучения его представления в фрейме ОЧЕРЕДЬ В МАГАЗИНЕ. В МАКС предикат стоять представлен следующим образом: **СТОЯТЬ**, стою, стойшь; несов.

2. Выполнять какую-л. работу, заниматься каким-л. делом, связанным с пребыванием в таком положении. Стоять у станка. Стоять на посту. Стоять в карауле. – Кузницу откроем, тогда приходи на мехах стоять. Гладков, Лихая година. Пожилая художница стояла не遠деке за мольбертом и писала копию с картины Боттичелли. Паустовский, Наедине с осенью [9].

В Таблице 3 сопоставим словарное значение предиката *стоять* с выведенным из фрейма значением.

Таблица 3

Значения предиката *стоять*

Словарное значение предиката <i>стоять</i>	Контекстное значение предиката <i>стоять</i>	Способ создания нового значения
Выполнять какую-л. работу, заниматься каким-л. делом, связанным с пребыванием в таком положении	Принадлежать чему-либо/какому-либо сообществу, быть участником процесса (стоять в очереди), пребывая в таком положении	Элиминация компонента значения – «выполнять работу, заниматься делом» (деятельность)

Мы видим, что у предиката стоять в контекстном значении, в отличие от словарного значения, произошла элиминация компонентов значения выполнять работу, заниматься делом.

Далее проанализируем реализации предиката в Корпусе. В ответ на поисковый стимул НКРЯ выдал следующие результаты:

Никто уже не стоит в очереди за сахаром и мылом (Алексиевич). Они уже четверть часа стоят в пробке на набережной, у парашютной вышки (Иличевский). Они стоят в углу (Лорченков). Юра сегодня стоит в очереди за моим авиабилетом до Женевы. У них там бабки, курки, яйки, а ты себя чувствуешь мышкой, которая стоит в очереди за Жучкой и внучкой. Чем дольше семья стоит в очереди, тем меньше процент (Филимонова) [11].

Сопоставим данные из МАКС, из нарратива художественного произведения и из НКРЯ. В Таблице 4 графически отобразим сопоставление лексического значения семантико-синтаксических компонентов фрейма ОЧЕРЕДЬ В МАГАЗИНЕ с его слотами.

Все приведенные из НКРЯ примеры свидетельствуют об элиминации у предиката *стоять* кодифицированного компонента значения *выполнять работу, заниматься делом*. Вместо словарного компонента значения деятельность мы можем говорить о фреймовом значении *принадлежность к какому-либо сообществу*, а также об участии в определенном процессе (*стоять в очереди*), *пребывая в положении стоя*. Подразумевается, что во всех примерах из Корпуса 1 терм (участник) не выполняет какой-либо работы, кроме непосредственного нахождения в очереди.

Таблица 4

Сопоставление словарного и текстового значения семантико-синтаксических компонентов
фрейма *очередь в магазине* (предикат *стоять*)

МАКС			Нарратив произведения		НКРЯ	
Общее значение		Словарная реализация	Общее значение	Реализация в тексте Довлатова	Общее значение	Реализация в корпусе
1 терм	Общее значение					
	1а – одушевленное, исчисляемое, персонализированное	художница, ты (imp)	1а – одушевленное, исчисляемое, персонализированное	Тенякова	1а – одушевленное, исчисляемое, персонализированное	Юра
	1б группа людей (+ одушевленное, исчисляемое, персонализированное)	-	1б группа людей (+ одушевленное, исчисляемое, персонализированное)	люди (imp)	1б группа людей (+одушевленное, исчисляемое, персонализированное)	семья
	-	-	-	-	1в – одушевленное, исчисляемое, персонализированное +неперсонифицированное	никто
Сирконстант	место (точка пространства)	у станка, на посту, в карауле, на мехах	то же, что и в МАКС	рядом, за лысым (человеком), здесь	то же, что и в МАКС + в значении «территория определенной протяженности»	за Жучкой и внучкой в пробке
	цель	-	цель	-	цель (достижение результата)	за сахаром и мылом, за авиабилетом
	время	-	время	-	время (точка времени, длительность)	сегодня

Все приведенные из НКРЯ примеры свидетельствуют об элиминации у предиката *стоять* кодифицированного компонента значения выполнять работу, заниматься делом. Вместо словарного компонента значения деятельность мы можем говорить о фреймовом значении принадлежность к какому-либо сообществу, а также об участии в определенном процессе (стоять в очереди), пребывая в положении стоя. Подразумевается, что во всех примерах из Корпуса 1 терм (участник) не выполняет какой-либо работы, кроме непосредственного нахождения в очереди.

Также у предиката *стоять* происходит модификация валентностных свойств. Теперь 1 терм имеет неперсонифицированное фреймовое значение, за счет чего происходит расширение семантико-синтаксической сочетаемости предиката (реализация – никто). Кроме того, в НКРЯ можно говорить о большей вариативности 1 термов: например, там эксплицитно вводится элемент значения группа людей – семья. Также в Корпусе эксплицитно представлено большее количество сирконстантов. Например, временной и целевой: участник (1 терм) присутствует во время какого-либо события (время) для достижения определенной цели.

По такому же принципу сопоставим словарное значение предиката двигаться с его представлением во фрейме *ОЧЕРЕДЬ В МАГАЗИНЕ*. По отношению к изучаемому тексту для сопоставления более всего подходит первое значение предиката в МАКС: **ДВИГАТЬСЯ**, -аюсь, -аешься и двिжусь, движешься; *несов.*

1. Совершать движение; передвигаться, перемещаться. Волнуясь, конница летит, Пехота движется за нею. Пушкин, Полтава. Небольшое стадо коров медленно двигалось вдоль опушки. Гайдар, Школа. Поезд тронулся. Вагон медленно двигался вдоль перрона. Чаковский, Это было в Ленинграде. || Подвигаться, идти вперед. Но ползут по кругу стрелки, – Время движется вперед! Маршак, Часы на башне. Петя несколько раз выходил на палубу, чтобы узнать, скоро ли наконец отчалят. Но каждый раз казалось, что дело не движется. Катаев, Белеет парус одинокий. || перен. Развиваться в каком-л. направлении. Поэт все время должен двигаться вперед, находить все новые и новые способы отображения действительности. Исаковский, О поэтическом мастерстве.

В Таблице 5 сопоставим словарное значение предиката двигаться с его же значением, как оно может быть выведено из фрейма.

Таблица 5

Значения предиката двигаться

Словарное значение предиката <i>двигаться</i>	Контекстное значение предиката <i>двигаться</i>	Способ создания нового значения
Совершать движение; передвигаться, перемещаться	Приближаться к цели	Включение компонента значения – «приближение»

Предикат *двигаться* в составе фрейма ОЧЕРЕДЬ В МАГАЗИНЕ расширяет значение и включает новый элемент значения (*приближение к цели*), который не входит в описание в МАКС как элемент его основного значения и который следует рассматривать как переносное значение.

Сопоставим данные из МАКС, из нарратива художественного произведения и из НКРЯ. НКРЯ выдал следующие контексты:

Очередь движется медленно (Батюто). В такие ночи даже широко раскрытые зрачки не могут одолеть темноты, и люди движутся ощупью, вслепую, рискуя в любой канаве свернуть голову (Островский). Под их действием статор, а следовательно, и вагон движется вдоль пути (обобщ.). Казалось, в ту осень люди двигались только на запад (Каргалов) [11].

Таблица 6

Сопоставление словарного и текстового значения семантико-синтаксических компонентов фрейма *очередь в магазине* (предикат *двигаться*)

МАКС		Нарратив произведения		НКРЯ		
Общее значение		Словарная реализация	Общее значение	Реализация в тексте Довлатова	Общее значение	Реализация в корпусе
1 терм Общее значение	1а – одушевленное, исчисляемое, персонализированное + в значении «группа людей» (одушевленное, исчисляемое, персонализированное)	поэт пехота, конница	1а (imp) – одушевленное, исчисляемое, персонализированное	люди (из которых состоит очередь – ср. люди двигаются)	1а – одушевленное, исчисляемое, персонализированное	люди
	1б – группа людей (+ одушевленное, исчисляемое, персонализированное)	пехота, конница	1б – группа людей (+одушевленное, исчисляемое, персонализированное)	очередь	1б – группа людей (+ одушевленное, исчисляемое, персонализированное)	очередь
	1в – транспортное средство (+ одушевленное, то есть люди/пассажиры)	вагон	-	-	1в – транспортное средство (+ одушевленное, то есть люди/пассажиры)	вагон
Сирконстант	место (траектория, заданная природным или техническим фактором)	вперед, вдоль перрона, за нею	в значении «пространство у торговой точки»	вдоль газона, до самого здания	то же, что и в МАКС	вдоль пути, на Запад
	образ действия (способ достижения цели)	медленно	-	-	то же, что и в МАКС	медленно, ощупью, вслепую

В случае с ядерным предикатом *двигаться* не происходит кардинального изменения словарного значения, а идет его конкретизация (то есть не просто по инерции *совершать движение, передвигаться, перемещаться* (по МАКС),

а делать это с определенной целью. Это мы отразили в графическом представлении семантико-синтаксических компонентов фрейма: не вводятся новые элементы значений первого термина и сирконстантов. Это говорит о том, что не всегда

фреймовое значение расширяет первоначальное (словарное) значение предиката. Однако словарное значение может быть менее конкретизированным, нежели фреймовое (текстовое).

Таким образом, сопоставив семантико-синтаксические реализации ядерных предикатов и макропропозиций фрейма ОЧЕРЕДЬ В МАГАЗИНЕ со словарными данными, а также с поисковыми данными из НКРЯ, мы установили, что фреймовое представление в тексте валентностных свойств предиката шире представленных словаре, при том что мы рассмотрели не все значения предикатов, а только актуальные в рамках развертывания конкретного фрейма (в данном исследовании мы рассматривали 8 значение предиката *тянуться*, 2 значение предиката *стоять* и 1 значение предиката *двигаться* по МАКС).

Как отмечено выше, выявленное нами расширение спектра значений некоторых глаголов – ядерных предикатов фрейма наблюдается большей частью в переносных, не прямых значениях, что можно объяснить структурно-семантической стабильностью основного словарного фонда языка и подвижностью его периферийных областей. В основном расширение происходит в кодифицированных переносных значениях (второе зна-

чение предиката *стоять* и восьмое значение – *тянуться*). Стоит отметить, что расширение валентностных свойств и модификация значений встречаются у предикатов и в рамках других фреймов (например, ср. пропозицию *стоять в очереди* фрейма ОЧЕРЕДЬ В МАГАЗИНЕ и пропозицию *стоять в пробке* фрейма ДОРОЖНАЯ ПРОБКА. В обоих случаях происходит элиминация компонента значения «выполнять работу, заниматься делом» (деятельность). То есть лексикографическое описание компонентов конкретного фрейма может быть полезным в изучении и классификации семантико-синтаксических моделей других фреймов (при условии привлечения для работы базы таких фреймов, то есть словарей).

Можно сделать вывод, что для достижения максимальной полноты описания семантики ядерных предикатов целесообразно проводить его на основе их представления в семантико-синтаксическом фрейме в нарративе. В связи с этим перспективной представляется идея составления словарей фреймов с опорой в том числе и на их ядерные предикаты, поскольку именно предикаты выступают естественным элементом фрейма, связывающим воедино все его структурно-семантические составляющие.

Литература

1. Апресян Ю. Д. Фундаментальная классификация предикатов и системная лексикография // Грамматические категории: иерархии, связи, взаимодействие: материалы междунар. науч. конф. (Санкт-Петербург, 22–24 сентября 2003 г.). СПб.: Наука, 2003. С. 7–21.
2. Воркачева Е. А. Сама сущность или природа каждого: семантика желания и речевое употребление глагола *to wish* // Филологические науки. №3 (69). Тамбов: Грамота, 2017. С. 68–73.
3. Голованова Н. И. Графическая модель фрейма «Вооруженное столкновение» и лексико-грамматические средства его представления в тексте // Филологические науки. №2 (32). Тамбов: Грамота, 2014. С. 56–59.
4. Гусаренко С. В., Гусаренко М. К. Предикатно-фреймовое описание линейной семантики художественного нарратива // Филологические науки. М.: Алмавест, 2020. №3. С. 18–30.
5. Гусаренко С. В., Гусаренко М. К. Фреймовые структуры в когнитивно-семантической организации нарратива // Вопросы когнитивной лингвистики. Тамбов: ТГУ, 2016. № 4. С. 33–40.
6. Дейк Т. А. ван, В. Кинч. Макростратегии. Язык. Познание. Коммуникация. М.: Прогресс, 1989. С. 41–67.
7. Ефимова Т. В. Лингвистический анализ и формальное представление содержания нарративного текста // Филологические науки. М.: Алмавест, 2012. С. 76–83.
8. Кашкин Е. В., Ляшевская О. Н. Типы информации. О лексических конструкциях в системе ФреймБанк // Труды института русского языка им. В.В. Виноградова. М.: Инст. РЯ им. В.В. Виноградова РАН, 2015. С. 464–556.
9. Малый академический словарь русского языка: В 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; Под ред. А. П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. URL: <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/19/ma444001.htm?cmd=0&istext=1> (Дата обращения: 05.03.2021).
10. Минский М. Фреймы для представления знаний. М.: Энергия, 1979. 151 с.
11. Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru/new/search-main.html> (Дата обращения: 05.03.2021).
12. Сергей Довлатов. Чемодан // Собрание сочинений в 4-х томах. СПб.: Азбука-классика, 2005. Т. 3. С. 287–404.
13. Филлмор Ч. Основные проблемы лексической семантики // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Изд. иностр. лит., 1983. Вып. XII. С. 74–122.
14. Хейзф. Дж., Гауптман А. Г., Карбонелл Дж. Г., Томита М. Семантико-синтаксический анализ устной речи: подход, основанный на семантически надежных фреймах // Новое в зарубежной лингвистике: Компьютерная лингвистика. Вып. XXIV. М.: Изд. иностр. лит., 1988. С. 292–310.
15. FrameNet. URL: <https://framenet.icsi.berkeley.edu/fndrupal/> (Дата обращения: 03.03.2021).

References

1. Апресян Y.D. Fundamental'naya klassifikatsiya predikatov I sistemnaya leksikografiya (Fundamental classification of predicates and systemic lexicography) // Grammaticheskie kategorii: ierarhii, svyazi, vzaimodejstvie: materialy mezhdunar. nauch. konf. St. Petersburg: Nauka, 2003. P. 7-21. (In Russian).

2. Vorkacheva E. A. Sama sushchnost' ili prirodokazhdogo: semantika zhelaniya rechevopotrebleniaglagola to wish (The very essence or nature of everyone: semantics of wish and the verbal use of the verb to wish) // Filologicheskienauki. No. 3 (69). Tambov: Gramota, 2017. P. 68–73. (In Russian).
3. Golovanova N. I. Graficheskaya model' frejma «Vooruzhennoestolknoenie» ileksiko-grammaticheskiesredstva ego predstavleniya v tekste(Graphic model of frame «armed conflict» and lexical-grammatical means of its presentation in text) // Filologicheskie nauki. No. 2 (32). Tambov: Gramota, 2014. P. 56–59. (In Russian).
4. Gusarenko S. V., Gusarenko M. K. Predikatno-frejmovoe opisanie linejnoy semanticckoi hudozhestvennog onarrativa (Predicate-frame description of linear semantics of artistic narrative) // Filologicheskie nauki. 2020. No. 3. P. 18–30. (In Russian).
5. Gusarenko S. V., Gusarenko M. K. Frejmovyestruktury v kognitivno-semanticheskoi organizacii I narrative (Frame structures in cognitive-semantic organization of narrative) // Voprosy kognitivnoj lingvistiki. Tambov: TSU publ., 2016. No. 4. P. 33–40. (In Russian).
6. Dejk T. A. van, V. Kinch. Makrostrategii. Yazyk. Poznanie. Kommunikaciya (Macro strategies. Language. Cognition. Communication). Moscow: Progress, 1989. P. 41–67. (In Russian).
7. Efimova T. V. Lingvisticheskij analiz I formal'noe predstavlenie sodержaniya narrativnogo teksta (Linguistic analysis and formal presentation of the content of a narrative text) // Filologicheskie nauki. Moscow: Almavest, 2012. P. 76–83. (In Russian).
8. Kashkin E. V., Lyashevskaya O. N. Tipy informacii. O leksicheskikh konstrukciyah v sisteme Frejm Bank (Types of information about lexical constructions in russianframebank) // Trudy instituta russkogo yazyka im. V.V. Vinogradova. Moscow: IRL named after V. Vinogradov, 2015. P. 464–556. (In Russian).
9. Mal'j akademicheskij slovar' russkogo yazyka (The small Academic Dictionary of the Russian Language) / ed by. A. P. Evgen'eva. Moscow: Poligrafresursy, 1999. URL: <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/19/ma444001.htm?cmd=0&istext=1> (Accessed: 05.03.2021). (In Russian).
10. Minskij M. Frejmy dlya predstavleniya znaniy (The frames for representing knowledge). Moscow: Energiya, 1979. 151 p. (In Russian).
11. Nacional'nyj korpusrusskogo yazyka (Russian National Corpus). URL: <https://ruscorpora.ru/new/search-main.html> (Accessed: 05.03.2021). (In Russian).
12. Sergej Dovatov. Chemodan (The Suitcase). St.Petersburg: Azbuka-klassika, 2005. P. 287–404. (In Russian).
13. Fillmor Ch. Osnovnye problem leksicheskoi semantiki (Basic problems of lexical semantics) // Novoe v zarubezhnoj lingvistike. Moscow: Izd. inostr. lit, 1983. P. 74–122. (In Russian).
14. Hejz F. Dzh., Gaupman A.G., Karbonell Dzh. G., Tomita M. Semantiko-sintaksicheskij analiz ustnoj rechi: podhod, osnovannyj na semanticheskikh padezhnykh frejmah (Parsing Spoken Language: a Semantic Caseframe Approach) // Novoe v zarubezhnoj lingvistike: Komp'yuternayalingvistika. Moscow: Izd. inostr. lit., 1988. P. 292–310. (In Russian).
15. FrameNet. URL: <https://framenet.icsi.berkeley.edu/fndrupal/> (Accessed: 03.03.2021). (In Russian).

Сведения об авторе

Орден Ирина Алексеевна – аспирант, ассистент кафедры журналистики Гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / irina.orden@yandex.ru

Information about the author

Orden Irina – postgraduate, Assistant, Chair of Journalism, Institute of Humanities, North-Caucasus Federal University (Stavropol) / irina.orden@yandex.ru

УДК 81'114
DOI 10.37493/2409-1030.2021.2.22

А. В. Раловец

**ПОЛЕВОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ СИСТЕМООБРАЗУЮЩЕГО
КОНЦЕПТА «VERBRECHEN» КАК ОТРАЖЕНИЕ
СТРУКТУРЫ МАССОВОГО СОЗНАНИЯ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА
(НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКОГО ПОЛИЦЕЙСКОГО РОМАНА)**

В статье детективный текст рассматривается как важная составляющая массовой литературы, отражающей устойчивые модели массового сознания. Описываются характерные особенности общества массовой культуры, которые формируют облик современного реципиента и влияют на характер текстов современной культуры. Детектив исследуется как текстовое пространство, реализующее посыл общества массовой культуры, при этом акцент сделан на немецкой детективной литературе и ее специфических особенностях. Научная новизна данной работы заключается в полевом моделировании базового для полицейского детектива концепта «VERBRECHEN» («ПРЕСТУПЛЕНИЕ») с учетом факторов влияния на реципиента, в выявлении идиостилевых характеристик и лингвокогнитивных особенностей его репрезентации на материале популярного в Германии детектива Неле Нойхаус «Die Lebenden und die Toten» (2014). На иллюстративных примерах показано, что ядерную зону концепта «VERBRECHEN»

составляют семантически связанные номинации самого деяния: Kapitalverbrechen, Mord, Mordfall, Straftat, Totschlag, Tötungsdelikt, Tötung, menschliche Verfehlung, дополняемые обозначениями преступника: Verbrecher, Mörder, Täter. Периферийные слои данного концепта реализованы в таких локальных концептах, как «Schuld» (вина), «Eitelkeit» (тщеславие), «Unsittlichkeit» (аморальность), «Rache» (мечь), и эмотивных компонентах концепта «VERBRECHEN» «Angst» (страх), «Zorn» (гнев), «Schmerz» (боль). С системообразующим концептом «VERBRECHEN» содержательно и процессуально сопряжен концепт «ERMITTLUNG» (расследование), семантическое наполнение которого характеризует в авторском оценочном осмыслении и разные стороны преступления, и личность преступника.

Ключевые слова: массовая литература, массовое сознание, детективный текст, полицейский роман, образ реципиента, характеристики массовой литературы, концепт, полевое моделирование.

Anna Ralovets

**FIELD MODELING OF THE SYSTEM-FORMING CONCEPT «VERBRECHEN»
AS A REFLECTION OF THE STRUCTURE OF MASS CONSCIOUSNESS
OF MODERN SOCIETY (BASED ON GERMAN POLICE NOVEL)**

This article studies the detective text as an important component of mass literature, reflecting stable models of mass consciousness. The article considers the characteristic features of mass culture society, which form the image of modern recipient and influence the character of the texts of modern culture. The detective is studied as a text space that implements the message of mass culture society, with an emphasis on German detective literature and its specific features. The scientific novelty of this work lies in the field modeling of the basic concept for a police detective «VERBRECHEN» («CRIME») taking into account the factors of influence on the recipient, in identifying the linguistic and cognitive features of its representation on the material of the popular German detective «Die Lebenden und die Toten» (2014), written by Nele Neuhaus. Illustrative examples show that the nuclear zone of the concept «VERBRECHEN» consists of semantically

related categories of the act itself: Kapitalverbrechen, Mord, Mordfall, Straftat, Totschlag, Tötungsdelikt, Tötung, menschliche Verfehlung, supplemented by the criminal designations: Verbrecher, Mörder, Täter. The peripheral layers of this concept are implemented in such local concepts as «Schuld» (guilt), «Eitelkeit» (vanity), «Unsittlichkeit» (immorality), «Rache» (revenge), the emotive components of the concept «VERBRECHEN» «Angst» (fear), «Zorn» (anger), «Schmerz» (pain). The concept «ERMITTLUNG» (investigation) is connected with the backbone concept «VERBRECHEN» in a meaningful and procedural way, the semantic content of which is characterized in the author's evaluative understanding both different aspects of the crime and the personality of the criminal.

Key words: mass literature, mass consciousness, detective text, police novel, image of recipient, characteristics of mass literature, concept, field modeling.

Массовая литература – одно из самых заметных проявлений современной культуры, занимает «срединное положение между обыденной и элитарной типами культуры» [15, с. 169], транслирует культурные символы от элитарной культуры к обыденному сознанию, стандартизируя и упрощая информацию. Чтобы произведение оказалось востребованным в современном социуме, литература

должна обладать такой чертой, как серийность. Реципиенту нравится наличие серийного героя, чей психологический портрет раскрывается от произведения к произведению. При этом современный читатель относится к серии книг как к своего рода «бренду», выбирая который хочет быть уверен в качестве продукта, что характеризует его в первую очередь, как потребителя, а не ценителя высокого

искусства. Другая важная черта массовой литературы – это стереотипность художественных идей, отвечающих подсознательным инстинктам читателя. Источниками данных стереотипов являются правила, которые навязываются современным обществом. Большинство реципиентов подвержены стереотипному мышлению, следовательно, можно сделать вывод, что им не достает гибкости мышления.

Глобализация в современном мире обуславливает еще одну важную черту массовой литературы – ее прогрессирующий космополитический характер, выражающийся в однообразии литературных приемов. Согласно Дж. Кавелти, формульный характер массовой литературы способен наилучшим образом удовлетворить потребность читателя в уходе от действительности: читатель вовлекается в «игру», правила которой ему хорошо знакомы и получает удовольствие от того, что наблюдает за развитием минимальных вариаций [17, с. 8]. Отсюда следует следующая черта массовой литературы – эскапизм, то есть бегство от реальности в более комфортный мир, в котором побеждает добро и справедливость [16, с. 32]. Как следствие подобного бегства, у читателя создается ощущение комфорта и безопасности, которое отвлекает его от болезненных психологических, социальных и других проблем.

Значимой чертой массовой литературы является коммерческая направленность, поэтому в определенной степени произведения, рассчитанные на массовую аудиторию, являются коммерческими продуктами. Оформлению современных бестселлеров уделяется особое внимание, так как читатель с наибольшей степенью вероятности приобретет книгу с яркими иллюстрациями и захватывающей аннотацией. Унифицированность запросов и вкусов массового потребителя позволяет сформировать предложение, которое будет являться универсальным для преобладающей части покупателей, максимально охватывая весь книжный рынок. Большая часть читательской аудитории так или иначе подвержена негативному влиянию стресса, поэтому массовая литература носит развлекательный характер, не требующий специальных знаний и позволяющий отвлечься от повседневных забот.

Все вышеперечисленные факторы формируют облик реципиента, который в полной мере соответствует информационной эпохе XXI в. Человеком движут все те же потребности, импульсы, и страхи, однако, их виртуализация делает привязанности все менее глубокими, а общение более поверхностным. Переход в мир виртуальных образов меняет сущность индивида – он отдаляется от таких качеств, как ответственность, забота; моральные требования становятся менее отчетливыми. Анализ имеющихся характеристик массовой литературы показывает, что большинство

ее читателей не стремятся прилагать усилия для духовного роста, так как они привыкли получать готовый продукт.

На сегодняшний день детективные тексты являются одними из самых востребованных жанров массовой литературы. Детективам свойственна вариативность и многосерийность, благодаря которым реципиентам требуется меньше усилий для восприятия информации. Эти характеристики позволяют автору формировать ожидаемый читателем образ сыщика, который борется с преступниками, тем самым отстаивая общественные нормы [14, с. 5]. Согласно Дж.Г. Кавелти, детективная литература является типичным примером формульной литературы, в которой воплощаются конкретные стереотипы и культурные темы [2, с. 35]. Свойственные детективам жанрово-тематические каноны, представляющие собой формально-содержательные модели с определенным набором действующих лиц и конкретной сюжетной схемой, отвечают «жанровым ожиданиям читателя» [15, с. 261]. Авторы детективов предпочитают в некоторой степени подражать друг другу, чтобы не выходить за границы жанра. Детективы помогают читательской аудитории на время забыть об своих проблемах, поверить в способность преодолевать собственные страхи, компенсировать беспомощность, почувствовать смягчение чувства вины [1, с. 179]. Детективы являются лидером продаж, так как читатели проявляют повышенный интерес ко всему таинственному и загадочному, что помогает погрузиться в другую реальность. Соответственно, детективные бестселлеры вызывают эмоции, которых человек лишен в рутине повседневности.

Находящаяся в фокусе нашего внимания немецкая детективная литература недостаточно известна зарубежному читателю и, явно, требует дополнительного изучения в когнитивно-прагматическом плане. Детективные произведения являются важной частью культурного пространства Германии, их тиражи в последние десятилетия только растут. Авторы детективной литературы создали объединение писателей немецкой детективной литературы «Das Syndikat», по данным которого детективы составляют примерно четверть от общего объема продаж книг в Германии [19, с. 338–339]. Следующей по важности характеристикой современной немецкой детективной литературы является серийность. Серийные детективы выполняют функцию упорядочивания хаоса современной жизни в определенную систему, что очень важно для немцев, ценящих порядок и аккуратность.

Далее необходимо отметить, что запросы немецкой аудитории достаточно унифицированы: большинство читателей любят захватывающую и интересную подачу материала, но при этом для них также важна и смысловая составляющая,

часто выражающаяся в обращении к острым социальным вопросам. Для немецкого детектива характерна также некоторая степень эскапизма и стереотипность, что обусловлено присущей немецкому сознанию идеей о необходимости во всем соблюдать порядок. Немцы строго чтят законы, поэтому они болезненно воспринимают многочисленные случаи пренебрежения устоями общества, которые остаются безнаказанными. В детективах же всегда торжествует справедливость, что дает немецкому читателю своего рода «разрядку» от повседневной рутины. Согласно нашим наблюдениям, немецкой детективной литературе не столь присуща формульность, потому что большая часть произведений поднимает острые социальные вопросы, акцентируя внимание читателей на психологизме героев. Автору удается выражать свою интенцию, меняя при этом признаки и форму повествования.

В качестве иллюстративного материала используется полицейский роман «Die Lebenden und die Toten» («Живые и мертвые») [20] известной немецкой писательницы Неле Нойхаус, являющийся вариантом детектива как жанрового и межжанрового образования. События детектива разворачиваются в Таунусе близ Франкфурта и связаны с проблемой криминальной трансплантации органов. Книги этой серии миллионами продаются более чем в 20 странах мира, что говорит о коммерческом успехе. Произведение входит в цикл детективных романов, повествующих о профессиональных детективах Оливере фон Боденштайне и Пии Кирххоф, личность которых раскрывается на протяжении всего цикла. Роман демонстрирует немецкую идентичность и унифицированность запросов. Реципиент через это произведение погружается в социальные и психологические наблюдения автора по поводу явлений реальности, при этом стиль повествования характеризуется захватывающим сюжетом и динамичностью. Выбор тематики и жанра произведения коррелирует с моральными принципами, присущими законопослушному гражданину Германии, обладающему гипертрофированным чувством ответственности, приверженному стереотипам, принятым в обществе [14, с. 5]. Лингвостилистические особенности произведения, его эмотивная составляющая и манера повествования автора транслируют реципиенту следующий посыл: преступление всегда наказуемо и ему нет никаких оправданий. Название этого романа имеет формульный характер: оно привлекает немецкоязычную аудиторию, носит оттенок таинственности. При этом оно построено на контрасте и имеет прецедентный характер. Под мертвыми понимаются пациенты Франкфуртской клиники, органы которых трансплантировали, когда они еще были живы. Врачи лишь выдавали их за мертвых, подделывая заключения. Вслед за С. В. Серб-

ряковой, отметим концептуальную значимость названия произведения как авторской трактовки своего текста: «Заголовок является вполне самостоятельным концептом, несущим информацию, способную предопределить читательское впечатление о содержании, а также создать условия для соответствующего восприятия последнего» [10, с. 242]. Заголовок представляет собой первый компонент текста, с которым сталкивается реципиент, он в прямом и переносном смысле открывает и закрывает детектив [11, с. 167].

Чтобы детально рассмотреть лингвостилистические особенности произведения, отражающие культурные ценности немецкоязычной аудитории, целесообразно исследовать так называемую «вторичную действительность» детектива, обладающую интерпретационным подтекстовым планом, установить специфику концептуального пространства текста. В. К. Радзиховская рассматривает осмысленные компоненты художественного текста, которыми являются концепты, как «квантовые образования», обладающие «свойствами сложных систем, способных к саморазвитию» [7, с. 218]. В когнитивном плане концепт определяется как «глобальная мыслительная единица, представляющая собой квант структурированного знания» [6, с. 176]. С другой стороны, художественный концепт трактуется как «универсальный художественный опыт, который зафиксирован в культурной памяти и способен выступать в качестве строительного материала и фермента при формировании новых художественных смыслов» [6, с. 41].

Мы исходим из того, что индивидуально-творческий характер когнитивной системы писателя трансформирует общекультурные концепты, наделяя их специфическими признаками и наполняя их новыми ассоциациями и смыслами, формирующими в семантическом пространстве текста вербально-ассоциативные сети, содержащие как ядерные, так и периферийно-образные сегменты. Смысло- и текстообразующим характером рассматриваемого полицейского детектива обладает концепт «VERBRECHEN», системно реализующий устойчивую структуру смыслов, которая притягивает и концентрирует все возможные авторские смысловые приращения и интерпретации, преобразуя их в сложную иерархическую динамическую систему. Ядром системообразующего концепта является креативный аттрактор, трактуемый как доминантный смысл, который способствует целостному восприятию художественного произведения и является самой устойчивой частью концепта. Самоорганизуется относительно ядра концепта периферийная область, которая состоит из смысловых компонентов, определяющих отдельные фрагменты авторской картины мира, отраженной в исследуемом произведении. По мере удаления от ядра концепта

наиболее выраженными становятся такие характеристики системы, как неустойчивость, открытость и эмерджентность [5, с. 305]. Системообразующий концепт реализуется в анализируемом детективе через локальные концепты, представляющие собой периферийные смысловые компоненты исследуемого произведения. Согласно М. Ю. Олешкову, «локальные концепты в дискурсе не являются фиксированными», они отражают авторскую картину мира [7, с. 79].

Согласно словарю Duden, лексема как базовый номинант концепта «VERBRECHEN» имеет несколько значений: 1) ужасное злодеяние; 2) предосудительное, безответственное действие; беззаконие [18]. Глагол *verbrechen* этимологически и деривационно связан с глаголом *brechen* в значении «разбивать, ломать, уничтожать», реализующем семантику разрушения [4, с. 95]. Таким образом, преступник в немецком языковом сознании своими поступками «разрушает» правила общества, и, соответственно, должен быть наказан.

Ядерную зону концепта «VERBRECHEN» составляют семантически связанные номинации самого деяния: *Kapitalverbrechen*, *Mord*, *Mordfall*, *Straftat*, *Totschlag*, *Tötungsdelikt*, *Tötung*, *menschliche Verfehlung*, раскрывающие разные виды преступлений, дополняемые обозначениями преступника: *Verbrecher*, *Mörder*, *Täter*. Значительной концептуальной значимостью обладают речевые партии сыщика Пии Кирххоф, главной героини исследуемого полицейского детективного текста, которая, демонстрируя «активно-деятельностный тип поведения» [12, с. 140], обращается с обвинениями к преступнику профессору Рудольфу.

«Ihre **Eitelkeit** ertrug das Scheitern nicht», provozierte Pia ihn weiter. «Sie hatten sich **in die Idee verrannt, der erste Arzt der Welt zu sein**, der über die Blutgruppenschranken hinaus Herzen transplantieren kann. **Den Nobelpreis hatten sie im Auge, Ruhm und Ehre und viel, viel Geld**. Dafür sind Sie **über Leichen gegangen!** Kirsten Stadler mit ihrer Blutgruppe 0 war für Sie **ein Geschenk des Himmels**. Die Frau war Ihnen damals so gleichgültig wie jetzt Ihr alter Freund Burmeister oder der Tod Ihrer Frau. «Männer wie Sie **schädigen einen ganzen Berufsstand!**», konterte Pia scharf. «Sie haben **Unschuldige geopfert, Unbeteiligte!** Sie werden als **gewissenloser, geldgieriger Verbrecher** in die Geschichte der Transplantationsmedizin eingehen! Man wird sich für Sie schämen und Ihre Bücher in die Altpapiertonnen werfen. Jedes ihrer Worte traf **seine eitle Seele wie ein Schwerthieb**» [20, с. 318-319].

В положениях, приведенных выше, было установлено, что немцы крайне негативно относятся к нарушению правил. Эта черта немецкого менталитета проявляется в этом фрагменте. Также в этом отрывке в концентрированном

виде реализуется системообразующий концепт «VERBRECHEN» и его эмотивные составляющие «Beschuldigung» (обвинение), «Eitelkeit» (тщеславие), «Unsittlichkeit» (аморальность). Концепт в данном примере представлен лексической единицей *Verbrecher* (преступник), прагматически усиленной двумя эпитетами резко отрицательной коннотации: *gewissenloser, geldgieriger Verbrecher* (бессовестный, алчный преступник), а также оценочным выражением *seine eitle Seele* (тщеславная душа). Тщеславная цель преступника, профессора Рудольфа, – Нобелевская премия, слава, почет и много-много денег (*den Nobelpreis hatten sie im Auge, Ruhm und Ehre und viel, viel Geld*), ради которых он и совершает преступления: идет по трупам (*über Leichen gegangen*), приносит в жертву безвинных и ни о чем не подозревающих пациентов (*Unschuldige geopfert, Unbeteiligte*). Детектив Пия Кирххоф эмоционально обвиняет профессора Рудольфа, упоминая все его преступные деяния и аморальные поступки, используя экспрессивные лексические и синтаксические средства: яркую метафору *ein Geschenk des Himmels* (подарок судьбы), экспрессивное сравнение *wie ein Schwerthieb* (как удар меча), которое используется в тексте с целью усиления изобразительности, создания более красочных, живых образов [3]. Закрывающее данный фрагмент предложение *Jedes ihrer Worte traf seine eitle Seele wie ein Schwerthieb* можно рассматривать как выражение формирующегося чувства вины, которое начинает испытывать профессор Рудольф.

Концептуально значимая номинация *menschliche Verfehlung* (проступок), рассмотренная в следующем примере, проявляется в завуалированной идее, что даже самые мелкие проступки должны быть наказуемы, во всем должно проявляться чувство ответственности. Такая позиция, нацеленная на массовую аудиторию Германии, позволяет говорить о категоричности суждений, характеризую реципиента, у которого подобные авторские послы находят отклик, как чрезвычайно ответственного человека.

Die Vergehen von Renate Rohleder, Patrick Schwarzer und Bettina Kaspar-Hesse waren keine **Kapitalverbrechen** gewesen, eher **menschliche Verfehlungen**, längst vergessen und verdrängt. Doch ihre damals getroffenen Entscheidungen hatten einen anderen Menschen so tief verletzt, dass sie **zu einem Bumerang** geworden waren, der sie **zehn Jahre später auf bitterste Art und Weise bestrafte** [20, с. 263].

В данном примере приращение оценочного смысла происходит через композитную номинацию *Kapitalverbrechen* (особо тяжкое преступление). Детектив Пия считает, что некоторые жертвы стрелка не совершали умышленно тяжких преступлений, их деяния можно квалифицировать

как проступки (*menschliche Verfehlungen*), которые в итоге привели к смерти жены таинственного стрелка Дирка Штадлера. Но преступник был непреклонен, он считал, что все причастные к смерти его жены должны понести суровое наказание. Таким образом, не вдаваясь в подробности, он делил мир на черное и белое, будучи одержимым одной единственной идеей – отомстить людям, виноватым в смерти жены, наказать их самым жестоким образом (*auf bitterste Art und Weise bestrafen*).

В следующем фрагменте детально рассмотрено авторское наблюдение относительно планов, действий и эмоциональных состояний преступника, личность которого вызывает интерес читателя, потому что у него есть собственный свод законов. Читатели могут понять мотивы преступника, его цели, но не могут оправдать его действия, потому что личные причины и нестабильное эмоциональное состояние не являются в немецком менталитете поводом для того, чтобы вершить самосуд над человеком:

Sein Zeigefinger lag am Abzug. Er atmete tief ein und aus, konzentrierte sich ganz auf sein Ziel. Dann, als sie sich in seine Richtung drehte, zog er den Abzug ganz durch. Genau in der Sekunde, in der die Kugel das Glas der Fensterscheibe durchschlug und ihr Schädel platzte, zuckte sein Blick im Reflex nach rechts, und er nahm eine zweite Person in der Küche wahr. Großer Gott – sie war nicht allein! Ein schriller Schrei drang an sein Ohr [20, с. 35].

В данном отрывке концепт «*VERBRECHEN*» представлен как последовательность действий: *atmete tief ein und aus* (глубоко дышал), *konzentrierte sich* (сконцентрировался), *zog den Abzug ganz durch* (спустил курок). Стрелок выследил одну из своих жертв Маргарет Рудольф, он специально подбирал время, когда она будет одна, чтобы свидетелями убийства ни в коем случае не стали ее родственники, в особенности дети. Поэтому, когда он заметил, что Маргарет была не одна, он выразил свое недовольство, используя междометие *Großer Gott!* (боже мой), что можно считать свидетельством наличия у него своеобразных моральных принципов. При описании реакции на убийство используется усиливающий ужас преступления эпитет *schriller Schrei* (пронзительный крик), который донесся из дома жертвы и шокировал его.

В приведенном далее фрагменте посредством обращения стрелка к представителям власти концентрированно представлена информация, реализующая эмотивную составляющую «*Schuld*» (вина) базового концепта «*VERBRECHEN*» в понимании преступника.

Ich habe mich schuldig gemacht und muss mich nun der höchsten Instanz stellen, in der schwachen Hoffnung, Vergebung zu finden. Ich

habe alle Taten alleine geplant und durchgeführt. Niemand außer mir hat sich schuldig gemacht oder gegen Gesetze verstoßen [20, с. 331].

Саморефлексия преступника показывает, что он признает свое преступление, осознает свою вину (двойной повтор: *Ich habe mich schuldig gemacht* (я сам виноват); *Ich habe alle Taten alleine geplant und durchgeführt* (все свои преступления я сам запланировал и совершил); *gegen Gesetze verstoßen* (нарушил законы). В авторском понимании он все же питает слабую надежду предстать перед высшей инстанцией и получить прощение (*in der schwachen Hoffnung, Vergebung zu finden*), ведь, по его мнению, его преступления явились ответом на совершенные ранее преступные деяния трансплантологов. Его чувство вины оказывается настолько глубоким, что не существует даже соответствующего наказания, поэтому он совершает самоубийство, хотя изначально собирался предстать перед судом. Метафора *höchste Instanz* (высшая инстанция) показывает его готовность предстать перед Божьим судом.

Особый интерес вызывают периферийно-образные сегменты базового концепта полицейского детектива, помогающие раскрыть индивидуально-авторское восприятие описываемых событий посредством приращения смыслов. Они представлены лексемами, семемы которых содержат яркую дифференциальную сему центрального поля концепта «*VERBRECHEN*» и реализуют посредством соответствующих контекстов такие локальные концепты, как «расследование», «анализ фактов», «конспирация», «напарник».

Сюжетная основа рассматриваемого текста отличается двойственностью: он содержит в себе не один, а два повествовательных плана: историю преступления и историю расследования. С системообразующим концептом «*VERBRECHEN*» тесно сопряжен содержательно и процессуально концепт «*ERMITTLUNG*» (расследование), этапы и семантическое наполнение которого характеризуют в авторском осмыслении и разные стороны преступления, и личность преступника:

Gerade zu Beginn einer Ermittlung, wenn man noch völlig im Dunkeln tappte, war es wichtig, in alle Richtungen zu denken. Deshalb hatte er Pia auch nicht widersprochen, als sie vorhin im Auto geäußert hatte, sie glaube – im Gegensatz zu ihm – nicht an einen reinen Zufall. Verbrechenaus purer Mordlust ohne echtes Motiv waren äußerst selten [20, с. 31].

В данном случае речь идет о преступлении стрелка Дирка Штадлера. Пия считает, что жертва была выбрана не случайно. Это подтверждает и уголовная статистика: чрезвычайно редко совершались преступления без наличия истинного мотива (*Verbrechen aus purer Mordlust*). Оценочный характер имеет метафора *im Dunkeln tapfen* (блуждать в темноте), показывающая, что расследование только началось и еще не продвинулось.

Прагматически значимой составляющей концепта «*VERBRECHEN*» является мотивы преступных деяний, первопричина которых объясняет поведение преступника и помогает установить истину:

«Es gab für uns alle nur ein Thema und einen Gedanken – Rache! Jeder von uns hatte sein ganz persönliches Motiv, aber letztlich wollten wir alle dasselbe: Die Wahrheit sollte ans Licht kommen» [20, с. 371].

В данном контексте получает реализацию локальный концепт «*Rache*». Для Марка Томсена и остальных преступников существовал свой личный мотив (*sein ganz persönliches Motiv*) – месть (*Rache*), они все хотели, чтобы правда восторжествовала (*die Wahrheit sollte ans Licht kommen*) и виновные были наказаны.

Автор пытается описать разные аспекты концепта «*VERBRECHEN*», в том числе и с участием преступника, раскрывающего мотивы его деяний:

«Wenn diese Anzeige tatsächlich eine Nachricht des Täters an uns ist», überlegte Bodenstein laut, «dann ist Ingeborg Rohleder kein Zufallsopfer». «Unterlassene Hilfeleistung und Beihilfe zur fahrlässigen Tötung», sagte Pia. «Was hat das wohl zu bedeuten?» – «Auf jeden Fall verrät der Täter uns etwas Entscheidendes», erwiderte Bodenstein und runzelte nachdenklich die Stirn. «Ingeborg Rohleder musste sterben, weil ihre Tochter etwas getan oder unterlassen hat. Und das wirft ein völlig anderes Licht auf die Tat» [20, с. 69].

В данном фрагменте акцент сделан на расследовании. Преступник оставил полиции записку, в которой он объяснил, что убил Ингеборг, потому что ее муж не оказал необходимую медицинскую помощь больному и оказался соучастником убийства по неосторожности (*fahrlässige Tötung*). Автор, описывая содержание записки, использует фразеологизм *ein Licht werfen (пролить свет)*, чтобы показать, насколько она оказалась важна для дальнейшего расследования.

Интерес для исследования концептуального пространства текста представляют такие локальные концепты, как «*Schuld*» (вина), «*Eitelkeit*» (тщеславие), «*Unsittlichkeit*» (аморальность), «*Rache*» (месть), а также эмотивные компоненты концепта «*VERBRECHEN*» «*Angst*» (страх), «*Zorn*» (гнев), «*Schmerz*» (боль). Концептуально значимым можно считать следующий фрагмент интертекстуального характера:

Er vertraute nicht auf Rechtsprechung und Gesetz. Stattdessen hielt er sich an den biblischen Rechtssatz Leben für Leben, Auge für Auge, Zahn für Zahn, Hand für Hand, Fuß für Fuß, Brandmal für Brandmal, Strieme für Strieme, sorgte für seine eigene Gerechtigkeit. Was dachte er sich bei seinen Taten? Dein Liebstes für mein Liebstes? [20, с. 263]

Дирк Штадлер, потеряв близкого человека по вине врачей, не верит в правосудие. Он провозглашает приоритет своей собственной справедливости (*seine eigene Gerechtigkeit*) с опорой на постулаты «Второзакония»: жизнь за жизнь, око за око, зуб за зуб, руку за руку и т. д. В глубокой древности эти суровые слова были формулой правосудия; они означали, что все зло, которое совершил преступник, должно обернуться для него таким же злом. Таким образом, преступник вершит свое правосудие, поэтому СМИ в романе называли его судьей.

В следующем примере речь идет о страхе (*Angst*) как эмотивной составляющей базового концепта, которая реализуется посредством прямой речи Вивьен, подруги Хелен. Происхождение эмоционального состояния страха связано с тайной, неизвестностью и непониманием, неспособностью персонажей объяснить происходящие события. Тайны и загадки являются составляющей формульного характера детективных произведений и очень привлекают читателей.

«Als ich Helen davon erzählt habe, wurde sie ganz still. Dauernd klingelte ihr Handy. Das war er. Er wollte ständig wissen, wo sie sei und wer bei ihr wäre. Das machte ihr wahnsinnig Angst, besonders, seitdem sie herausgekliegt hatte, dass er dasselbe schon mit seiner ersten Frau so gemacht hatte» [20, с. 228].

Хелен, находясь под неусыпным контролем своего друга Йенса-Уве, испытывает безумный страх (*wahnsinnig Angst machen*). Проявление разных видов страха вплоть до животного ужаса является не только центральной темой криминальной литературы, но и существенно формирует структуру детективного романа [9, с. 165]. Происхождение эмоционального состояния страха связано с тайной, неизвестностью и непониманием, неспособностью персонажей объяснить происходящие события.

Таким образом, на иллюстративных примерах из популярного в Германии полицейского романа Неле Нойхаус «*Die Lebenden und die Toten*» был исследован системообразующий концепт «*VERBRECHEN*» («ПРЕСТУПЛЕНИЕ») [см. рисунок 1], ядерную зону которого составляют семантически коррелирующие номинации самого деяния: *Kapitalverbrechen*, *Mord*, *Mordfall*, *Straftat*, *Totschlag*, *Tötungsdelikt*, *Tötung*, *menschliche Verfehlung*, раскрывающие разные виды преступлений и дополняемые обозначениями преступника: *Verbrecher*, *Mörder*, *Täter*. Периферийные слои данного концепта представлены индивидуально-авторскими смысловыми приращениями, реализованными в таких локальных концептах, как «*Schuld*» (вина), «*Eitelkeit*» (тщеславие), «*Unsittlichkeit*» (аморальность), «*Rache*» (месть), эмотивных компонентах концепта «*VERBRECHEN*» «*Angst*» (страх), «*Zorn*»

(гнев), «Schmerz» (боль). В процессе анализа установлено содержательное и процессуальное взаимодействие системообразующего концепта «VERBRECHEN» с процессуальным концептом «ERMITTLUNG» (расследование), реализующим

второй повествовательный план. Этапы и семантическое наполнение данного концепта характеризуют в авторском оценочном осмыслении и разные стороны преступления, и личность преступника, отражая в целом читательские ожидания.

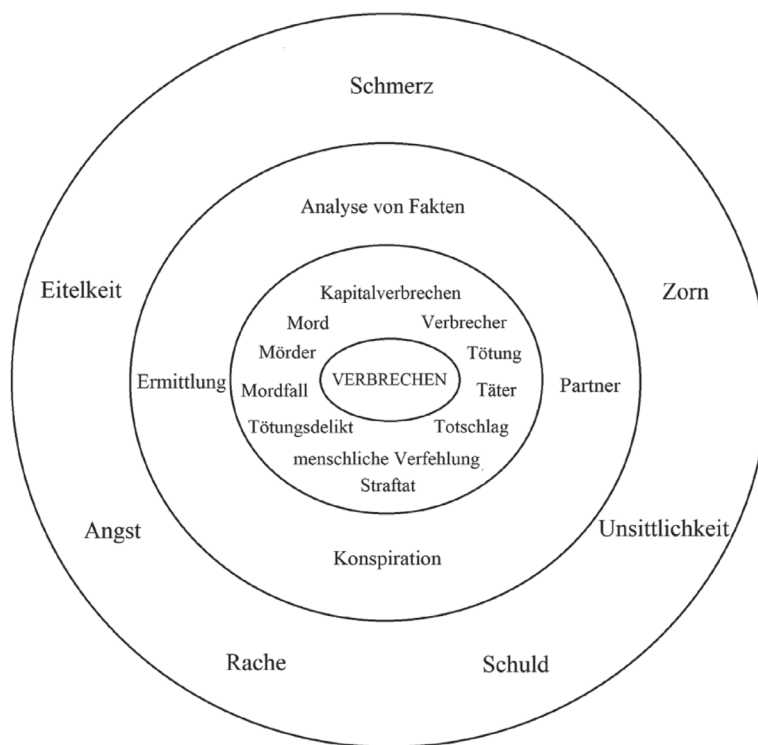

Рисунок 1. Полевое моделирование концепта «VERBRECHEN» романа «Die Lebenden und die Toten»

Результаты анализа эмпирического материала и описания иерархической структуры базового концепта «VERBRECHEN» можно считать свидетельством того, что большая часть современных реципиентов как членов информационного общества менее склонна к привязанностям, общение приобретает при этом более поверхностный характер, моральные требования становятся менее выраженными. Немецкая аудитория выделяется на общем фоне читателей, потому что она мно-

го внимания уделяет сложным социокультурным вопросам, больше погружена в размышления. Немцы отдают предпочтение детективам, потому что в них побеждают справедливость, а тайны и загадки являются дополнительным аттрактивным фактором.

Перспективы дальнейшего исследования проблемы заключаются в детальном изучении полевой структуры системообразующих концептов современных детективных текстов других культур.

Литература

1. Георгинова Н. Ю. Детективный жанр: причины популярности // Научный диалог: Филология. № 5 (17). Екатеринбург: Центр научных и образовательных проектов, 2013. С. 173–186.
2. Кавелти Дж. Г. Изучение литературных формул (Пер. с англ. Е.М. Лазаревой) // Новое литературное обозрение. № 22. Москва: Новое литературное обозрение. 1996. С. 33–64.
3. Кравцова А. В. Функциональная специфика сравнения в немецком детективном тексте // Материалы Международного молодежного научного форума «ЛОМОНОСОВ-2020» URL: https://lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2020/index.htm (Дата обращения: 12.03.2021).
4. Кузнецова Н. Ю. Структура концепта «Verbrechen» (преступление) в немецкой паремиологической картине мира // Профессиональный проект: идеи – технологии – результаты. Выпуск 4 (25). Москва – Челябинск: ООО «Профессиональный проект», 2016. С. 95–101.
5. Мамонова Н. В. К вопросу об определении терминов «системообразующий концепт» и «локальный концепт» при исследовании фрактальной самоорганизации дискурса // Когнитивные исследования языка. Вып. XX: от когнитивной лингвистики к когнитивному терминоведению. М.: ин-т языкознания РАН; Тамбов: издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2015. С. 124–130.

6. Миллер Л. В. Концепт как смысловая и эстетическая категория // Мир русского слова. М.: Высшая школа, 2000. С. 39–45.
7. Олешков М. Ю. Лингвоконцептуальный анализ дискурса (теоретический аспект) // Дискурс, концепт, жанр: коллективная монография. Нижний Тагил: НТГСПА, 2009. С. 68–85.
8. Попова З. Д., Стернин И. А. Очерки по когнитивной лингвистике. Воронеж: «Истоки», 2001. 191 с.
9. Радзиховская В. К. Функционально-семантическая категория взаимности в современном русском языке: сложная система, ее свойства, принципы изучения. М: МПГУ, 2005. 136 с.
10. Серебрякова С. В. Концептуальная значимость заглавия в переводческом аспекте // Язык. Текст. Дискурс. Выпуск № 6. Ставрополь: Изд-во СГУ, 2008. С. 240–245.
11. Серебрякова С. В., Кравцова А. В. Жанрово-тематические и прагматические особенности рассказов детективного жанра // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. № 1. Владикавказ: Северо-Осетинский государственный университет имени К. Л. Хетагурова, 2019. С. 164–170.
12. Серебрякова С. В. Когнитивный диссонанс как интерпретационная рамка межличностных отношений персонажей // Вопросы когнитивной лингвистики. Выпуск № 1. Тамбов: Российская организация лингвистов-когнитологов, 2018. С. 137–143.
13. Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. М.: Языки русской культуры, 1997. 824 с.
14. Тихонова О. Современный немецкий детектив в контексте инонациональных моделей // Балтийский филологический курьер. Выпуск № 7. Калининград: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта, 2009. С. 226–236.
15. Черняк М. А. Массовая литература XX века. М.: ФЛИНТА, 2013. 432 с.
16. Черняк М. А. Массовая литература конца XX – начала XIX века: технология или поэтика? // Филологический класс. Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет, 2008. С. 4–11.
17. Cawelti J. G. Adventure, mystery and romance: Formula stories as art and popular culture. Chicago, 1976. P. 5–36.
18. Duden Online-Wörterbuch [Электронный ресурс]. URL: <https://www.duden.de/rechtschreibung/Verbrechen> (дата обращения: 15.02.2021).
19. Düwell S., Bartl A., Hamann C., Ruf O. Handbuch Kriminalliteratur. Stuttgart: J. B. Metzler, 2018. 422 S.
20. Neuhaus N. Die Lebenden und die Toten. Berlin: Ullstein, 2014. 354 s.

References

1. Georginova N. Yu. Detektivnyi zhanr: prichiny populyarnosti (Detective genre: reasons for popularity) // Nauchnyi dialog: Filologiya (Scientific dialogue: Philology). 2013. No. 5 (17). P.173–186. (In Russian).
2. Kavelti Dzh. G. Izuchenie literaturnykh formul (Study of literary formulas) translated from English by E.M. Lazareva // Novoe literaturnoe obozrenie. 1996. No. 22. Moscow: New Literary Observer publ., P. 33–64. (In Russian).
3. Kravtsova A. V. Funktsional'naya spetsifika sravneniya v nemetskom detektivnom tekste (Functional specificity of comparison in the German detective text) // Materialy Mezhdunarodnogo molodezhnogo nauchnogo foruma «LOMONOSOV-2020» (Materials of the International Scientific Youth Forum «Lomonosov-2020») URL: https://lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2020/index.htm (Accessed: 12.03.2021). (In Russian).
4. Kuznetsova N. Yu. Struktura kontsepta «Verbrechen» (prestuplenie) v nemetskoj paremiologicheskoi kartine mira (The structure of the concept «Verbrechen» (crime) in the German paremiological picture of the world) // Professional'nyi proekt: idei – tekhnologii – rezul'taty (Professional project: ideas - technologies – results). Vol. 4 (25). Moscow – Chelyabinsk, 2016. P. 95–101. (In Russian).
5. Mamonova N. V. K voprosu ob opredelenii terminov «sistemoobrazuyushchii kontsept» i «lokal'nyi kontsept» pri issledovanii fraktal'noi samoorganizatsii diskursa (On the question of the definition of the terms «system-forming concept» and «local concept» in the study of fractal self-organization of discourse) // Kognitivnye issledovaniya yazyka. Vyp. XX: ot kognitivnoi lingvistiki k kognitivnomu terminovedeniyu. Moscow: The Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences; Tambov: Publishing House of TSU named after G.R. Derzhavin publ., 2015. P. 124–130. (In Russian).
6. Miller L. V. Kontsept kak smyslovaya i esteticheskaya kategoriya (Concept as a semantic and aesthetic category) // Mir russkogo slova. Moscow: Vysshaya shkola, 2000. P. 39–45. (In Russian).
7. Oleshkov M.Yu. Lingvokontseptual'nyi analiz diskursa (teoreticheskii aspekt) (Linguoconceptual analysis of discourse (theoretical aspect)) // Diskurs, kontsept, zhanr: kolektivnaya monografiya. (Discourse, concept, genre: a collective monograph). Nizhny Tagil: State Social Pedagogical Institute publ., 2009. P. 68–85. (In Russian).
8. Popova Z. D., Sternin I. A. Ocherki po kognitivnoi lingvistike (Essays on cognitive linguistics). Voronezh: Istoki, 2001. 191 p. (In Russian).
9. Radzikhovskaya V. K. Funktsional'no-semanticheskaya kategoriya vzaimnosti v sovremennom russkom yazyke: slozhnaya sistema, ee svoystva, printsipy izucheniya (Functional-semantic category of reciprocity in modern Russian: a complex system, its properties, principles of study). Moscow: MPSU publ., 2005. 136 p. (In Russian).
10. Serebriakova S. V. Kontseptual'naya znachimost' zaglaviya v perevodcheskom aspekte (The conceptual significance of the title in the translation aspect) // Yazyk. Tekst. Diskurs. No. 6. Stavropol: Publishing House of Stavropol State University publ., 2008. P. 240–245. (In Russian).
11. Serebriakova S. V. Kognitivnyi dissonans kak interpretatsionnaya ramka mezlichnostnykh otnoshenii personazhei (Cognitive dissonance as an interpretative framework of interpersonal relationships of characters) // Voprosy kognitivnoi lingvistiki. No. 1 (54). Tambov: Russian organization of cognitive linguists publ., 2018. P. 137–143. (In Russian).
12. Serebriakova S. V., Kravtsova A. V. Zhanrovo-tematicheskie i pragmaticheskie osobennosti rasskazov detektivnogo zhanra (Genre-thematic and pragmatic features of detective stories) // Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoi lingvistiki. No. 1. Vladikavkaz: Khetagurov North Ossetian State University, publ. 2019. P. 164–170. (In Russian).

13. Stepanov Yu. S. Konstanty. Slovar' russkoi kul'tury (Constants. Dictionary of Russian culture). Moscow: Yazyki russkoi kul'tury, 1997. 824 p. (In Russian).
14. Tikhonova O. Sovremenniy nemetskii detektiv v kontekste inonatsional'nykh modelei (Modern German detective in the context of foreign models) // Baltiiskii filologicheskii kur'er. No. 7. Kaliningrad: Federal Autonomous Educational Institution of Higher Education «Immanuel Kant Baltic Federal University» publ., 2009. P. 226-236. (In Russian).
15. Chernyak M. A. Massovaya literatura (Popular literature of the XX century). Moscow: FLINTA, 2013. 432 p. (In Russian).
16. Chernyak M. A. Massovaya literatura kontsa XX – nachala XIX veka: tekhnologiya ili poetika? (Mass literature of the late XX-early XIX century: technology or poetics?) // Filologicheskii klass. Ekaterinburg: Ural Federal University publ., 2008. P. 4–11. (In Russian).
17. Cawelti J. G. Adventure, mystery and romance: Formula stories as art and popular culture. Chicago, 1976. P. 5–36.
18. Duden Online-Wörterbuch (Duden online dictionary) [electronic resource]. URL: <https://www.duden.de/rechtschreibung/Verbrechen> (Accessed: 15.02.2018).
19. Düwell S., Bartl A., Hamann C., Ruf O. Handbuch Kriminalliteratur. (Handbook of crime literature) Stuttgart: J. B. Metzler, 2018. 422 P.
20. Neuhaus N. Die Lebenden und die Toten (The living and the dead). Berlin: Ullstein, 2014. 354 p.

Сведения об авторе

Раловец Анна Вадимовна – аспирант кафедры теории и практики перевода Гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / kravtsova1996@yandex.ru

Information about the author

Ralovets Anna – postgraduate student, Chair of Translation Studies, Institute of Humanities, North-Caucasus Federal University (Stavropol) / tatiana-kravtsova1996@yandex.ru

УДК 81.42
 DOI 10.37493/2409-1030.2021.2.23

С.В. Шевякина

АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ АРГУМЕНТАЦИИ В ИНТЕРНЕТ-ДИСКУРСЕ ПСИХОЛОГИИ ЗОЖ

Данная статья посвящена анализу аргументации с точки зрения ее аксиологических оснований. В рамках анализа исследуется понятие аргументации, которое в силу своей полиаспектности имеет различные трактовки. Традиционно выделяют логические, риторические и когнитивные модели аргументации. В системной модели аргументация представлена как целостная система, в которой органично сосуществуют логическая, когнитивная, риторическая и аксиологическая составляющие. Специфика аргументации и способы ее построения непосредственно связаны с дискурсивной ситуацией и детерминированы параметрами дискурса. Дискурс психологии ЗОЖ мы относим к гибриднему типу, в котором сочетаются характеристики институционального и личностно-ориентированного дискурсов. Анализ аргументации в дискурсе психологии ЗОЖ указывает на то, что аксиологическая составляющая аргументации актуализируется на уровне предпосылок (аксиологический диссонанс), уровне участников аргументативного действия (аксиологический образ автора, аксиологический образ реципиента), а также в схемах (моделях) аргументации. Аргументативное воздействие, которое в

дискурсе практической психологии приобретает формы убеждения и мотивации, создает условия для аксиологического маневрирования субъектами аргументативного процесса. Применение логико-аксиологической модели аргументации к анализу фрагмента текста с использованием языка логики суждений и реконструкция умозаключения позволили сделать вывод о том, что ценности как абстрактные понятия содержатся в посылках и заключении. Данный факт свидетельствует о том, что аргументация ведется от ценностей. В риторической проекции аргументации ценности встраиваются в структуру ценностного суждения и актуализируются в эпидейктическом типе аргументации посредством аргумента модель и антимодель и аргумента восхождения. Полученные результаты уточняют позиции ценностей как основополагающего элемента в структуре аргументации и намечают перспективы ее дальнейшего исследования в различных типах дискурса.

Ключевые слова: аргументация, дискурс психологии ЗОЖ, ценности, аксиологический диссонанс, аксиологическая структура дискурса, логико-аксиологическая модель, эпидейктическая аргументация.

Svetlana Shevyakina

AXIOLOGICAL GROUNDS OF ARGUMENTATION IN THE INTERNET DISCOURSE OF HEALTH PSYCHOLOGY

This article is devoted to the analysis of argumentation in the perspective of its axiological grounds. As part of the review, different interpretations of argumentation as a polyaspectual notion are considered. Traditionally, logical, rhetorical and cognitive models of argumentation are distinguished. A systematic model presents argumentation as an integral system in which logical, cognitive, rhetorical and axiological constituents coexist. Specificity of argumentation and methods of its structuring are connected with the discursive situation and determined by the parameters of the discourse. We define the discourse of health psychology as hybrid as it combines characteristics of institutional and personal discourses. The analysis of argumentation in the discourse of health psychology indicates that the axiological constituent of argumentation is represented at the level of determinants (axiological dissonance), at the level of the participants of argumentative action (axiological image of the author, axiological image of the recipient) and in the schemes (models) of argumentation.

Исследование ценностного аспекта аргументации в дискурсивной практике базируется на исследованиях в сферах аргументологии, аксиологии и дискурсологии. Построение аргументации в различных типах дискурса с одной стороны подчиняется общим закономерностям теории и практики аргументации, а с другой обладает спец-

Argumentative impact which takes the forms of persuasion and motivation provides conditions to maneuver the actors of argumentative process. Application of a logic and axiological model based on the language of judgement logic and inference reconstruction made it possible to conclude that both the assumptions and the conclusion contain values as abstract notions. This fact demonstrates that argumentation is based on values. In the rhetorical perspective of argumentation values are integrated into the structure of a value judgement and are represented in the epideictic type of argumentation by means of the argument "model and antimodel" and the argument of ascension. The study outcomes specify positions of values as basic elements in the argumentation structure and offer prospects to research argumentation in different types of discourse.

Key words: argumentation, discourse of health psychology, values, axiological dissonance, axiological structure of the discourse, logic and axiological model, epideictic argumentation.

ифическими чертами, которые детерминированы, в частности, такими дискурсивными параметрами, как предметная область, специфика топикализации, прагматические цели, профессиональные и индивидуальные особенности аргументатора, характеристики реципиента, дискурсивная ситуация и социокультурный контекст. При этом

каждый тип дискурса демонстрирует определенные алгоритмы (схемы, модели) аргументации, которые определяют степень и характер реализации ее аргументативного потенциала.

Понятие «аргументация» в современном научном дискурсе трактуется неоднозначно. Ее понимают как совокупность доводов или аргументов; как дискуссию или обмен мнениями; как спор; как логический метод обоснования; как специфический вид деятельности [12]. Так, В.К. Финн, следуя логике субъективного знания, рассматривает понятие «аргументация» в трех смыслах: как творческий процесс по осуществлению сбора релевантных знаний для организации рассуждения с целью его принятия/непринятия; как порождение оценки высказываний, проверяемых на принятие; как процесс, связанный с установлением непротиворечивости «постулатов значения» и аргументируемых высказываний [21, с. 216-218]. В интерпретации В.Ф. Беркова аргументация есть «процесс передачи, истолкования и внушения реципиенту информации, зафиксированной в тезисе аргументатора» [5, с. 212]. С позиций когнитивной лингвистики аргументация предстает, с одной стороны, как комплекс языковых средств, воздействующих на процесс принятия решений, а с другой стороны, как особый тип дискурса, характеризующийся соответствующими коммуникативными и иллокутивными целями [3, с. 3]. В широкой интерпретации под аргументацией понимают «рациональный способ убеждения с помощью выдвигения, обоснования и критической оценки утверждений, гипотез, предположений и мнений соответствующими аргументами или доводами» [19, с. 143].

До недавнего времени проблематика аргументации являлась прерогативой логики и риторики. Формальная логика рассматривает аргументацию как символическую систему и оперирует строго определенным набором средств аргументации, формализуемых в той или иной логической структуре (логика предикатов, логика суждений, модальная логика и т.д.). Достоинством логического подхода к аргументации является наличие готовых моделей, в которых нормативно определены наиболее эффективные средства аргументации. Тем не менее, использование формализованных моделей в анализе речевых произведений естественного языка весьма затруднено в силу их идеализированности. Необходимость практического применения логических моделей стимулировала развитие многозначных логик, что обусловлено, в том числе, и сложной природой логической науки, предметом которой являются не только доказательство, исчисляемость, модели аксиоматических теорий, а также когнитивные процессы получения нового знания на основании посылок, репрезентирующих исходное. Востребованность многозначных логик потребовала их

интеграции в такие области знаний как прагматика, семиотика, искусственный интеллект, герменевтика, когнитивистика и т.д. Обращение к опыту, практике и эксперименту позволило раскрыть новые грани понятия аргументации и обозначить новые подходы к ее рассмотрению как к полиаспектному явлению. Исследование аргументации применительно к исходному естественно-языковому материалу способствовало построению дифференциальных моделей аргументации. В современной аргументологии помимо собственно логических традиционно различают когнитивные и риторические модели.

Одной из наиболее известных и значимых современных концепций аргументации является когнитивная модель аргументации С. Тулмина, совершившего «коммуникативный поворот» в теории аргументации. В его концепции исследуются содержательные связи между отдельными высказываниями, что позволяет выявить зависимости между когнитивной структурой и текстовыми элементами. Ученый выделил существенные особенности аргументации, представив универсальную модель «работающей» логики, ориентированную на практическое применение в естественно-языковой коммуникации [24].

Риторическое направление теории аргументации нашло свое развитие в работах Х. Перельмана и Л. Олбрехтс-Тытеки, которых считают одними из основателей неориторики. Авторы представляют аргументацию как технику убеждения и рассматривают ее в связи с понятиями аудитории, нормативности, диалога и т.д. Понятие убеждения, по их мнению, приобретает форму согласия, а основой аргументации выступают ценности [23]. В дальнейшем эти идеи были разработаны в русле прагматической диалектики, где аргументация представлена как часть критической дискуссии, целью которой является устранение расхождений во мнениях. В рамках прагматической диалектической интерпретации Ф. ван Еемерен и Р. Гроотендорст на основе теории речевых актов разработали модель идеальной критической дискуссии, состоящую из последовательных стадий, позволяющую анализировать реальные процессы аргументации и рационализировать поведение участников дискуссии [8]. Вышеупомянутые концепции и созданные на их основе модели аргументации внесли вклад в формирование более ясного представления о процессах естественно-языковой аргументации и приблизили научное сообщество к пониманию аргументативной реальности, тем не менее, до конца не решая проблему неопределенности в интерпретации и анализе аргументативного дискурса в области гуманитарных наук и практик. Попытку систематизировать опыт предшественников предпринял основоположник отечественной школы аргументации В.Н. Брюшинкин, который предложил системную модель аргументации,

используя интегративный подход. В его модели аргументация представлена как целостная система, в которой органично сосуществуют логическая, когнитивная и риторическая составляющие. Согласно утверждению В. Н. Брюшинкина, в качестве исходных посылок аргументации фигурируют в том числе ценностные суждения, связанные с ценностями, интересами и психологическими установками, что позволяет выделить и аксиологический аспект данной модели. В ее структуре логика представлена фрагментарно, т. е. соблюдается логическая макроструктура аргументации (отношения между тезисом и поддерживающими его аргументами), но при этом расширяются полномочия риторических средств, которые, по мнению автора, усиливают логическую и когнитивную аргументацию, что выражается в «увеличении степени приемлемости аргументов для реципиента» [6, с. 135]. Достоинством модели является то, что она аппликабельна к текстам предметных областей и позволяет дать целостное воспроизведение аргументации в реальном речевом произведении [16].

В лингвистических теориях аргументации расширяются возможности лингвистического анализа аргументации и акцентуализируется функционал языковых знаков в построении аргументативного дискурса. Так, концепция радикального аргументативизма Ж.-К. Анкомбра и О. Дюкро базируется на утверждении содержания аргументативного потенциала в самом языке, т.е. любое высказывание можно рассматривать в качестве аргумента как в силу его априорного обладания аргументативным потенциалом, так и путем сознательного усиления его аргументативного вектора аргументатором. В контексте данной теории авторами были выделены аргументативные маркеры (операторы и коннекторы), представленные наречиями, союзами, модальными словами и т.д., которые в аргументативном дискурсе являются носителями семантико-прагматической информации [22].

Исследования аргументации в современной отечественной лингвистике проводились в русле дискурсивного (прагматодialeктического) и когнитивного подходов и отмечены в трудах А. Н. Баранова, А. А. Волкова, Н. Ю. Фанян и др. В контексте известных лингвистических теорий аргументация предстает как когнитивно-дискурсивное явление, актуализирующееся в виде вербальных конструкций, помещаемых в «аргументативный фокус» и обеспечивающих максимальное воздействие на адресата [13]. Когнитивный план аргументации соотносится с процессом интеграции знаний в модель мира адресата путем построения концептуального образа описываемой ситуации [3]. Иными словами, аргументация, будучи своеобразной «интеллектуальной надстройкой над дискурсом», имеет целью «воздействовать на картину мира ре-

ципиента, модифицируя его взгляды, убеждения, намерения» [18]. Воздействующая сила аргументации в ее речевой проекции непосредственно связана с дискурсивной ситуацией, с процессом порождения текста. При этом основной областью преобразований в картине мира оказывается ценностная сфера реципиента. Аргументативное воздействие в его аксиологическом преломлении может осуществляться в виде обращения к сложившейся у адресата иерархии ценностей без изменения ее структуры; путем попытки изменить приоритет тех или ценностей в ценностной иерархии адресата; путем создания новых ценностей и уничтожения существующих [1].

В качестве одной из предпосылок аргументации выделяют аксиологический диссонанс (А. Д. Белова и др.), т. е. наличие несовпадений или разногласий в оценке ценностей у участников коммуникативного процесса [4]. Преодоление аксиологического диссонанса происходит в процессе аргументации при достижении аксиологического консенсуса, который возможен ввиду поиска и апелляции к общим позициям в ценностных системах аргументатора и реципиента.

Ценностные основания так или иначе заложены не только в конечной цели аргументации – трансформации ценностной картины мира адресата, но и в формировании или изменении аксиологического ориентира адресата, вектор которого находит точку отсчета в ценностной системе аргументатора и следует через всю схему аргументации. Под схемой аргументации понимают модели рассуждений, имеющих многочисленные варианты. По сути – это способы связи между аргументом и тезисом, направленные на то, чтобы аудитория идентифицировала их как приемлемые. Таким образом, аргументация, как процесс убеждения, в основе которого лежат ценностные регулятивы, предстает как способ обоснования ценностных (оценочных) суждений. Реализация аргументативной практики осуществляется в определенной социальной (дискурсивной) среде, поэтому выбор оптимальной схемы аргументации, т.е. ее вид и качество, определяется параметрами дискурса, в котором она осуществляется. Так, для научного дискурса в большей степени характерна логическая аргументация с типичным для нее выстраиванием аргументативной схемы в виде доказательства, в то время как в дискурсах меньшей степени институциональности могут доминировать риторические способы обоснования тезиса, а также комбинации этих схем.

Целью данной статьи является анализ актуализации аргументации с точки зрения ее аксиологического основания в интернет-дискурсе психологии ЗОЖ. Обращение к тематике здоровья и здорового образа жизни как никогда актуально. Доминирующие в современном обществе антропоцентрические парадигмы выдвигают приоритетные ценности, в числе которых человеческая

жизнь, здоровье, успешность, красота, личностное развитие, гармонизация личности. Психология здоровья является относительно новым, но активно развивающимся научным направлением, которое изучает психологические и поведенческие процессы в контексте здоровья, заболеваний и заботы о здоровье [23, с. 114]. Анализ интернет-контента обозначенной тематики показывает, что наибольшую востребованность по количеству запросов и посетителей демонстрируют сайты, содержащие материалы о преодолении поведенческих рисков: курение, гиподинамия, нарушение пищевого поведения, употребление алкоголя и т.п.

Рассмотрим аксиологический аспект аргументации в дискурсе психологии ЗОЖ на примере публикации «Как избавиться от привычки. Советы психолога» [16]. Как уже отмечалось ранее, универсальных схем аргументации не существует, поскольку они детерминированы параметрами дискурса.

Исследуемый дискурс мы относим к гибридно-му типу, который сочетает в себе институциональную маркированность (образ автора как представителя, определенного профессионального и социального института, особый терминологический аппарат, ритуализованная стандартизация общения) и личностную ориентированность (сокращение статусной проксемики, оценочно-модальная, эмоциональная квалификация ситуации общения). Целью публикации является убедить читателя в эффективности предлагаемой автором методики избавления от вредных привычек и мотивировать к изменению поведенческих ориентаций. При этом автор формирует свою уникальную точку зрения, в основе которой лежат его интересы, ценности, убеждения, философия, жизненный опыт. Своим видением объективной реальности автор делится с реципиентом путем воздействия на его систему убеждений, ценностно-мотивационную и эмоциональную сферы. Мы полагаем, что аксиологическая структура аргументативного дискурса складывается из следующих компонентов: аксиологический образ автора, аксиологический образ целевой аудитории и аксиологически маркированная схема аргументации (система суждений/доводов, обладающих ценностным/оценочным значением), действующая в рамках определенной модели аргументации. Аксиологический образ автора определяется его институциональным статусом. Автор статьи – специалист в области практической психологии, ценностная картина мира которого включает следующие элементы: общегуманистические ценности (ценность человека, ценность здоровья, ценность ответственности за свой выбор, ценность деятельности, раскрывающей потенциал человека; профессиональные ценности (профессиональная компетентность,

знания предметной области); этические ценности (эмпатия, выраженная ориентация на ценности реципиента, профессиональный долг, определяющий меру воздействия на другого человека). Аксиологический образ реципиента базируется на представлении автора о предполагаемой целевой аудитории. В данном случае круг лиц, потенциально заинтересованный в предлагаемой информации, чрезвычайно широк и не ограничен профессиональными, гендерными, возрастными и социально-статусными рамками. Расчет на широкий охват аудитории предполагает доступные и понятные способы предъявления аргументов. Текст публикации носит инструктивно-рекомендательный характер и имеет очевидную праксеологическую направленность.

Условием аргументации, как известно, является наличие проблемы, которая и служит источником аксиологического диссонанса. В данном случае проблема обозначена в виде несоответствия между реальностью (поведенческие риски в виде переедания, гиподинамии, курения и т. п.) и желаниями (правильное питание, регулярные занятия спортом, отказ от курения и т. п.). Устранение диссонанса происходит в процессе аргументативного воздействия, которое в дискурсе практической психологии приобретает формы убеждения и мотивации и создает условия для аксиологического маневрирования субъектами аргументативного процесса. Обращаясь непосредственно к специфике аргументации в дискурсе практической психологии ЗОЖ, следует отметить, что она сочетает как логический (аргументируется достоверное знание), так и риторический планы аргументации (аргументируется точка зрения, мнение). В пределах логической составляющей (дедуктивные умозаключения) актуализируется рациональность как «последовательность и взаимная непротиворечивость аргументов, их организация в логически приемлемый вывод» [11, с. 78]. Риторическая составляющая (индуктивные умозаключения) предполагает различные формы и стили речевого и эмоционального воздействия.

Четкое понимание того, как ценность встраивается в структуру аргументации возможно при реконструкции умозаключений на основе логико-аксиологической модели аргументации. При анализе текста предметной области наиболее оптимальным представляется применение языка логики суждений (ЯЛС), в котором:

1. $p, q, r, s, p_1, q_1, r_1, s_1, p_2, \dots$ – суждения.
2. Если A и B есть суждения, то $(A \wedge B)$, $(A \vee B)$, $(A \rightarrow B)$, $(A \equiv B)$, $(\bar{A})$ – суждения.
3. Ничто иное не является суждением.
4. $V_1, V_2, \dots$ – ценности [цит. по 7, с. 28].

Рассмотрим логико-аксиологическую схему аргументации на примере фрагмента интернет-публикации «Как избавиться от привычки. Советы психолога».

Привычка формирует характер и направленность личности. Например, если человек имеет множество вредных привычек (курение, алкоголь, брань и другие), то его направленность нередко приобретает асоциальный характер. Если человек привык переедать и не может совладать со своими желаниями, то его называют слабохарактерным, безвольным. Можно ли избавиться от привычек? Да. Поможет в этом сила воли, мотивация и практика.

Для анализа данного фрагмента текста применим язык логики суждений. Структура текста подразумевает имплицативные и дизъюнктивные суждения, образующие сложную конструктивную дилемму. Конструктивными называются дилеммы, в заключение которых входят следствия условных посылок. Деструктивными считают дилеммы, в заключение которых входят отрицания оснований условных посылок.

Вид умозаключения – дедуктивный. Дедуктивные умозаключения основаны на связях между суждениями или умозаключениями логики суждений. В обобщенном виде схема сложной конструктивной дилеммы (СКД) будет выглядеть следующим образом: $P \rightarrow Q, R \rightarrow S, P \vee R \vdash Q \vee S$.

Первая имплицативная посылка на ЯЛС имеет вид:

Если человек имеет множество вредных привычек (курение, алкоголь, брань и другие), то его направленность нередко приобретает асоциальный характер:

$$P \rightarrow Q$$

Вторая посылка на ЯЛС будет выглядеть так:

Если человек привык переедать и не может совладать со своими желаниями, то его называют слабохарактерным, безвольным:

$$R \rightarrow S$$

Третья посылка в тексте явно не обозначена, но по смыслу текста это дизъюнктивное суждение:

$$P \vee R$$

Если человек имеет множество вредных привычек (курение, алкоголь, брань и другие) или если человек привык переедать и не может совладать со своими желаниями (вывод также представляет собой дизъюнктивное суждение), то его направленность нередко приобретает асоциальный характер или его называют слабохарактерным, безвольным.

$$Q \vee S$$

Таким образом, мы реконструировали сложную конструктивную дилемму, присутствующую в тексте фрагментарно.

Выделение ценностей в посылках и выводе

Ценностный анализ посылок первого суждения

$$P \rightarrow Q$$

V_1 *вредные привычки* – суждение содержит ценности в antecedente импликации – P;

V_2 *асоциальный характер* – суждение содержит ценности в consequente импликации – Q;

Ценностный анализ посылок второго суждения

$$R \rightarrow S$$

V_3 *свои желания* – содержание ценности в antecedente импликации R

V_4 *слабохарактерность, безволие* – ценности в consequente импликации S.

Третья посылка является дизъюнктивной и реконструирована нами по смыслу текста. $P \vee R$ содержит указанные ценности. Заключение $Q \vee S$ нами полностью реконструировано и также содержит ранее проанализированные суждения.

В результате анализа данного умозаключения становится ясно, что посылки и заключения содержат ценности, являющиеся абстрактными понятиями, т.е. аргументация ведется исключительно от ценностей.

Риторическую составляющую аргументации в исследуемом типе дискурса по классификации А. А. Волкова мы относим к эпидейктическому типу [9]. В рамках эпидейктической аргументации устанавливаются принципы и ценности, на основании которых и строится схема аргументации. При этом аргументатор может позиционироваться как учитель, наставник, носитель специального знания, а ценности предстают как нормы, правила и законы. Риторическая аргументация ассоциируется с фактором приемлемости для аудитории, поэтому назначение ценностных суждений состоит в сближении с реципиентом, нахождении общих позиций. Как отмечает М. Р. Желтухина, «ценности связаны с полезностью, значением и желанием, и являются основой *мотивации* и *убеждения* в жизни человека, определяют цели и выбор. Связь будущих планов и целей с основными ценностями и критериями оценки усиливает их привлекательность» [14, с. 304].

В контексте эпидейктической аргументации для исследуемого типа дискурса характерны следующие виды аргументов, основанные на ценностных суждениях.

Модель и антимодель

Говоря о вредных привычках, мы чаще вспоминаем курение, алкоголизм, брань, переедание, недосыпы, но ведь это далеко не все оковы нашей жизни. А как же привычка откладывать дела на потом, поздно ложиться спать, бездумно листать ленту в социальных сетях, везде ходить на каблучках, на тренировке болтать с подружкой вместо занятий спортом, разговаривать по телефону за рулем и многое другое.

В основе данного рассуждения лежат антиценности:

V_1 – *ущерб здоровью: курение, алкоголь, переедание, недосыпы, везде ходить на каблучках;*

V_2 – *прокрастинация: привычка откладывать дела на потом;*

V_3 – *пустая трата времени: бездумно листать ленту в социальных сетях;*

$\bar{V}_4$ – пренебрежение физическими нагрузками: *болтать с подружкой вместо занятий спортом;*

$\bar{V}_5$ – угроза жизни: *разговаривать по телефону за рулем.*

Рассуждение представляет собой конъюнкцию отдельных ценностных суждений. На основании антиценностей построена обобщенная антимодель некой личности как образец отрицательных поведенческих паттернов, которому категорически не нужно следовать. Аргументы этого типа могут быть эффективны в плане эмоционально-логического воздействия.

Противоположностью аргумента к антимодели является аргумент к модели:

Развивайте в себе альтруизм и старайтесь помогать другим на пути духовного совершенствования, и это в разы повысит вашу мотивацию в борьбе с вредными привычками. Осознание этого даёт невероятную силу и вдохновение. Когда Будда Шакьямуни медитировал под деревом Бодхи, к нему тоже приходили страсти и плотские желания в облике дочерей Мары. И далеко не железная сила воли помогла ему устоять тогда, а чувство глубочайшего сострадания ко всем живым существам.

В рассуждении обозначены следующие ценности:

V_1 – альтруизм;

V_2 – духовное совершенствование;

V_2 – сила и вдохновение;

V_3 – сострадание.

В аргументе к модели автор использует образ конкретной, авторитетной личности – Будды. С этим образом ассоциируется идеальная личность, поступки и действия которой достойны подражания. Присутствие модели и антимодели создает эффект контраста, что усиливает эмоциональное воздействие.

Аргумент восхождения

В формировании социально одобряемого поведения, положительной направленности личности, воспитании достойного гражданина привычки –

первооснова. Когда вы научитесь преодолевать психологические барьеры, люди станут вас уважать. У вас значительно улучшится не только эмоциональное состояние, но и физическое. А красивых людей любят. Работа над собой ценится в обществе, позволяет избавиться от комплексов и жить, наконец-то, полной жизнью.

В основу рассуждения положены следующие ценности:

V_1 – социальное одобрение;

V_2 – достоинство;

V_3 – уважение;

V_4 – эмоциональное и физическое благополучие;

V_5 – красота.

Рассуждение содержит имплицативное суждение $A \rightarrow B$ (если A, то B), где ценности располагаются в консеквенте. Аргумент восхождения наряду с моделями и антимodelями представляет базис эпидейктической аргументации и подразумевает путь восхождения к идеальной модели. Он основан на понятии познания, совершенствования и саморазвития. Реципиенту условно предлагается путь, в результате которого он достигнет желаемого исхода событий.

Таким образом, специфика аргументации детерминирована параметрами дискурса. В дискурсе психологии ЗОЖ аргументация представлена как средство убеждающего и мотивационного воздействия реципиента с целью изменения его ценностных и поведенческих ориентиров. Анализ логико-аксиологической проекции аргументации указывает на ценностные основания посылок и заключений и позицию ценности в структуре аргумента. Риторический план аргументации актуализируется в эпидейктическом типе посредством аргумента модель и антимодель и аргумента восхождения, основаниями которых являются ценностные суждения. Данное исследование обозначает перспективы дальнейшего изучения аргументации в различных типах дискурса с возможностью применения иных моделей аргументации.

Литература

1. Баранов А. Н. Аксиологические стратегии в структуре языка (паремиология и лексика) // Вопросы языкознания. 1989. № 3. С. 74–90.
2. Баранов А. Н., Сергеев В. М. Естественнo-языковая аргументация в логике практического рассуждения // Мышление, когнитивные науки, искусственный интеллект. М.: ИФ АН СССР, 1988. С. 94–119.
3. Баранов А. Н. Лингвистическая теория аргументации (когнитивный подход): автореф. дисс.... д-ра филол. наук. М., 1990. 48 с.
4. Белова А. Д. Лингвистические аспекты аргументации. Киев: КГУ, 1997. 300 с.
5. Берков В. Ф. Логика. Минск: Вышэйшая школа, 1994. 293 с.
6. Брюшинкин В. Н. Системная модель аргументации // Трансцендентальная антропология и логика: Труды международного семинара «Антропология с современной точки зрения» и VIII Кантовских чтений. Калининград: Калинингр. ун-т. 2000. С. 133–155.
7. Брюшинкин В. Н. Практический курс логики для гуманитариев. М.: Интерпракс, 1994. 360 с.
8. Ван Еемеерен Ф. Х., Гроотендорст Р. Аргументация, коммуникация и ошибки. СПб.: Васильевский остров, 1992. 207 с.
9. Волков А. А. Курс русской риторики. М.: Изд-во храма св. муч. Татианы, 2001. 480 с.
10. Волков А. А. Теория риторической аргументации. М.: МГУ, 2009. 398 с.

11. Герасимова И. А., Новоселов М. М. Аргументация как методология убеждения // Вопросы философии. 2003. № 10. С. 72–84.
12. Герасимова И. А. Феномен аргументации // Эпистемология & Философия науки. 2009. Т. XXI. № 3. С. 6–13.
13. Григорьева В. С. Аргументативный дискурс в когнитивно-коммуникативном аспекте // Вопросы когнитивной лингвистики. 2008. № 1 (014). С. 24–30.
14. Желтухина М. Р. Специфика речевого воздействия тропов в языке СМИ: дисс. ...докт. филол. наук. М., 2004. 44 с.
15. Золотов Э. С. Применение системной модели аргументации к анализу текста: дисс. ... канд. филос. наук. СПб., 2003. 189 с.
16. Как избавиться от привычки. Советы психолога URL: <https://psychologist.tips/468-kak-izbavitsya-ot-privychki-sovety-psihologa.html> (Дата обращения: 15.09.2020).
17. Ключев Е. В. Риторика: инвенция, диспозиция, элокуция: учеб. пособие для вузов. М.: ПРИОР, 1999. 272 с.
18. Куликова О. В. Лингвопрагматические основания теории аргументации (на материале английского языка): автореф. дисс. ... доктора филол. наук. М., 2011. 60 с.
19. Рузавин Г. И. Логика и аргументация. М.: ЮНИТИ, 1997. 351 с.
20. Фанян Н. Ю. Аргументация как лингвопрагматическая структура: автореф. дисс. ...докт. филол. наук. Краснодар, 2000. 49 с.
21. Финн В. К. Об одном варианте логики аргументации // Интеллектуальные системы и общество: сборник статей. М.: Российск. Гос. Гуманит. Ун-т., 2000. С. 206–251.
22. Anscombe J.-C., Ducrot O. L'argumentation dans la langue. Bruxelles: Mardaga, 1983. 280 p.
23. Johnston M. Current trends // The Psychologist. 1994. № 7. P. 114–118.
24. Perelman Ch., Olbrechts-Tyteca L. La Nouvelle Rhétorique: Traité de l'argumentation. Paris, 1958. 566 p.
25. Toulmin S. The Uses of Argument. Cambridge, U.K.: Cambridge UP, 2003. 89 p.

References

1. Baranov A. N. Aksiologicheskie strategii v structure yazyka (paremiologiya i leksika) (Axiological strategies in language structure (paremiology and lexicon)) // Voprosy yazykoznaniya. 1989. No. 3. P. 74–90. (In Russian).
2. Baranov A. N., Sergeev V. M. Estestvennoyazykovaya argumentaciya v logike prakticheskogo rassuzhdeniya (Natural language argumentation in the logic of a practical reasoning) // Myshlenie, kognitivnye nauki, iskusstvennyj intellekt. Moscow, 1988. P. 94–119. (In Russian).
3. Baranov N. A. Lingvisticheskaya teoriya argumentacii (kognitivnyj podhod) (Linguistic theory of argumentation (cognitive approach): abstract of thesis. Moscow, 1990. 48 p. (In Russian).
4. Belova A. D. Lingvisticheskie aspekty argumentacii (Linguistic aspects of argumentation). Kiev: KSU publ., 1997. 300 p. (In Russian).
5. Berkov V. F. Logika (Logic). Minsk: Vyshejschaya shkola, 1994. 293 p. (In Russian).
6. Bryushinkin V. N. Sistemnaya model' argumentacii (Systematic model of argumentation) // Transcendental'naya antropologiya i logika: Trudy mezhdunarodnogo seminaru «Antropologiya s sovremennoj tochki zreniya» i VIII Kantovskih chtenij. Kaliningrad: KSU publ., 2000. P. 133–155. (In Russian).
7. Bryushinkin V. N. Prakticheskij kurslogiki dlya gumanitariev (Practical course of logic for humanitarians). Moscow: Interpraks, 1994. 360 p. (In Russian).
8. Van Eemeren F. H., Grootendorst R. Argumentaciya, kommunikaciya i oshibki (Argumentation, communication and errors). St. Petersburg.: Vasil'evskij ostrov, 1992. 207 p. (In Russian).
9. Volkov A. A. Kurs russkoj ritoriki (A course of the Russian rhetoric). Moscow, 2001. 480 p. (In Russian).
10. Volkov A. A. Teoriya ritoricheskoy argumentacii (Theory of rhetorical argumentation). Moscow: MSU publ., 2009. 398 p. (In Russian).
11. Gerasimova I. A., Novoselov M. M. Argumentaciya kak metodologiya ubezhdeniya (Argumentation as methodology of persuasion) // Voprosy filosofii. 2003. No. 10. P. 72–84. (In Russian).
12. Gerasimova I. A. Fenomen argumentacii (Phenomenon of argumentation) // Epistemologiya & Filosofiya nauki. 2009. No. 3. P. 6–13. (In Russian).
13. Grigor'eva V. S. Argumentativnyj diskurs v kognitivno-kommunikativnom aspekte (Argumentative discourse in cognitive and communicative views) // Voprosy kognitivnoj lingvistiki. 2008. No. 1 (014). P. 24–30. (In Russian).
14. Zheltuhina M. R. Specifika rechevogo vozdejstviya tropov v yazyke SMI (The specificity of speech influence of tropes in mass media language): abstract of thesis. Moscow, 2004. 44 s. (In Russian).
15. Zolotov E. S. Primenenie sistemnoj modeli argumentacii k analizu teksta (Application of systematic model of argumentation to text analysis): thesis. St. Petersburg, 2003. 189 p. (In Russian).
16. Kak izbavit'sya ot privychki. Sovety psikhologa (How to break a habit. Psychologist's advice) <https://psychologist.tips/468-kak-izbavitsya-ot-privychki-sovety-psihologa.html> (Accessed: 15.09.2020). (In Russian).
17. Klyuev E. V. Ritorika: invenciya, dispoziciya, elokuciya: ucheb. Posobie dlya vuzov (Rhetoric: invention, disposition, elocution: training manual for universities). Moscow: PRIOR, 1999. 272 p. (In Russian).
17. Kulikova O. V. Lingvopragmaticheskie osnovaniya teorii argumentacii (na material anglijskogo yazyka) (Linguistic and pragmatic grounds for argumentation theory (on the basis of the English language): abstract of thesis. Moscow, 2011. 60 p. (In Russian).
18. Ruzavin G. I. Logika i argumentaciya (Logic and argumentation). Moscow: YUNITI, 1997. 351 p. (In Russian).
19. Fanyan N. Yu. Argumentaciya kak lingvopragmaticheskaya struktura (Argumentation as a linguistic and pragmatic structure): abstract of thesis. Krasnodar, 2000. 49 p. (In Russian).

20. Finn V. K. Ob odnom variante logiki argumentacii (About one variant of logic of argumentation) // Intellektual'nye sistemy i obshchestvo: sbornik statej. Moscow: RHSU publ., 2000. P. 206–251. (In Russian).
21. Anscombe J.-C., Ducrot O. L'argumentation dans la langue. Bruxelles: Mardaga, 1983. 280 p.
22. Johnston M. Current trends // The Psychologist. 1994. № 7. P. 114–118.
23. Perelman Ch., Olbrechts-Tyteca L. La Nouvelle Rhétorique: Traité de l'argumentation. Paris, 1958. 566 p.
24. Toulmin S. The Uses of Argument. Cambridge, U.K.: Cambridge UP, 2003. 89 p.

Сведения об авторе

Шевякина Светлана Васильевна – аспирант кафедры русского языка Гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / svetlanashevyakina@gmail.com

Information about the author

Svetlana Shevyakina – post-graduate student, Chair of Russian Language, Institute of Humanities, North-Caucasus Federal University (Stavropol) / svetlanashevyakina@gmail.com

РЕЦЕНЗИИ

УДК 340 (049.32)
DOI 10.37493/2409-1030.2021.2.24

А. В. Блинников

Серков П.П. Правоотношение (Нравственность современного правового регулирования): монография. М.: Норма, 2020. 688 с.

Valerii Blinnikov

Serkov P.P. Legal relationship (Morality of modern legal regulation): monograph. Moscow: Norma, 2020. 688 p.

Обращение к нравственной составляющей правовых отношений, по своей сути, является продолжением классических традиций отечественного правоведения, причем, самых лучших его оснований, а именно исследование соотношения права и морали. Даже в первом приближении эта проблема являет собой важнейший вопрос, собственно, русского социально-правового пространства, мало того, это один из вечных вопросов этого уникального, культурно и цивилизационно заданного мира.

Вообще, из первых известных трактатов, посвященных осмыслению национального правового мира и принадлежащих перу русских мыслителей, следует выделить труд митрополита Киевского Илариона «Слово о Законе и Благодати», в котором его автор (XI в.) поставил вопрос о религиозно-нравственных основах права и закона. Показательно, что именно с этого, весьма и весьма непростого вопроса начинается российская юридическая (и одновременно политологическая) доктрина, другими словами – правовая наука «золотого века», еще свободная от разного рода западно-европейских и иных заимствований (рецепций), которые с начала XVIII в. «продавливаются» в ткань отечественной правовой культуры, часто, разрушая созданный веками тип юридической нормативности, деформируя представления русских о справедливости и правопорядке, правосудии, а если сказать короче – о «Правде».

Вообще, традиционный русский юридический словарь, создаваемый, примерно, с конца XV в. был ориентирован на разные варианты понимания морально-нравственной составляющей механизма правового регулирования, отсюда и возникли такие понятия, как «Правда», «Гроза», «Страх», «Тишина». В частности, исходя из базовой категории «Правда» – смыслозначимый синкрет, собственно, юридических норм, с пред-

ставлениями большинства населения о морали, религиозных канонах, обычаях – возникает весьма интересный для «нравственности правосудного сегмента» термин и соответствующее ему понятие «оправдать», т.е. признать (например, судом) поведение какого-либо субъекта соответствующим не только юридическим предписаниям, но и нормам морали (нравственным установлениям), религиозным положениям. Согласитесь, что здесь признание «правомерности» действий лица уже не является достаточным для его оценки (по «Правде»), хотя и рассматривается в качестве необходимого.

Так или иначе, но проблемная область соотношения права и морали «красной нитью» проходит через всю российскую историю учений о праве. В разных вариантах постановки этого вопроса она имеет место быть в допетровской правовой действительности, и в имперских теориях, и в советских доктринах. Отличия лишь в расстановке акцентов и полученных исследовательскими результатами, специфике идеологической ангажированности и т.п. Для сравнения в западном правовом и политическом дискурсе «право», «правовые отношения» и мораль начинают дистанцироваться друг от друга, видимо, после принятия Великой Хартии вольностей (Англия, 1215 г.), когда жизнь населения по Евангелие все более и более отличается от жизни населения по «закону». На доктринальном уровне такое «размежевание», дистанцирование права и морали, политики и нравственности в этом цивилизационном пространстве начинается с известных трудов (прежде всего «Государь») Н. Макиавелли, когда «цель начинает оправдывать средства».

В общем, П.П. Серков в своей монографии вскрывает огромный пласт проблем, уходящих своими корнями в прошлое отечественного правового пространства, в его историю. Однако

в работе продуктивно использован метод актуализации, т.е. такого рода «вечные» вопросы представлены в современной эпохе, в контексте проблем и противоречий, намечаемых перспектив развития правовой системы России. По большому счету, его исследование суть шаг к возрождению ментально заданной проблемы – определения места, роли, значения, границ «нравственного компонента» в механизме многообразных правовых отношений.

Структура представленной на рецензию монографии в полной мере соответствует традициям отечественной гуманитарии: в своих рассуждениях е автор следует дедуктивной схеме, а именно идет от решения вопросов большей степени общности (глава 1) к решению более узких специальных вопросов. Здесь, конечно, П.П. Серков логичен и последователен. Три главы работы позволяют раскрыть авторский замысел.

В первой главе – «Нравственное и правовое регулирование» - представлены отправные аспекты всей темы. Здесь, на наш взгляд, П.П. Серков всячески подчеркивает междисциплинарный характер своего исследования, что, конечно же, в высшей мере эвристически продуктивно с позиции современных трендов развития научного, в том числе и юридического познания. Особо стоит отметить широкий философский и исторический кругозор автора. Впечатляет свободное оперирование сложнейшими философско-правовыми и даже теологическими категориями, особенно при обсуждении вопроса о генезисе «морали», «нравственности», соответствующих измерениях социальных отношений, в том числе, и в первую очередь, отношений в области правового регулирования. П.П. Серков как бы «вычитывает» содержание и смысл морали и нравственности из нескольких основополагающих западных дискурсов: античный тип философского мышления, средневековая теология, нововременная модель

и, конечно, немецкая классическая философия (И. Кант, Г.В.Ф. Гегель). В общем, перед нами предстает целостная философско-правовая картина западного мировоззренческого поля.

Во второй главе – «Нравственность конституционно-правового регулирования» - выявлены и проанализированы морально-нравственные аспекты механизма конституционно-правового регулирования. Особый интерес, на наш взгляд, здесь представляет моральное измерение законотворческой деятельности (С. 231-239 и далее). Критическое отношение автора монографии к ряду базовых принципов правотворчества (законотворчества) представляется в полной мере оправданным, важным для дальнейшего развития этой темы.

Третья, заключительная глава монографии – «Опыты обобщения» - посвящена ряду частных вопросов, однако именно она является наиболее дискуссионной, начиная от названия (оно малосодержательно) и завершая структурой. Складывается представление, что в этой главе П.П. Серков намечает дальнейшие перспективы проведения его многопланового исследования, в частности в отношении «природы правового сознания и правопонимания» в контексте нравственного измерения правовых отношений.

В завершение отмечу, что монографическое исследование П. П. Серкова является серьезным не только теоретическим, но и методологическим, философским прорывом в этой сфере правового познания. Причем, его положения имеют и несомненную практическую значимость как в правотворчестве, так и в правоприменении, и в интерпретационной юридической практике.

Уверен, что полученные автором выводы будут интересны не только студентам (бакалаврам, магистрантам) и аспирантам, но и практикующим юристам, проявляющим живой интерес к актуальным вопросам развития национальной правовой системы.

Сведения об авторе

Блинников Валерий Анатольевич – доктор юридических наук, судья Ставропольского краевого суда (Ставрополь) / inst.jur@ncfu.ru

Information about the author

Blinnikov Valerii – Doctor in Law, judge of the Stavropol Regional Court (Stavropol) / inst.jur@ncfu.ru

УДК 930.1 (049.32)
DOI 10.37493/2409-1030.2021.2.25

С. А. Романенко
Р. А. Клочков

Флоровский А. В. Труды по истории России, Центральной Европы и историографии: Из архивного наследия / под ред. В.Ю. Афиани; вступ. ст. М.В. Ковалева, сост., подг. к публ. и коммент. В.Ю. Афиани, М.В. Ковалева, Е. В. Косыревой, Т. Н. Лаптевой. СПб.: Нестор-История, 2020. 576 с., ил.

Sergey Romanenko
Roman Klochkov

Florovsky A. V. Works on the history of Russia, Central Europe and historiography: From the archival heritage / Edited by V. Yu. Afiani; introduction by M. V. Kovalev, compilation and commentary by V. Yu. Afiani, M. V. Kovalev, E. V. Kosyreva, T. N. Lapteva. St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2020. 576 p. Illustrations.

В 2020 г. совместными усилиями российских и чешских историков был выпущен сборник научных трудов российского историка, одного из виднейших представителей отечественной исторической школы в эмиграции, Антония Васильевича Флоровского (1884 – 1968). Работа над подготовкой к публикации оригиналов статей, извлеченных из двух личных фондов А.В. Флоровского (Архива РАН в Москве и Славянской библиотеки в Праге), осуществлялась в рамках сотрудничества Российско-Чешской комиссии историков и архивистов. Участие в составлении и редактировании вошедших в сборник материалов принимали сотрудники Архива РАН В. Ю. Афиани, Е. В. Косырева, Т. Н. Лаптева и сотрудник Института всеобщей истории РАН М. В. Ковалев.

Публикацию трудов предваряют две вступительные статьи. Первая статья, принадлежащая перу М. В. Ковалева, весьма подробно сообщает читателю основные вехи жизни А. В. Флоровского. Во второй статье, посвященной археографической характеристике представленных в сборнике работ, составители осветили множественные особенности выбранных для публикации рукописных и машинописных текстов А.В. Флоровского. Опубликованные материалы снабжены обстоятельными научными комментариями.

Выбранные для публикации работы А.В. Флоровского разделены по четырем тематическим разделам, с целью осветить основные направления и интересы научной деятельности историка. Это история российско-чешских отношений, эпоха Петра Великого в контексте международных связей России, отдельные сюжеты российской истории в XIX столетии, а также русская и советская историография.

А. В. Флоровский родился 1 (14) декабря 1884 г. в Елисаветграде, в семье священника Василия Антоновича и Клавдии Георгиевны Попруженко. В 1894 г. семья Флоровских обосновалась в Одессе, где Антоний Васильевич впоследствии получил образование и встал на путь профессионального исследователя-историка. Любопытные факты об отце А. В. Флоровского приводит во вступительной статье М. В. Ковалев, отмечая, что в жандармских сводках сохранились сведения о «политической неблагонадежности» Василия Антоновича – его участия в народническом кружке Ковалевского и организации сходок рабочих и учащихся духовного училища в Одессе в 1879 г. [1, с. 9].

Интерес к гуманитарным дисциплинам, к истории в частности, у юного Антония стал проявляться еще в детские годы. Способствовала тому, как вспоминает сам историк, общая атмосфера в семье. «Наша семья, – пишет Флоровский, можно сказать, и вообще жила в мире гуманитарных традиций и интересов» [1, с. 436]. В своей автобиографии А. В. Флоровский упоминает многих родственников – представителей научной гуманитарной среды, особенно по материнской линии Попруженко. В частности дядя А.В. Флоровского – Михаил Георгиевич Попруженко, был профессором Новороссийского университета и специалистом в области славянской филологии и истории, который в период гражданской войны также был вынужден отправиться в эмиграцию.

Еще одним человеком, оказавшим значительное влияние на формирование А. В. Флоровского уже как профессионального историка в годы его обучения в Одесском университете, стал его наставник и научный руководитель профессор Иван Андреевич Линиченко. Именно под его руководством начинающий исследователь выбрал

проблематику своих последующих научных исследований – историю Законодательной комиссии Екатерины II.

В 1908 г. Флоровский окончил университетский курс и по предложению И. А. Линиченко остался при кафедре русской истории для дальнейшей подготовки к профессорской деятельности.

Продолжая разрабатывать проблематику истории (некоторых аспектов) Законодательной комиссии 1767–1774 гг. Флоровский в 1916 г. защитил магистерскую диссертацию в Москве. Данная работа была высоко оценена не только российским научным сообществом, но и была замечена зарубежными учеными [1, с. 11].

Успешная защита магистерской диссертации в кругу именитых московских историков укрепила уверенность молодого ученого в своих силах. В это время он уже окончательно убедился в своем призвании историка. Из своих воспоминаний А. В. Флоровский следующим образом характеризует этот момент: «Вместе с тем годы и работы над материалами Комиссии 1767–1774 гг. укрепили меня в моих интересах как историка... Я чувствовал свое призвание, раньше еще недостаточно осознаваемое, и стал готовиться к деятельности ученого-историка» [1, с. 443]. Вскоре после получения степени магистра, весной 1916 года Флоровский факультетским заседанием был избран на должность профессора по кафедре русской истории.

Осенью 1917 г., накануне бурных событий октябрьской революции, Флоровский отправился в Москву с целью принять участие в деятельности Поместного Церковного собора. По возвращению историка в Одессу, власть уже оказалась в руках большевиков. В условиях развивавшейся революционной деятельности нового правительства переустройству подверглись многие прежние общественные и политические институты. Был реорганизован и Одесский университет. В это время А. В. Флоровский оказался оторван от центральных архивов в Москве и Петрограде, а потому все большее внимание стал уделять региональной истории.

В 1922 г. Антоний Васильевич, по приказу новых властей, вместе с рядом других представителей интеллигенции был вынужден покинуть Россию. Оказавшись на недолгое время в Константинополе, А. В. Флоровский вскоре решил отправиться в Болгарию, где по совету своего дяди М. Г. Попруженко осуществил архивные разыскания и подготовил некоторый материал по теме русско-болгарских отношений второй половины XIX века. Однако Флоровский, все же надеясь устроиться в Германии или Чехословакии, вел переписку с уже осевшими там соотечественниками и иностранными коллегами о возможности получить место работы. К концу 1922 г. Флоровскому улыбнулась удача. Его научная кандида-

тура была одобрена, и он получил приглашение в Прагу. С этого времени начинается «пражский период» жизни А. В. Флоровского, ознаменовавшийся бурной исследовательской и научно-организаторской деятельностью ученого.

В период своей жизни в эмиграции А. В. Флоровский, в силу ряда обстоятельств, прежде всего оторванности от российских архивных и библиотечных материалов (что было характерно для многих русских исследователей, оказавшихся в эмиграции) был вынужден изменить свою исследовательскую направленность. В новых условиях продолжать разработку ранее начатых проблем российской истории историк уже не мог. По этому поводу Флоровский в своих мемуарных записях сообщает: «Все начатое в России было оборвано, взятое мной с собой было достаточно для статей, не для сосредоточенной разработки». «Библиотеки Праги, – продолжает ученый, были весьма скудны подборками русских книг». Как отмечает ученый, на возможность работы в направлении истории отношений между Россией и Чехией с древнейших времен его натолкнула супруга Валентина Афанасьевна (урожденная Белоусова).

К концу 1930-х гг. обострилось положение Чехословакии на международной арене. Предчувствуя надвигающуюся угрозу наступления нацистской Германии, А. В. Флоровский искал возможность покинуть Чехословакию. Однако вторжение немцев в Прагу и установление нацистского режима в марте 1939 г. нарушили планы об отъезде. С приходом новой власти были закрыты все чешские высшие учебные заведения. Оставшись без постоянной работы, А. В. Флоровскому пришлось приспосабливаться к новым условиям. В это время у историка появилась возможность полностью посвятить себя науке. Как отметил М. В. Ковалев, Флоровский не выражал симпатий нацистским властям и не поддерживал их деятельность.

Определяющая роль Советского Союза в разгроме нацистской Германии и ее союзников вновь возбудили во Флоровском патриотические чувства. Положительное восприятие советской власти как защитницы не только национальных интересов СССР, но и освободительницы многих европейских государств побудило Флоровского принять советское гражданство в декабре 1946 г. Это обстоятельство впоследствии, после установления в Чехословакии коммунистической власти в 1948 г., самым положительным образом сыграло роль на дальнейшей научно-педагогической карьере ученого. Однако принимая во внимания тот факт, что Антоний Васильевич оставался сторонником «буржуазного» позитивизма, в новых условиях социалистической Чехословакии ему было необходимо соблюдать осторожность и не затрагивать политических вопросов.

Первые послевоенные годы ознаменовались научными контактами А.В. Флоровского с советскими исследователями. В рамках сотрудничества со своими советскими коллегами ученый планировал воплотить в жизнь множество намеченных ранее планов. Разгоравшаяся Холодная война воспрепятствовала дальнейшему развитию связей между учеными, началась кампания борьбы против «преклонения перед Западом», в результате которой разгромной критике подверглись многие ученые, с которыми ранее вел переписку А.В. Флоровский.

Положение изменилось с наступлением хрущевской «Оттепели». Вновь были восстановлены приостановленные связи, установились новые переписки. Многочисленные исследовательские наработки и исторические познания А.В. Флоровского привлекали внимание крупных советских ученых: А. А. Зимина, А. А. Новосельского, В. Т. Пашуто, Д. С. Лихачева и других.

Наиболее важным событием в жизни Антония Васильевича в послевоенный период можно назвать совершенную им вместе со своей супругой поездку в СССР летом 1967 г. Поездка состоялась в рамках приглашения Белорусской академии наук на празднование 450-летия белорусского книгопечатания. Антонию Васильевичу не удалось посетить родной его сердцу Одессы, однако, как отметил его брат Г.В. Флоровский, поездка эта оказала на А.В. Флоровского «сильнейшее и незабываемое впечатление» [1, с. 39]. А. В. Флоровский ушел из жизни 27 марта 1968 г.

Первый блок опубликованных работ историка посвящен российско-чешским связям в X–XIX вв. Работы, включенные в этот раздел, привлекают к себе особый интерес, так как именно история русско-чешских взаимоотношений стала преобладающим направлением в творчестве историка на протяжении многих лет его «пражской» жизни. В рамках данной темы А. В. Флоровский рассмотрел множество ранее малоизвестных сюжетов, касающихся истории взаимоотношений России и государств Центральной и Восточной Европы, прежде всего Чехии.

В частности, А. В. Флоровский одним из первых поднял вопрос о степени влияния гуситства на восточнославянскую среду, проанализировав эволюцию взглядов русской общественно-исторической мысли на деятельность чешского национального мыслителя Яна Гуса и его последователей [1, с. 21].

Духовно-религиозный аспект русско-чешских контактов рассмотрен Флоровским в докладе «Почитание св. Вячеслава, князя чешского, на Руси», специально подготовленном для выступления на IV Съезде русских академических организаций за границей (Белград, 1929 год). Обратившись к проблеме культа почитания Князя Вячеслава (Вацлава), историк рассмотрел осо-

бенности русской иконографической традиции и, поднимая вопрос о времени проникновения культа святого на Русь, привлёк значительный объем литературных источников, подвергнув их внимательному анализу.

Следующая опубликованная в данном разделе работа особенно ярко характеризует предмет научной деятельности Флоровского в эмиграции. Как отметили составители сборника, статья «Краткий обзор истории русско-чешских отношений», была подготовлена Флоровским для выступления на «збраславских пятницах» – собрании литературно-художественного и исторического кружков в чешском городе Збраслав [1, с. 51]. Данная статья, таким образом, явилась первым шагом Флоровского на пути дальнейшей разработки истории русско-чешской взаимности, вершиной же его стала двухтомная монография «Чехия и восточные славяне» (первый том издан в 1935, второй в 1947 году).

В «Кратком обзоре» ученый уделил внимание как положительным аспектам обоюдных контактов России и чешского народа, так и проблемным моментам в истории их взаимоотношений. Историк оценил положительное влияние в научно-культурной области: им отмечены многочисленные контакты чешских и русских ученых в рамках развития славистической науки. Достаточно указать только контакты российских славистов М. П. Погодина, О. М. Бодянского, И. И. Срезневского, В. И. Ламанского с именитыми представителями чешской и словацкой науки – Павлом Й. Шафариком, Вацлавом Ганкой, Франтишком Палацким и др. Важной стороной обозначенных взаимоотношений стало знакомство чешского читающего общества с русской литературой. Русские же находились под чешским влиянием, сообщает Флоровский, «в области музыкальной культуры, именно культуры, а не музыки вообще», приводя в пример тот факт, что большое число русских людей обучались музыкальному искусству именно у чешских преподавателей [1, с. 121–122].

Флоровский, рассмотрев характер развития национальных устремлений чехов в борьбе за свои культурные и политические права на протяжении XIX в., обращает внимание и на периоды упадка в русско-чешских отношениях. Таким периодом упадка явились 1860-е г., когда стало проявляться недовольство многих ранее прорусски настроенных представителей чешской и словацкой общественности. Недовольство это было вызвано во многом подавлением восстания в Царстве Польском в 1863 г. Флоровский, характеризуя общую основу причин угасания русофильских настроений в Чехии сообщает, что «кризис в отношении России не был чем-то специальным и обособленным, напротив, с ним был тесно связан... общий критический момент, касающийся вообще идеи славянской взаимности». Историк

положительно оценивает идеи чешского австрославизма (движения чешских политических деятелей за реформирование Австро-Венгрии в тройственное государство с целью добиться ряда политических уступок) в условиях своего времени: «это был путь естественных исканий выхода для чешского народа и получения им элементов национальных прав».

Привлекла внимание Флоровского и тема иезуитского влияния в России, которую он рассматривал в контексте межкультурного диалога католичества и православия. Труд «Давид Георгий и его сочинение» представляет собой вводную статью к публикации латинского оригинала трактата чешского иезуита Георгия (Иржи) Давида. Статья эта интересна тем, что в ее основу Флоровский включил выводы своих предшествовавших исследований о деятельности иезуитов в России. Обратившись к оригиналу рукописного текста иезуитского автора, ученый осветил множество любопытных фактов и подробностей об истории деятельности чешских иезуитов в России на рубеже XVII–XVIII вв. Характеризуя рукопись, содержащую помимо всего и множественные сведения о московской жизни в конце XVII столетия, Флоровский подчеркивает тот факт, что это «единственное сочинение о Московии, принадлежащее перу чешского автора» [1, с. 126]. Рассматривает Флоровский и причины падения иезуитской миссии в Москве. В основе конфликта между традиционной православной культурой и представителями католичества, по мнению историка, находилось столкновение двух миропониманий – «попытка патриарха Иоакима устранить из московской жизни один из тех элементов, который потрясал старое московское культурное равновесие» [1, с. 151].

Завершается первый раздел статьей под названием «Украина на страницах чешской истории», посвященной истории развития представлений об Украинском государстве на страницах чешской историографии. Особенно привлекает внимание А.В. Флоровского вопрос о становлении украинского казачества, появлении казаков в Чехии и Моравии, а также чешском влиянии на казацкую жизнь в XVI–XVII веках [1, с. 168]. Рассмотрены Флоровским также (с точки зрения проявляемого интереса к чешско-русским отношениям в период XVII столетия) свидетельства ранней чешской историографии о «чешских отзвуках великой эпопеи борьбы Украины за свое освобождение от польско-шляхетского владычества» [1, с. 171].

Следует заметить, что составители сборника весьма успешно справились с задачей построения тематических блоков трудов, так как большинство из представленных в них работ знакомят читателя с главными темами в творческой деятельности А.В. Флоровского, многие из которых легли в основу фундаментальных трудов ученого.

Второй раздел книги содержит несколько работ Флоровского, обращенных в общей своей проблематике к петровской эпохе в рамках контактов Российского государства с представителями Центральной Европы. В период борьбы России за доступ к побережью Балтийского моря фигура Петра предстает, по словам историка, как одного из «крупных вершителей судеб Северной и отчасти Средней Европы» [1, с. 173]. Историк отмечает и тот факт, что в проводимой Петром политике рассматривались самые различные сферы отношений с чешским народом за исключением политической стороны жизни Чехии и Моравии. Император принимал во внимание факт вхождения этих земель в состав Империи и Австрии.

А. В. Флоровский подчеркивает тот любопытный факт, что особое внимание Петра, в период начатой им бурной реформаторской деятельности, было обращено к чешскому языку. Царю самому доводилось во время своего заграничного путешествия 1698 года убедиться в том, что чешский язык, в силу языковой чешско-русской (славянской) близости, мог быть сравнительно удачно использован в разговорном обиходе. Поэтому Петр с полной уверенностью предполагал «что чешская языковая и национальная среда обладает способностью дать подходящий для русских потребностей контингент работников разных областей деятельности» [1, с. 196]. Однако, как замечает Флоровский, Петр Великий, несмотря на некоторые успехи в этом направлении, «явно переоценил все значение этой языковой близости и в ряде случаев наталкивался на большие трудности в этом вопросе» [1, с. 212].

Помимо широко освещенной в трудах Флоровского чешской тематики, в поле внимания ученого оказались также сюжеты из истории русско-австрийских и русско-венгерских отношений. В рамках статьи о «Пряшевском плане австро-мадьярского примирения» (1710 г.) ученый подошел к рассмотрению роли России в попытке урегулировать возникший в начале XVIII века австро-венгерский конфликт. Привлеченные Флоровским документы из Венского государственного архива позволили ему раскрыть ранее недостаточно изученные стороны дипломатической жизни на европейской политической арене начала XVIII в. Пряшевский план (сформулирован в рамках обсуждений российского представителя, немецкого барона Иогана фон Урбиха, и венгерского политического деятеля Ференца Ракоци в 1710 г.) представляет один из любопытных сюжетов международной политики этого времени.

Говоря о технической стороне работы с текстом, составители и редакторы сборника отметили, что черновой вариант авторской статьи о Пряшевском плане местами весьма затруднителен для чтения. Это обстоятельство вызвало необходимость детальной реконструкции не только

научного аппарата статьи, но и примыкающих к основному тексту дополнительных фрагментов. В целом с этой задачей редакторы справились успешно.

Обращаясь к «Мекленбургской проблеме» во внешней политике Петра Великого, Флоровский обращает внимание читателя на то, что в историографии до этого момента не было работы, «которая исчерпывающим и убедительным образом осветила бы место» взаимоотношений России и герцогства Мекленбургского в истории [1, с. 232]. Ученый выделил три этапа развития русско-мекленбургских отношений в годы правления Петра I и более пристально останавливается на втором этапе, по его мнению, наиболее важном. Важность развития дипломатической работы в направлении Мекленбурга особенно проявлялась на фоне резких изменений в общей политической обстановке в Европе. Стремительное развитие событий в пользу России в ходе Северной войны предоставили ей возможность успешного продвижения на пути к выходу на Балтийское побережье. Мекленбург, таким образом, рассматривался Петром в качестве возможной опорной базы для военного усиления в данном регионе.

В работах, опубликованных в третьем разделе, рассматриваются в основном сюжеты социально-политической истории Российского государства в XIX столетии.

Интересные сведения представлены в статье «Чех-декабрист». В планах Флоровского, на момент работы над рукописным вариантом этой публикации, было представить, прежде всего, чешскому читающему обществу, сведения об их соотечественнике, участнике событий декабрьского восстания 1825 г. в России, Василии Ивановиче Враницком. Как отмечает сам автор, все документы, относящиеся к судьбе Враницкого в России, к тому моменту как ученый решил начать данную работу, еще не были полностью собраны и изучены. Флоровский, таким образом, осуществляет попытку раскрыть любопытные подробности о деле чешского декабриста, основываясь на «разбросанных в различных мемуарах показаниях разных декабристов, их переписке» [1, с. 261]. Обозначив в статье, на основании имеющихся сведений, основные сюжеты жизни Враницкого накануне и после восстания, Флоровский, подводя итог статьи, оставляет открытым вопрос о дальнейшем изучении жизни чешского декабриста. «Может быть, - пишет историк, и в самой Чехии и Праге эти наши строки вызовут интерес к печальной судьбе одного из сынов Чешской земли и послужат к обнаружению и здесь каких-либо дополнительных о нем сведений» [1, с. 270].

Статьи «Император Николай II» и «Реформы, реакция, революция» представляют ценность уже тем, что дают нам некоторые представле-

ния об общественно-политических взглядах А. В. Флоровского. Очерк об императоре Николае, как отметили исследователи, вероятнее всего был подготовлен Флоровским для чешских читателей [1, с. 58]. В нем ученый оценивает роль последнего русского монарха на фоне резко менявшихся общественных настроений на рубеже XIX–XX столетий.

Статья «Реформы, реакция, революция» поднимает тему понимания Флоровским специфики внутриполитической жизни царской России в XIX в. Однако, как отметили редакторы публикации, читая эту статью, стоит принимать во внимание тот важный факт, что данная работа появилась на свет уже после знакомства Флоровского с некоторыми советскими историками [1, с. 60]. Это обстоятельство, по всей видимости, наложив свой отпечаток и определив в некоторой степени «марксистский» характер статьи (что выразилось в использовании Флоровским не характерной для него терминологии) говорит о том, что Флоровский планировал с ее помощью сблизиться с советской исторической наукой. Но добиться намеченных результатов ученый не смог (или не захотел), составив статью в духе своих либерально-реформистских взглядов.

Четвертый раздел книги посвящен не менее важной в творческом наследии ученого теме – историографии. Собранные в этом разделе труды А. В. Флоровского представляют собой одну из немногих осуществленных в эмигрантском научном сообществе попыток создать в небольшом формате, но при этом достаточно информативные труды, обобщающие историографическое наследие ученых эмигрантов. Эти работы дают нам представление о состоянии и развитии существовавших в научной эмигрантской среде направлений и наиболее охватываемых учеными гуманитариями тем.

Несмотря на неравномерное распределение на пути эмиграции отдельных представителей исторической и прочих наук, в целом нужно отметить, что со временем в научной среде русского зарубежья стали складываться исследовательские школы, продолжающих дореволюционные традиции, а также научные центры, в стенах которых представители старшего поколения ученых стремились организовать все возможные условия для продолжения плодотворных исследований.

Дополняет обзоры о состоянии эмигрантской историографии статья А. В. Флоровского, посвященная положению исторической науки в Советской России. Ученый, по понятным причинам, не мог в полной мере отразить в своем обзоре все явления научной жизни в области исторического знания в Советской России, о чем и предупреждает читателя. Однако сама попытка дать объективную оценку исторической литературы на Родине заслуживает большого внимания.

Отдельно стоит отметить включенные составителями публикации в приложение книги автобиографию А.В. Флоровского, а также материалы переписки Антония и Георгия Флоровских с 1922 по 1924 гг. Автобиография, носящая характер мемуарных записей, была обнаружена М. В. Ковалевым в 2013 г. в хранилище Славянской библиотеки в Праге. Эти записи без сомнения сообщают ценные и интереснейшие сведения о жизни Антония Васильевича начиная с его ранних лет жизни. Переписка же братьев Флоровских, Антония и Георгия, обогащает уже имеющиеся данные об их судьбах в эмиграции любопытнейшими сведениями об особенностях научной жизни в Одессе в первые годы советской власти, а также подробностями об условиях первых лет эмигрантской жизни названных ученых.

Подводя итоги, можно уверенно сказать, что исследователями, участвовавшими в составлении, редакции и комментировании материалов представленного сборника, была проведена большая и важная работа. Нужно признать, что введение в широкий научный оборот ранее неопубликованных и труднодоступных текстов из творческого наследия А.В. Флоровского, часть из которых долгое время находилась в зарубежном архиве, имеет несомненную важность для историков. Данная книга будет интересна как специалистам в области российской истории и историографии, так и исследователям российско-чешских отношений.

Литература

1. Флоровский А. В. Труды по истории России, Центральной Европы и историографии: Из архивного наследия / Под ред. В. Ю. Афиани; вступ. ст. М. В. Ковалева, сост., подг. К публ. И коммент. В. Ю. Афиани, М. В. Ковалева, Е. В. Косыревой, Т. Н. Лаптевой. СПб.: Нестор-История, 2020. 576 с.

References

2. Florovskii A. V. Trudy po istorii Rossii, Tsentral'noi Evropy i istoriografii: Iz arkhivnogo nasledia (Works on the history of Russia, Central Europe and historiography: From the archival heritage). St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2020. 576 p. (In Russian).

Информация об авторах

Романенко Сергей Александрович — доктор исторических наук, доцент кафедры зарубежного регионоведения и внешней политики Российского государственного гуманитарного университета (Москва) / serg.hist@gmail.com

Клочков Роман Александрович — магистрант факультета международных отношений и зарубежного регионоведения Российского государственного гуманитарного университета (Москва) / ketrizde@mail.ru

Information about the authors

Romanenko Sergei — Doctor of History, Associate Professor, Chair of Foreign Regional Studies and Foreign Policy, Russian State University for the Humanities (Moscow) (Moscow) / serg.hist@gmail.com

Klochkov Roman — Master student, Faculty of International Relations and Foreign Regional Studies, Russian State University for the Humanities (Moscow) / ketrizde@mail.ru

ЮБИЛЕИ

**КАФЕДРЕ ЗАРУБЕЖНОЙ ИСТОРИИ, ПОЛИТОЛОГИИ
И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ СКФУ – 45 ЛЕТ**

Май 1976 года. На историческом факультете Ставропольского государственного педагогического института создается новая кафедра – кафедра всеобщей истории. Создание кафедры явилось логичным результатом развития исторического образования на Ставрополье. Углубленное изучение истории зарубежных стран становится важным компонентом подготовки высококвалифицированных специалистов-историков в Ставропольском государственном педагогическом институте. Возглавила новую кафедру доктор исторических наук, профессор В. П. Невская – представительница московской школы антиковедов, известный специалист по истории византийского полиса классического периода, человек, горячо увлеченный древней историей. Кандидатская диссертация и монография В.П.Невской сразу привлекли пристальное внимание советских и зарубежных антиковедов. Монография В. П.Невской в 1955 г. была переиздана в ГДР. Под ее руководством были разработаны проблемные группы по истории зарубежных стран, заложены основы научно-исследовательской работы. Историю средних веков на кафедре преподавала Л. Н. Савельева – педагог, прекрасно знающий свой предмет, и хороший методист. Курс новой истории читал Ф. П.Тройно, историю стран востока вел Н. В.Василенко, новейшую историю преподавал М. П.Заикин – участник Великой Отечественной войны, прошедший с 8-й гвардейской дивизией от Сталинграда до Берлина, кавалер многих орденов и медалей.

После защиты докторской диссертации в Ленинградском государственном педагогическом институте им. А. И.Герцена в СГПИ вернулся его выпускник А. А. Аникеев, который с 1983 г. по 2007 г. возглавлял кафедру. Важнейшей задачей кафедры в то время стала подготовка специалистов по всеобщей истории и разработка учебных дисциплин. Кадровый состав кафедры расширился в середине 80-х гг., когда в его состав влились выпускники московской аспирантуры: И. А. Краснова, Т. В. Пантюхина, А. С. Бухаров. Защитив в 1983 г. кандидатскую диссертацию по социальной психологии флорентийского популизма, И. А. Краснова продолжила разработку данной темы. К 1995 г. она подготовила монографию и докторскую диссертацию «Деловые люди Флоренции в XIV–XV вв.», в которой на основе широ-

кого круга оригинальных источников воссоздала картину повседневных отношений внутри городского социума. Т.В. Пантюхина, успешно защитив диссертацию «Позиция правящих кругов Великобритании по вопросу об объединении Италии в 50–60-е гг. XIX века» в МГПИ им. В. И. Ленина, вернулась на факультет и начала преподавание курса новой истории стран Европы и Америки. Большой вклад в изучение истории древнего мира внес выпускник МГУ Ю. Н. Литвиненко, посвятивший свои научные исследования экономической истории эллинистического Египта и изучению теоретического наследия М. И. Ростовцева.

Однако основное пополнение научно-педагогических кадров кафедры и других вузов Северного Кавказа по всеобщей истории шло через аспирантуру, открытую на кафедре в 1983 г. Первыми аспирантами кафедры стали В. В. Степаненко и В. В. Науменко, защитившие диссертации по истории Болгарии и Алжира. Позже Е. А. Паламарчук защитил диссертацию, посвященную англо-американской историографии социальной политики нацизма, а Н. М. Нарыкова – деятельности Крестьянского Интернационала в 1923–1931 гг. В связи с тем, что диссертационного совета в СГПИ тогда еще не было, диссертации защищались в Москве, Ленинграде, Томске, Баку.

Восьмидесятые годы памяты тем, что после Апрельской революции в Афганистане кафедра и исторический факультет приняли участие в подготовке специалистов для этой страны. Преподаватели кафедры читали иностранным студентам курсы по истории стран Европы, Америки, Азии и Африки. Многие студенты-афганцы готовили интересные дипломные работы по истории зарубежных стран, в том числе Азии и Африки. Два выпускника афганского отделения, Хасибула Пештаз и Фаузия Пештаз, проявили склонность к научной работе, защитив диссертации по истории своей страны.

В 90-е гг. исследовательская деятельность кафедры велась в рамках научного направления «История Западноевропейской цивилизации». В поле зрения историков кафедры попали проблемы институционального устройства западноевропейских государств, политических и экономических процессов, происходящих в них, проблемы, связанные с европейской интеграцией и глобализацией. В это время на кафедре проф.

А. А. Аникеевым были опубликованы монографические работы, посвященные аграрной политике нацистской Германии накануне и в годы Второй мировой войны и развитию исторической науки в Восточной Германии в послевоенный период, написанные на основе источников из советских и немецких архивов.

В 1994 г. И. А. Коробкина, защитив кандидатскую диссертацию «Пагуошское движение: возникновение, основные направления деятельности», становится одним из ведущих преподавателей по новейшей истории, теории и истории международных отношений. Аспирант С. А. Польская изучала вопросы сакральности власти средневекового французского двора, результатом чего стала защита ее кандидатской диссертации. В это же время приглашенный на кафедру доцент А. П. Беликов, специалист по древней истории, начал исследовать проблемы политических, экономических и культурных контактов римлян с эллинистическим миром. Международные отношения Дона, Кубани и Ставрополя со странами Центрально-Восточной Европы в 70-е – начале 90-х гг. исследовал В. В. Литвинов, защитив по данной проблеме кандидатскую диссертацию.

В конце 80-х–90-е гг. кафедра активно включается в научные дискуссии, связанные с переосмыслением теоретико-методологических подходов в отечественной исторической науке. В эти годы кафедрой были изданы сборники научных трудов «Проблемы войны и мира в истории» (1993 г.), «История и экология» (1994 г.), «Актуальные проблемы историографии и методологии истории» (1997 г.). В данный период кафедра всеобщей истории начинает активно развивать связи с образовательным комплексом края. В помощь учителям средней школы кафедрой разрабатываются пособия по истории мировых цивилизаций «На пути к современной цивилизации» и «История мировых цивилизаций».

Девяностые годы стали временем реформы исторического образования. Кафедра была в числе инициаторов перехода на многоуровневую систему обучения студентов, кардинального обновления содержания учебных дисциплин и методов преподавания. По ее инициативе в 1993–1994 учебном году на факультете была создана магистратура по истории. Главной целью ее создания стало стремление возродить традиции российской высшей школы, способствуя отмене социально-культурных и образовательных барьеров между странами, приближая систему образования России к мировым стандартам.

В 1997 г. в связи с развитием исторического факультета тогда уже Ставропольского государственного университета принимается решение о разделе кафедры всеобщей истории и создании на ее базе кафедры истории древнего мира и средних веков и кафедры новой и новейшей

истории. Кафедру истории древнего мира и средних веков возглавила профессор И. А. Краснова, а кафедру новой и новейшей истории профессор А. А. Аникеев. С этого времени кафедры развиваются отдельно, но продолжают тесно сотрудничать в изучении проблем истории зарубежных стран. С 1 марта 2007 г. заведующим кафедрой новой и новейшей истории становится доктор исторических наук, доцент И. В. Крючков.

В 1999 г. кандидатскую диссертацию, посвященную концепции «славянской цивилизации» Н. Я. Данилевского, защищает А. Н. Птицын. Это положило начало славяноведческим исследованиям на кафедре и внедрению в учебный процесс нового курса «История южных и западных славян в новое и новейшее время». Данная проблематика нашла отражение в научных публикациях и в докторской диссертации И. В. Крючкова. Выбор направления научной деятельности И. В. Крючкова во многом явился результатом всесторонней помощи и поддержки со стороны ведущего специалиста в России и за рубежом по истории Средней Европы Тофика Муслимовича Исламова. В 2003 г. И. В. Крючков защитил докторскую диссертацию «Славянский фактор в развитии Венгрии в последней трети XIX – начале XX вв.: этнополитические, социальные и внешнеполитические аспекты» в Ростовском государственном университете.

С 2003 г. на кафедре начинается подготовка специалистов по истории стран Центрально-Восточной Европы. Это стало результатом развития общего интереса мировой историографии к данному региону Европы, демонстрирующему богатый опыт исторического развития различных народов в условиях социокультурного пограничья. Данная проблематика исследовалась в кандидатских диссертационных О. Н. Новиковой, Б. Б. Гогueva, Б. З. Боташевой, А. И. Онищенко, Д. Х. Бекмухаметовой, Е. В. Степаненко.

О широте научных интересов кафедры свидетельствует разнообразие страноведческих направлений. Североамериканские исследования получили развитие в диссертациях Е. В. Галкиной, О. В. Баландиной, О. Ю. Степановой, Т. А. Щербины, А. А. Байрамкуловой. На кафедре развивается изучение истории Великобритании. Н. Д. Крючкова посвятила свою научную деятельность изучению социокультурной истории Великобритании в XIX в. Данной проблематике была посвящена ее кандидатская диссертация, где автор показал образ жизни, взаимоотношения и механизмы интеграции элитарных групп средневекового общества. Ж. А. Абрекова подготовила и защитила кандидатскую диссертацию, в которой отражена роль британской монархии в развитии британского общества в XX в.

Проблемы германской истории раскрыли в своих диссертациях, а затем в монографиях Г. И. Кольга и С. В. Януш – выпускники докторан-

туры, которая функционирует на кафедре с 2000 г. В частности, монография Г.И. Кольги «НСДАП: идеология, структура, функции», написанная в соавторстве с профессором А. А. Аникеевым и доцентом кафедры новой и новейшей истории Южного федерального университета Н. Е. Пуховской, является первым исследованием в отечественной историографии идеологических, организационных и правовых форм нацистского движения. Досуговая культура Германской империи в последней трети XIX – начале XX вв. отражена в диссертации Е. С. Рязанцевой, а становление социально-рыночного хозяйства ФРГ в диссертации С. О. Звонка.

История международных организаций и их роль в урегулировании конфликтов, в том числе на постсоветском пространстве, отражены в работах Н. А. Коробий, Н. В. Калашниковой. Большое внимание на кафедре отводилось исследованиям истории европейской интеграции, в данном предметном поле были выполнены диссертации Н. Н. Журбиной и Е. А. Панариной.

Всего в диссертационном совете СГУ и в других вузах было защищено 30 кандидатских и 2 докторские диссертации, выполненные на кафедре по специальности 07.00.03. – Всеобщая история (новая и новейшая история).

Активная подготовка научно-педагогических кадров способствовала быстрому росту уровня квалификации преподавателей: если при создании кафедры всеобщей истории на ней работало 2 специалиста с учеными степенями (1 доктор, 1 кандидат наук), то к 2012 г. на кафедре новой и новейшей истории имелось 100 % обеспеченность специалистами с учеными степенями (3 доктора и 5 кандидатов наук).

Для совершенствования преподавания истории в вузе и в школе преподаватели кафедры работали и опубликовали необходимые учебные и учебно-методические пособия. В соответствии с Госстандартами высшего профессионального образования коллектив авторов во главе с ректором СГУ, профессором В. А. Шаповаловым опубликовал учебное пособие «История» – под грифом УМО РФ для гуманитарных факультетов высших учебных заведений. В данном проекте приняли активное участие профессор А. А. Аникеев, доцент И. В. Крючков, доцент И. А. Коробкина, доцент В. В. Литвинов, доцент Т. В. Пантюхина, доцент А. Н. Птицын. Для средней школы опубликованы учебно-методические пособия «Проблемы историографии и источниковедения в школе» (2004 г.) (автор профессор А. А. Аникеев), «Организация НИР в школе» (2005 г.) (автор доцент О. В. Баландина), «Применение современных технологий информационного поиска в исторической науке» (2005 г.) (доцент И. А. Аникеев) и др. Профессор А. А. Аникеев на основе теоретико-методологического наследия отечественных

ученых и историков зарубежных стран разработал для магистратуры целый ряд учебных пособий по методологии и методике исторических исследований, среди них «Проблемы методологии истории», «Методика и организация исторического исследования» и др.

Для организации самостоятельной работы студентов преподаватели кафедры издали учебно-методические пособия по основным дисциплинам, которые, как правило, содержали программу курса, тематический план, планы семинарских занятий, тематику рефератов и курсовых работ, список источников и литературы. Затем стали издаваться учебно-методические модули, содержащие также и теоретический материал: лекции, документы и т. д. С 2005 г. на кафедре начинается подготовка практикумов по базовым дисциплинам новой и новейшей истории зарубежных стран. К 2012 г. были изданы практикумы по новой истории стран Европы и Америки (автор доцент Т. В. Пантюхина) и практикум по новейшей истории стран Европы и Америки (1945–2000 гг.) (автор профессор И. В. Крючков), практикум по истории южных и западных славян в новое и новейшее время (авторы профессор И. В. Крючков, доцент А. Н. Птицын).

С 1997 г. кафедра продолжала уделять особое внимание развитию магистратуры на историческом факультете СГУ. Совместно с кафедрой истории древнего мира и средних веков она обеспечивала учебный процесс по магистерской программе «Всеобщая история», а с 2010 г. совместно с другими кафедрами факультета – по магистерской программе «Историческое образование». С 1997 по 2012 гг. под руководством преподавателей кафедры было подготовлено более 120 магистерская диссертация.

Широкое внедрение информационных технологий в различные сферы жизни привело к стремлению кардинально обновить методический арсенал преподавания зарубежной истории. При поддержке лаборатории (ныне кафедры) исторической информатики исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова было сформировано новое научно-образовательное направление – историческая информатика, которая изучает закономерности процесса информатизации исторической науки и образования. Решением УМО по истории Министерства образования РФ в октябре 1997 г. в СГУ вводится специализация по исторической информатике. На кафедре и в университете было подготовлено пять диссертаций по исторической информатике: И. А. Аникеевым, В. Ф. Покасовым, А. Н. Ушмаевым, Ю. М. Корниенко, С. В. Пинягиным.

Кафедра новой и новейшей истории поддерживала тесные творческие связи с Институтом всеобщей истории РАН, Институтом славяноведения РАН и Институтом Европы РАН. В 2003 г. был

заключен договор о сотрудничестве между Ставропольским государственным университетом и Институтом всеобщей истории РАН, в 2006 г. подписано аналогичное соглашение с Институтом славяноведения РАН. При участии Института Европы РАН были проведены: в 2001 г. научная конференция «Западноевропейская цивилизация и Россия: пути взаимодействия», а в 2003 г. всероссийская научно-практическая конференция «Западноевропейская цивилизация и Россия: общее и особенное». В 2005 г. совместно с Институтом всеобщей истории РАН была проведена всероссийская научная конференция «Междисциплинарный подход в изучении прошлого: до и после «постмодерна».

Долгие годы кафедра поддерживала связи с зарубежными университетами и научными центрами. Доцент Т. В. Пантюхина прошла стажировку в Государственном университете штата Айова (США), а доцент Н. В. Калашникова в Международном колледже туризма в Анталии (Турция). Профессор А. А. Аникеев выезжал для оказания помощи в подготовке научно-педагогических кадров в Высшую педагогическую школу г. Потсдама (Восточная Германия) и в Педагогический институт г. Пинар-дель-Рио (Куба).

Весьма плодотворным являлось сотрудничество кафедры с Университетом г. Хельсинки и Национальным архивом Финляндии. Доцент Н. Д. Крючкова прошла в 2008 г. научную стажировку в Университете г. Хельсинки. Научный сотрудник Национального архива Финляндии доцент Д. Д. Фролов неоднократно посещал Ставрополь, проводя встречи со студентами и преподавателями исторического факультета СГУ.

В 2000-е годы профессор И. В. Крючков и доцент Н. Д. Крючкова развивали сотрудничество с Институтом по изучению последствий войн им. Л. Больцмана (г. Грац, Австрия) (директор Института проф. С. Карнер). Результатом данного сотрудничества стало участие преподавателей кафедры в ряде научных проектов Института и совместное издание кафедрой и Институтом «Российско-Австрийского альманаха: исторические и культурные параллели. Вып. 2» и сборника научных статей «Пражская весна 1968 г. и советские республики. Реакция власти и общества». И. В. Крючков и Н. Д. Крючкова вошли в состав международной рабочей группы ученых, подготовившей к публикации сборник документов «Prager Fruhling. Das internationale Krisenjahr 1968».

Преподаватели кафедры принимали участие в работе международных конференций и семинаров, состоявшихся в Хельсинки, Вене, Иерусалиме, Варшаве, Братиславе, Граце, Киеве, Харькове и Ужгороде. Статьи членов кафедры публиковались в научных изданиях Финляндии, Австрии, Польши, Словакии, Словении, Украины и Белоруссии.

Сотрудники кафедры участвовали в работе различных научных сообществ. Профессор А. А. Аникеев, профессор И. В. Крючков, доцент Т. В. Пантюхина, доцент И. А. Коробкина, доцент Н. Д. Крючкова, доцент А. Н. Птицын и доцент В. В. Литвинов входили в состав Ставропольского отделения Ассоциации Европейских исследований (руководитель Ставропольского отделения – профессор А. А. Аникеев, создано в 1997 г.). Отделение становится одним из первых региональных отделений АЕВИС. С декабря 2016 г. руководителем отделения становится профессор И. В. Крючков.

Профессор И. В. Крючков, доцент Т. В. Пантюхина, доцент И. А. Коробкина, доцент Н. Д. Крючкова и доцент А. Н. Птицын являлись членами Ставропольского регионального отделения Российского общества интеллектуальной истории (председатель Ставропольского отделения РОИИ профессор И. В. Крючков, создано в 2001 г.). Первым председателем отделения являлся профессор С. И. Маловичко.

Кафедра Истории древнего мира и средних веков развивалась под руководством И. А. Красновой, которая в 1998 защитила диссертацию на соискание ученой степени доктора исторических наук по специальности 07.00.03. – Всеобщая история (история средних веков) на тему: «Деловые люди Флоренции XIV–XV в.: занятия, образ жизни и обыденное сознание» в диссертационном совете при Московском государственном университете. За время существования кафедры с 1997 по 2012 г. были защищены еще две докторские диссертации доцентами Н. М. Нарыковой в 2002 г. и А. П. Беликовым в 2003 г. на тему «Рим и эллинизм. Основные проблемы политических, экономических и культурных контактов».

По кафедре истории древнего мира и средних веков были подготовлены и защищены 12 диссертаций на соискание ученой степени кандидата исторических наук под научным руководством И. А. Красновой и Н. М. Нарыковой, в том числе сотрудники кафедры: Е. П. Тельменко «Религиозно-философские и социально-этические аспекты проповеднической деятельности Джироламо Савонаролы и их влияние на флорентийское общество конца XV века» (2003 г.), В. Н. Садченко «Францисканский монашеский орден и его социально-религиозные функции (XIII – первая половина XV вв.)», Л. Н. Величко «Личность и общество в биографической и автобиографической традиции Флоренции XIV – первой трети XVI вв.» (2006 г.).

В 2001 г. на кафедре истории древнего мира и средних веков проводится всесоюзная научная конференция, посвященная проблемам обыденного сознания и повседневной жизни городских сообществ и выпускается сборник по указанной тематике.

Члены кафедры активно осуществляли научные контакты с отделом истории средних веков Института всеобщей истории РАН и Московским государственным университетом, о чем свидетельствует их участие в ряде крупномасштабных проектов: «Властные институты и должности в Европе в средние века и раннее новое время» при грантовой поддержке РГНФ и в коллективной монографии, изданной по результатам исследований в 2011 г., в издании двухтомной энциклопедии «Культура Возрождения». М.: РОССПЭН. 2007–2011 при грантовой поддержке РГНФ., в проекте «Королевский двор в политической культуре средневековой Европы. Теория, символика, церемониал» при грантовой поддержке РГНФ, (научный сборник с тем же названием вышел в 2004 г. в Москве), в проекте «Империи и этнонациональные государства в Западной Европе в Средние века и раннее Новое время» при грантовой поддержке РГНФ (научный сборник с тем же названием вышел в 2011 г. в Москве): в проекте «Историописание и историческая мысль западноевропейского средневековья», по результатам которого издается трехтомный практикум-хрестоматия с тем же названием в 2010 г. в Институте всеобщей истории РАН.

Новый этап развития кафедр начинается с созданием Северо-Кавказского федерального университета. В августе 2012 г. была образована кафедра археологии и всеобщей истории на базе кафедр исторического факультета СГУ – истории древнего мира и средних веков, новой и новейшей истории, археологии и региональной истории. На ней работало 13 преподавателей, в том числе 6 докторов исторических наук, профессоров. Кафедру возглавил профессор И. В. Крючков.

С этого времени кафедра начинает разрабатывать необходимые комплект документов к лицензированию направления подготовки «Международные отношения». С этой целью доцент К. Р. Амбарцумян получает дополнительное образование по международным отношениям в Дипломатической академии МИД РФ, доценты В. Н. Садченко и Е. П. Тельменко в Российском государственном гуманитарном университете на факультете международных отношений и зарубежного регионоведения. Доценты Л. Н. Величко и Т. В. Пантюхина прошли стажировку в МГИМО. В 2016 г. производится набор первых студентов на бакалавриат направления подготовки «Международные отношения».

Большое внимание с 2012 г. кафедра уделяет модернизации учебного процесса. Одной из его форм становится обновление учебно-методических материалов. Большим событием в этой связи становится издание в 2015 г. учебника «Сравнительная история мировых цивилизаций». К его подготовке, кроме преподавателей кафедры, были привлечены известные специалисты по

всеобщей истории из Вроцлавского университета (профессор П. Цихорацкий, доцент Э. Ковальчик, доцент Д. Адамска) и Харьковского национального университета (доцент А. И. Тумаков). В 2017 г. была издана Хрестоматия в 3-х ч. «Новая и новейшая история стран Европы и Америки» (сост. Л. Н. Величко, И. А. Коробкина, И. В. Крючков, Т. В. Пантюхина). В 2018 г. сотрудниками кафедры был издан учебник «Всеобщая история» (отв. ред. И. В. Крючков, С. А. Польская) для бакалавров по направлению подготовки «Международные отношения». Значительный интерес у специалистов и студентов вызвал учебник, подготовленный в 2019 г. доцентом Л. Н. Величко и доцентом В. Н. Садченко «Международный терроризм как глобальная проблема современности». Сотрудники кафедры (доцент К. Р. Амбарцумян, доцент Л. Н. Величко, профессор И. В. Крючков, доцент Н. Д. Крючкова, доцент Т. В. Пантюхина, доцент И. А. Коробкина, доцент А. Н. Птицын, доцент В. Н. Садченко) в 2019 г. приняли участие в подготовке Практикума «История международных отношений России» для студентов-международников Люблинского университета. Это далеко не весь список, подготовленных на кафедре учебных пособий.

К чтению лекций постоянно привлекаются ведущие российские и зарубежные ученые: заместитель директора Института Европы РАН, член-корреспондент РАН О. В. Буторина, директор Института Европы РАН, член-корреспондент РАН А. А. Громыко, профессор Российского государственного гуманитарного университета С. И. Маловичко, профессор Российского государственного гуманитарного университета С. А. Романенко, доцент Капошварского университета А. Колонтари, директор Института истории Национальной академии наук Армении, академик НАН Армении А. А. Мелконян, профессор, заведующий кафедрой международных отношений Будапештского университета им. М. Корвина Л. Чичман и др.

В новых условиях кафедра активно развивает научную деятельность и международные связи. В это время по инициативе кафедры подписываются договоры о сотрудничестве с Абхазским государственным университетом, Архивным институтом Венгрии в г. Москве, Будапештским университетом им. М. Корвина, Ереванским государственным университетом, Институтом истории Национальной академии наук Армении, Институтом Кавказа (Армения), Капошварским университетом, Люблинским университетом, Харьковским национальным университетом, Черновицким национальным университетом.

Развитие связей с этими и другими международными образовательными и научными центрами позволили активизировать академическую мобильность преподавателей и аспирантов

кафедры. Так, в рамках международной деятельности кафедры в 2013 г. доцент Т. В. Пантюхина почитала курс лекции новой истории на историческом факультете Харьковского национального университета, а аспирант О. Н. Захарченко (Бережная) в данном университете прошла стажировку. В 2013 г. профессор И. В. Крючков и доцент Н. Д. Крюкова прошли стажировку в Институте по изучению последствий войн им. Л. Больцмана и в Капошварском университете, а в мае 2019 г. в Институте по изучению последствий войн им. Л. Больцмана. В 2014 г. доцент И. А. Коробкина прошла стажировку в Международной школе преподавания Катастрофы по теме «Вторая Мировая война и Катастрофа еврейского народа – исторические и образовательные аспекты» для преподавателей высших учебных заведений СНГ в центре Яд Вашем в Иерусалиме. Профессор И. А. Краснова прошла стажировку в Римском университете «Ла-Сapiенца» в 2016 г. В 2020 г. аспирант А. А. Тонян приняла участие в Программе индийского технического и экономического сотрудничества (ITEC) и прошла курс по научной дипломатии в аналитическом центре «Research and Information System for Developing Countries» при Министерстве иностранных дел Индии (г. Нью-Дели).

Развитие международных связей позволило провести по инициативе кафедры ряд крупных международных научных конференций. В июне 2014 г. при участии Российского государственного гуманитарного университета, Института славыноведения РАН, Национальной ассоциации по изучению Юго-Восточной Европы и Научного общества кавказоведов проводится конференция «Кавказ-Карпаты-Балканы: геополитические, этноконфессиональные, региональные и локальные компоненты национального менталитета в XVIII–XX вв.», в конференции кроме российских участников, выступили ученые из Армении, Белоруссии, Болгарии, Венгрии, Польши, Сербии, Македонии, Молдавии.

В 2014–2015 гг. в России и в других государствах отмечается столетие со дня начала Первой мировой войны. В октябре 2014 г. кафедра совместно с Саратовским государственным университетом, Капошварским университетом, Российским историческим обществом, Научным обществом кавказоведов проводят международную конференцию «Первая мировая война в образах, в памяти и истории». В конференции принимали участие ученые из России, Армении, Азербайджана, Венгрии, Польши, Украины.

В ноябре 2014 г. в Пятигорске совместно с Пятигорским государственным лингвистическим университетом, Научным обществом кавказоведов, Комитетом Ставропольского края по делам национальностей и казачества кафедра проводит международную научную конференцию «Боевое

братство и национальное единство народов Северного Кавказа в годы Первой мировой войны», где активное участие приняли ученые из Абхазии и Армении.

В рамках изучения истории империй кафедра в мае 2016 г. совместно с Российским историческим обществом, Российским обществом интеллектуальной истории, Капошварским университетом и Пятигорским государственным лингвистическим университетом организовали международную конференцию «Региональный нарратив имперской провинции: современные методологические подходы и исследовательские практики». В обсуждении различных аспектов истории империй принимали участие ученые из России, Азербайджана, Белоруссии, Венгрии, Грузии, Украины.

С 2015 г. кафедра развивает сотрудничество с Научным обществом кавказоведов (НАК). На ее базе создается Ставропольское региональное отделение НАК. Возглавил отделение профессор И. В. Крючков. В феврале 2015 г. НАК и кафедра проходит в Ставрополе всероссийскую научно-практическую конференцию «Историко-культурное наследие Юга России». В конференции приняли участие известные кавказоведы Москвы и Ставрополя.

В 2017 г. в России проводится цикл научных мероприятий, посвященный столетию «Русской революции». Кафедра совместно с кафедрой истории России СКФУ и Российским историческим обществом организовали международную научную конференцию «Революция 1917 г. в судьбах мира: уроки истории».

Среди приоритетных задач научной деятельности кафедры с 2013 г. становится изучении истории народов Южного Кавказа и Ближнего Востока и их историко-культурного наследия, что определено Программой развития СКФУ. Поэтому кафедра выступает с организатором двух международных научных конференций «Историко-культурное наследие Великого Шелкового пути и продвижение туристских дестинаций на Северном Кавказе» (сентябрь 2015 г. и октябрь 2016 г.). Большое значение в развитии изучения Большого Кавказа на кафедре имеет развитие сотрудничества с Российским этнографическим музеем, с которым по инициативе кафедры в 2016 г. СКФУ заключает договор о сотрудничестве.

Роль России и других ведущих мировых держав в развитии Большого Кавказа рассматриваются представителями научного сообщества Абхазии, Австрии, Армении, Венгрии, России, Словении, Италии в октябре 2019 г. на международной научной конференции «Большой Кавказ – Россия – Европа: пространство диалога и сотрудничества». Конференция проводится кафедрой совместно с Южным федеральным университетом, Институтом Европы РАН, Ассоциацией европейских исследований, Российским историческим обще-

ством при финансовой поддержке фонта «История Отечества». 30 ноября – 1 декабря 2020 г. кафедра совместно с Ассоциацией европейских исследований при участии Фонда поддержки публичной дипломатии им. А. И. Горчакова провели конференцию «Публичная дипломатия: формирование эффективных моделей системного сотрудничества в Кавказском регионе». Обращение к данной проблематике не является случайной. На кафедре в последние годы большое внимание отводится изучению феномена публичной дипломатии/политики мягкой силы. В июне 2021 г. в рамках развития этого направления кандидатскую диссертацию защищает А. А. Тонян на тему «Мягкая сила во внешней политике Индии на рубеже XX–XXI вв.». Исследование международной тематике на кафедре особенно активизировалось после подписания в июне 2018 г. договора о сотрудничестве СКФУ с Институтом Европы РАН.

Новой формой развития международного сотрудничества становится организация летних школ для молодых ученых-историков и международных под эгидой Российско-словацкой комиссии историков. В сентябре 2018 г. такая школа на тему «Границы в истории и исторической памяти» проводится на базе СКФУ при участии Института по изучению последствий войн им. Л. Больцмана, Государственного академического университета гуманитарных наук, Уральского федерального университета, Российского государственного гуманитарного университета, Института всеобщей истории. В ней приняли участие студенты и аспиранты из Ставрополя, Москвы, Екатеринбург, Австрии. В мае 2019 г. летняя школа «Retrospectives: Cold War and beyond» при участии СКФУ, Института по изучению последствий войн им. Л. Больцмана, Государственного академического университета гуманитарных наук, Российского государственного гуманитарного университета, Института всеобщей истории проходит в Раабсе на Тайте (Австрия). В ней приняли участие профессор И. В. Крючков и студенты СКФУ.

Ежегодно студенты направлений подготовки «История» и «Международные отношения» получают гранты на обучение в течение полугода-года в Венгрии, Словакии и Словении, где они имеют возможность прослушать лекционные курсы ведущих преподавателей университетов данных государств и продолжить свою научно-исследовательскую работу.

В 2015 г. происходят существенные изменения в структуре кафедры. Весной 2015 г. по решению Ученого Совета СКФУ на кафедру передается магистерская программа «Прикладная политология». В июне 2015 г. кафедра получила современное название – кафедра зарубежной истории, политологии и международных отношений.

С этого времени на кафедре развиваются политологические исследования. В рамках направления «Безопасность и противодействие

терроризму» профессор Е. В. Галкиной и доцент Е. С. Гундарь разработали учебно-методический комплекс, и в 2016 г. переиздан курс лекций «Политический экстремизм в современном мире». Кроме того, за время работы на данной кафедре, подготовлен и опубликован ряд учебных пособий: «Методология научных исследований» (Е. В. Галкина, Е. С. Гундарь), «Политический менеджмент» (Е. В. Галкина, Т. Б. Легенина), «Современная кратология» (Е. В. Галкина, Т. Б. Легенина).

Большой потерей для кафедры становится скоропостижная смерть в июне 2020 г. доктора политических наук, профессора Е. В. Галкиной. Елена Сергеевна внесла значительный вклад в развитие кафедры, пользуясь заслуженным уважением коллег и студентов. Ее научное наследие более 300 научных и учебно-методических трудов, 13 монографий, в том числе, подготовленная за время работы на кафедре, монография «Трансформация партийной системы современной Турции: от крайнего плюрализма к доминирующей партии» (Е. В. Галкина, Р. Ш. Хасанов), изданная в 2019 г.

На кафедру успешно развиваются два научных направления «Ближний Восток и Балканы в системе международных отношений» (руководитель, профессор И. В. Крючков) и «Повседневная жизнь и проблемы обыденного сознания в истории древнего мира и средних веков» (руководитель профессор И. А. Краснова). Итоги научной деятельности членов кафедры нашли отражение в ряде монографий: Кудрявцев А. А. «Дербент – древнейший город России» (Махачкала 2025, 2018 гг.), Кудрявцев А. А., Кудрявцев Е. А. «Феодальный город Северного Кавказа (Средневековый Дербент в VI–XIII вв.)» (Ставрополь, 2015), Галкина Е. В. «Отличительные особенности американского протестантизма (30-е гг. XVII–XVIII вв.)» (Ставрополь, 2017), Крючков И. В., Чернов М. С. Индустриализация австрийской половины империи во второй половине XIX–XX вв.» (Ставрополь, 2018 г.), Тельменко Е. П. «Пророк и город «праведных»: религиозно-нравственная реформа Джироламо Савонаролы во Флоренции конца XV века» (Ставрополь 2020).

На кафедре по-прежнему уделяется внимание подготовке научно-педагогических кадров. В марте 2021 г. ассистент О. Н. Бережная (Захарченко) защитила кандидатскую диссертацию «Феномен богемы и ее место в культурной и общественно-политической жизни Франции в последней трети XIX – первой четверти XX вв.». На июнь 2021 г. запланирована защита докторской диссертации доцента Е. П. Тельменко «Джироламо Савонарола и флорентийское общество конца XV века».

Профессора И. В. Крючков, Е. В. Галкина, доценты К. Р. Амбарцумян, Л. Н. Величко, Е. С. Гундарь неоднократно получали гранты РФФИ,

фонда «История Отечества» и других фондов. Данное обстоятельство позволило существенно расширить тематику научных исследований на кафедре.

С 2012 г. по инициативе кафедры издано несколько сборников научных статей: «Ставропольский альманах Российского общества интеллектуальной истории. Вып. XIV» (2012 г.); «Российско-Австрийский альманах: исторический и культурный параллели. Вып. V» (2014 г.); «Россия и Венгрия на перекрестках европейской истории. Вып. I» (2014 г.); «Российско-Польский исторический альманах. Вып. VIII» (2016 г.); «Россия и Венгрия на перекрестках европейской истории. Вып. II» (2016 г.); «Кавказ в отражении мировой истории» (2016 г.); «Российско-Австрийский альманах: исторический и культурный параллели. Вып. VI» (2018 г.); «Россия и Венгрия на перекрестках европейской истории. Вып. III» (2018 г.); «Российско-Австрийский альманах: исторический и культурный параллели. Вып. VII» (2019 г.); «Международные отношения: история и современные аспекты. Теории и исследовательские практики. Вып. III» (2020 г.).

Для активизации научно-исследовательской деятельности кафедры и внедрения ее результатов в учебный процесс с 2012 г. на кафедре действует НОЦ «Культурное и природное наследие Северного Кавказа» (руководитель профессор А. А. Кудрявцев), МПНИЛ «Интеллектуальная история» СКФУ и Института всеобщей истории РАН (руководитель профессор И. В. Крючков).

Продолжая традиции, преподаватели кафедры входят в состав различных научных сообществ. Профессор И. А. Краснова, профессор И. В. Крючков, доценты К. Р. Амбарцумян, Л. Н. Величко, И. А. Коробкина, Н. Д. Крюčkova, Т. В. Пантюхина, А. Н. Птицын, В. Н. Садченко, Е. П. Тельменко являются членами Российского общества интеллектуальной истории, профессор И. В. Крючков, доценты К. Р. Амбарцумян, Л. Н. Величко, И. А. Коробкина, Н. Д. Крюčkova, Т. В. Пантюхина, А. Н. Птицын, В. Н. Садченко, Е. П. Тельменко членами Ассоциации европейских исследований, доцент Е. С. Гундарь входит в состав Российского общества социологов.

В последние годы кафедра продолжает развивать новые формы образовательной и научной деятельности. В мае 2021 г. СКФУ и Будапештский университет им. М. Корвина подписывают договор о создании совместной магистерской программы по направлению подготовки «Международные отношения». В 2021 г. кафедра создает международную научно-исследовательскую лабораторию «Центр Закавказских исследований» совместно с Институтом истории НАН Армении и Научно-образовательным центром НАН Армении, а также международную научно-исследовательскую лабораторию «Центр по изучению народов

Ближнего Востока» совместно с Будапештским университетом им. М. Корвина. В 2021 г. кафедра инициировала процесс вступления СКФУ в Ассоциацию внешнеполитических исследований им. А. А. Громыко.

В настоящее время на кафедре зарубежной истории, политологии и международных отношений работают доктор исторических наук, профессор А. П. Беликов, доктор исторических наук, профессор И. А. Краснова, доктор исторических наук, профессор А. А. Кудрявцев, кандидат исторических наук, доцент К. Р. Амбарцумян, кандидат исторических наук, доцент Л. Н. Величко, кандидат политических наук, доцент Е. С. Гундарь, кандидат исторических наук, доцент И. А. Коробкина, кандидат исторических наук, доцент Н. Д. Крюčkova, кандидат исторических наук, доцент Т. В. Пантюхина, кандидат исторических наук, доцент А. Н. Птицын, кандидат исторических наук, доцент В. Н. Садченко, кандидат исторических наук, доцент Е. П. Тельменко, ассистент О. Н. Бережная, документовед А. А. Акобян, возглавляет кафедру доктор исторических наук, профессор И. В. Крючков.

**И. А. Коробкина,
И. В. Крючков,
Н. Д. Крюčkova**

НЕКРОЛОГИ

ПАМЯТИ ПРОФЕССОРА СЕРГЕЯ ИВАНОВИЧА МАЛОВИЧКО (1960–2021)

20 апреля 2021 г. в расцвете творческих сил ушел из жизни видный российский ученый, доктор исторических наук, профессор, член Правления Российского общества интеллектуальной истории Сергей Иванович Маловичко. Он мог бы жить, сделать еще много для исторической науки, но непредсказуемый и жестокий ковид забрал его...

Будущий историк С. И. Маловичко родился 16 октября 1960 г. в Одессе, где в то время проживала его семья. Позже с родителями он переедет в г. Ставрополь, здесь на истфаке Ставропольского государственного педагогического института (ныне Северо-Кавказский федеральный университет) получит историческое образование. Студенческие годы его прошли в археологических

экспедициях Института археологии АН СССР, под руководством известных археологов В. Г. Петренко, В. Б. Ковалевской, С. Н. Корневского. В 1986 г., окончив вуз С.И. Маловичко по распределению работал учителем истории и организатором внешкольной и внеклассной работы в средней школе № 30 г. Ставрополя, позже – преподавателем истории в Ставропольском сельскохозяйственном институте. С 1988 г. по 2005 гг. Сергей Иванович работал в родном вузе, пройдя путь от ассистента кафедры истории СССР (досоветского периода) Ставропольского государственного педагогического института до профессора кафедры историографии, источниковедения и специальных исторических дисциплин Ставропольского государственного университета.

В период с 1992 г. по 1995 г. он обучался в целевой аспирантуре на кафедре истории России Санкт-Петербургского государственного университета. Под руководством профессора И. Я. Фроянова работал над кандидатской диссертацией «Отечественная историография XVIII – начала XX вв. о возникновении древнерусских городов» (специальность 07.00.09 – Историография, источниковедение и методы исторического исследования). В центре внимания С. И. Маловичко оказалась малоизученная проблема – изучение истории древнерусского города через освещение историографической ситуации в отечественной исторической мысли XVIII века. Впервые в отечественной историографии им был применен новый методологический прием, заключающийся в многослойности построения материала: средневековые отечественные и иностранные источники о древнерусском городе; анализ работы с ними историков XVIII в.; общественные исторические представления о городе; основные тенденции развития представлений по дискуссионным проблемам истории города в XIX – XX столетиях и формирование авторского взгляда на эти проблемы. Рассмотрение данной проблемы в дальнейшем нашло отражение в ряде его работ, в том числе монографии (Отечественная историческая мысль XVIII века о возникновении и ранней социально-политической жизни древнерусского города (от киевского «Синописа» до «Нестора» А. Л. Шлецера). Ставрополь: Изд-во СГУ, 2001. 416 с.) и докторской диссертации («Возникновение и политическая жизнь древнерусского города в отечественной исторической мысли XVIII в.» (специальность: 07.00.02 – Отечественная история; 07.00.09 – Историография, источниковедение и методы исторического исследования), защищенной в 2002 г. в диссертационном совете при Ставропольском государственном университете, куда он вернулся на работу после аспирантуры.

В период работы в Ставропольском государственном университете С. И. Маловичко читал лекции по «Отечественной историографии», «Актуальным проблемам отечественной историографии», курсы по выбору «История культуры региона», «Историография древнерусского города». Принимал активное участие в работе учебно-методического совета исторического факультета. В соавторстве с А.С. Ханом подготовил учебник «История России с древнейших времен» для поступающих в высшие учебные заведения (Ставрополь, 1998), с А.Б. Заморкиным уникальный в своем роде учебно-методический комплекс «Историография истории России с древнейших времен до 1917 г.: Слайд-лекции (Ставрополь, 1998).

В начале 2000-х гг. С. И. Маловичко занимался разработкой проблем интеллектуальной истории и новой локальной истории. При его участии в 2001 г. на базе университета было создано

Ставропольское региональное отделение Российского общества интеллектуальной истории (Ставропольское отделение РОИИ), которое он возглавлял до 2005 г. Ежегодно отделение проводило международные и всероссийские научные конференции, посвященные междисциплинарным исследованиям в области интеллектуальной истории. Регулярно выходил «Ставропольский альманах общества интеллектуальной истории» – периодическое издание Ставропольского отделения РОИИ. Автором вступительных статей альманаха был профессор С.И. Маловичко.

При участии профессора С. И. Маловичко совместно с профессором РГГУ М. П. Мохначевой и профессором СГУ Т. А. Булыгиной была разработана Концепция межвузовской научно-образовательной программы «Локальная история: компаративные подходы и методы изучения» Историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета и Ставропольского государственного университета. В рамках этой программы, по инициативе Сергея Ивановича в 2002 г. на базе Ставропольского государственного университета был создан Региональный научно-образовательный центр «Новая локальная история», который он возглавлял до 2005 г. Исследования в рамках локальной истории осуществлялись с позиций полидисциплинарного подхода, методами, выработанными гуманитарными науками в конце XX – начале XXI в. (компаративного источниковедения, новой локальной истории, устной истории и др.) Центр и сегодня продолжает работать на базе кафедры истории России Северо-Кавказского федерального университета (www.newlocalhistory.com) (руководитель центра – проф. Т. А. Булыгина).

В своих многочисленных работах С. И. Маловичко показал, что важной стороной исследования новой локальной истории является изучение «истории снизу» и полидисциплинарность. При этом изучение локального сообщества осуществляется через историю отдельных личностей, его составляющих, социальную роль индивидуума, стереотипы поведения в социокультурном, бытовом, природно-географическом и геополитическом контекстах обживаемого им пространства. Применительно к истории Северного Кавказа исследования осуществляются по нескольким направлениям, тесно связанным единством новой локальной истории: интеллектуальная история, городская и сельская история, история повседневности, сравнительное источниковедение локальной истории, устная история, новая биографическая история, история пограничных областей Северного Кавказа. Используемые подходы и методы соответствуют основным направлениям фундаментальных исследований РАН (методология и теория исторического процесса, человек в

истории и история повседневности, этнокультурный облик народов, историко-культурное взаимодействие Евразии).

Профессор С. И. Маловичко был одним из организаторов ставших уже традиционными Всероссийских интернет-конференций, которые проводились на базе Научно-образовательного центра «Новая локальная история»: «Пограничные реки и культура берегов» (2004), «Город и село: теория и исследовательские практики» (2006), «Новая локальная история: город и село в виртуальном и интеллектуальном пространствах» (2007), «Новая локальная история: хроно-топ сельской и городской истории» (2008), «Социальные практики и повседневная жизнь горожан и сельских жителей» (2010), «Предметное поле новой локальной истории – источниковедческая методология познания: опыт и перспективы взаимодействия» (2011) и др.

С 2005 г. научная и педагогическая деятельность профессора С. И. Маловичко была связана с московскими вузами и научными центрами. Он переехал в Москву, возглавил кафедру истории и культурологии (с 2006 по 2012 гг.) Российского государственного аграрного университета – МСХА имени К. А. Тимирязева, преподавал в Государственном гуманитарно-технологическом университете (г. Орехово-Зуево), в Российском государственном гуманитарном университете (г. Москва), в Национальном исследовательском университете «Высшая школа экономики» (г. Москва). В период 2013-2018 гг. в качестве приглашенного профессора читал лекции в рамках курса «Северный Кавказ в интеллектуальном пространстве России в XIX – начале XX века» студентам магистратуры Гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета.

В Москве расширился круг научных интересов С. И. Маловичко, он занимался теоретическими проблемами исторической науки, написал ряд учебных пособий, которые стали настольными книгами студентов и историков по источниковедению, историографии и истории исторического знания (История общественной мысли в России: учебное пособие / С. И. Маловичко, Е. В. Шумакова; Российский гос. аграрный ун-т - МСХА им. К. А. Тимирязева. М.: Изд-во РГАУ-МСХА, 2012. Ч. 1. 95 с.; Ч. 2 / С. И. Маловичко, О. Г. Некрасов. М.: Изд-во РГАУ-МСХА, 2012. 99 с.; Интеллектуальная история России: курс лекций /

С. И. Маловичко, А. А. Мухутдинов, С. И. Реснянский; МГУ имени М. В. Ломоносова. М.: БОС, 2018. 374 с.; Источниковедение: учебное пособие / И. Н. Данилевский, Д. А. Добровольский, Р. Б. Казаков, С. И. Маловичко и др.; отв. Ред. М. Ф. Румянцев. М.: Изд. Дом Высшей школы экономики, 2015. 685 с. и др.).

Список опубликованных научных работ профессора С.И. Маловичко включает более двухсот пятидесяти названий [1]. Среди них монографии, написанные лично и в соавторстве, статьи, посвященные разным проблемам истории исторического знания, теории и методологии исторической науки. Одна из последних его работ – коллективная монография «Прошлое для настоящего: История-память и нарративы национальной идентичности» (Под ред. проф. Л.П. Репиной. М.: Аквилон, 2020. 464 с.). Профессор С.И. Маловичко являлся членом редколлегии научного журнала «Диалог со временем» (Москва), научного журнала «Преподаватель XXI век» (Москва), научно-теоретического журнала «Гуманитарные и юридические исследования» (Ставрополь).

Профессор С.И. Маловичко пользовался огромным авторитетом среди коллег, аспирантов и студентов. Он был великолепным лектором, добрым и скромным человеком. Невероятная трудоспособность, высочайшая эрудиция, собственный исследовательский подход при работе с историческими источниками, постоянный, результативный поиск чего-то нового и нестандартного, смелость в достижении цели и при этом интеллигентность во всем – и в работе, и в отношении с коллегами, в общении со студентами, преданность в дружбе – все это удивительным образом органично сочеталось в Сергее Ивановиче Маловичко. Нам, его коллегам и друзьям, а также всему историческому сообществу будет не хватать его креативных идей, жизненного оптимизма, превосходного чувства юмора, дружелюбности... Сложно понять и невозможно принять мысль об уходе этого замечательного человека. Светлая память о Сергее Ивановиче Маловичко будет жить в сердцах всех, кто его знал и ценил. Вечная память...

Колесникова М. Е., Крючков И. В.
Ставропольское отделение
Российского общества
интеллектуальной истории

Научное издание

ГУМАНИТАРНЫЕ И ЮРИДИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Научно-теоретический журнал

2021. № 2

Гуманитарные и юридические исследования: научно-теоретический журнал /
гл. ред. И. В. Крючков. – 2021. – № 2. – 196 с.

– Свободная цена –

Издается в авторской редакции

Технический редактор, компьютерная верстка И. В. Бушманова

Дизайн обложки С. Томицкая

Подписано к печати 22.06.2021

Дата выхода в свет 29.06.2021

Формат 60x84 1/8	Усл. п. л. 22,79	Уч.-изд. л. 22,34
Бумага офсетная	Заказ 192	Тираж 500 экз.

Отпечатано в Издательско-полиграфическом комплексе
ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет»
355009, г. Ставрополь, пр-т Кулакова, 2